

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Август 2025 Том 24 № 3

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 24 No. 3 AUGUST 2025

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at **<http://journals.rudn.ru/russian-history>**

E-mail: **rushistj@rudn.ru**

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по трем научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, индексируются в Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 10.07.2025. Выход в свет 20.07.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,2. Тираж 500 экз. Заказ № 1259. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia* (moseykina-mn@rudn.ru)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia* (arslanov-ra@rudn.ru)

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia* (kornoukhova-gg@rudn.ru)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors Elena A. Paymakova, Jonathan Sicotte

Layout Designer Tatiana N. Selivanova

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадила Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Карамии Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Пушкарева Н.Л., *Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Черных А.В., *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Е.А. Паймакова, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: Т.Н. Селиванова

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

POWER AND ETHNIC GROUPS OF RUSSIA IN THE 17TH – 20TH CENTURIES

Kamenetskii I.P. “He was on the Don and Served in Siberia”: Ataman Dementy Zlobin and his Descendants in State Service in the 17 th Century	292
Lysenko Y.A., Gundova O.E. Material Incentives as Practice during Interaction between the Russian Empire and Kazakh Elite of the Junior and Middle Hordes in the 18 th – First Half of the 19 th Century	305
Shaidurov V.N., Kayryak A.A. Landownership in the German Colonies of St. Petersburg Governorate from 1765 to 1914	317
Erokhina O.V. Military Reform and German Colonists: Expectations and Reality	330
Zagidullin I.K. Tatar Central Asian Narrative of 1905: Petitions Addressed to Central Imperial Structures	343
Gallyamova A.G., Khanipova I.I. The Tatar Volost of Kasimov Uyezd of Ryazan Province in the 1920s through the Context of Soviet Nation-Building	364

ECONOMIC AND INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Eshchenko Yu.G. Oil Industry as a Factor in the Expansion of the Transport Infrastructure of the Volga-Caspian Region in the Last Third of the 19 th – Early 20 th Century	376
Kolpakov P.A. Development of Road Infrastructure in Transcaucasia in the Second Half of the 19 th – Early 20 th Century	389
Vasilyev D.V., Mazaev N.A. Murghab Sovereign’s Estate in the Context of Macroeconomic Indicators	402
Zapariy V.V., Zaitseva E.V. Modernization of the USSR Pipe Industry in the 1950s: Based on Archival Materials of Policy-Making Bodies	415

NATIONAL WELFARE AND AUXOLOGY

Mironov B.N. Epochal Enhancing of the Biological Status of Russia’s Population in the 19 th –20 th Centuries with Modern Auxology.....	427
Lachaeva M.Yu. Loan-and-Savings Instruments for Increasing National Welfare in the Russian Empire in the 1870–1880s	448

HISTORY OF SOUTHERN FRONTIER

Qodirov N.N. The Formation of the Secondary Vocational Education System in the Turkestan Region during the Second Half of the 19 th – Early 20 th Century	464
Litvinov V.P., Arslanov R.A. The Turkestan Uprising of 1916 and its Manifestations in the Emirate of Bukhara	478

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ЭТНОСЫ РОССИИ В XVII–XX ВВ.

Каменецкий И.П. «На Дону гулял и в Сибири служил»: атаман Дементий Злобин и его потомки на государственной службе в XVII в.	292
Лысенко Ю.А., Гундова О.Е. Материальное стимулирование как практика взаимодействия Российской империи с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в.	305
Шайдунов В.Н., Кайряк А.А. Землевладение в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в 1765–1914 гг.	317
Ерохина О.В. Военная реформа и немецкие колонисты: ожидания и реальность	330
Загидуллин И.К. Татарский центральноазиатский нарратив 1905 г.: петиции, адресованные в центральные имперские структуры	343
Галлямова А.Г., Ханипова И.И. Татарская волость Касимовского уезда Рязанской губернии в 1920-е гг. в контексте советского национально-государственного строительства	364

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ИНФРАСТРУКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Ещенко Ю.Г. Нефтяная промышленность как фактор расширения транспортной инфраструктуры Волго-Каспийского региона в середине XIX – начале XX в.	376
Колпаков П.А. Развитие дорожной инфраструктуры Закавказья во второй половине XIX – начале XX в.	389
Васильев Д.В., Мазаев Н.А. Мургабское государственное имение в контексте макроэкономических показателей	402
Запарий В.В., Зайцева Е.В. Модернизация трубной промышленности СССР в 1950-е гг.: по материалам директивных органов	415

НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ И АУКСОЛОГИЯ

Мионов Б.Н. Эпохальное повышение биологического статуса населения России в XIX–XX вв. в современной ауксологии	427
Лачаева М.Ю. Ссудо-сберегательный инструментальный фонд повышения народного благосостояния в Российской империи в 1870–1880-е гг.	448

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА

Кадыров Н. Н. Становление системы среднего профессионального образования в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в.	464
Литвинов В.П., Арсланов Р.А. Туркестанское восстание 1916 г. и его проявления в Бухарском эмирате	478

ВЛАСТЬ И ЭТНОСЫ РОССИИ В XVII–XX ВВ.

POWER AND ETHNIC GROUPS OF RUSSIA IN THE 17TH–20TH CENTURIES<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-292-304>

EDN: NGCYRM

*Научная статья / Research article***«На Дону гулял и в Сибири служил»:
атаман Дементий Злобин и его потомки
на государственной службе в XVII в.****Иван Павлович Каменецкий** Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск,
Россия kameneckiiivan@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются жизненный путь и служебная деятельность одного из видных сибирских атаманов, бывшего донского казака Дементия Злобина. На основе анализа документального материала установлено происхождение Д. Злобина, его участие в событиях Смутного времени, служба в Сибири, социальное и материальное положение, родственные связи. Показано, что благодаря приобретенному на Дону и в Центральной России в годы Смуты военному опыту и командным качествам Д. Злобин прошел путь от рядового казака до влиятельного сибирского атамана. Отмечено, что служба Д. Злобина проходила в сложных условиях фронта Южной Сибири, постоянной военной опасности и угроз, исходящих от кочевых правителей, и других трудностей, связанных с начальным освоением русскими южной части Енисейского края. Во время несения службы в Красноярском остроге атаман являлся руководителем многих походов на воинственных кочевников, активно отстаивал интересы служилого мира перед воеводской и центральной властью, занимался хозяйственной деятельностью. Рассмотрено семейное окружение атамана, выполнение служебных обязанностей его сыновьями и внуками. Сделан вывод о типичности и знаковости фигуры Д. Злобина и его потомков, которые во многом соответствовали поведенческим стереотипам своей социальной среды, характерной для русского старожильческого населения Сибири, внесшего немалый вклад в ее освоение.

Ключевые слова: землепроходец, вольное казачество, походы на «воинских людей», сбор ясака, колонизация Сибири

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Каменецкий И.П. «На Дону гулял и в Сибири служил»: атаман Дементий Злобин и его потомки на государственной службе в XVII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 292–304. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-292-304>

“He was on the Don and served in Siberia”: Ataman Dementy Zlobin and his Descendants in State Service in the 17th Century

Ivan P. Kamenetskii

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk,
Russia

kameneckiiivan@mail.ru

Abstract: In their study, the author examines the life and service activities of one of the most prominent Siberian atamans, former Don Cossack Dementy Zlobin. Based on the analysis of the documentary material, the author established Zlobin's origin, social and financial position, kinship, as well as his participation in the events of the Time of Troubles and service in Siberia. It is shown through an analysis of said material, that thanks to his military experience and leadership qualities acquired on the Don and in Central Russia during the Time of Troubles, D. Zlobin rose from an ordinary Cossack to an influential Siberian ataman. It is noted that D. Zlobin served in the difficult conditions of the South Siberia frontier, with under constant danger and threats from nomadic rulers, and other difficulties associated with the initial development of the southern part of the Yenisei region by the Russian Empire. During his service in the Krasnoyarsk prison, the ataman led many military campaigns against warlike nomads, actively defended the interests of the service class people before the military governors and central authorities and was engaged in economic activities. The author also considers the ataman's family environment and the performance of official duties by his sons and grandsons. The author makes the conclusion about the typicality and significance of the figure of D. Zlobin and his descendants, who in many respects corresponded to the behavioral stereotypes of their social environment, a characteristic of the Russian old-timer population of Siberia, and who have made significant contribution to its development.

Keywords: explorer, free Cossacks, campaigns against “warrior people”, collection of yasak, colonization of Siberia

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kamenetskii, I.P. “ ‘He was on the Don and Served in Siberia’: Ataman Dementy Zlobin and His Descendants in State Service in the 17th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 292–304 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-292-304>

Введение

Актуальность. Начиная с 1990-х гг. в исторической науке заметно повысился интерес к биографиям и судьбам сибирских землепроходцев и военачальников, внесших заметный вклад в присоединение и освоение Северной Азии. Одним из таких представителей являлся бывший донской казак, затем красноярский атаман Дементий Злобин, ставший родоначальником большой династии служилых «начальных людей» Злобиных, оставивших заметный след в истории Сибири.

Степень изученности проблемы. В работах Г.А. Леонтьевой, Н.И. Никитина, Е.В. Вершинина, А.С. Зуева, А.А. Бродникова, П.Н. Бараховича, Я.Г. Солодкина и других исследователей представлены исторические портреты выдающихся первооткрывателей, администраторов и защитников «Сибирской украины», казачьих атаманов (Е. Хабарова, В. Атласова, С. Дежнева, А. Бейтона, П. Бекетова, И. Перфильева, М. Кольцова)¹. Но имена других, менее известных, и во многом забытых пионеров землепроходческого движения остаются еще вне поля зрения исследователей.

¹ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991; Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997; Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999; Зуев А.С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 2000.

Цель исследования. Сведение воедино и изучение разрозненных данных о «службах» Д. Злобина и его потомков позволяет раскрыть их происхождение, родственные связи, отношения с воеводской властью, условия несения службы и определить их личный вклад в освоение региона, что позволит воссоздать социальный облик служилого человека в одной из самых «горячих точек» – военном форпосте Южной Сибири – Красноярском остроге.

Источниковая база. Статья написана на основе архивных и опубликованных документов. Важным источником в освещении жизненного пути и воинской службы атамана Д. Злобина является «скаска» (сведения о военной службе) атамана Д. Злобина, поданная им в съезжей избе красноярскому воеводе А.В. Веригину в октябре 1659 г. вместе с сыном боярским Севастьяном Самсоновым². В работе использованы также материалы из фонда 214 (Сибирский приказ) Российского государственного архива древних актов. Сопоставление и соотношение сведений, приведенных Д. Злобиным, с реальными историческими событиями, в которых он участвовал, с использованием других документальных источников позволяет установить достоверность приведенных им данных. Применение сравнительно-исторического и историко-биографического методов способствуют выяснению основных вех его биографии, воссозданию исторического портрета русского служилого человека и его семейного окружения в начальный период освоения Сибири.

Начало воинского пути

По словам Дементия, его отец – Андрон Злобин – сын боярский из Стародуба Северского – был «убит под Кромами»³. По-видимому, это произошло в результате второго сражения отряда Ивана Болотникова в августе 1606 г. с войском царя Василия Шуйского, в ходе которого армия Шуйского потерпела полное поражение и вынуждена была отступить к Орлу⁴.

После гибели отца Дементий, будучи еще «молод», оставался некоторое время в своей вотчине с дядей Никифором Злобиным, а затем отправился «казаковать» на Дон. На Дону Дементий «гулял» шесть лет, где, очевидно, вместе с вольными казаками известного атамана Епифана Радилова совершал нападения на турецкие, персидские и крымские владения, о чем он, впрочем, предпочел умалчивать в своей «скаска»⁵.

На завершающем этапе Смуты со станицей Епифана Радилова Дементий «вышел к Москве» и в составе правительственных войск принял участие во многих сра-

С. 173–182; *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // *Отечественная история*. 2003. № 5. С. 35–49. EDN: OPKLLX; *Бродников А.А.* Иван Максимович Перфильев: из истории сибирской служилой династии XVII в. // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX в. Тобольск, 2005. С. 151–168; *Барахович П.Н.* Службы красноярского атамана Милослава Кольцова // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*. 2015. Т. 14. № 1. С. 47–57. EDN: TMYZLN; *Солодкин Я.Г.* Два березовских казака (из ранней истории гарнизона первого русского города нижнего Приобья) // *Материалы и исследования по истории России. Том 2. Нижневартовск*, 2017. С. 21–23. EDN: ZNJQKL; *Солодкин Я.Г.* Михаил Кашмылов (к ранней истории казачества «Березова города») // *Материалы и исследования по истории России. Том 2. Нижневартовск*, 2017. С. 24–26. EDN: ZNJQLF; *Солодкин Я.Г.* Истома (Савва) Аргунов – один из первых атаманов «Березова города» // *Казачество. Альманах*. № 2. 2017. С. 62–69. EDN: ZHENFF; *Каменецкий И.П.* Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: биобиблиографический словарь. М.; СПб., 2020. EDN: ZKMUQX

² Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). СПб., 1851. Т. 4. С. 178–183.

³ Там же. С. 181.

⁴ *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 86–90.

⁵ ДАИ. Т. 4. С. 181.

жениях с поляками и литовцами и расплодившимися в этот период разными «воровскими людьми».

На переход его и других казаков на сторону легитимных русских царей, очевидно, оказали немалое влияние призывы патриотически настроенных авторитетных казачьих атаманов. Так, получив известие об избрании Михаила Романова на престол и государево жалование, атаман Е. Радилов со свойственной казакам прямоотой, заявил своим подчиненным:

Пора придти в познание: сами знаем, сколько крови пролилось в Московском государстве от нашего воровства и смутных слов ... мы уже по горло ходим в крови христианской; теперь Бог дал нам государя милостивого, и вам бы, собакам, перестать от воровства, а не перестанете, то Бог всех вас побьет, где бы вы ни были⁶.

Из Москвы донской казак Д. Злобин был послан на «государеву службу» в Коломну к князьям и воеводам Василию Михайловичу Мосальскому и Семену Федоровичу Глебову, в войске которых в осаде «от литовских людей и от русских воров сидел»⁷. Как известно, в ноябре 1608 г. Коломна была захвачена войском Лжедмитрия II и впоследствии неоднократно переходила из рук в руки.

С весны 1611 г. Дементий находился в станице донского атамана Петра Астраханца, где, будучи уже есаулом, сражался в составе Первого ополчения под руководством князя Дмитрия Трубецкого и был участником освобождения Москвы от поляков и литовцев⁸.

Последующая его служба проходила под началом боярина Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и князя Ивана Троекурова. Летом 1613 г. их войско сумело отбить у поляков Вязьму, Дорогобуж и Белую, но из-за отсутствия продовольствия и боеприпасов не смогло взять Смоленск. В сражении под Смоленском Дементий сумел отличиться, по его словам, «на бою» взял в плен поляка Богдана Шелковского и какого-то «немчина», но сам при этом был ранен. С тем же князем Иваном Федоровичем Троекуровым оборонял порубежный «Иважский острог», где «на бою бился, мужика убил» и получил там новое ранение⁹.

Летом 1615 г. под началом князя Дмитрия Михайловича Пожарского Дементий сражался с легкой кавалерией польского полковника Александра Лисовского, известного своими летучими разбойными нападениями на русские города и села. В июне принял участие с «лисовчиками» в сражении недалеко от Карачева, где также отличился – «на бою мужика убил»¹⁰.

В июле 1618 г. в составе небольшого гарнизона новгород-северского воеводы Федора Васильевича Волынского оборонял Можайск от приступов войск королевича Владислава, после чего был послан с атаманом Богданом Износковым «под литовский город Любич», где также «на бою мужика убил»¹¹.

В октябре 1617 г. Дементий вновь сражался против поляков и литвы в войске Д.М. Пожарского, посланного на помощь осажденной Калуге войском Владислава. Затем служил в Боровске и с отрядом Ивана Филатова какое-то время находился в Баранове (Барановичи?)¹².

⁶ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн. 5. С. 21.

⁷ ДАИ. Т. 4. С. 181.

⁸ Там же. С. 181.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 182; Соловьев С.М. Сочинения... С. 32.

¹¹ ДАИ. Т. 4. С. 181; Соловьев С.М. Сочинения... С. 101.

¹² ДАИ. Т. 4. С. 182.

Ему также довелось участвовать в освобождении от многочисленных шаек «воровских людей», занимавшихся разбоем в городах Русского Севера. В 1618 г., находясь в отряде под началом князя Григория Васильевича Тюфякина, Дементий с казаками, по его словам, «на железном борку» под Устюжной «литву на голову побили»¹³.

По окончании войны с польским королем Д. Злобин вновь отправился на Дон и «гулял там полпять года». В 1620 г. он снова со станицей казачьего атамана Наума Шелудяка, по не указанной им причине, «отъехал к Москве», за что, по его словам, был сослан в Сибирь – в Тобольск¹⁴. Подлинной причиной его ссылки, очевидно, стало стремление правительства поставить под контроль отряды вольного казачества, сыгравших большую роль в событиях Смуты, и освободить Москву от наиболее беспокойных активных элементов.

Служба в Сибири

В правление тобольского воеводы-реформатора Юрия Яншеевича Сулешова (1623–1625) Д. Злобин нес службу конным казаком в «литовском» списке у бывшего польского военнопленного ротмистра Станислава Бартоша с окладом 8 руб.¹⁵ В «Таможенной книге Томского города» за 1624–1627 гг. сохранилось указание, что во время служебной «посылки» его в Томск летом 1627 г. он приобрел у калмыков коня «гнед, грива налево, правое ухо порото» и уплатил пошлину 3 алтына 2 денги¹⁶.

Относительно мирная служба в главном разрядном городе Сибири, не подвергавшегося вражеским нашествиям, очевидно, не прельщала бывшего донского казака, привыкшего к дальним, опасным военным походам и немалым испытаниям, с ними связанным. Когда начался набор на службу на Енисей, в гарнизон возведенного острога в Качинской земле, Дементий оказался в отряде дворянина Архипа Федоровича Акинфова, назначенного туда воеводой, и прибыл с ним на место назначения уже в чине атамана конных казаков. С.В. Бахрушин ошибочно считает, что он прибыл вместе с дворянином Андреем Дубенским и участвовал в возведении острога на Красном Яру летом 1628 г.¹⁷ В 1635 г., находясь на службе при воеводе Никите Ивановиче Карамышеве, Д. Злобин значился первым атаманом конных казаков красноярского гарнизона с окладом 13 руб., 10 четей ржи и овса «тож»¹⁸.

Новая служба бывшего донского казака на Енисее в Красном Яру, возникшем на крайнем восточном рубеже русской колонизации Сибири, была сопряжена с постоянной военной опасностью и угрозами, исходящими от енисейских киргизов, тубинцев, бурят и зависимых от них качинцев, аринцев и других малых коренных народов, постоянно колебавшихся в сторону более сильных правителей. К этому добавлялись и большие трудности, обусловленные начальным этапом освоения края русскими поселенцами.

В первое десятилетие существования нового острога небольшому гарнизону пришлось выдержать восемь набегов и три осады киргизскими, тубинскими и другими «воинскими людьми». Отражение нападений хорошо организованных и осна-

¹³ ДАИ. Т. 4. С. 182; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 156, 174.

¹⁴ Там же. С. 181.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Кн. 14. Л. 83.

¹⁶ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 1999. Вып. 2. Туринск, Кузнецк и Томск. С. 113.

¹⁷ ДАИ. Т. 4. С. 182; *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1957. Т. 4. С. 41, 71.

¹⁸ *Барахович П.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 89. EDN: ZKMUQX

ценных кочевников осложнялось во многом неопределенностью статуса Красноярского острога (целесообразность существования которого енисейские воеводы поставили под сомнение), выводом большей части казаков в Енисейск, нехваткой продовольствия, вооружения и боеприпасов у оставшихся в остроге ратников.

Суровые условия и тяжелое материальное положение служилых людей в первые годы проживания в новом остроге даже толкнули их на отчаянные шаги. Из-за возникшего голода казаки совершили убийство атамана Ивана Кольцова, не сумевшего обеспечить казаков провиантом, ограбили русских торговых и промышленных людей и пытались ворваться в Енисейский острог с угрозой убить воеводу Василия Алексеевича Аргамачева, которого они считали виновником всех своих бедствий.

Атаману Злобину вместе с воеводой А.Ф. Акинфовым пришлось приложить немало усилий по успокоению разъяренных казаков и решению их насущных, жизненно важных вопросов. 7 октября 1630 г. атаман с казаками подал челобитную воеводе с просьбой отпустить их за «хлебными запасами» в Енисейск, чтобы в Красноярске «голодную смертью не умереть»¹⁹. Получив согласие, он не без труда сумел добиться выдачи хлеба в Енисейске, также испытывавшего большие трудности в продовольственном снабжении, и доставить его в новый острог. Заметим по этому поводу, что в 1636 г. красноярские казаки, чтобы получить положенное им хлебное жалование, «отбили» ослопами от амбаров в Енисейске томских казаков, следовавших на р. Лену, которые также остро нуждались в хлебном довольствии²⁰.

Источники сохранили немало сведений об интенсивной военной и управленческой деятельности атамана, наполненной разными событиями в сибирский период его жизни: об участии в походах на многочисленных «воинских людей», отражении их набегов, отстаивании интересов и насущных потребностей служилых людей. В решении многих жизненно важных вопросов наглядно проявился его военный опыт и навыки, приобретенные в годы московской Смуты, организаторские способности и умение достигать поставленной цели.

В первые годы существования острога действия казаков сотни Злобина направлялись на его «оберегательство» и небольшой подведомственной территории от нападков кочевников, а также разведку районов ясачного сбора. Наряду с успешной обороной острога ратные люди переходили к более решительным ответным действиям, направленным против агрессивных «неприятельских людей» и на усмирение ясачных «непослушников». 10 февраля 1630 г., в ответ на убийство посланных за ясаком в горную Саянскую землю трех служилых людей, отряд Д. Злобина захватил хитростью многих людей тубинского князца Кояна, в том числе и его сына, и доставил их в Красноярск, которые после попытки совершить побег были повешены²¹.

В августе 1630 г. атаман был направлен с отрядом на тубинского князца Иженея, совершившего набег под Красный яр, и отогнавшего 30 лошадей у служилых людей. Казачий отряд Д. Злобина спешно поднялся на судах вверх по Енисею за уходящим неприятелем и дал ему бой. Через пять дней служилые люди подошли к Саянской «землице», где в двухдневном сражении учинили «шкоту болшую» объединенным силам киргизов, моторцев и саянцев и сорвали предполагавшийся ими поход на Томск²². Отряд также погромил улус князца Иженея и взял в плен его жену с двумя сыновьями и двумя дочерьми. Позже томские воеводы, чтобы не обострять отношений

¹⁹ Бахрушин С. В. Научные труды... С. 23–24.

²⁰ Барахович П.Н. Служилое население... С. 255–256.

²¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. С. 67. EDN: SKDJEF

²² Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 44.

с киргизами, велели отпустить пленников, чем вызвали немалое недовольство красноярских служилых людей²³.

В последующие годы сотня Д. Злобина ежегодно совершала походы в неподвластные русскому царю «новые землицы» с целью приведения их «под высокую государеву руку». В 1631 г. он был послан с отрядом «в киргизы» и в отдаленную Котовскую землицу, расположенную к востоку от Красноярска на р. Кан. Местное коренное население платило ясак бурятам, где, по его словам, «многих татар побили, а иных в острог привели». В следующем году его сотня ходила в верховья Енисея в Маторскую и Тубинскую земли на «государевых изменников войною», которых также «побили, а иных в острог привели»²⁴.

2 июня 1633 г. Д. Злобин с войском ходил в удаленную и наиболее многолюдную «Брацкую землю», расположенную в бассейне р. Уды, и большей частью находившейся под властью Енисейска. На р. Бирюсе Д. Злобин объясачил улус князца Учека, затем последовал до р. Оши, где попытался обратить в царское подданство братского князца Коралдая. Князец «учинился непослушен», вступил в бой с русскими служилыми и был «побит на голову»²⁵.

Активные действия красноярцев по приведению местных народов в русское подданство вызвали сильное противодействие киргизских и тубинских владетелей, поддержанных северными монголами. 11 августа 1634 г. киргизы, «собрався со многими землицами мунгалы и тубинцы и моторы и кашинцы» общей численностью до тысячи человек неожиданно явились под Красноярский острог. Они «побили» 12 казаков, 4 «опальных литовцев» и русских, 30 пашенных крестьян и 49 ясачных людей, занятых на пашнях, сенокосах и рыбных ловлях. Киргизы сожгли сжатый хлеб и сено, вытоптали посевы, захватили немало скота. Четыре дня киргизское войско осаждало острог, в котором было всего 120 казаков. Несмотря на внезапность и большое численное превосходство «неприятельских людей», защитники Красноярска не только «острог и слободы уберегли», но и нанесли им поражение. Посланный за отступившими кочевниками отряд Д. Злобина гнался за ними до р. Июса, где сумел отбить 50 лошадей²⁶.

16 и 25 октября 1634 г. киргизы и «мунгальские люди» вновь повторили свой грабительский набег и сумели отогнать у жителей конные табуны и рогатый скот «без остатку». Одновременно нападением киргизов подверглись окрестности Кузнецка и Томска, что свидетельствует о том, что действия кочевников были спланированы и скоординированы. В сентябре 1635 г. киргизы вновь совершили набег на острог и отогнали 143 лошади, принадлежавшие пашенным крестьянам и служилым людям. В результате сотня Д. Злобина лишилась полностью своего конского состава и вынуждена была приобретать лошадей у местных народов «дорогой ценой»²⁷.

Нападения киргизов и мунгалов продолжались и в последующее десятилетие. Весной 1640 г. киргизы сожгли возведенный красноярцами Канский острожек, где убили десять годовальщиков, и вновь приступили к Красноярскому острогу. В деревне Ясауловой, расположенной под Красноярском, они убили четырех служилых лю-

²³ ДАИ. Т. 4. С. 179; *Миллер Г.Ф.* История Сибири... С. 71; *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 201.

²⁴ Там же. С. 179.

²⁵ *Бахрушин С.В.* Научные труды... С. 42; *Барахович П.Н.* Служилое население... С. 168–169.

²⁶ *Александров В.А.* Русское население... С. 46; *Барахович П.Н.* Служилое население... С. 169–170.

²⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири... С. 72; *Александров В.А.* Русское население... С. 46; *Барахович П.Н.* Служилое население... С. 171.

дей и пятерых пашенных крестьян, отогнали от острога коней и коров. Посланный в погоню отряд служилых (40 чел.) настиг и отбил отгонный скот, но кочевники сумели вновь безнаказанно скрыться²⁸.

После восстановления Канского острога Д. Злобин с атаманом Милославом Кольцовым возглавили поход на подвластных киргизам котовских людей, кочевавшим по реке Бирюсе. 13 декабря 1640 г. казаки настигли котовцев «на Камне речке» и нанесли им поражение²⁹.

Атаман пользовался большим авторитетом в гарнизоне и принимал участие во многих коллективных челобитных, инициированных «войском» и не без успеха отстаивавшим интересы своих воинов. В 1634 г. вместе с казаками своей сотни он подал челобитную в Сибирский приказ с просьбой о невзимании таможенных пошлин со служилых людей при покупке ими лошадей взамен угнанных у них киргизами. В 1636 г. атаман бил челом от всего красноярского гарнизона о «прибавке» служилых людей для обороны города и уезда и получил вскоре заметное пополнение. В 1640 г. служилые люди во главе с ним жаловались на отсутствие у них доспехов и удобного для конного боя огнестрельного оружия (карабинов)³⁰. В 1643 г. атаман подал с войском «изветную» челобитную на прежних красноярских воевод Федора Михайловича Мякинина и Алферия Петровича Баскакова, обвиняя их в неправомерном «поверстании» в службу ссыльных людей. В результате по распоряжению Сибирского приказа указанные ими люди были выведены из состава войска и определены в пашенные крестьяне³¹.

В начале 1640-х гг. Злобин был отставлен от атаманства воеводой А.П. Баскаковым за какую-то провинность. По словам воеводы, «казнил без твоего государева ведома в съезжей избе на твоем государеве ящике атаман Дементий Злобин с товарищи и лежал на смертном одое беспамятен»³². В защиту своего атамана выступило все красноярское войско, подавшее коллективную челобитную на имя царя. К челобитной был приложен послужной список атамана с перечислением удачных походов, проведенных под его руководством. В челобитной утверждалось, что Дементий был лишен атаманства Баскаковым «по недружбе <...> не за вину и не за дело» и что «отставленному, государь, атаману твои государевы службы в обычай и со службу ево со всякую будет». При этом ратные люди заявили, что они отказываются служить с новым атаманом, назначенным воеводой вместо Дементия. В Сибирском приказе пошли навстречу войску и в 1647 г. ему было возвращено атаманство³³.

Последнее упоминание о выполнении атаманом своих служебных обязанностей относится к 1653 г., когда 18 июля он с группой казаков отвозил воеводскую отписку в Енисейск, оттуда должен был привезти 775 руб. «недостального» жалования красноярским служилым людям³⁴.

Д. Злобин получал значительное денежное и хлебное жалование, которое повышалось в зависимости от его служебных заслуг. За успешное выполнение своих обязанностей в 1634 г. ему было прибавлено к окладу 5 руб. и 2 чети ржи, круп и толокна. В 1637 г. его оклад составлял 18 руб., 11 четей ржи, 5 четей круп и толокна,

²⁸ Александров В. А. Русское население... С. 50; Барахович П.Н. Служилое население... С. 174.

²⁹ Александров В.А. Русское население... С. 50.

³⁰ Там же. С. 46–47.

³¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 90.

³² Там же. С. 95.

³³ Там же.

³⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири... С. 624–625.

в 1638 – 18 руб., 18 четей ржи, 5 четей круп и толокна³⁵. Как и другие начальные люди, атаман успешно занимался земледелием. В 1637 г. он держал заимку с 40 десятинами земли, находившейся рядом с пашней атамана Родиона Кольцова на р. Березовке, получившей название «Атаманская». В его хозяйстве использовался труд «новокрещенных» людей «калмыцкой породы»³⁶.

Д. Злобин имел семью – сына Михаила и дочь, которую в 1653 г. выдал замуж за сына боярского Михаила Ярлыкова; при этом пытался дать в приданное крещеного «иноземца» Василия Емельянова, поверстанного в казачью службу, но получил на то запрет со стороны Сибирского приказа³⁷. В 1657 г. Дементий был отставлен «по старости», на место атамана по его просьбе был поверстан сын Михаил³⁸.

Потомки атамана

Михаил Дементьев Злобин во многом продолжил службу своего отца. В 1662, 1665 и 1689 гг. его оклад составлял 18 руб., 5 четей ржи, 5 четей овса, 2 пуда соли³⁹. В 1671 г. он проживал в деревне на р. Березовке вблизи Введенского монастыря с сыном Иваном и двумя купленными «мунгальскими новокрещенными»⁴⁰. Как его отцу и другим родственникам, Михаилу пришлось вести напряженную борьбу с енисейскими киргизами, тубинцами и стоявшими за ними джунгарами.

Летом 1666 г. вместе с сыном боярским Степаном Коловским и атаманом Родионом Кольцовым он был послан в погоню за «войнолюбивым», по выражению С.В. Бахрушина, киргизским князем Ереняком, который «погромил» Удинский острог и объясаченных уже русскими «корчунских» бурят. Их войско не сумело настичь кочевников и «погромить» их, но отряд сына боярского С. Коловского, посланный вслед, захватил 8 киргизских языков и 106 тубинских пленников вместе с рогатым скотом, однако Ереняку все же удалось уйти от преследователей⁴¹.

В следующем году сотне Михаила Злобина вместе гарнизоном пришлось выдерживать самую длительную и тяжелую осаду Красноярска от большого джунгаро-киргизского войска. В течение семи недель калмыки осаждали острог и окрестные укрепленные поселения. В ходе осады погибло 138 служилых людей (почти половина гарнизона), 25 пашенных крестьян, 20 подгородных ясачных татар, 23 казачьих детей и гулящих людей. Поселенцы понесли большой материальный ущерб: у них был отогнан весь рогатый скот, вытоптаны посевы, потеряны многие плательщики ясака⁴². 29 июня 1670 г., чтобы восстановить контроль над утраченной ясачной территорией, воевода Алексей Михайлович Сумароков направил М. Злобина с 50 служилыми людьми в Канскую землицу. Возвратившись с небольшим ясаком, атаман сообщил полученные им сведения о возникшей междоусобице в «Мунгальской земле» и убийстве их правителя тайши Сенге, враждебно настроенного к русским⁴³.

В 1679 г. большой киргизский отряд вновь вторгся в пределы Красноярского уезда и осадил острог. Во время осады М. Злобин со своим человеком Иваном Романовым, по словам воеводы Данилы Григорьевича Загряжского, «был на вылазках»,

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 70. Л. 119, 201.

³⁶ Бахрушин С.В. Научные труды... С. 143–144.

³⁷ Там же. С. 145.

³⁸ ДАИ. Т. 4. С. 183.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 313; Кн. 479. Л. 752; Кн. 902. Л. 217.

⁴⁰ Бахрушин С.В. Научные труды... С. 218.

⁴¹ Там же. С. 209.

⁴² Барахович П.Н. Служилое население... С. 187–188.

⁴³ Там же. С. 189–190.

«бился явственно, мужика убил»⁴⁴. В следующем году сотня Злобина приняла участие в составе объединенных сил служилых людей под руководством томских детей боярских Романа Старкова и Ивана Гречанинова в походе «в киргизы», где в сражениях с киргизами отличился его холоп – некрещенный татарин⁴⁵.

В 1686 г. М. Злобин, будучи приказчиком Удинского острога, посылал служилых людей за ясаком в Саянскую и Еундинскую землицу. По-видимому, его служба «на приказе» не была во всем успешной и «прибыльной», и в 1690/91 г. был учинен сыск о недоборе им ясака. По данным Н.Н. Оглоблина, Дементий собирал его «позно – не против прошлых лет», в связи с этим велено было «доправить» на нем⁴⁶.

В источниках сохранились отдельные сведения об его хозяйственных занятиях. М. Злобин, очевидно, унаследовал землю своего отца в деревне на р. Березовке вблизи Введенского монастыря, где успешно занимался земледелием. В 1693 г. с его заимки киргизы угнали 137 лошадей, принадлежавших, по-видимому, не только ему, но и служилым людям его сотни⁴⁷.

Михаил также занимался торговлей, в том числе нелегальным обменом с коренным населением. Несмотря на строгие запреты в отношении продажи оружия «иноземцам», атаман оказался замешан в торговле огнестрельным оружием и другими заповедными товарами. Низложенный восставшими воевода Алексей Игнатьевич Башковский обвинил его и сына боярского Конона Самсонова в продаже двадцати «ружей винтовальных» в Канскую и Камасинскую землю. Известно также, что, находясь на приказе в Удинском остроге, он посылал сына Никиту торговать толоком и запретным табаком в ясачные волости⁴⁸.

Как и его отец, Михаил пользовался авторитетом в служилой среде. В 1685 г. он вместе с сыном боярским Григорием Ермолаевым и пятидесятником Петром Мурьевым призывали служилых и посадских людей совместно («друг за друга стоять») выступить против ненавистного воеводы Григория Ивановича Шишкова. Атаман также отстаивал ведомственную независимость Красноярска от разрядного Енисейска, обосновывая это необходимостью «немешкотно» решать военные вопросы в отношении «неприятельских людей» и добился своего⁴⁹. Вскоре указом Сибирского приказа Красноярск получил право самостоятельно осуществлять военные действия, не согласовывая их, как раньше, с Енисейском.

В ходе смуты 1695–1697 гг. восставшие красноярцы выбрали его в состав войскового самоуправления – выборных «судеек» и привлекли к составлению «градской» челобитной на свергнутого воеводу. В доме М. Злобина обсуждались планы действий восставших и тактика в отношении прибывшего нового воеводы Семена Ивановича Дурново. Но по мере нарастания смуты атаман отошел от радикально настроенных элементов и, очевидно, боясь за судьбу своего сына Ивана, даже выдал его С.И. Дурново.

Сын М. Злобина – Иван (р. 1661 г.) начинал службу в Красноярске десятником конных казаков, завершил службу сыном боярским⁵⁰. В источниках сохранились отдельные сведения о его службе. В 1682 г. И. Злобин «бился явственно» со своей

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 45.

⁴⁵ Бахрушин С.В. Научные труды... С. 68.

⁴⁶ Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. М., 2000. С. 73; Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895. Ч. 1. С. 209.

⁴⁷ Александров В.А. Русское население... С. 57.

⁴⁸ Бахрушин С.В. Научные труды... С. 132.

⁴⁹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 293.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 902. Л. 218.

десяткой в вылазках против киргизов, осаждавших город. В том же году он участвовал в походе под руководством письменного головы Ивана Суворова в Киргизскую степь, где в сражении с киргизами был ранен в правую руку из пищали⁵¹.

В 1689 г. И. Злобин упоминается уже как сын боярский. 1 августа с казаком Федором Ивановым он докладывал в иркутской приказной избе воеводе Леонтию Константиновичу Кислянскому важные «вести», предназначенные чрезвычайному послу в Китай, окольникову Федору Андреевичу Головину. Они сообщили воеводе о приходе в Красноярск посланцев от монгольского кутухты Кегеня с просьбой о принятии его в российское подданство и о событиях, произошедших в улусах калмыцкого правителя Галдана Бошокту-хана⁵².

26 января 1704 г. вместе с сыном боярским Михаилом Садовским Иван Злобин был послан «в киргизы» разведать о положении дел в Киргизской земле после угона значительной части енисейских киргизов в Джунгарию. 7 апреля разведчики вернулись в Красноярск и доложили, что взяли ясак с бывших киргизских кыштымов и определили примерную численность оставшихся в Киргизской земле улусных людей⁵³.

В литературе сохранились сведения об усадьбе и хозяйстве И. Злобина, жившего близ деревни Овсянкиной вверх по Енисею по Заречной дороге, на территории которой располагалась изба на подклете, амбар, баня. Ему также принадлежала мельница на р. Слижневой. Из скота имелось два коня, кобыла, четыре коровы, два теленка, две свиньи. В хозяйстве работали, кроме хозяина и сына, несколько новокрещеных холопов: взрослый «калмык» и две «девки» десяти и пятнадцати лет. В стороне от усадьбы на р. Березовке имелась «отъзжая» пашня, где сеяли рожь-ярицу, ячмень, овес и пшеницу⁵⁴. Хозяин был женат, имел сына Прохора.

Как отмечалось выше, И. Злобин являлся одним из активных участников красноярской смуты, выполнял различные поручения восставших. В 1695 г. был послан руководителями восстания с донесением к своему отцу Михаилу. В 1697 г. участвовал в совещании восставших в доме отца. По доносу отца Иван был арестован, но сумел бежать из тюрьмы, за участие в смуте, как и другие казаки, не понес никакого наказания⁵⁵.

Иван владел грамотой, занимался сбором лекарственных растений и, очевидно, врачеванием. При обыске в его имуществе были найдены лекарственные травы и привозные вещи (змеиная кожа, две медные фигурки калмыцких шайтанов и др.), а также «псалтырь учебная старая»⁵⁶. Небезынтересно, что среди служилых людей в Сибири этого периода было уже немало знатоков лекарственных растений — «травников», именуемых «помясами». Известный исследователь животного и растительного мира Сибири В.Н. Скалон особо отметил якутского казачьего пятидесятника, приказчика Охотского острога Семена Епишева, выявившего и описавшего в 1674 г. в Якутской земле и Охотском побережье 20 видов лекарственных трав и их лечебного действия⁵⁷.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 45.

⁵² Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1966. С. 359; Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. М., 2000. С. 222–223.

⁵³ Арзыматов А.И. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII в. Фрунзе, 1966. С. 73; Бахрушин С.В. Научные труды... С. 223.

⁵⁴ Город у Красного яра: Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. Красноярск, 1981. С. 45; Бахрушин С.В. Научные труды... С. 78, 140, 145.

⁵⁵ Бахрушин С.В. Научные труды... С. 186.

⁵⁶ Там же. С. 97.

⁵⁷ Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. Новосибирск, 2004. С. 114–117.

Заключение

Таким образом, атаман Дементий Злобин – один из ярких представителей вольного казачества, принявших активное участие в преодолении глубокого социально-политического кризиса, охватившего страну в годы Смуты. Находясь в составе народного ополчения и правительственных сил, он успешно сражался с войсками самозванцев, отрядами польско-литовских и других «воровских людей». Благодаря полученному военному опыту и командным качествам Злобин за короткий срок прошел путь от рядового донского казака до влиятельного сибирского атамана. Во время несения службы в Сибири атаман являлся руководителем многих походов служилых людей на воинственных кочевников, открывал «новые землицы», активно отстаивал интересы служилого мира, занимался хозяйственной деятельностью. Потомки атамана во многом продолжили его нелегкую ратную службу и внесли свой вклад в процесс вхождения новых земель в состав Русского государства и освоения южной части Средней Сибири.

Поступила в редакцию / Submitted: 7.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.01.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.05.2025

References

- Aleksandrov, V.A. *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII vv. (Eniseiskii krai)* [The Russian population of Siberia in the 17th – early 18th century (Yenisei Territory)]. Moscow: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Aleksandrov, V.A., and Pokrovskii N.N. *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Authorities and society. Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka (Sibirskoe otделение) Publ., 1991 (in Russian).
- Arzymatov, A.I. *Iz istorii politicheskikh otnoshenii eniseiskikh kirgizov s Rossiei v XVII – pervoi polovine XVIII v.* [From the History of Political Relations of the Yenisei Kirghiz with Russia in the XVII – first half of the XVIII century]. Frunze: Kyrgyzstan Publ., 1966 (in Russian).
- Barahovich, P.N. “Service class people of Central Siberia in the 17th century. Yenisei and Krasnoyarsk districts.” PhD diss., Irkutsk State University, 2016 (in Russian).
- Barahovich, P.N. “Services of Krasnoyarsk ataman Miloslav Koltsov.” *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 14, no. 1 (2015): 47–57 (in Russian).
- Bahrushin, S.V. *Nauchnye trudy. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv. Chast' vtoraya. Istoriia narodov Sibiri v XVI–XVII vv.* [Scientific works. Selected works on the history of Siberia in XVI–XVII centuries. Part Two. The History of Siberian Peoples in XVI–XVII centuries]. Moscow: AN SSSR Publ., 1955 (in Russian).
- Bahrushin, S.V. *Nauchnye trudy. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv. Ocherki po istorii Krasnoiarskogo uezda v XVII v. Sibir' i Srednyaya Aziya v XVI–XVII vv.* [Scientific works. Selected works on the history of Siberia in XVI–XVII centuries. Essays on the history of the Krasnoyarsk uyezd in the XVII century. Siberia and Central Asia in the XVI–XVII centuries]. Moscow: AN SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Bashkatova, Z.V., Sokolovskii, I.R., Kameneckii, I.P., and Esipova, E.A. *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII veka. Turinsk, Kuznetsk i Tomsk* [Customs books of Siberian cities of the 17th century. Turinsk, Kuznetsk and Tomsk]. Novosibirsk: RIPEL plyus Publ., 1999 (in Russian).
- Brodnikov, A.A. “Ivan Maksimovich Perfil'ev: iz istorii sibirskoi sluzhiloi dinastii XVII veka [Ivan Maksimovich Perfiliev: from the history of the Siberian service dynasty of the 17th century].” In *Semen Remezov i russkaia kul'tura vtoroi poloviny XVII–XIX v.*, 151–168. Tobolsk: [N.s.], 2005 (in Russian).
- Bykonya, G.F., and Shorokhov, L.P. *Gorod u Krasnogo Yara: Dokumenty i materialy po istorii Krasnoiarska XVII–XVIII vv.* [City at Krasny Yar: Documents and materials on the history of Krasnoyarsk in XVII–XVIII centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Publ., 1981 (in Russian).

- Korkunov, M., ed. *Dopolneniia k 'Aktam istoricheskim', sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei. 1654–1664* [Supplements to the 'Acts of History,' collected and published by the Archeographic Commission. 1654–1664]. St. Petersburg: Eduard Prats Publ., 1851 (in Russian).
- Leont'eva, G.A. *Zemleprokhodets Erofei Pavlovich Khabarov* [The pathfinder Yerofei Pavlovich Khabarov]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1991 (in Russian).
- Leont'eva, G.A. *Iakutskii kazak Vladimir Atlasov – pervopokhodets zemli Kamchatki* [Yakut Cossack Vladimir Atlasov – pioneer of the land of Kamchatka]. Moscow: Institut etnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaia RAN Publ., 1997 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN Publ., 2000 (in Russian).
- Nikitin, N.I. *Zemleprokhodets Semen Dezhnev i ego vremia. Nachalo kazachestva Sibiri* [The explorer Semyon Dezhnev and his time. The beginning of the Siberian Cossacks]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2018 (in Russian).
- Ogloblin, N.N. *Obozrenie stolbtsov Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.). Chast' pervaiia. Dokumenty voevodskogo upravleniia* [A review of the columns of the Siberian prikaz (office). (1592–1768). Part one. Documents of voivod administration]. Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ., 1895 (in Russian).
- Rumyantsev, G.N., and Okun', S.B. *Sbornik dokumentov po istorii Buriatii. XVII vek* [A collection of documents on the history of Buryatia. XVII century]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966 (in Russian).
- Skrynnikov, R.G. *Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov* [The Troubles in Russia at the beginning of the 17th century. Ivan Bolotnikov]. Leningrad: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Slesarchuk, G.I. *Russko-mongol'skie otnosheniia. 1685–1691. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian relations. 1685–1691. Collection of documents]. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN Publ., 2000 (in Russian).
- Solov'ev, S.M. *Sochineniia. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [Works. History of Russia since the most ancient times]. Moscow: Mysl' Publ., 1990 (in Russian).
- Stanislavskii, A.L. *Grazhdanskaia voina v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [The Civil War in Russia in the 17th Century: The Cossacks at the Turn of History]. Moscow: Mysl' Publ., 1990 (in Russian).
- Vershinin, E.V. "Discoverer Petr Ivanovich Beketov." *Otechestvennaia istoriia*, no. 5 (2003): 35–48 (in Russian).

Информация об авторе/ Information about the author

Иван Павлович Каменецкий, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории России конца XVI – начала XX в., Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; Россия, 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8; kameneckiiivan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9996-6435>; SPIN-код: 7611-4029.

Ivan Pavlovich Kamenetskii, PhD in History, Senior Researcher of the Department of Russian History of the late 16th – the early 20th centuries, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 8, Akademika Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia; kameneckiiivan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9996-6435>; SPIN-code: 7611-4029.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-305-316>

EDN: OBBANR

Научная статья / Research article

Материальное стимулирование как практика взаимодействия Российской империи с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в.

Юлия Александровна Лысенко , Ольга Евгеньевна Гундова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

 olga.gundova13@gmail.com

Аннотация: Исследуются формы материального стимулирования, которые использовали власти Российской империи во взаимоотношениях с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в., раскрывается эффективность данной практики. Источниковой основой исследования послужили опубликованные материалы, а также архивные документы делопроизводственного характера Российского государственного исторического архива и Центрального государственного архива Республики Казахстан. Показано, что материальное стимулирование казахов со стороны имперской администрации осуществлялось в различных формах: вручение ценных вещей и денег в виде подарков и наград, назначение жалований и пенсий за службу, возведение жилых построек, поездки к российскому императорскому двору. Авторы пришли к выводу, что данные практики нашли поддержку у казахской элиты и стали нормой ее отношений с российскими властями. Таким образом осуществлялось интегрирование казахской элиты в российское социально-правовое поле и параллельно формировалась лояльная имперской власти этносоциальная прослойка.

Ключевые слова: российско-казахские отношения, киргизы, Степной край, колонизация Казахстана, одаривание казахской элиты

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Лысенко Ю.А. – концепция и обработка материалов; Гундова О.Е. – сбор и обработка материалов, написание текста. Все авторы ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Лысенко Ю.А., Гундова О.Е. Материальное стимулирование как практика взаимодействия Российской империи с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 305–316. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-305-316>

Material Incentives as Practice during Interaction between the Russian Empire and Kazakh Elite of the Junior and Middle Hordes in the 18th – First Half of the 19th Century

Yuliya A. Lysenko^{ID}, Olga E. Gundova^{ID}✉

Altai State University, Barnaul, Russia

✉ olga.gundova13@gmail.com

Abstract: Through their study, the authors analyze the forms of material incentives used by the authorities of the Russian Empire in relations with the Kazakh elite of the Junior and Middle Hordes in the 18th – first half of the 19th century. The purpose is to reconstruct the various forms of material incentives used by the authorities of the Russian Empire in their relations with the Kazakh elite of the Junior and Middle Hordes in the 18th – first half of the 19th century and to identify the effectiveness of these practices. The source base of the study is published materials, as well as archival documents of the Russian State Historical Archive and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. It is shown that the material incentives for Kazakhs by the imperial administration were carried out in various forms: presentation of valuables and money in the form of gifts and awards, assignment of salaries, pensions for service, construction of residential buildings, and trips to the Russian imperial court. The authors conclude that these practices found support among the Kazakh elite and became the norm of its relations with Russia. In this way, the Kazakh elite was integrated into the Russian socio-legal field, and at the same time, an ethno-social stratum loyal to the imperial authorities was gradually formed.

Keywords: Russian-Kazakh relations, Kyrgyz, Steppe region, colonization of Kazakhstan, gifting of the Kazakh elite

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: Yu.A. Lysenko – concept and materials processing; O.E. Gundova – collection of material, materials processing, writing text. All authors reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Lysenko, Y.A., Gundova, O.E. “Material Incentives as Practice during Interaction between the Russian Empire and Kazakh Elite of the Junior and Middle Hordes in the 18th – First Half of the 19th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 305–316 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-305-316>

Введение

Актуальность. Вопрос о механизмах функционирования имперских структур в их конкретно-историческом преломлении сохраняет свою актуальность и после ухода с исторической арены «классических» имперских образований. Колониальный дискурс остается в центре внимания не только ученых, но нередко влияет на содержание и структуру современных международных отношений. Российская империя представляла собой обширное, сложно структурированное государственное образование, включавшее в себя регионы, население которых имело этнические и конфессиональные особенности, формы управления, социальной организации и образа жизни. Одним из аспектов выстраивания взаимоотношений имперского центра и колонизируемых окраин являлось возвращение лояльных центру местных этнических элит. Для получения поддержки со стороны местной знати российские власти использовали целый комплекс практик, одной из которых было материальное стимулирование.

Степень изученности. В дореволюционной историографии накоплен богатый фактический материал по вопросам использования имперскими властями различных форм «прикармливания» казахской аристократии. Авторы работ, посвященных истории казахского народа, российско-казахских отношений и политики империи в Младшем и Среднем жузах, констатировали факты широкого применения различных

форм материального стимулирования степняков. Эти сюжеты освещались в связи с рассмотрением вопросов организации управления казахскими жузами, деятельности отдельных личностей – российских чиновников и представителей казахской элиты, однако не стали предметом специального изучения¹.

В советской историографии основное внимание уделялось изучению социально-экономического и политического развития Степного края в XVIII – первой половине XIX в. и проблемам классовой борьбы, вместе с тем в отдельных работах практики материального стимулирования казахов также получили освещение. В рамках господства формационной теории и теории классовой борьбы данные практики рассматривались как подкуп казахских феодалов, которые в корыстных целях выступали союзником царизма в колониальной эксплуатации трудящихся масс Казахстана².

В современной российской и зарубежной историографии вопросы материального стимулирования казахов затрагиваются опосредованно, в качестве отдельных аспектов иной проблематики: как часть имперской административной политики на юго-восточном направлении³, в контексте политической деятельности представителей степной элиты и российских губернаторов⁴, как элемент репрезентации власти⁵, практик российско-казахской политической коммуникации⁶.

Несмотря на обширную историографию проблемы, фактически не изучены сюжеты, связанные с материальным стимулированием степной аристократии, анализом его эффективности. В литературе, как правило, лишь констатируется факт «прикармливания» российской администрацией влиятельных представителей казахской элиты.

Цель исследования – установить степень эффективности практики различных форм материального стимулирования, использовавшейся органами власти Российской империи во взаимоотношениях с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в.

Источниковая база исследования включает несколько групп документов.

Первая из них представлена законодательными и нормативными актами Российской империи, регламентировавшими модель управления казахскими жузами. Совокупность источников данной группы позволила выявить и охарактеризовать

¹ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896; Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Астана, 2007; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.

² Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л., 1947; Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1947; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960.

³ Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М., 2018; Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб., 2020.

⁴ Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007; Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1620-1>. EDN: XMQUAH; Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019.

⁵ Ремнев А.В., Сухих О.Е. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским репрезентациям // Ab Imperio. 2006. № 1. С. 119–154. <https://doi.org/10.1353/imp.2006.0023>. EDN: PCGALP; Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб, 2018. EDN: YSHSLB

⁶ Гундова О.Е. Депутации казахской правящей элиты ко двору российских императоров (середина – вторая половина XIX века) // Журнал фронтирных исследований. 2023. № 3. С. 74–89. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.533>. EDN: OCXCXC; Лысенко Ю.А. Эпистолярное наследие Абылай хана в контексте казахско-российской политической коммуникации // Turkic Studies Journal. 2024. Т. 6. № 2. С. 93–108. <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-2-93-108>. EDN: NCLGKO

формы материального поощрения казахов. Материалы этой группы опубликованы в «Сборнике узаконений о киргизах степных областей» и других документальных сборниках⁷.

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация. Основной массив источников данной группы выявлен в фондах «Первый Сибирский комитет» (Ф. 1264), «Земский отдел МВД» (Ф. 1291) Российского государственного исторического архива и в фонде «Омское областное правление» (Ф. И-338) Центрального государственного архива Республики Казахстан. Ряд источников данной группы опубликован в тематических сборниках документов⁸. Среди них: межведомственная переписка Коллегии иностранных дел, Министерства иностранных дел, Оренбургской пограничной комиссии, Омского областного правления, Главного управления Западной Сибири, командования Сибирской линии и других органов власти Российской империи. Анализ совокупности делопроизводственных документов позволяет определить позиции различных ведомств и отдельных чиновников относительно использования конкретных практик материального стимулирования. Третья группа источников представлена эпистолярными документами – письмами казахских ханов и султанов представителям российской администрации⁹, которые позволили изучить реакцию казахской элиты на различные формы материального поощрения.

Пожалование подарков и наград

Одной из основ политики Российской империи в отношении подвластных народов, в том числе казахов, являлось выстраивание системы поощрения инородцев, которая нашла выражение в практике вручения вещественных и нематериальных ценностей. Данная практика была обусловлена как практической необходимостью (заинтересовать степную элиту выгодой от лояльности правительству), так и важностью формирования образа Российской державы в глазах кочевых подданных (продемонстрировать престиж и могущество империи – богатство казны, неисчерпаемость государственных ресурсов и проч.)¹⁰. К тому же пожалование денег и ценных подарков казахской верхушке вполне укладывалось в рамки традиционных представлений казахов, включая право требовать и обязанность приносить дары¹¹.

Материальные ценности жаловались степной элите в качестве подарков и наград. Достаточно распространено было вручение одежды и мехов, ювелирных изделий. Письма представителей казахской верхушки региональной имперской администрации часто включали просьбы о присылке продуктов питания, алкоголя, лекарства, табака, мехов, тканей, хозяйственной утвари, предметов роскоши¹². Визиты представителей казахской верхушки в российские крепости для встреч с имперской админи-

⁷ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898; Материалы по истории политического строя Казахстана: (со времени присоединения Казахстана к России до Великой октябрьской революции). Алма-Ата, 1960. Т. 1; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

⁸ Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.): Сборник документов. Алматы, 2018; Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов. Алматы, 2019.

⁹ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Алматы, 2014. Т. 2: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг.

¹⁰ Трепавлов В.В. Символы и ритуалы... С. 106.

¹¹ Васильев Д.В. Рождение империи... С. 199.

¹² Эпистолярное наследие казахской правящей элиты... С. 19, 23, 24, 35–37, 47, 158, 210, 245, 308, 312, 360.

страцией и визиты российских чиновников в степь сопровождалась одариванием казахов этими предметами¹³.

Российские власти даровали казахской элите оружие и доспехи. Пожалование в дар предметов вооружения воспринималось степными правителями как символ благосклонности российского монарха. При передаче оружия получателям объявлялось, что они должны использовать его для защиты российских подданных¹⁴. В 1742 г. губернатор И.И. Неплюев преподнес хану Абулхаиру саблю с бирюзой, пару пистолетов в медной оправе и железный панцирь. Султану Бараку была пожалована сабля в золоченой оправе¹⁵. Сыновья Абулхаира султаны Нуралы и Ералы получили от имперской администрации по сабле с серебряной оправой и штуцеру с медной оправой. Батыр Младшего жуза Джанибек получил саблю с серебряной оправой и пару пистолетов¹⁶. В 1757–1758 гг. султанам Младшего жуза Ералы и Айчуваку и султану Среднего жуза Абылаю были пожалованы именные сабли¹⁷. Данная практика оставалась актуальна и в первой половине XIX столетия. Так, в 1833 г. сабли были пожалованы шести представителям казахской элиты¹⁸, а в 1862 г. бию Азбергену Мунайтпасову был подарен револьвер¹⁹.

«Прикармливание» казахской верхушки было одной из расходных статей бюджета для региональных имперских органов власти. Им ежегодно выделялись денежные средства для «приласкания» казахов: командующему войсками на Сибирской линии – 1500 руб., астраханскому губернатору – 900 руб., оренбургскому губернатору – 2000 руб.²⁰ Образованной в 1816 г. Омской пограничной комиссии по штату отпускались суммы: на угощение приезжающих казахов – 1000 руб., на подарки и «приласкивание» новоподданных казахов – 500 руб. После принятия Устава о сибирских киргизах в 1822 г. отпуск денежных средств по данным статьям был прекращен, вместо этого было решено ежегодно выделять омскому областному начальству экстраординарную сумму 3000 руб., из которой производилась покупка подарков для казахов²¹.

Помимо денег в распоряжение региональных администраций передавались ценные вещи для подарков казахам. Так, в 1827 г. по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири были закуплены 5 аршин темно-зеленого сукна, столько же – алого сукна, 50 аршин ситца, 25 аршин синего плиса, 25 аршин золотого галуна, всего на сумму 487 руб. 50 коп. Эти вещи должны были храниться в Омске и выдаваться казахам омским областным начальником по усмотрению западно-сибирского генерал-губернатора²². Оренбургские власти «за усердную службу» жаловали казахским биям суконные или бархатные кафтаны с галуном или позументом, серебряные ковши для кумыса, серебряные рожки для табака, серебряные

¹³ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 139–140, 155–158, 166.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир... С. 359, 364.

¹⁶ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 139.

¹⁷ Там же. С. 551.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 81. Д. 144. Л. 46–47.

¹⁹ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Док. № 332. Алма-Ата, 1964. URL: https://drevlit.ru/docs/central_asia/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/321-340/332.php

²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 2. Л. 25–25 об.

²¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 338. Оп. 1. Д. 537. Л. 1–2.

²² ЦГА РК. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 468. Л. 1–4.

подносы, золотые часы²³. Также практиковалось награждение серебряными часами и зрительными трубами²⁴.

Пожалование подарков и наград практиковалось во время визитов степной аристократии к императорскому двору в рамках посольств и депутатий. Так, в начале 1790-х гг. к высочайшему двору была допущена депутация от султана Среднего жуза Канкожи во главе с его сыном султаном Адаем. Императрица Екатерина II пожаловала Канкоже ценные подарки: перстень, соболью шубу, 18 аршин золотой парчи, 5 аршин карамзинного сукна для пошива кафтана, 5 пар соболей²⁵. Помимо ценных вещей казахским посланникам в виде подарков жаловались денежные суммы, размер денежных выдач зависел от их статуса. Так, члены посольства Среднего жуза, пребывавшие в Санкт-Петербурге в 1762 г., указом Екатерины II получили свои награды. Султан Баир как посол «от главного той орды Аблай-солтана, именем всей орды присланному» получил «по прежним примерам» 200 руб., султану Урусу, представлявшему своего отца султана Султанмамета, – 60 руб., 5 старшинам – по 40 руб. каждому, их служителю – 10 руб.²⁶

Практика одаривания казахской элиты деньгами и ценными вещами в рамках визитов к императорскому двору продолжала существовать в первой половине XIX столетия. Казахским депутатам, прибывавшим в столицу, жаловались меха и ткани на пошив одежды для представления императору²⁷. Кроме того, по итогам депутатских миссий их участников награждали деньгами (султанов суммой от 300 до 1000 руб. каждому, старшин – от 150 до 300 руб., служителей – от 30 до 150 руб.)²⁸, а также ценными предметами (бриллиантовыми перстнями, золотыми часами и т.п.)²⁹.

Выплата жалований и пенсий

Впервые вопрос о назначении жалования казахской элите стал предметом обсуждения российских властей в 1748 г., после смерти хана Младшего жуза Абул-хаира и возведения на ханский престол его сына Нуралы. Помощник оренбургского губернатора А.И. Тевкелев ходатайствовал в Коллегию иностранных дел о назначении ханам Малого и Среднего жузов жалования. Он считал, что обеспечить их лояльность без ежегодных подарков в виде денег и продовольствия не удастся. Центральные власти приняли к сведению позицию А.И. Тевкелева, однако принятие решения было отложено³⁰, возможно, по причине несогласия оренбургского губернатора И.И. Неплюева³¹.

Вновь вопрос о выплате жалования казахским ханам актуализировался в 1754 г., когда хан Нуралы обратился к императрице Елизавете Петровне с просьбой о назначении ежегодного жалования. Хан утверждал, что получение жалования укрепило бы его положение, позволило вознаграждать подданных, способствовало верной

²³ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках... Док. № 332. URL: https://drevlit.ru/docs/central_asia/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/321-340/332.php

²⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 144. Л. 17, 46–47.

²⁵ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты... С. 327.

²⁶ Султаны и батыры Среднего жуза... С. 169.

²⁷ Казахские депутатии к российскому императорскому двору. 1801–1873 гг.: сборник документов. Алматы, 2020. С. 27, 46–47, 85, 159.

²⁸ Там же. С. 110, 164.

²⁹ Там же. С. 110, 642–643.

³⁰ Казахско-русские отношения... С. 437, 447.

³¹ Избасарова Г.Б. Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики российской империи в XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 72. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/430/10> EDN: USZIQM

службе российскому престолу. На этот раз имперские власти пошли навстречу казахской верхушке и в 1755 г. назначили хану Младшего жуза ежегодное жалование в размере 600 руб.³² Определение жалования Нуралы, по-видимому, действительно, подняло престиж хана в глазах соотечественников. В течение нескольких следующих лет аналогичные просьбы к российским властям высказали влиятельные султаны Среднего жуза: Абылай – в 1758 г.³³, Султанмаммет – в 1762 г.³⁴ Данные прошения были удовлетворены, султанам было определено жалование: Абылаю – в размере 300 руб. и дополнительной к ним тайной суммой в 100 руб., Султанмаммету – 150 руб.³⁵ К началу XIX в. практика назначения жалований степной элите уже приобрела значительные масштабы – целый ряд казахских ханов, султанов, батыров, старшин получали «пансионы» из российской казны.

Представители казахской элиты могли ходатайствовать о назначении себе жалования напрямую центральным властям в рамках практики депутатий к императорскому двору. Подобные просьбы об определении или прибавке к жалованию для себя и/или своих приближенных часто встречались и в прошениях казахской знати, поданных на имя императора или в Министерство иностранных дел в первой трети XIX столетия³⁶. С конца 1830-х гг. данная практика прекратилась. Депутации, состоявшиеся в 1840–1870-х гг., почти не подавали прошений, их пребывание в Санкт-Петербурге зачастую сводилось к осмотру достопримечательностей или участию в важных мероприятиях.

В первой половине XIX в. сложились критерии для назначения жалования казахской верхушке. Региональные власти (генерал-губернаторы, командующие Сибирской линией) ходатайствовали в столицу о выплате жалования представителям казахской элиты для того, чтобы «показать пример подобным верноподданным в воздаяниях за честность и усердие к России»³⁷. В своих ходатайствах они подчеркивали «ревность и усердие» к российскому престолу выдвигаемых кандидатур и безукоризненное выполнение ими поручений пограничного начальства, особо отмечали такие поступки, как возврат беглых российских подданных из степи³⁸, сообщения о «злонамеренных» действиях казахов против имперских властей³⁹, содействие принятию казахами российского подданства, содействие сбору налогов с казахского населения⁴⁰ и т.д. Решение о назначении жалования принимал Комитет министров или Азиатский комитет МИД, а затем его утверждал император⁴¹. Выплата жалования позднее могла быть остановлена, если его получатель совершал недостойные поступки, например, принимал участие в ограблении торговых караванов. В качестве карательной меры российские власти могли не только прекратить выплату жалования провинившемуся, но и его родственникам⁴². Впрочем, удержанное жалование можно было снова заслужить «добрыми делами и хорошим поведением»⁴³. С другой стороны, для добросовестно служивших казахов имперские власти могли увеличить сумму жалования⁴⁴.

³² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 537–538.

³³ Там же. С. 568.

³⁴ Там же. С. 644.

³⁵ Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия... С. 193, 195.

³⁶ Казахские депутатии... С. 48, 86–87, 151, 160–161, 180–181, 532–534.

³⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 48. Л. 6.

³⁸ Там же. Д. 24. Л. 2–2 об.; Д. 33. Л. 1–1 об.

³⁹ Там же. Д. 39. Л. 1–1 об.; Д. 40. Л. 1–1 об.

⁴⁰ Там же. Д. 43. Л. 2–3.

⁴¹ Там же. Д. 68. Л. 1; Д. 103. Л. 3; Д. 166. Л. 10–10 об.

⁴² Там же. Д. 35. Л. 5.

⁴³ Там же. Д. 20. Л. 4–5 об.

⁴⁴ Там же. Д. 25. Л. 13, 19.

В XIX в. получила распространение выплата пенсий или пособий представителям казахской верхушки, долгое время находившимся на государственной службе и безукоризненно выполнявшим свои обязанности. Так, хану Младшего жуза Айчуваку, ушедшему с должности в 1805 г., выплачивалась пенсия в размере 1000 руб. в год⁴⁵. Назначались пенсии султанам и старшинам⁴⁶. В случае смерти чиновников пособия выплачивались их вдовам и/или детям⁴⁷. Выявленные источники, к сожалению, не позволяют раскрыть сам механизм выплаты пособий. Пенсионное обеспечение казахов сибирского ведомства регламентировалось «Уставом о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим» 1827 г.⁴⁸ В оренбургском ведомстве для лиц, «оказавших услуги и особую преданность правительству», назначение пенсий было законодательно закреплено в «Положении об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. (§ 94–95)⁴⁹. Таким образом, на казахских чиновников были распространены существовавшие в Российской империи формы социальной поддержки.

Возведение жилых построек

Распространенной формой материального стимулирования казахов и в то же время способом перевода кочевников-казахов на оседлый образ жизни стала постройка домов для видных представителей степной элиты за счет российской казны. Инициатива строительства принадлежала казахской знати. Так, в 1759 г. хан Нуралы обратился к императрице Елизавете Петровне с просьбой построить для него «крепостцу» для пребывания в зимнее время⁵⁰, на что российская сторона ответила согласием⁵¹. В 1761 г. от султана Абылая поступила просьба выстроить для него дом⁵².

Власти благосклонно относились к желанию казахской знати иметь стационарные жилища. В 1761 г. в Коллегии иностранных дел обсуждался проект командующего Сибирской линией И.И. Веймарна, который в качестве одной из мер «для удержания их (казахов – Ю.Л., О.Г.) во всегдашней к здешней стороне верной преданности» предлагал возводить знатым казахам за счет казны «хоромные строения» и различные хозяйственные постройки. Центральные власти согласились с мнением И.И. Веймарна и пошли навстречу представителям казахской элиты, желавшим иметь дома⁵³.

В 1765 г. был построен деревянный дом для Абылая⁵⁴, в 1776 г. – для султана Султанмамета⁵⁵. Данная практика распространялась и на представителей сословия «черной кости»⁵⁶. Так, в 1778 г. были построены дома батырам Кулсары и Кулебяке

⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 2. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Д. 34. Л. 5; Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов. Алматы, 2014. С. 106–108.

⁴⁷ Там же. Д. 34. Л. 11–11 об.; Д. 151. Л. 8–9.

⁴⁸ Казахские чиновники на службе Российской империи... С. 107.

⁴⁹ Материалы по истории политического строя Казахстана... С. 225.

⁵⁰ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 599.

⁵¹ Крафт И.И. Сборник узаконений... С. 68.

⁵² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 626–627.

⁵³ Там же. С. 630–632.

⁵⁴ Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия... С. 194–195.

⁵⁵ Из истории казахско-российских отношений... С. 6.

⁵⁶ Сословие «черная кость» (кара суйек) составляло основную часть казахского населения, определяемую как свободные кочевники. К «черной кости» относились бии (народные судьи), батыры (воины), старшины (управляющие родами, аулами и другими родоплеменными объединениями). Названные социальные группы играли важную роль в экономической, социальной и политической жизни казахского общества, но не входили в состав правящей элиты – «белой кости» (ак суйек) – ханов и султанов, которые вели свое происхождение от чингизидов.

(Кулбаки)⁵⁷, в 1780 г. – старшине Байжигиту⁵⁸. Постройка жилищ для влиятельных степняков оказала заметный «демонстрационный эффект» на казахскую элиту. В 1767 г. хан Младшего жуза Нуралы и его родственник султан Досалы обратились к российской администрации с ходатайством о постройке для них зимних жилищ⁵⁹. С аналогичными просьбами к сибирским властям обращались представители элиты Среднего жуза: в 1777 г. – султан Урус⁶⁰, в 1778 г. – султан Даулеткерей⁶¹, султан Торебатыр (дважды)⁶², мурза Байжигит⁶³.

Получение разрешения на строительство для казахов Среднего жуза происходило следующим образом. Казахи, желающие иметь стационарные жилища, сообщали об этом командующему войсками на Сибирских линиях. В случае получения согласия с его стороны представители казахской элиты выбирали место для постройки и сообщали о нем российской администрации. Затем на выбранное место комендант близлежащей крепости направлял воинскую команду, которая оценивала удобство местности для проведения работ. В ее состав входил инженер, составлявший план будущего здания. О результатах осмотра местности комендант направлял рапорт командующему сибирскими войсками, после чего последний принимал решение о строительстве. Если было получено разрешение, то российская сторона начинала строительство. Если проводить строительные работы было затруднительно, то в строительстве могли отказать⁶⁴.

Выявленные источники не позволяют реконструировать механизм обращения с просьбой о строительстве домов для элиты казахов Младшего жуза. Авторам удалось выявить лишь два таких случая – вышеупомянутые ходатайства от хана Нуралы и султана Досалы, которые обратились напрямую к императорской особе с просьбой о строительстве для себя домов. Вопрос обсуждался в Коллегии иностранных дел, окончательное решение принимал российский монарх. Первый (хан Нуралы) просил построить крепость на реке Яик, однако получил отказ. Второй (султан Досалы) просил построить ему дом вдоль реки Илек, на что получил согласие. Причины отказа хану Нуралы крылись в стремлении имперских властей избежать перегона казаками скота на внутреннюю сторону р. Яик, а также «знакомства» казахов с другими мусульманскими народами, находящимися в турецком подданстве. Российская администрация была готова выстроить хану стационарное жилище «в любом другом месте, но подальше от Яика»⁶⁵.

Степная элита могла заявить о своем желании иметь стационарное жилище в рамках практики депутатий к российскому императорскому двору. Казахские султаны подавали на имя российского императора прошения о постройке для них домов, на что нередко получали согласие. Так, по решению императора Александра I сибирским властям было предписано построить дом в 1802 г. для султана Шаншара Султанмамедова⁶⁶, в 1805 г. – для султана Татена Урусова⁶⁷. Далее следовало исполнение воли

⁵⁷ Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия... С. 195.

⁵⁸ Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Астана, 2007. С. 53.

⁵⁹ Крафт И.И. Сборник узаконений... С. 112.

⁶⁰ Султаны и батыры Среднего жуза... С. 418.

⁶¹ Из истории казахско-российских отношений... С. 427.

⁶² Там же. С. 422, 434.

⁶³ Там же. С. 421.

⁶⁴ Султаны и батыры Среднего жуза... С. 310–311, 411–412.

⁶⁵ Крафт И.И. Сборник узаконений... С. 112.

⁶⁶ Казахские депутатии... С. 28.

⁶⁷ Там же. С. 114.

монарха. Местные власти согласовывали с казахской знатью места для постройки, составляли план будущего здания и смету, которые передавали на рассмотрение в Коллегию иностранных дел, а затем императору. После получения положительного решения из государственного бюджета выделялись деньги и начинались строительные работы.

При рассмотрении практики возведения жилых построек для казахской элиты следует затронуть вопрос об отношении российских властей к переходу казахов к оседлости. В XVIII – первой трети XIX в. российские правящие круги были убеждены, что оседание казахов-кочевников позволит их «цивилизовать» и «умиротворить», а потому имперская администрация благосклонно относилась к подобным инициативам. Однако с середины 20-х гг. XIX в. у региональных властей обозначились разные подходы к вопросу оседания казахов на землю. Сибирское ведомство, управлявшее Средним жузом, способствовало процессу оседания казахов. Оренбургское ведомство, в ведении которого находился Младший жуз, напротив, всячески этому противилось⁶⁸. После проведения в казахских жузах реформ 1820-х гг. региональные власти стали проводить собственный курс, направленный на поощрение/запрещение оседания казахов, а следовательно, постройку ими стационарных жилищ. С этого времени возведение за счет казны домов для степной элиты в основном прекратилось. Авторами статьи выявлен лишь один подобный факт, когда в 1824 г. в ответ на просьбу Айганым, вдовы хана Среднего жуза Вали, для нее были построены небольшой дом и мечеть в урочище Сырымбет⁶⁹.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что материальное стимулирование казахской элиты в XVIII – первой половине XIX в. являлось одной из основ политики Российской империи в казахских жузах. Имперские правящие круги использовали различные формы «прикармливания» степной верхушки, включая вручение подарков и денежные дачи, награждение ценными вещами, назначение жалований и пенсий, возведение жилых построек за счет казны. Различные формы материального стимулирования казахов использовались как обособленно, так и в комплексе в рамках посольств и депутатий к российскому императорскому двору. Последнюю практику, полностью финансируемую за счет российской стороны, также можно считать особой формой поощрения и материального мотивирования степняков с целью привлечения их на российскую службу. Одни формы материальной поддержки являлись для казахского общества традиционными (одаривание), другие вводились российской администрацией (регулярные выплаты и награды за службу, строительство жилых домов, поездки к императорскому двору). Однако и те, и другие нашли поддержку у казахской элиты и применялись в российско-казахских отношениях на протяжении долгого времени. Таким образом осуществлялось интегрирование казахской элиты в российское социально-правовое поле и параллельно формировалась этносоциальная прослойка (будущие чиновники из местной этнической среды), лояльная имперской власти и выполнявшая посреднические функции между имперским центром и периферией.

⁶⁸ Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в.). Барнаул, 2003. С. 21–59, 103–128. EDN: QOTJQP

⁶⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 7. Л. 491–493.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.09.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 5.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 11.06.2025

References

- Andreev, I.G. *Opisanie srednei ordy kirgiz-kaisakov* [Description of the Middle horde of Kirghiz-Kaisaks]. Astana: Altyn kitap Publ., 2007 (in Russian).
- Bekmakhanov, Ye.V. *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 20–40s of the 19th century]. Alma-Ata: Kazakhskoe ob'edinennoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1947 (in Russian).
- Bykov, A.Yu. *Istoki modernizatsii Kazakhstana (problema sedentarizatsii v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX* [The origins of modernization of Kazakhstan (The problem of sedentarization in Russian politics of the 18th – early 20th century)]. Barnaul: Azbuka Publ., 2003 (in Russian).
- Erofeeva, I.V. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik* [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press Publ., 2007 (in Russian).
- Gundova, O.E. “Deputations of the Kazakh Ruling Elite to the Court of the Russian Emperors (mid – second half of the 19th century).” *Journal of Frontier Studies* 8, no. 3 (2023): 74–89 (in Russian), <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.533>
- Izbassarova, G.B. “A.I. Tevkelev's state activity on the implementation of the South-Eastern policy of the Russian Empire in the 18th century.” *Tomsk State University Journal*, no. 430 (2018): 68–76 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/15617793/430/10>
- Izbassarova, G.V. *Kazakhskaya step' Orenburgskogo vedomstva v imperskikh proektakh i praktikakh pervoi poloviny XIX veka* [The Kazakh steppe of the Orenburg department in imperial projects and practices of the first half of the 19th century]. Moscow: IP Lysenko A.D. Press-kniga Publ., 2018 (in Russian).
- Khafizova, K.Sh. *Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiia v XVIII – XIX vekakh. Monografiia* [Steppe rulers and their diplomacy in the 18th–19th centuries. A monograph]. Nur-Sultan: Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente Respubliki Kazakhstan Publ., 2019 (in Russian).
- Kraft, I.I. *Sbornik uzakonenii o kirgizakh stepnykh oblastei* [A collection of laws on the Kirghiz of steppe areas]. Orenburg: P.N. Zharikov Publ., 1898 (in Russian).
- Levshin, A.I. *Opisanie kyrgyz-kazakhskikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei* [A description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat Publ., 1996 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. “Abylai's Epistolary Legacy in the context of Kazakh-Russian political communication.” *Turkic Studies Journal* 6, no. 2 (2024): 93–108 (in Russian), <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-2-93-108>
- Pochekaev, R.Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v.* [Governors and Khans. The personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: 18th – early 20th century]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2017 (in Russian), <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1620-1>
- Remnev, A.V., and Sukhikh, O.E. “Kazakh Deputations in the Scenarios of Power: From Diplomatic Missions toward Imperial Presentations.” *Ab Imperio*, no. 1 (2006): 119–154 (in Russian), <https://doi.org/10.1353/imp.2006.0023>
- Rychkov, P.I. *Istoriia Orenburgskaia (1730–1750)* [History of Orenburg (1730–1750)]. Orenburg: Orenburgskii gubernskii statisticheskii komitet Publ., 1896 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI – XIX vv.* [Symbols and rituals in the ethnic politics of Russia in the 16th – 19th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018 (in Russian).
- Vasil'yev, D.V. *Rozhdenie imperii. Iugo-vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v.* [The Birth of an Empire. Southeast of Russia: 18th – 1st Half of 19th Century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2020 (in Russian).
- Vyatkin, M.P. *Batyr Syrym* [Batyr Srym]. Moscow; Leningrad: Akademiia Nauk SSSR Publ., 1947 (in Russian).
- Zimanov, S.Z. *Politicheskii stroi Kazakhstana kontsa XVIII i pervoi poloviny XIX v.* [The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX century]. Alma-Ata: Akademiia Nauk Kazakhskoi SSR Publ., 1960 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Юлия Александровна Лысенко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; Россия, 656049, Барнаул, проспект Ленина, 61; iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>; SPIN-код: 1607-1789.

Yulia Alexandrovna Lysenko, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Oriental Studies at the Institute of History and International Relations, Altay State University; 61, Prospekt Lenina Av., Barnaul, 656049, Russia; iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>; SPIN-code: 1607-1789.

Ольга Евгеньевна Гундова, старший преподаватель кафедры востоковедения Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; Россия, 656049, Барнаул, проспект Ленина, 61; olga.gundova13@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-2574-0625>; SPIN-код: 3268-5971.

Olga Evgenievna Gundova, Senior Lecturer of the Department of Oriental Studies at the Institute of History and International Relations, Altay State University; 61, Prospekt Lenina Av., Barnaul, 656049, Russia; olga.gundova13@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-2574-0625>; SPIN-code: 3268-5971.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-317-329>

EDN: OETRCK

Научная статья / Research article

Землевладение в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в 1765–1914 гг.

Владимир Николаевич Шайдуров , Анна Алексеевна Кайряк

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
Пушкин, Россия
 s-w-n@mail.ru

Аннотация: Рассматривается эволюция землевладения в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии во второй половине XVIII – начале XX в. Источниковой основой исследования стали неопубликованные документы, выявленные в Российском государственном историческом архиве и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, – делопроизводственные документы, в том числе междуведомственная переписка, протоколы колониальных сходов, прошения колонистов, направленные в губернские и центральные исполнительные органы, владенные записи. Большинство источников впервые вводится в научный оборот. Проведенное исследование показало, что в 1765–1810-х гг. расположенные в непосредственной близости от столицы, петербургские колонии были образованы, в первую очередь, на вотчинных (позднее удельных) землях, которые в первой половине XIX в. находились в ведении Кабинета, Министерства Императорского Двора, членов Императорской фамилии. До 1860-х гг. колонисты являлись пользователями земельных наделов. Крестьянские реформы 1860-х гг. были распространены и на немецкие колонии, в которых они реализовывались на общих принципах. Внесение выкупных платежей позволило немцам в течение 1870–1890-х гг. стать полноправными собственниками своих наделов. Проведение реформ привело к резкому имущественному расслоению: землю получили только домовладельцы (прямые потомки переселенцев по нисходящей мужской линии), которые составили меньшинство в колониях. Подавляющее большинство колонистов оказалось безземельными, что породило в колониях земельный вопрос, который не был решен в дореволюционный период.

Ключевые слова: выкупные платежи, земельная собственность, российские немцы, миграционная политика, немецкие поселения

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (проект № 23-18-20025), <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>. Название проекта: «Немцы Санкт-Петербурга: история формирования и эволюции этнического сообщества». Руководитель В.Н. Шайдуров.

Для цитирования: Шайдуров В.Н., Кайряк А.А. Землевладение в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в 1765–1914 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 317–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-317-329>

© Шайдуров В.Н., Кайряк А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Landownership in the German Colonies of St. Petersburg Governorate from 1765 to 1914

Vladimir N. Shaidurov , Anna A. Kayryak

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin, Russia

s-w-n@mail.ru

Abstract: The authors examine the evolution of landownership in the German colonies of St. Petersburg governorate from the second half of the 18th century to the early 20th century. The research is based on the unpublished documents found in the Russian State Historical Archive and the Central State Historical Archive of St. Petersburg. These materials include: administrative records, interdepartmental correspondence, minutes of colonists' meetings, petitions from colonists addressed to provincial and central executive bodies, and ownership records. Most of these sources are introduced into scientific use for the first time. The research shows that in the period from 1765 to the 1810s, the St. Petersburg colonies located in close proximity to the capital were primarily established on patrimonial (later appanage) lands, which in the first half of the 19th century were under the jurisdiction of the Cabinet, the Ministry of the Imperial Court, and members of the Imperial family. Until the 1860s, these colonists utilized land allotments. However, the peasant reforms of the 1860s were extended to the German colonies as well, when they were implemented on the same general principles. The redemption payment allowed the Germans to become full owners of their land during the 1870–1890s. However, the implementation of the reforms led to drastic stratification: only homeowners (direct descendants of the first settlers in the male line) received land, while they were in the minority in the colonies. The vast majority of colonists were subsequently left landless. This gave rise to the “land question” in the colonies, which was not resolved in the pre-revolutionary period.

Keywords: redemption payments, land ownership, Russian Germans, migration policy, German settlements

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation (project № 23-18-20025), <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>. Project title: “Germans of St. Petersburg: history of the formation and evolution of an ethnic community.” Supervised by V.N. Shaidurov.

For citation: Shaidurov, V.N., Kayryak, A.A. “Landownership in the German Colonies of St. Petersburg Governorate from 1765 to 1914.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 317–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-317-329>

Введение

Актуальность. Во второй половине XVIII – начале XIX в. в Российской империи в результате массовых миграций появились многочисленные немецкие колонии. Дисперсно более десятка немецких поселений существовало в Санкт-Петербургской губернии. Под них были отведены земли, которые находились в ведении различных учреждений и частных лиц. Это привело к оформлению различных систем землевладения и землепользования, а в 1860-х гг. – к необходимости распространения на колонии аграрных реформ, реализация которых привела к модернизации жизни немецких поселян-собственников, включая появление частной собственности на землю и формирование мелкотоварного хозяйства.

Степень изученности темы. Немецкие колонии в Санкт-Петербургской губернии крайне редко попадали в поле зрения дореволюционных исследователей¹. Лишь

¹ Кёппен П. И. Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1850. Ч. 2. С. 181–209.

в позднесоветский период в научных изданиях стали появляться публикации по истории российских немцев. В 1990–2010-е гг. в целом сохранялся высокий интерес к поволжским, причерноморским, сибирским немцам. В то же время исследований, в которых бы реконструировалось прошлое петербургских (петроградских, ленинградских) немцев, было крайне мало. В связи с этим чрезвычайно ценны опубликованные работы видных ленинградских историков и этнографов Н.В. Юхнёвой² и Т.А. Шрадер³.

В постсоветский период началось активное издание комплексных работ, содержащих более полную информацию о немецких колониях в Санкт-Петербургской губернии. Одним из значимых исследований стала диссертация Е.В. Бахмутской⁴, охватывающая темы формирования немецких колоний, социального и экономического развития колонистов.

В публикациях 2010-х гг. основное внимание было уделено истории отдельных колоний⁵. В первой половине 2020-х гг. авторы обращались к вопросам их правового положения⁶, выработке адаптационных механизмов в новых условиях жизни и ведения хозяйственной деятельности⁷. Однако практически неизученной остается тема реализации реформ 1860–1870-х гг. При этом следует согласиться с мнением И.В. Черказьяновой, утверждающей, что «Великие реформы» решительно изменили жизнь немецкой деревни.

В рамках реализации научного проекта «Немцы Санкт-Петербурга: история формирования и эволюции этнического сообщества» нами сделаны первые шаги в вопросе эволюции землевладения немецких колонистов в XIX в.⁸ Эта тема нуждается в дальнейшем изучении, что позволит понять механизмы модернизации колоний и их включения в общероссийский земельный рынок.

Целью исследования является изучение эволюции землевладения немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии в 1765–1914 гг. В статье будут проанализированы особенности землеустройства колонистов в 1765–1810-х гг., рассмотрены механизмы реализации крестьянских реформ 1860-х гг. в различных петербургских колониях.

² Юхнёва Н.В. Немцы в Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М., 1989. С. 85–96.

³ Шрадер Т.А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 132–140.

⁴ Бахмутская Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб, 2002.

⁵ Черказьянова И.В. Немецкая колония в Стрельне: 1810–2010 гг. // Немцы Сибири: Культура. 2010. № 2. С. 41–50.

⁶ Ерохина О.В., Литценбергер О.А. Немецкие колонисты в миграционной политике российско-го самодержавия (анализ законов Российской империи) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 810–823. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-810-823> EDN: EAXJMA; Черказьянова И.В. Законодательство о немецких колониях под Петербургом XVIII – начала XIX веков (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 7. С. 525–542. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-525-542> EDN: PVTPCD

⁷ Шайдунов В.Н., Ерохина О.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии: появление и развитие в 1765 – 1800-х гг. // Журнал фронтирных исследований. 2023. № 1. С. 16–31. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.493> EDN: LDCMAF

⁸ Шайдунов В.Н. Немецкие колонии и «Великие реформы» (на примере Санкт-Петербургской губернии) // Общество и власть России в период модернизации второй половины XIX–XX века. Тамбов, 2024. С. 99–103. EDN: AMKVDP; Кайряк А.А. Немецкие колонии и вопрос землевладения во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Общество и власть России в период модернизации второй половины XIX–XX века. Тамбов, 2024. С. 67–74. EDN: GPSVNS

Источниковая база. Исследование опирается на широкий круг источников. Нормативно-правовые акты, определявшие принципы проведения аграрных реформ на казенных, удельных, частновладельческих землях, включены в состав Полного собрания законов Российской империи. Некоторые из них были опубликованы в тематических сборниках⁹.

В архивохранилищах отложились источники, позволяющие реконструировать разные аспекты подготовки и реализации крестьянских реформ 1860-х гг. Междоуведомственная переписка дает возможность определить позицию учреждений и ведомств в вопросе выкупа колонистами земельных участков. Протоколы сходов позволили понять позицию сельских обществ и выявить механизмы осуществления выкупных платежей.

Использованные источники были выявлены в Российском государственном историческом архиве (Ф. 383. Первый департамент МГИ; Ф. 472. Канцелярия МИДв; Ф. 493. Павловское городское правление МИДв; Ф. 1181. Главный Комитет об устройстве сельского состояния; Ф. 1291. Земский отдел МВД; Ф. 1589. Пятое Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии) и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Ф. 190. Санкт-Петербургское по крестьянским делам присутствие; Ф. 258. Петроградское губернское присутствие). Таким образом, комплексный подход к использованию различных источников позволил достичь поставленную цель и раскрыть заявленную тему.

Методологической основой исследования является теория национальной модели модернизации, представленная И.В. Побережниковым¹⁰. Аграрные реформы 1860-х гг., носившие модернизационный характер, способствовали формированию новых социально-экономических отношений в немецких колониях и превращению их в хозяйства фермерского типа.

Землевладение и землепользование в петербургских колониях в 1765–1850-е гг.

В результате нескольких волн колонизации в годы правления Екатерины II и Александра I в окрестностях Санкт-Петербурга появились немецкие колонии. Начиная с 1765 г. были основаны Средняя Рогатка, Ново-Саратовская, две Ижорские и три Ямбургские колонии¹¹. В последующем их жители создали более двадцати дочерних поселений.

Расселение немецких колонистов было сопряжено с необходимостью изыскания свободных земель. В 1765 г. императрицей Екатериной II было поручено управляющему Царскосельской вотчинной конторой Федоту Владимировичу Удалову найти неиспользуемые земли, которыми никто из крестьян или государства не владели. В контракте с поселенцами из Ново-Саратовского поселения указывалось, что для их поселения предоставляется

ведомства [Царскосельской] вотчинной конторы пустопорожная на Выборгской стороне на Неве реке в 16 верстах от Санкт-Петербурга лежащая земля¹².

⁹ Сборник постановлений по составлению и выдаче государственным крестьянам владенных записей. СПб., 1867.

¹⁰ *Побережников И.В.* Проблемы в изучении российских модернизаций // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 года. Екатеринбург, 2018. С. 93–102. EDN: YMLATZ

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 2–12.

¹² Там же. Л. 13.

Тем же документом был определен формат прав на эту землю: она была объявлена вечным наследственным владением, и поэтому колонистам было запрещено продавать, закладывать или менять ее.

Одновременно с Удаловым обустройством колонистов занялся егермейстер В.Р. фон Польман. В 1766 г. от имени государства он заключил контракты с новыми колонистами о поселении на землях Царскосельской вотчины¹³. Так были заложены основы Средне-Рогатской и Ижорских колоний.

Одновременно с этим шел процесс водворения незначительного числа немецких переселенцев на казенные земли. Так, под Ямбургом возникли поселения Луцкая, Порховская и Франкфуртская. Группа из 92 семей католиков из Пфальца основала поселение в окрестностях города Ямбурга на казенных землях вдоль р. Луга.

Таким образом, уже во второй половине 1760-х – 1790-е гг. в Санкт-Петербургской губернии большая часть немецких колонистов была водворена преимущественно на вотчинных землях, что было связано с особенностью землевладения вблизи столицы. Этот факт отличал петербургских немцев от других колонистов XVIII – начала XIX в. Земли, на которых были образованы колонии, на рубеже XVIII–XIX вв. были переданы в ведение Удельного ведомства, которое в царствование Николая I вошло в состав Министерства Императорского Двора. Исходя из этого можно отождествлять некоторые колонии столичной губернии с удельными имениями, что подтверждается, например, документами Экспедиции государственного хозяйства¹⁴. В то же время в Поволжье и Новороссии под водворение немцев были выделены казенные земли.

В своем отчете в августе 1809 г. инспектор петербургских колоний Е.Ф. Канкрин сообщил Александру I о проведении изысканий, в результате которых было выделено 15 тыс. дес. земли в юго-западной части Царскосельского уезда, известных как Изварский обрест¹⁵. Было принято решение о создании трех колоний – Большой, Средней и Нижней, а также строительстве необходимых мостов и дорог. Кроме того, были найдены средства для строительства нескольких небольших колоний вдоль берегов Финского залива – Стрельнинская, Петергофская, Ораниенбаумская и Кронштадская. К началу зимы 1811 г. строительные работы были в основном завершены, и переселенцы были размещены в упомянутых 7 колониях¹⁶.

Новые немецкие колонии имели разное административное подчинение. Так, Стрельнинская и Петергофская колонии вошли в состав удельных имений. Еще в 1797 г. Стрельнинское имение было выведено из управления Кабинета Его Величества и объявлено удельным. Первым его владельцем стал великий князь Константин Павлович¹⁷. С 1831 г. эти земли перешли в собственность великого князя Константина Николаевича. Достались ему и земли, населенные немецкими колонистами. Их принадлежность к Удельному департаменту была подтверждена в 1848 г., как и обязанность платить поземельный налог в пользу великого князя¹⁸.

Другим примером образования колонии на удельных землях является Этюп. В 1818 г. три семьи из Вюртемберга были приглашены вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Для их водворения были выделены участки в границах Павловского имения, которое находилось в ее владении. Средства на строительство домов

¹³ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 16–17.

¹⁴ Там же. Д. 1148. Л. 11.

¹⁵ Там же. Д. 1153. Л. 3–7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Ф. 472. Оп. 5. Д. 100. Л. 2 об.

¹⁸ Там же. Л. 3–3 об.

и обустройство колонистов были выделены из личных средств императрицы. Эта колония получила свое название в честь летней резиденции родителей императрицы¹⁹.

В 1819 г. была учреждена Фриденвальская немецкая колония, которая была единственной колонией неземледельческого типа. Колонисты были устроены в домах, возведенных за счет казны, которые навсегда оставались собственностью Царскосельской вотчины²⁰.

Водворение на землях частных уделов ставило немецких колонистов в зависимость от Удельного департамента Министерства императорского двора и членов императорской фамилии. Юридический статус уделов ограничивал права как их держателей, так и проживавших на них земледельцев, в том числе немецких колонистов, так как эти земли было запрещено отчуждать и обменивать²¹.

К 1820-м гг. в большинстве колоний был завершен процесс адаптации, что способствовало естественному приросту населения. Однако существенная ограниченность земельного фонда казны и уделов не позволяла увеличить земельные дачи колоний. Следствием этого становится фактическое закрепление системы подворного землевладения при сохранявшихся традиционных принципах наследования (майорат).

Подворное землевладение в «старых» колониях возникло, как отмечалось в документах середины 1850-х гг., «с момента поселения в России»²². На этот факт в 1875 г. в своем отношении министру внутренних дел А.Е. Тимашеву обратил внимание статс-секретарь и министр государственных имуществ П.А. Валуев, указавший, в частности, что «Новосаратовским колонистам отведено по 35 десятин на каждое семейство, следовательно, при самом водворении этих колонистов должно было образоваться у них не общинное, а участковое, подворное пользование земель»²³.

В документах второй половины XIX в. нередко встречается термин «полудвор». Его появление также связано с землевладением колонистов, которые получили участки в безраздельное владение, но «вследствие увеличившегося (вероятно по поводу раздела семейств) числа домохозяев, размер земельного надела составляет ныне не 35, а 17½ десятин на двор»²⁴. Подобное явление имело место в Ново-Саратовке, Средней Рогатке и Ижорских колониях. Анализ сохранившихся ведомостей о благосостоянии колонистов, водворенных в Санкт-Петербургской губернии, позволяет говорить о том, что подобный раздел произошел не ранее 1826 г., так как на этот год в Ново-Саратовке было учтено 60 подворных хозяйств²⁵.

Дробление участков было вынужденной мерой для колонистских сообществ. Несмотря на то, что среди петербургских немцев уже с рубежа XVIII–XIX вв. была отчасти распространена практика отдачи младших сыновей в ученики ремесленным мастерам столицы, в колониях оставалось много молодых людей «коих оно [общество] не в состоянии устроить»²⁶.

В качестве примера можно привести семью Гец, проживавшую в Верхне-Ижорской колонии. Так, из семи сыновей скончавшегося в начале 1850-х гг. Богдана Геца только старший (Богдан 33 лет) был полноправным владельцем доставшегося ему полудвора, состоявшего из 25 дес. земли, ветхого дома, двух лошадей и одной

¹⁹ РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 52.

²⁰ ПСЗ. Собрание I. Т. XL. № 30459. СПб., 1830. С. 430–432.

²¹ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Ст. 170.

²² РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 567. Л. 5 об.

²³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1874 г. Д. 61. Л. 6.

²⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 66. 1874 г. Д. 61. Л. 6.

²⁵ Там же. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1192. Л. 3 об. – 7 об.

²⁶ Там же. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 567. Л. 6.

коровы²⁷. Два его брата Иван (30 лет) и Егор (23 лет), не получив после смерти отца ни хозяйства, ни средств, вынуждены были жить при старшем брате «в работниках». Трое же его младших братьев жили в городе: Адам (25 лет) занимался портновым мастерством, Андрей (21 год) служил приказчиком в винном погребе, а Федор (17 лет) служил в Елагинской ферме²⁸.

Подобная ситуация была типичной для петербургских колоний. Свободной земли для выдела новых участков не было, ибо «вся общественная земля разделена между колонистами однажды и навсегда»²⁹. В этой ситуации для большинства безземельных колонистов выход был только один – выселение на новые земли.

Уже с конца 1820-х гг. отмечается рост числа немецких поселений в окрестностях Санкт-Петербурга. Их жителями стали, как правило, выходцы из «старых» колоний, не имевшие земельного надела. Так называемые «дочерние колонии» стали возникать на арендованных либо купленных землях: Гражданка (1827 г.), Овцыно (1832 г.), Поселок Шефферов (1836 г.), Поселок Берчей (1838 г.), Янино (1853 г.) и т.д. Их образование происходило за счет переселения жителей из существовавших поселений на новые земли и создания дочерних колоний.

Примером образования нового поселения на купленной земле может служить Московское Поле в Царскосельском уезде. В 1849 г. семь ново-саратовских колонистов во главе с Казимиром Бичем приобрели по купчим крепостям у помещиков Марковых 264 дес. земли, что подтверждалось Санкт-Петербургской палатой гражданского суда³⁰. Уже в 1850 г. участок был обмежеван землемером Беловым и нанесен на карту. Однако, как выяснилось, межевание было совершено с нарушениями, которые были исправлены лишь к 1879 г., после чего колонисты стали полноправными собственниками купленных земельных наделов.

Широкое распространение получила долгосрочная аренда земли. Примером коллективной аренды может служить дочерняя колония Фарфоровская, образованная ново-саратовскими колонистами Христианом Эргартом, Яковом Ро и Христианом Требсом на арендованных с 1848 по 1884 г. у Императорского фарфорового завода 35 дес. земли³¹.

Другим примером является аренда на 24 года (с 1863 г.) земельного участка в 85 дес. из Гатчинского имения кипенскими колонистами Яковом Ульрихом и Фридрихом Шперлем. Это право они получили на торгах, которые состоялись 7 августа 1862 г.³²

Крестьянские реформы 1860-х гг. в немецких колониях: реализация и последствия

Аграрные реформы 1860-х гг. представляли собой комплекс мероприятий, которые изменили положение не только частновладельческих, но также тех крестьян, которые проживали на удельных и государственных землях.

Мероприятия, связанные с «устройством управления и хозяйственного быта крестьян имений Государевых, дворцовых и удельных», в течение 1861–1863 гг. были разработаны чиновниками Министерства императорского двора, в чьем ведении они

²⁷ РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 567. Л. 5–5 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 262. Оп. 8. Д. 93. Л. 1.

³¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 25. Д. 16822. Л. 2.

³² ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Д. 2217. Л. 8.

находились³³. Результатом проделанной работы стало издание 15 июля 1863 г. Высочайше утвержденного «Положения о крестьянах, водворенных на землях имений Государевых, дворцовых и удельных», данного Сенату 26 июня того же года. В преамбуле были декларированы основные принципы реформы, включавшие в себя «предоставление земли их надела в собственность» с применением механизма выкупных платежей в течение 49 лет.

Одновременно министру государственных имуществ М.Н. Муравьеву было поручено подготовить предложения о преобразованиях в государственной деревне. Эта работа была завершена при сменившем его на посту министра А.А. Зеленом. Представленный законопроект был рассмотрен Государственным Советом и утвержден Александром II 18 января 1866 г., но окончательную силу закона документ получил в форме указа Сенату лишь 24 ноября того же года³⁴.

Эти законы стали основанием для проведения преобразований в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии.

Реформа на частновладельческих землях

Одними из первых вопрос о выкупе земель, находящихся в их собственности, инициировали стрельнинские колонисты. Это было обусловлено тем, что решением Главного Комитета об устройстве сельского состояния от 10 мая 1861 г. на Стрельнинское имение великого князя Константина Николаевича было распространено действие Высочайше утвержденных 19 февраля 1861 года Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости³⁵. Несмотря на то, что земли имения формально находились в управлении Министерства Императорского Двора, еще в 1831 г. они были пожалованы в собственность великому князю Константину Николаевичу.

Уже в мае 1862 г. вопрос о праве выкупа колонистами земель был поставлен в записке, поданной министру императорского двора В.Ф. Адлербергу управляющим гофмейстерской частью двора великого князя Чичериным³⁶. В ней, в частности, отмечалось желание Константина Николаевича «предоставить Стрелинским колонистам право выкупить в свою собственность землю, на которой они поселены»³⁷.

В решение вопроса были вовлечены различные государственные органы, которые должны были высказать свое мнение. В результате были выработаны три точки зрения, которые являлись отражением настроений, царивших в это время в Министерствах Императорского Двора и государственных имуществ, а также во втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Главноуправляющий вторым отделением барон М.А. Корф считал, что действующее законодательство не дает колонистам права выкупать земли, но в то же время оно не носило и запретительного характера³⁸. По его мнению, предоставление колонистам права селиться на выкупленных землях вряд ли могло способствовать улучшению их положения в вопросах уплаты податей и отбывания повинностей, ибо освободившись, например, от уплаты поземельной подати, они «будут обложены податью наравне с крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости»³⁹. Окончательное решение вопроса М.А. Корф предлагал передать Главному комитету об устройстве сельского состояния.

³³ ПСЗ – II. № 39792.

³⁴ Сборник постановлений...

³⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 5. Д. 100. Л. 11.

³⁶ Там же. Л. 1–7.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 142. Л. 14 об.

³⁹ Там же. Л. 15 об.

Министр государственных имуществ А.А. Зеленой занял в этом вопросе более либеральную позицию. В частности, он обратил внимание на двойственность положения стрелнинских колонистов:

земля, данная их обществу на праве собственности, составляет с тем вместе собственность члена Царствующего дома, [а потому] желание их выкупить эту землю, предоставляя им единственный выход из того неопределенного положения, в которое [они] поставлены по землевладению⁴⁰.

В ведомстве графа Адлерберга предпочли поддержать позицию М.А. Корфа и передать дело на рассмотрение в Главный комитет об устройстве сельского хозяйства. Лишь в октябре 1863 г. им было принято решение, утвержденное 2 ноября 1863 г. Александром II:

допустить выкуп земель, отведенных колонистам Стрелинской, Знаменской, Ораниенбаумской, Александринской, Среднерогатской и Кипенской колоний, не иначе как по взаимному соглашению обеих сторон, т. е. владельцев, коим означенные земли принадлежат в собственность, и колонистов⁴¹.

Реформа на казенных землях

К воплощению реформы на казенных колонистских землях на практике приступили в конце 1860-х гг., что было связано с необходимостью разработать подзаконные акты, инструкции, формы. Весной 1867 г. были утверждены правила для составления и выдачи «владенных записей».

Для Порховской колонии акт был составлен в 1871 г. В нем содержатся сведения о числе домохозяев, владевших усадебными наделами и полевыми землями, и безземельных поселян. Учитывалось лишь мужское население, внесенное в сказки X ревизии (1857–1859 гг.): 16 и 55 поселян соответственно⁴². Постоянным было количество дворов (16), так как в колонии земельные наделы, включавшие в себя усадьбу, пашню и сенокос, находились в подворно-уравнительном пользовании колонистов⁴³. Размер каждого двора составлял 8,4 дес. Прочие угодья (лес, выгон) составляли общее нераздельное пользование колонистов. Однако и эти угодья были поровну поделены между домохозяевами, их размер составлял 37,3–37,4 дес.⁴⁴

Исходя из положений реформы, поселяне-собственники (бывшие колонисты) должны были платить ежегодную государственную оброчную подать. При ее расчете во внимание принималась только площадь удобной земли. С учетом ранее произведенной оценки земли чиновниками Министерства государственных имуществ с 1 дес. следовало уплатить 35 коп. Для Порховской колонии ее размер составлял 255 руб. 68 коп. ежегодно, или 15 руб. 98 коп. с каждого двора⁴⁵.

Указ 1866 г. предполагал освобождение поселян от уплаты ежегодной подати при внесении на депозит губернской Казенной палаты средств, проценты с которой покрывали бы ее размер (ст. 13 и 14)⁴⁶. При этом земля переходила в полную собственность владельцев, а сам участок исключался из реестра земель, с которых следовало платить оброк. Порховские колонисты решили воспользоваться этим правом.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 142. Л. 20–20 об.

⁴¹ Там же. Ф. 472. Оп. 5. Д. 100. Л. 26–26 об.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 190. Оп. 4. Д. 547. Л. 23.

⁴³ Там же. Л. 24.

⁴⁴ Там же. Л. 26.

⁴⁵ Там же. Л. 26 об.

⁴⁶ Сборник постановлений... С. 11–12.

К этому времени площадь удобных земель сократилась на 14 дес. Этот участок в 1872 г. был передан под строительство железной дороги. В 1874 г. ежегодный платеж был уменьшен на 6 руб. 42 коп., составивших 5 % от поступивших в Ямбургское уездное казначейство 128 руб. 33 коп.⁴⁷ В марте 1876 г. на общем сходе домовладельцев было принято решение о продаже выборгскому мещанину, столичному 2-й гильдии купцу Дмитрию Семенову земельного участка за 4279 руб. 34 коп., из которых 4154 руб. 34 коп. покупатель должен был внести в уездное казначейство на имя сельского общества как единовременный взнос за полагающуюся подать⁴⁸.

На этом же сходе поселяне-собственники проголосовали за то, чтобы воспользоваться статьями 13 и 14 указа 1866 г., а старосте Ивану Ауману было поручено ходатайствовать «о введении [поселян] во владение» их участками⁴⁹.

В апреле 1876 г. непреременный член Ямбургского уездного по крестьянским делам присутствия доложил в губернское присутствие суть дела, сопроводив свое отношение приговором Порховского сельского общества и квитанцией на 4154 руб. 34 коп.⁵⁰ В мае того же года к принятию решения была подключена Губернская казенная палата, которая своим запросом стремилась выяснить, «действительно ли поступившая сумма соответствует количеству оброчной подати, следующей с означенных крестьян»⁵¹.

Окончательное решение вопроса последовало после направленного из Казенной палаты в губернское по крестьянским делам присутствие отношения, в котором сообщалось, что ко 2 сентября 1876 г. в Ямбургское казначейство помимо 4154 руб. 34 коп. поступили 959 руб. 26 коп.⁵² Таким образом, за Порховским обществом числилось 5113 руб. 60 коп. Именно такую сумму следовало внести бывшим колонистам для обеспечения 5-процентного взноса в 255 руб. 68 коп. С учетом упомянутых обстоятельств полагающаяся подать была уменьшена, а потому и к внесению на депозит требовалось 4985 руб. 20 коп., о чем Палата известила присутствие. Этот документ стал основанием для перевода земельных участков порховских немцев в разряд частновладельческих.

Несколько дольше выкупная операция проходила во Франкфуртской колонии. Во владении бывших колонистов было 250 дес. удобной земли, с которой они должны были платить 171 руб. 20 коп. ежегодно⁵³ или 68 коп. / дес.

Решение о выкупе было принято на сходе 25 июля 1875 г., о чем было записано в протоколе, заверенном на следующий день волостным старостой Васильевым⁵⁴. Уже осенью того же года в уездное казначейство поступили 2853 руб. 33 коп. Губернское по крестьянским делам присутствие совершило ошибку, посчитав данную сумму достаточной для сложения с франкфуртцев годовой подати и выделения им земель в собственность. О чем и было сообщено Казенной палате 6 ноября 1875 г. Однако бухгалтерский стол Палаты усмотрел ошибку, о чем было сообщено по инстанции. Лишь 3 сентября 1876 г. Присутствие получило соответствующее отношение, в котором, в частности, обращалось внимание на недостачу в 570 руб. 67 коп. для окончательного решения вопроса⁵⁵. Учитывая внесенные ранее денежные сред-

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 190. Оп. 4. Д. 547. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Л. 4–4 об.

⁴⁹ Там же. Л. 2 об.

⁵⁰ Там же. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 7 об.

⁵² Там же. Л. 12 об.

⁵³ Там же. Ф. 258. Оп. 1. Д. 865. Л. 5.

⁵⁴ Там же. Л. 2–2 об.

⁵⁵ Там же. Л. 6.

ства, Казенная палата при составлении окладного листа на 1877 г. для Франкфурта определило размер подати в 28 руб. 54 коп.

Лишь в 1883 г. франкфуртским колонистам удалось внести недостающую сумму на счет уездного казначейства и ходатайствовать о введении их в права земельных собственников⁵⁶.

Реформа на удельных землях

Гораздо сложнее было организовать и осуществить выкупные операции в колониях, расположенных на иных землях. Одним из тормозящих факторов являлось большое число домохозяев, которым порой непросто было договориться между собой. Сказывалась и разная принадлежность колонистских земель. Если упоминавшиеся выше Стрельнинская, Знаменская, Александринская, Кипенская колонии числясь за дворцовым ведомством, были личной собственностью членов императорской фамилии, то Среднерогатская и Ижорская колонии к началу 1860-х гг. входили в состав Царскоскольского государева имения, так как по сути располагались на кабинетских землях.

Только в 1876 г. в Главном комитете обустройстве сельского состояния обратили внимание на Ижорскую колонию. Министерство императорского двора и уделов инициировало разрешение выкупа колонистами участков, находившихся в их пользовании⁵⁷. Это право им было предоставлено с 1 февраля 1877 г. после того, как Александр II утвердил соответствующее решение Комитета от 10 января того же года⁵⁸. Тогда же было объявлено, что выкуп земель, находящихся в их пользовании, следует осуществлять по соглашению с Удельным ведомством и с утверждения Министра императорского двора⁵⁹.

Сохранившиеся документы позволяют нам говорить о том, что поселяне-собственники, соглашаясь с возлагаемой на них обязанностью выкупа земли, «данную предкам <...> в вечное пользование», настоятельно просили уменьшить размер выкупной суммы, установленной Санкт-Петербургской удельной конторой в 52 735 руб. 50 коп., которую бывшие колонисты должны были внести в течение 30 лет⁶⁰. При удобной земле в 840 дес. ежегодный платеж составлял более 3 руб.

Ссылаясь на бедственное материальное положение, в котором они оказались после проведения железных дорог, бывшие колонисты неоднократно просили о сокращении возложенной на них выкупной суммы⁶¹. Однако все прошения были оставлены без последствий.

Заключение

С 1765 г. немецкие колонии в Санкт-Петербургской губернии были образованы на казенных, кабинетских, удельных землях. Юридическое положение некоторых колоний во второй четверти XIX в. изменилось: де-факто они были переведены из удельного ведения в частновладельческое, располагаясь на землях, находившихся в личной собственности членов императорской фамилии. Вплоть до реализации крестьянских реформ 1860-х гг. колонисты были пользователями земель, не имея права их самовольного отчуждения.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 865. Л. 16.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. 1876 г. Д. 96. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Л. 10–10 об.

⁵⁹ Там же. Оп. 66. 1879 г. Д. 19. Л. 1–1 об.

⁶⁰ Там же. Л. 5.

⁶¹ Там же. Л. 5 об. – 6.

Воплощение преобразований в эпоху «Великих реформ» для колонистов проходило на тех же условиях, что и для прочих поселян-собственников, что свидетельствует о гомогенизации немцев в глазах законодателей.

Реформы в деревне 1860-х гг. имели противоречивые последствия для немецких колоний. Разработанные нормативные акты позволили колонистам, как и другим крестьянам, проживавшим на казенных или удельных землях, посредством выкупных платежей стать собственниками наделов. Реализация реформ на казенных, удельных и иных землях, на которых были расположены колонии, растянулась на десятилетия и была в целом завершена к началу XX в. Это способствовало дальнейшему формированию и развитию рынка земельной собственности, что явилось важным условием для дальнейшей экономической модернизации в деревне.

В то же время в немецкой колонии намного резче, чем, например, в русской деревне, произошел процесс имущественного расслоения. Право на земельные наделы получили лишь домовладельцы, число которых в каждой колонии было фиксировано. Выступая консолидированно против земельных переделов, они способствовали концентрации земли в своих руках и формированию многочисленного слоя безземельных колонистов.

Поступила в редакцию / Submitted: 3.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.05.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 9.06.2025

References

- Bakhmutskaia, E.V. "German colonies of the St. Petersburg province. 1760s – 1870s." PhD diss., St. Petersburg University, 2002 (in Russian).
- Cherkazyanova, I.V. "Nemetskaia koloniia v Strel'ne: 1810–2010 gg. [The German colony in Strelna: 1810 – 2010]." *Nemtsy Sibiri: Kul'tura*, no. 2 (2010): 41–50 (in Russian).
- Cherkazyanova, I.V. "Legislation on German Colonies Near St. Petersburg in 18th – Early 19th Centuries (Complete Collection of Laws of Russian Empire)." *Nauchnyi dialog* 12, no. 7 (2023): 525–542 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-525-542>
- Erokhina, O.V., and Litzenberger, O.A. "German Colonists in the Migration Policy of the Russian Autocracy (Analysis of the Laws of the Russian Empire)." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (2020): 810–823 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-810-823>
- Kayryak, A.A. "Nemetskie kolonii i vopros zemlevladieniia vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX v. [German colonies and the issue of land ownership in the second half of the XVIII – first half of the XIX century]." In *Obshchestvo i vlast' Rossii v period modernizatsii vtoroi poloviny XIX – XX vv.*, 67–74. Tambov: TGTU Publ., 2024 (in Russian).
- Koeppen, P.I. "Ob inorodcheskom, preimushchestvenno nemetskom naselenii Sankt-Peterburgskoi gubernii [About the non-native, predominantly German population of St. Petersburg province]." *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del*, no. 2 (1850): 181–209 (in Russian).
- Poberezhnikov, I.V. "Problemy v izuchenii rossiiskikh modernizatsii [Problems in studying Russian modernizations]." In *Ural promyshlennyy. Bakuninskie chteniia. Promyshlennaia modernizatsiia Rossii v XVIII–XXI vekakh: materialy XIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Yekaterinburg, 18–19 oktiabria 2018 g.*, 93–102. Yekaterinburg: Ural'skoe otделение Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2018 (in Russian).
- Schrader, T.A. "Pravovaia i kul'turnaia adaptatsiia nemetskiikh kolonistov v Peterburgskoi gubernii v poreformennoe vremia [Legal and cultural adaptation of German colonists in St. Petersburg province in the post-reform period]." In *Peterburg i provintsiia: Istoriko-etnograficheskie issledovaniia*, 132–140. Leningrad: Nauka Publ., 1989 (in Russian).

- Shaidurov, V.N. "Nemetskie kolonii i «Velikie reformy» (na primere Sankt-Peterburgskoi gubernii) [German colonies and «Great reforms» (on the example of the St. Petersburg province)]." In *Obshchestvo i vlast' Rossii v period modernizatsii vtoroi poloviny XIX–XX vv.*, 99–103. Tambov: TGTU Publ., 2024 (in Russian).
- Shaidurov, V.N., and Erokhina, O.V. "The German colonies of the St. Petersburg province: their appearance and development in 1765–1800." *Journal of Frontier Studies*, no. 1 (2023): 16–31 (in Russian), <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.493>
- Yukhneva, N.V. "Nemtsy v Peterburge vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Germans in St. Petersburg in the second half of the 19th – early 20th century]." In *Zony etnokontakta v evropeiskoi chasti SSSR*, 85–96. Moscow: Moskovskoe otделение Geograficheskogo obshchestva, Publ., 1989 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Николаевич Шайдунов, доктор исторических наук, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>; SPIN-код: 1904-6910.

Vladimir Nikolaevich Shaidurov, Dr. Habil. Hist., Head of the Scientific and educational center for historical research and analysis, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>; SPIN-code: 1904-6910.

Анна Алексеевна Кайряк, лаборант Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; anna_solveig@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-2197-1565>; SPIN-код: 1737-0132.

Anna Alekseyevna Kayryak, Research assistant of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; 10 Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; anna_solveig@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-2197-1565>; SPIN-code: 1737-0132.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-330-342>

EDN: OFYAVQ

Научная статья / Research article

Военная реформа и немецкие колонисты: ожидания и реальность

Ольга Викторовна Ерохина

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
Россия

✉ erohina1@mail.ru

Аннотация: Раскрывается история проведения военной реформы в России в 1874 г. и отношение к ней переселившихся сюда в эпоху Екатерины II немецких колонистов и меннонитов, имевших привилегию – освобождение от военной службы. Однако ситуация меняется с проведением реформы Александра II в 1874 г., когда они обязаны были выполнять всеобщую воинскую повинность наравне с остальным населением страны, что нанесло чувствительный удар по сложившемуся у них более чем за сто лет укладу и образу жизни. Не все колонисты были готовы к выполнению этой обязанности, поэтому они стремились эмигрировать из страны. В основном предпочитали переселяться в Америку, но некоторые рассматривали в качестве нового места жительства присоединенные территории в Средней Азии. Исключение составляли меннониты, которые отказывались от несения воинской повинности из-за религиозных соображений. Изучив все обстоятельства, российские власти пошли им навстречу, заменив службу в армии на службу в лесных командах и санитарных батальонах. В этой связи раскрывается процесс разработки реформ и включения немецких колонистов в призывную кампанию. Используя количественные методы, установлено, что процент уклонистов из немецкой среды от общего количества призываемых и уклоняющихся от службы русских был намного ниже. Изучение вопроса об использовании льгот по семейному положению или уровню грамотности показало, что колонисты не всегда ими пользовались в силу ряда причин, в том числе из-за незнания законов.

Ключевые слова: военное министерство, немецкие поселенцы, альтернативная служба, воинская обязанность, немцы Санкт-Петербурга

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-20025), <https://rscf.ru/project/23-18-20025/> и Санкт-Петербургского научного фонда. Название проекта: Немцы Санкт-Петербурга: история формирования и эволюции этнического сообщества. Руководитель В.Н. Шайдуров.

Для цитирования: Ерохина О.В. Военная реформа и немецкие колонисты: ожидания и реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 330–342. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-330-342>

Military Reform and German Colonists: Expectations and Reality

Olga V. Erokhina

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

✉erohina1@mail.ru

Abstract: The author reveals the history of the military reform in Russia in 1874 and the attitude towards it of German colonists and Mennonites who had resettled here during the era of Catherine II and had the privilege of being exempt from military service. However, the situation changed after the reform of Alexander II in 1874, when they were obliged to perform compulsory military service along with the rest of the country's population. This reform dealt a sensitive blow to the way of life they had established for more than a hundred years. Not all colonists were ready to fulfill this obligation, and many sought to emigrate from the country. They mostly preferred to move to the United States, but some considered the annexed territories in Central Asia as a new place of residence. The exception to these colonists was the Mennonites, who refused to perform military service for religious reasons. After examining their circumstances, the Russian authorities met them halfway, replacing military service with service in forestry teams and medical battalions. The author characterizes not only the process of developing reforms, but also the process of their inclusion in the conscription campaign including: drawing up conscription lists, drawing lots, and the medical examination of conscripts. Using quantitative methods, the author establishes that the percentage of German draft dodgers from the total number of conscripts and German draft dodgers from Russian service was much lower than average. Studying the issue of using benefits based on family status or literacy rate showed that they did not always make an effort to use them, possibly due to their ignorance of local laws.

Keywords: Ministry of War, German settlers, alternative service, military duty, Germans of St. Petersburg

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project № 23-18-20025), <https://rscf.ru/project/23-18-20025/> and the St. Petersburg Science Foundation. Project title: "Germans of St. Petersburg: history of the formation and evolution of an ethnic community." Supervised by V.N. Shaidurov.

For citation: Erokhina, O.V. "Military Reform and German Colonists: Expectations and Reality." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 330–342 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-330-342>

Введение

Актуальность. Социально-экономическая и военная отсталость Российской империи от европейских держав в наибольшей степени проявилась после Крымской войны. Именно ее последствия подтолкнули российские власти на проведение реформ во всех сферах, включая военную. В этот процесс оказались втянуты и российские немцы.

Первоначально их лишили статуса колонистов в 1871 г., заменив его на поселян-собственников и уравнив с положением российского крестьянства. Затем обязали нести воинскую повинность. В связи с этим важно показать, как «немецкий вопрос» обсуждался при разработке военной реформы и какую реакцию он встретил у немецкого населения, вынужденного адаптироваться к ней.

Степень изученности проблемы. О военных реформах, проведенных Д.А. Милютиным в 1860–1870-е гг., написано значительное количество работ с привлечением разнообразных источников¹. Но литературы, посвященной военной службе немцев в Российской империи, относительно немного.

¹ Глушаченков А.А., Чертищев А.В. Военные реформы в истории России. М., 2011. EDN: QPUGCP; Игнатенко В.М., Соловьев Д.Н. Военные реформы 1862–1874 годов в России. СПб., 2010; Корнилов В.А. Воинская повинность в условиях реформ 60-х годов XIX века в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2011. № 2. С. 25–40. EDN: OXYRFB

Первым, кто уделил внимание рассмотрению этой проблемы, был С.Г. Нелипович, который на основе архивного материала попытался охарактеризовать службу немцев в российской армии в период Первой мировой войны и выявить роль военного министерства в изменении их положения². Затем появились публикации, посвященные немцам, отличившимся на военной службе в XVIII–XIX вв., и формированию отношения немцев к военной службе на примере Поволжья³.

Кроме того, исследователей интересовали правовые аспекты введения альтернативной службы для меннонитов и их реакция на ее применение. К изучению этого вопроса обращались А.С. Жарова, К.В. Стволыгин и другие⁴.

Из зарубежных исследований мы бы отметили работы Л. Клиппенштейна и В. Дённигхауса, в которых анализировалась военная реформа и обращалось внимание на особенности ее проведения в отношении меннонитов и немецких колонистов⁵.

Цель нашего исследования – реконструировать процесс разработки и реализации реформы всеобщей воинской повинности применительно к проживавшим в Российской империи немецким колонистам и меннонитам.

Источниковая база. Чтобы показать, как решался вопрос о привлечении немецкого населения к исполнению воинских обязанностей, и выяснить их реакцию на проводимые мероприятия, мы использовали документы фонда Комиссии для разработки положения о личной военной повинности в империи и царстве Польском (Ф. 378), Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба (Ф. 846), Главного штаба (Ф. 400), хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве; документы Особого присутствия о воинской повинности при Государственном Совете (Ф. 1246), Департамента общих дел МВД (Ф. 1284), Департамента полиции исполнительной МВД (Ф. 1286), Управления по делам о воинской повинности МВД (Ф. 1292), Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (Ф. 1409), хранящиеся в Российском государственном историческом архиве; документы Петроградского губернского и уездного по воинской повинности присутствия (Ф. 232), Петроградского губернского правления (Ф. 254), хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Кроме того, нами были изучены законодательно-актовый материал и воспоминания Д.А. Милютина.

² *Нелипович С.Г.* Генерал-от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42–53; *Нелипович С.Г.* Немцы на российской военной службе: исторический и историографический феномен // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 238–248.

³ *Ауман В.А., Байер А.Г., Португальский Р.М., Рунов В.А.* Немцы на военной службе в Российской империи. М., 2006; *Шульга Г.И.* Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008.

⁴ *Жарова А.С.* Меннониты на службе в лесных командах Курганского уезда Тобольской губернии (конец XIX – начало XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 38. С. 114–117. EDN: LARSYJ; *Стволыгин К.В.* Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи. Минск, 2010. EDN: LPNCTG

⁵ *Клиппенштейн Л.* Отказ от военной службы по мотивам совести в менонитских общинах царской России // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М., 1997. С. 150–171; *Dönnighaus V.* Das Verhältnis von Deutschen und Russen zum Militärdienst (1874–1914) am Beispiel des Wolgagebietes // V. Herdt, D. Neutatz Gemeinsam getrennt. Bäuerliche Lebenswelten des späten Zarenreiches in multiethnischen Regionen am Schwarzen Meer und an der Wolga. Wiesbaden, 2009. S. 104–118.

Разработка военной реформы

К середине XIX в. в Российской империи, по мнению И.А. Христофорова, сложилась «предреформенная ситуация»⁶. В российском аристократическом обществе усиливалась позиция приверженцев проведения реформ. Среди них особо выделялись великая княгиня Елена Павловна и великий князь Константин Николаевич. Смерть Николая I и поражение в Крымской войне послужили своеобразным катализатором для активизации деятельности либералов. В 1857 г. в Петербурге все более заметным становится «стремление к преобразованиям, к изобретению чего-то нового»⁷.

Начинается последовательная разработка реформ, которые приведут к отмене крепостного права, введению земского и городского самоуправления, а также новой судебной системы. Не минует эта участь и военное дело.

Благодаря князю А.И. Барятинскому в августе 1861 г. генерала Д.А. Милютину назначили товарищем военного министра, а 9 ноября утвердили в должности военного министра. На новом месте службы, как вспоминал Д.А. Милютин, «ему пришлось приняться за переустройство <...> военных сил и всех частей военного управления», при том, что в «Военном министерстве уже были подняты некоторые вопросы и разрабатывались предположения в смысле улучшения в устройстве войск»⁸.

Для разработки программы преобразований была создана комиссия, в которую вошли не только назначенные императором лица, но и «ближайшие сотрудники» военного министра: генерал-лейтенант Ф.Л. Гейден, генерал-майор свиты К.П. Кауфман, генерал-лейтенант А.А. Данзас, генерал-лейтенант Н.И. Карлгоф. Кроме того, им были приглашены бывший редактор «Свода военных постановлений» Ф.Г. Устрялов и профессор военной администрации в Николаевской Академии Генерального Штаба В.М. Аничков. По мнению Д.А. Милютина, «приниматься за переделку старого возможно только с новыми людьми»⁹.

Важнейшими проблемами, по мнению разработчиков реформы, были организация войск, система боевой подготовки, перевооружение армии, реорганизация системы военного образования, центрального и местных органов военного управления. Однако наиболее оживленная дискуссия велась по вопросу комплектования армии. В связи с этим была создана комиссия по пересмотру рекрутского устава под председательством статс-секретаря действительного тайного советника Н.И. Бахтина.

На первом же заседании был поднят вопрос о существующих льготах от рекрутской повинности¹⁰. На последовавших восьми заседаниях обсуждались льготы иностранных переселенцев и колонистов, которых они поделили на три разряда: 1) имевшие льготы на вечные времена; 2) освобожденные пожизненно с наличными детьми; 3) освобожденные на определенный срок.

К первой категории отнесли колонистов, приехавших в Российскую империю по приглашению Екатерины II на основании манифеста от 28 июля (правильная дата 22 июля – О.Е.) 1763 г., гродненских мещан, белостокских поселенцев, золингенских

⁶ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 3: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2016. С. 71.

⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 13. Ед. хр. 2. Л. 188.

⁸ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. С. 243.

⁹ Там же. С. 245.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 378. Оп. 1. Д. 9. Л. 66–68.

оружейников, работавших на Златоустовском заводе, суконщиков, мастеровых и рабочих из Царства Польского, переселившихся в центральные губернии, заграничных овцеводов, овчаров, пастухов и ветеринаров. Во второй разряд вошли руснаки¹¹ и задунайские выходцы¹² 1853–1854 гг. Третий разряд составили меннониты, поселившиеся в стране до 19 ноября 1851 г., которых через 20 лет должны были причислить к сословию иностранных поселенцев с обязательной выплатой рекрутского денежного сбора в размере цены рекрута, определенной на то время¹³.

По ревизии 1857 г., всего податного населения в Российской империи насчитывалось 29 млн мужчин, из которых от службы в армии были освобождены 4,8 млн чел., в том числе 238 683 колонистов¹⁴. Следует отметить, что на основании манифеста 1763 г. колонисты получили освобождение от податей, служб и содержания постоев. Все эти льготы были им подтверждены Уставом о колониях иностранцев в империи, но с некоторыми изменениями¹⁵. Если по собственному желанию они хотели поступить на военную службу солдатами, то им полагалось кроме обычного жалования дополнительное вознаграждение в размере 9 руб. Однако до этого платили 30 руб.¹⁶

Вместе с тем подтверждалось освобождение от постоев и квартирования колонистам Сарепты (небольшой колонии в Поволжье), прибалтийских губерний, лифляндским, шотландским и базельским колонистам, Санкт-Петербургским (среднерогатским, ижорским, новосаратовским, ямбургским и царскосельским колонистам-фабрикантам), представителям Санкт-Петербургского дома Сарептских Евангелических братьев. Остальные должны были предоставлять на безвозмездной основе квартиры для постоя только на ночлег или отдых, если через них будут проходить воинские команды¹⁷. В военно-статистических отчетах сообщалось о значительном количестве таких поселений. Только в Таврической губернии насчитывалось 95 колоний¹⁸.

Комиссия обратила внимание, что привилегии им давались в основном в прошлом столетии, когда государство «находилось в иных совершенно условиях, чем теперь». В связи с этим был сделан вывод:

некоторые колонисты пользуются изъятием от рекрутства едва ли не целое столетие и составляя класс поземельных собственников, не могут оставаться вечно свободными от участия в комплектовании армии, которая, защищая неприкосновенность государства, защищает с тем вместе и поземельные владения колонистов... справедливо было бы сравнить теперь же в рекрутской повинности с остальным населением России...или привлечь их хотя бы к отправлению этой повинности деньгами¹⁹.

¹¹ Народность, проживавшая в Бессарабии.

¹² Переселенцы с Балкан (болгары и гагаузы), переселившиеся в Южную Бессарабию.

¹³ РГВИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 9. Л. 562.

¹⁴ *Миронов Б.Н.* Новая историческая демография имперской России (часть 1): аналитический обзор современной литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2006. № 4. С. 65. EDN: RTTBDP; *Корнилов В.А.* Воинская повинность в условиях реформ 60-х годов XIX века в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2011. № 2. С. 35. EDN: OXYRFB

¹⁵ Устав о колониях иностранцев в империи // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. II. Тетрадь 4. СПб., 1857. С. 3–98.

¹⁶ Манифест Екатерины II о приглашении иностранных колонистов на поселение в Россию // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVI. С. 314–315.

¹⁷ Устав о колониях иностранцев в империи // СЗ РИ. 1857. Т. XII. Ч. II. Тетр. 4. С. 34, 36.

¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16 (т. 3). Д. 19073. Л. 27–28 об.

¹⁹ РГВИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 9. Л. 563, 701 об.

Сформированное решение отправили на утверждение Государственного Совета в апреле 1864 г. Его рассмотрению уделили несколько дней – 13 и 20 ноября 1864 г., а также 1 февраля 1865 г. Из 59 членов за сохранение льгот колонистам высказалось 14, но несмотря на это Александр II принял решение оставить в силе существовавшие льготы.

Кроме вопроса о льготах, бурное обсуждение вызвали предложения об увеличении численности армии и расходов на ее содержание. Князь А.И. Барятинский считал, что для увеличения «боевых сил России» достаточно сократить лишние расходы, и с ним соглашался министр финансов М.Х. Рейтерн²⁰.

Довольно интересное предложение сделал генерал-лейтенант И.А. Ган, подавший 19 декабря 1867 г. в комиссию по пересмотру рекрутского устава проект, не получивший поддержки членов комиссии. Автор предлагал понизить призывной возраст с 21 года до 19 лет, объясняя это тем, что «до 20 лет бывает менее женатых... не подлежит спору, что холостой солдат лучше, ибо составляет менее бремени для войска»²¹. Льготные категории населения, освобожденные от рекрутской повинности, предлагалось обложить денежным сбором в зависимости от возраста: от 18 до 21 года – 2 руб., 21–25 лет – 6 руб., от 25–30 лет – 5 руб., от 30–40 лет – 1½ руб., от 40 до 60 лет – ½ руб. В среднем на рекрута приходилось 300 руб., которые распределялись следующим образом: на обмундирование рекрута 15 руб., на подводку, квартиру, содержание 10 руб., рекруту на руки 25 руб. Оставшиеся 250 руб. должны были составить неприкосновенный фонд и помещены в банк под 4%, чтобы при отставке солдат мог их получить. При этом И.А. Ган обращал внимание на то, что рекрут

прослужив 15 лет, возвращается домой почти бесполезным для нее (общины – О.Е.) членом, он отвык от сохи, часто ослабел здоровьем, кроме того, много других причин вынуждают его искать себе более легкие средства к пропитанию²².

Ситуация с разработкой военной реформы меняется в связи с началом франко-прусской войны 1870–1871 гг. 7 ноября 1870 г. Д.А. Милютин обратил внимание императора на «необыкновенно быстрое формирование германских армий в нынешнюю войну», а также безостановочное возобновление потерь чинов в боевых частях этих армий. Вместе с тем военным министром отмечалось, что вооруженные силы Германии насчитывают 1,150 млн чел., Австрии до 1 млн, а Россия в случае войны могла противопоставить только 500 или 600 тыс. человек. В связи с этим он задавал вопрос: «Следует ли привлечь к исполнению воинской повинности все население»²³?

17 ноября 1870 г. была создана комиссия для разработки реформы о воинской повинности под председательством генерал-адъютанта Ф.Л. Гейдена. 1 февраля 1871 г. полковником М.С. Максаковским в комиссию была представлена «Объяснительная записка о льготах и изъятиях при отправлении воинской повинности», который считал, что лишить колонистов льгот будет сложно. Они были им предоставлены при переселении в Россию, но в «в настоящее время в подобном привлечении иностранцев» нет необходимости. Предлагалось распространить повинность, «предупреждая об этом колонистов заранее для того, чтобы несогласные с новым порядком, имели время устроить свои дела и выселиться из государства»²⁴. Менно-

²⁰ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 294–295. EDN: ZTG BAD

²¹ РГВИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 263. Л. 4.

²² Там же. Л. 3 об. – 11.

²³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 2. Л. 2–25.

²⁴ Там же. Л. 225–241.

нитов, по его мнению, можно было призывать на службу не иначе как в санитарные команды, потому что их льготы заканчивались в 1871 г.

Записку М.С. Максаковского обсуждали в комиссии 27 и 29 мая, 4 июня 1871 г. На заседаниях говорилось о том, что иностранные колонисты не нуждаются в освобождении от воинской повинности, потому что они

те же граждане российского государства, а потому и должны быть в такой же степени заинтересованы в обеспечении его от опасности, как и прочие подданные. Рассматривать же колонистов как особое государство в государстве, очевидно невозможно²⁵.

Что касается меннонитов, то комиссия признавала неудобным право меннонитов оплаты денежного сбора вместо военной службы. Учитывая их религиозные убеждения, следует призывать на службу

не иначе как в госпитальные команды и для исполнения работ в различных мастерских военного ведомства <...> чтобы во время состояния на службе они не носили оружие²⁶.

Но предполагалось распространить это право только на тех, кто переселился в Россию до 1862 г.

На заседаниях 5, 8, 12 октября 1871 г. опять говорилось о сохранении льготы от военной службы на 20 лет только для тех меннонитов, которые переселились до 1851 г. Прусским меннонитам Таврической губернии решено было предоставить право выбора, «пока законы Империи будут допускать замену личной повинности»: идти на военную службу, покупать рекрутские квитанции, частный наем охотника, денежный взнос за каждого рекрута²⁷.

Вместе с этим рассматривался вопрос о возможном уклонении колонистов от призыва в армию через эмиграцию или переселение на «льготные территории». Чтобы это предотвратить, предлагалось запретить мужчинам в возрасте от 15 до 22 лет покидать колонии без специального разрешения. Обсуждение этих вопросов длилось в комиссии до передачи проектов по воинской повинности в Государственный Совет в январе 1873 г., а 13 мая того же года комиссия была закрыта.

1 января 1874 г. императором Александром II были подписаны «Манифест о введении всеобщей воинской повинности» и «Устав о воинской повинности». Согласно этим документам служить в армии обязаны были все русские подданные мужского пола «без различия состояний»²⁸.

Порядок введения воинской повинности

Следует отметить, что разработка военной реформы больше всего привлекла внимание меннонитов²⁹, которые в силу своих религиозных убеждений не могли брать в руки оружие. Первое прошение было подано меннонитами Таврической губернии осенью 1871 г. императрице Марии Федоровне во время ее пребывания в Крыму,

²⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 2. Л. 157–158.

²⁶ Там же. Л. 158 об. – 159.

²⁷ Там же. Л. 358.

²⁸ Манифест и высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О введении всеобщей воинской повинности» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLIX. Отд. 1. № 52982, 52983. 1874. СПб., 1876. С. 1–29; Устав о воинской повинности. М., 1874. С. 1.

²⁹ *Ерохина О.В.* Лесные команды – альтернативная служба меннонитов в Российской империи до 1914 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 3. Т. 24. С. 68–78. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.6>

а в октябре 1872 г. на имя императора Александра II поступило ходатайство от гутерских братьев-сектантов из колонии Гуттендорф Екатеринославской губернии³⁰.

В ноябре 1872 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу представил государю записку, в которой предлагал: 1) даровать меннонитам льготу на 12 лет; 2) по истечении льготного срока назначать их на должности при госпиталях, мастерскими или техниками в заведения Морского ведомства; 3) группировать их в известных пунктах, для поддержания духовного общения³¹.

И хотя открытого противодействия со стороны немецкого населения правительство не встретило, но еще до утверждения указа в 1873 г. начался процесс выхода колонистов из русского подданства, и к концу года разрешения на это от Комитета Министров получили 389 человек³². Однако на следующий год только «за майскую треть» были поданы прошения от 87 немецких колонистов из Херсонской губернии.

15 февраля 1874 г. Таврический губернатор А.А. Кавелин сообщал, что желание выселиться изъявило 500 семейств меннонитов. Но есть полное основание предполагать, что переселение «примет большие размеры»³³. Ему было рекомендовано временно не выдавать им паспорта, а для переговоров с меннонитами Таврической и Екатеринославской губерниями отправили генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена³⁴.

8 апреля 1875 г. Госсоветом было принято решение о внесении изменений в правила отбывания обязательной службы меннонитов, которые дополнили статью 157 Устава об их альтернативной службе. В результате они должны были служить в мастерских морского ведомства, в пожарных командах и в особых подвижных командах лесного ведомства. Но правила не распространялись на тех, кто присоединился к секте или приехал в Россию после 1 января 1874 года³⁵.

17 июня 1874 г. Д.А. Милютину из Министерства внутренних дел была направлена записка о принятии мер к пресечению возможности российским подданным из иностранцев уклоняться от воинской повинности³⁶. 24 июля Военное министерство предложило местным властям при выдаче заграничных паспортов в точности соблюдать 3-ю статью Устава о воинской повинности, в которой говорилось:

Лица мужского пола, имеющие от роду более пятнадцати лет, могут быть увольняемы из русского подданства лишь по совершенном отбытии ими воинской повинности, или же по вынужти жеребья, освобождающего их от службы в постоянных войсках³⁷.

23 октября Министерство иностранных дел указало на то, что в действующих законах подобный случай не был предусмотрен, поэтому для увольнения из русского подданства не существует определенных правил и оно совершается не иначе, как по поручениям Комитета Министров для каждого отдельного случая. Поэтому его было «необходимо обставить такими условиями, чтобы оно не могло служить средством избавиться от воинской повинности»³⁸.

³⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 14. Л. 2, 4.

³¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 195. Л. 37–37об.

³² РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. 1874. Д. 117. Л. 20 об.

³³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 195. Л. 44.

³⁴ Ерохина О.В. Лесные команды – альтернативная служба меннонитов в Российской империи // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 69–78. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.6>

³⁵ РГИА. Ф. 1409. ОП. 3. Д. 8496. Л. 6; Об отбывании обязательной службы меннонитами // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. L. Отд. I. № 54568. СПб., 1877. С. 340.

³⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. 1874. Д. 117. Л. 6.

³⁷ Устав о воинской повинности. М., 1874. С. 1.

³⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. 1874. Д. 117. Л. 18 об.

29 октября этот вопрос был заслушан на заседании Комитета Министров³⁹. Обращалось внимание на то, что с целью уклонения от воинской службы из подданства выходило значительное количество многосемейных и более половины из них не достигших 15-летнего возраста. Так, властями Саратовской губернии отмечалось, что с 1874 г. по 1881 г. из Камышинского уезда в Америку выселилось из 5 волостей от 450 до 500 семей⁴⁰, в то время как из Санкт-Петербургской губернии сведения об эмиграции отсутствуют.

При этом часть из них оставалась проживать в России как иностранные подданные. По существующим законам не воспрещалось жить в России лицам, вышедшим из подданства, к тому же все ограничения в имущественных правах для них были отменены. Например, поселянина-собственника⁴¹ Херсонской губернии А.А. Эрлингера уволили из русского подданства 21 августа 1874 г., но, получив турецкий паспорт, он вернулся на прежнее место жительства⁴².

Поэтому было принято решение ходатайствовать перед императором о возможности увольнения из русского подданства тех, кто не подлежал призыву или не имел лиц мужского пола призывного возраста. Министерству внутренних дел было рекомендовано удовлетворять только те ходатайства, которые «будут заслуживать особого внимания». 19 августа 1877 г. Государственным Советом были внесены поправки: при составлении призывных списков лицам, родившимся после десятой народной переписи, ревизские сказки заменяются посемейными списками, установленными в 1874 г.⁴³

Реализация военной реформы в первые годы

На основании ст. 87 Устава о воинской повинности в 12 городах Российской империи были созданы отдельные городские по воинской повинности присутствия: в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Риге, Казани, Харькове, Киеве, Саратове, Вильно, Кишиневе, Кронштадте, Николаеве и Севастополе⁴⁴. Санкт-Петербургская городская управа 18 февраля 1874 г. приняла решение о разделе города на восемь призывных участков, которым передали все предметы «для измерения роста и для исследования здоровья призываемых»⁴⁵. 5 марта 1874 г. в Санкт-Петербурге открыли городское по воинской повинности присутствие.

Устав обязывал всех лиц «мужского пола, за исключением сельского податного состояния обывателей» в возрасте от 16 до 20 лет «получить свидетельство о приписке к призывному участку». Призываемые, достигшие 20-летнего возраста, были разделены на две категории: 1) лица, внесенные в ревизские сказки или приписанные к обществам, после ревизии числившиеся по месту своего проживания; 2) лица, изъятые от внесения в десятую народную перепись, а также вышедшие после ревизии из податного состояния должны были выбрать место приписки к призывному участку по месту нахождения недвижимости его или родителей или месту своего проживания⁴⁶.

³⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. 1874. Д. 117. Л. 20–23.

⁴⁰ Шульга Г.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 19.

⁴¹ 4 июня 1871 г. утверждены Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов). Но в документах их продолжали писать как колонистов: ПСЗ РИ. II. Т. XLVI. Отд. I. № 49705. СПб., 1871. С. 813–819.

⁴² РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. 1874. Д. 117. Л. 38.

⁴³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 8623. Л. 18.

⁴⁴ Устав о воинской повинности. М., 1874. С. 32.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 232. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–27; РГИА. Ф. 1292. Оп. 3. Д. 36. Л. 19.

⁴⁶ Устав о воинской повинности. М., 1874. С. 35–36.

Не позднее 15 апреля ежегодно уездные присутствия составляли призывные списки для волостных правлений, но до этого необходимо было их зачитать на сельских сходах для выявления правильности сведений. Однако губернатор Санкт-Петербурга И.В. Лутковский считал, что в случае необходимости срок можно было и продлить до 1 мая⁴⁷.

В первые годы на призывные участки выезжали высокопоставленные лица, чтобы проконтролировать соблюдение правил призыва в армию. В Санкт-Петербурге на первом призывном участке присутствовали Великий Князь Николай Николаевич Старший, начальник штаба Ф.Л. Гейден, начальник штаба Санкт-Петербургского военного округа П.А. Шувалов, управляющий земским отделом внутренних дел Ф.Л. Барыков, Санкт-Петербургский губернатор И.В. Лутковский, Санкт-Петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов и другие⁴⁸.

Как проводился ежегодный призыв в армию, можем узнать из объявления Санкт-Петербургского городского по воинской повинности присутствия. 1 ноября совершался молебен, затем проверялся возраст по наружному виду тех, у кого отсутствовали документы, уточнялся список призывников в алфавитном порядке и можно было заявить об имеющейся льготе, предоставив соответствующие документы. К 5 ноября готовилось соответствующее количество пронумерованных билетов для жеребьевки, которая начиналась с 11 часов утра с фамилиями на буквы: 5 ноября – А, Б и В; 6 ноября – от Г до И; 8 ноября – от К до Н; 9 ноября – О, П, Р, и С; 10 ноября – от Т до Я. Затем начиналось медицинское освидетельствование молодых людей, не только призывников, но и получивших в предыдущем году отсрочки, проводившееся около недели⁴⁹.

По закону 1874 г. призываться должны были только молодые мужчины, которых в семье было по несколько человек. Можно было воспользоваться льготой по семейному положению, но немецкие колонисты редко ею пользовались. Немецкие общины часто отказывались признавать даже «совершенно слепых, безногих и безруких» колонистов⁵⁰.

Министерством внутренних дел отмечалось, что в семи губерниях, где преимущественно проживали немцы-колонисты, стремления к уклонению от воинской повинности не замечалось. Но немаловажной причиной недобора призывных являлось «забракование их по состоянию здоровья»⁵¹.

Действительно, в отчетах губернаторов отмечалось, что призывники из немецких колоний из года в год являются истощенными или больными. После проведенного дознания было выявлено, что

истощение исходит от приема, перед призывом, более или менее продолжительное время керосина или постных /растительных/ масел, а болезни вызываются искусственно, равно искусственно производится и заражение трахомой⁵².

Вместе с тем медицинские комиссии, занимавшиеся осмотром призывников, писали о наличии различных видов заболеваний и телесных недостатков среди них.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 3847. Л. 45–45 об.

⁴⁸ Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в Санкт-Петербурге. Отчет Санкт-Петербургского Городского Присутствия за 1874 год. СПб., 1875. С. 30.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 232. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.

⁵⁰ Шульга Г.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 21.

⁵¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 71. Л. 4.

⁵² Там же Л. 21 об.

Так, в отчете за 1878 г. Санкт-Петербургского городского по воинской повинности присутствия отмечались болезни недостатки груди (деформация грудной клетки – *О.Е.*) у 435 чел., болезни костной системы – 49 чел., недостаток роста – 45 чел. (по ст. 43 Устава воинского рост должен был составлять не меньше 2 аршин и 2½ вершка), болезни сердца – 16 чел. и т.д.⁵³ Врачи приходили к выводу, что

результаты эти лучше всего свидетельствуют, насколько неблагоприятно развивается наше молодое поколение под влиянием столичной жизни и местных климатических условий⁵⁴.

В Министерстве внутренних дел возникло предложение распространить на немцев-колонистов существующие правила о внезапном освидетельствовании состояния здоровья лиц нехристианских исповеданий, которым была предоставлена при призыве отсрочка «по слабосилию и не возмужалости», с целью «пресечь уклоняющемуся путем изнурения себя возможность получить при вторичном освидетельствовании в обычный срок новую отсрочку», а затем и полное освобождение от службы.

По просьбе Министерства внутренних дел была составлена «Справка о степени исправности отбывания немцами-колонистами воинской повинности» за период с 1899 по 1901 г. Ее данные дают представление о том, как распределялся процент уклонявшихся по семи губерниям: Бессарабской – 35,7%, Херсонской – 17,4%, Саратовской – 14,3%, Волынской – 8,3%, Самарской – 7%, Таврической – 5,9%, Екатеринославской – 3 %⁵⁵.

В связи с этим генерал-адъютант П.С. Ванновский обращал внимание на то, что процент неявившихся к призыву немцев-колонистов был невысок, но тем не менее он из года в год повышался. Им предлагалось привлекать семьи уклонившихся к 300 рублевому штрафу, подобно тому, как это было установлено для евреев. Но его предложение не было поддержано.

После окончания работы призывных комиссий новобранцев отпускали по домам. На призывные пункты они собирались к 1 января и затем распределялись на места службы.

Постепенно колонисты привыкли к выполнению воинской обязанности. Один из немецких призывников писал, что со временем колонисты

стали рассматривать воинскую повинность как обычное дело и при чтении писем эмигрантов, в которых описывались тяготы жизни в Новом Свете, воинская служба представлялась как меньшее из зол⁵⁶.

Заключение

При проведении военной реформы власти стремились охватить представителей всех сословий и национальностей, проживавших в Российской империи. После многочисленных прений она была распространена и на немецких колонистов, которые относительно спокойно отреагировали на ее внедрение. Исключение составили меннониты, потому что их религиозные взгляды запрещали им брать в руки оружие. Начавшееся движение переселения их в Америку заставило власти пойти на компромисс и разрешить нести альтернативную службу в лесных командах или санитарных

⁵³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 3. Д. 324. Л. 12–13.

⁵⁴ Там же. Д. 36. Л. 27.

⁵⁵ Там же. Оп. 5. Д. 71. Л. 1.

⁵⁶ Шульга Г.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах... С. 21.

батальонах. До 1881 г. колонисты могли отказаться от российского подданства и уехать из страны, если они не были готовы выполнять эту обязанность. С 1882 г. их стали на постоянной основе призывать на военную службу. Призывные комиссии отмечали низкий процент уклонистов среди немцев по сравнению с русским населением. Годы Первой мировой войны показали их преданность российскому отечеству. Среди колонистов было много награжденных георгиевскими крестами и медалями. Даже меннониты несмотря на свое вероучение добровольно уходили на фронт санитарями или водителями машин.

Поступила в редакцию / Submitted: 02.09.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.03.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 8.06.2025

References

- Auman, V.A., Bayer, A.G., Portugal'skii, R.M., and Runov, V.A. *Nemtsy na voennoi sluzhbe v Rossiiskoi imperii* [Germans in military service in the Russian Empire]. Moscow: Informatsionno-izdatel'skoe agentstvo «Est'-fakt» Publ., 2006 (in Russian).
- Erokhina, O.V. "Forest teams as an alternative service of the Mennonites in the Russian Empire until 1914." *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, no. 3 (2019): 68–78 (in Russian), <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.6>
- Dönninghaus, V. "Das Verhältnis von Deutschen und Russen zum Militärdienst (1874–1914) am Beispiel des Wolgagebietes." In *Gemeinsam getrennt. Bäuerliche Lebenswelten des späten Zarenreiches in multiethnischen Regionen am Schwarzen Meer und an der Wolga*, 104–118. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009 (in German).
- Glushachenkov, A.A., and Chertishchev, A.V. *Voennye reformy v istorii Rossii: monografiia* [Military reforms in Russian history]. Moscow: Izdatel'stvo Voenno-vozdushnoi inzhenernoi akademii Publ., 2011 (in Russian).
- Ignatenko, V.M., and Solov'yev, D.N. *Voennye reformy 1862–1874 godov v Rossii* [Military reforms of 1862–1874 in Russia]. St. Petersburg: SRP "Pavel" VOG Publ., 2010 (in Russian).
- Klippenshtein, L. "Otkaz ot voennoi sluzhby po motivam sovesti v mennonitskikh obshchinakh tsarskoi Rossii [Conscientious objection in Mennonite communities in tsarist Russia]." In *Dolgii put' rossiiskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoi i obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii*, 150–171. Moscow: IVI RAN Publ., 1997 (in Russian).
- Kornilov, V.A. "Conscription During the Reforms of the 60s of 19th Century in Russia." *MCU Journal of Historical Studies*, no. 2 (2011): 25–40 (in Russian).
- Mironov, B.N. "New historical demography of imperial Russia (Part 1): an analytical review of modern literature." *Vestnik of Saint-Petersburg university. History*, no. 4 (2006): 62–90 (in Russian).
- Milyutin, D.A. *Vospominaniia general-fel'dmarshala grafa Dmitriia Alekseevicha Miliutina. 1860–1862* [Memoirs of Field Marshal General Count Dmitry Alexeevich Miliutin. 1860–1862]. Moscow: Rossiiskii fond kul'tury studiia 'Trite' Nikity Mikhalkova 'Rossiiskii arkhiv' Publ., 1999 (in Russian).
- Nelipovich, S.G. "Infanterie General N.N. Yanushkevich: 'The German pathos to dismiss, and without tenderness...'" *Military History Journal*, no. 1 (1997): 42–53 (in Russian).
- Shul'ga, G.I. *Nemtsy Povolzh'ya v rossiiskikh vooruzhennykh silakh: voinskaia sluzhba kak faktor formirovaniia patrioticheskogo soznaniia* [Volga Region Germans in the Russian Armed Forces: Military Service as a Factor in Forming Patriotic Consciousness]. Moscow: Mezhdunarodnyi soiuz nemetskoi kul'tury Publ., 2008 (in Russian).
- Stvologin, K.V. *Otkazy ot voennoi sluzhby vsledstvie ubezhdenii v Rossiiskoi imperii* [Conscientious objection to military service in the Russian Empire]. Minsk: RIVSH Publ., 2010 (in Russian).
- Zharova, A.S. "Mennonity in service in forestry teams of Kurgan district, Tobolsk province (late 19th – early 20th century)." *Bulletin of Chelyabinsk State University. History*, no. 38 (2009): 114–117 (in Russian).

Zaionchkovskii, P.A. *Voennye reformy 1860–1870 godov v Rossii* [Military reforms of 1860–1870 in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1952 (in Russian).

Zaionchkovskii, P.A. *Samoderzhavie i russkaia armii na rubezhe XIX–XX stoletii* [The autocracy and the Russian army at the turn of the 19th and 20th centuries]. Moscow: Mysl' Publ., 1973 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ольга Викторовна Ерохина, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; Россия, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; erohina1@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5158-7110>; SPIN-код: 8642-4690.

Olga Viktorovna Erokhina, Dr. Habil. Hist., Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; 10 Peterburgskoye shosse Str., Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; erohina1@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5158-7110>; SPIN-code: 8642-4690.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-343-363>

EDN: OGYQXE

Научная статья / Research article

Татарский центральноазиатский нарратив 1905 г.: петиции, адресованные в центральные имперские структуры

Ильдус Котдусович Загидуллин

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань,
Россия
zagik63@mail.ru

Аннотация: По нормативным актам последней трети XIX в. исследованы внутривластные курсы властей степных областей и Туркестана по отношению к татарскому населению и реакция татар на их действия в начальный период Первой русской революции 1905–1907 гг., дана краткая характеристика демографическому облику татарских обществ в Центральной Азии. Цель исследования – реконструкция практик татар региона по составлению прошений и анализ текстов петиций на предмет выявления их нужд и чаяний. Участие ряда татарских обществ региона в петиционной кампании оценивается как проявление их общественной активности по отстаиванию своих прав перед имперскими структурами. В рамках анализа организации подачи прошений по областям выявлены их количество и хронологические рамки, список обществ/поселений и активисты-организаторы, даты составления и адресаты их подачи, законодательные новшества самодержавия, ставшие мотивацией для составления петиций, степень использования образцовых текстов, освещаются формы составления прошений (группами или через доверенных лиц, избранных на собраниях приходских или сословных обществ). Анализ текстов осуществлен по таким темам как укрепление и расширение религиозно-культурной автономии, гражданские права и дополнительная защита этноконфессиональных особенностей.

Ключевые слова: татарское общественное движение, этноконфессиональная политика, самоидентификация татар, мусульмане Волго-Уральского региона, национальное движение мусульман

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Загидуллин И.К. Татарский центральноазиатский нарратив 1905 г.: петиции, адресованные в центральные имперские структуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 343–363. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-343-363>

Tatar Central Asian Narrative of 1905: Petitions Addressed to Central Imperial Structures

Il'dus K. Zagidullin

Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan,
Russia

✉zagik63@mail.ru

Abstract: Based on the normative acts of the last third of the 19th century, the author examines the internal policy of the authorities of the steppe regions and Turkestan towards the Tatar population and the reaction of the Tatars to their actions in the initial period of the First Russian Revolution of 1905–1907. They also provide a brief description of the demographic image of Tatar societies in Central Asia. The purpose of the study is to reconstruct the practices of the Tatars of the region in filing petitions and to analyze the texts of petitions in order to identify their needs and aspirations. The participation of a number of Tatar societies of the region in the petition campaign is assessed as a manifestation of their social activity in defending their rights before Imperial structures. In the context of the analysis of the organization of filing petitions by regions, the author reveals: their number (14) and chronological framework, a list of societies/settlements and activist-organizers, dates of petitions and their addressees, and legislative innovations of the autocracy which became the motivation for filing petitions. In addition, the author illustrates the degree of use of model texts from outside and neighboring societies and highlights the forms of filing petitions (by groups or proxies elected at meetings of parish or class societies). They also analyze available sources on such issues as the strengthening and expanding of religion, cultural autonomy, and the establishing additional protection of ethnic confessional and civil rights.

Key words: Tatar public movement, ethno-confessional policy, self-identification of Tatars, Muslims of the Volga-Ural region, national movement of Muslims

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Zagidullin, I.K. “Tatar Central Asian Narrative of 1905: Petitions Addressed to Central Imperial Structures.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 343–363 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-343-363>

Введение

Актуальность. В современной отечественной историографии исследование истории татар в Центральной Азии XVIII–XIX в. осуществляется по теории «мобилизованных диаспор», предложенной Дж. Армстронгом, согласно которой для решения насущных задач на приграничных территориях метрополия вынужденно привлекает группы населения, для которых характерно дисперсное расселение, тесные семейно-родственные связи, выполнение специфических задач (как правило, дипломатия и торговля), которые непосильны основному населению. Ученый также обозначил нерадужные перспективы «мобилизованных диаспор» с того момента, когда метрополия воздерживается от их услуг¹. Однако по сей день остается без ответа вопрос: как реагировали татары на мероприятия законодательного и практического характера по превращению их в маргинальные элементы на российской окраине. Прояснить позицию татар и реконструировать их мнение на новый курс в Центральной Азии в определенной степени позволяют вводимые нами в научный оборот нарративы.

Данное исследование является частью большой научной темы «Татарское общественно-политическое движение в 1905–1907 гг.». Исследование форм общественной активности дисперсно расселенных в Центральной Азии татарских обществ в начальный период Первой русской революции 1905–1907 гг. позволяет выявить имена участников составления и подачи петиций, нужды и проблемы местных обществ, тем самым определить региональную специфику социальных проблем и организа-

¹ *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // *The American Political Science Review*. 1976. Vol. 70. № 2. P. 399–408. <https://doi.org/10.2307/1959646>

ции религиозно-обрядовой жизни, также их самоидентификацию и степень консолидации в составе религиозно-культурной автономии округа Оренбургского магометанского духовного собрания. Вводимые в научные оборот материалы существенно расширяют географические рамки участия татар в петиционной кампании 1905 г., освещают новые сюжеты общественного движения татарского народа начала XX в.

Степень изученности проблемы. Петиционная кампания мусульман 1905 г., которая в хронологическом плане охватывает, главным образом, январь–август 1905 г., изучается историками в рамках таких ключевых политических событий Первой русской революции 1905–1907 гг., как Всероссийские мусульманские съезды (1905, 1906 гг.)² и деятельность татарских депутатов в Государственной думе 1-го и 2-го созывов (1906, 1907 гг.)³. В целом участие татар Центральной Азии в движении подачи петиций рассматривалось мимоходом, фактически оставалось за пределами внимания историков, потому что их исследовательские интересы локализируются территорией главным образом Урало-Поволжья, именно с этого региона поступило большинство ходатайств мусульман⁴.

Целью исследования является реконструкция практик татар Центральной Азии по составлению прошений и анализ текстов петиций на предмет выявления нужд и чаяний татарских обществ.

Источниковой базой послужили прошения уполномоченных татарских обществ и групп татар из населенных пунктов Центральной Азии, адресованные Комитету министров, Министерству внутренних дел и Особому совещанию по делам веры под руководством графа А.П. Игнатьева. Весной–летом 1905 г. все поступившие прошения были переданы в Особое совещание, которые отложились в фонде «Департамент духовных дел иностранных исповеданий» (Ф. 821) Российского государственного исторического архива. Все выявленные архивные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Особенности социально-правового положения мусульман Волго-Уральского региона в степных областях и Туркестанском крае

В данной статье под термином «Центральная Азия» подразумеваются российские окраины, на которые на рубеже XIX–XX в. распространялись имперские нормативные акты: «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» от 25 марта 1891 г., по которому Оренбургское и Западно-Сибирское генерал-губернаторства объединены в Степное генерал-губернаторство, и «Положение об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г.⁵

Объектом исследования являются татаро-мусульманские общества⁶ Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Сырдарьинской областей, принимавшие участие в петиционном движении мусульман в 1905 г.

² Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. EDN: QPIRQR

³ Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. EDN: SGFIJD

⁴ Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. «Кампания петиций» 1905 года как отражение общественного сознания мусульман России начала XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. Т. 7. № 2. С. 311–319.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. СПб., 1888. Т. 6. № 3814.

⁶ Под «татарами-мусульманами» или «татарами» подразумеваются члены мусульманских приходов или группы лиц, переселившиеся (или потомки переселившихся) на российские окраины, главным образом из Волго-Уральского региона мусульман, абсолютное большинство которых составляли

Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман выступал против татарских проповедников в степи, заявляя, что предпочитал бы «в видах государственной пользы видеть на их месте самых отъявленных фанатиков Бухары»⁷.

По «Положению об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г., введенному с 1887 г., лицам нехристианских вероисповеданий (за исключением туземцев) воспрещалось приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в крае (ст. 262), что также означало запрет на совершении операций с недвижимым имуществом, нотариальным порядком заключать контракты на наем жилых помещений и т.д.⁸

В Туркестанском крае татарин получал возможность приписаться к местному сельскому или городскому обществу только в случае получения от полиции документа о политической благонадежности. Чтобы обойти данное ограничение, требовалась солидная взятка⁹.

По «Положению об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской» от 25 марта 1891 г., получившему силу закона с 1892 г., запрет на приобретение земель лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианского вероисповедания было распространено на Акмолинскую, Уральскую и Тургайскую области (ст. 110, 136). Более того, за исключением туземцев, лица нехристианского вероисповедания лишались права оформления в аренду по приговорам волостного съезда земель кочевников в пределах своих зимовых стойбищ в наем на срок не свыше тридцати лет для земледелия, устройства предприятий и т.д. (ст. 126).

При этом не принималось во внимание время переселения «нехристиан»: независимо от того, сколько поколений татар проживало на данной местности, все они одновременно лишались впредь права приобретения недвижимости, сохраняя при этом ранее приобретенную недвижимость на срок не свыше тридцати лет для земледелия, устройства предприятий и т.д. (ст. 126)¹⁰.

Единственным путем официального преодоления запретов «Положений» 1886 и 1891 гг., связанных с приобретением и арендой недвижимости, являлось крещение, что позволяло новокрещеным исключаться из списка «нехристиан»-маргиналов.

Еще одной отличительной чертой повседневной жизни татар, расселявшихся на окраинах, являлась их подчиненность в религиозно-духовном плане различным правительственным учреждениям. В областях Туркестанского генерал-губернаторства регулирование вопросов, связанных с организацией религиозно-обрядовой жизни, в том числе постройки мечетей и избрания приходского духовенства, велось по местным нормативным актам.

По буквальному смыслу действующего общеимперского законодательства мусульмане всех вновь присоединенных территорий страны автоматически включались в систему надзора Духовного собрания. Когда проявилась активность Духовного собрания, туркестанский генерал-губернатор, обратившись в декабре 1879 г. к мини-

этнические татары, однако в их составе было небольшое число башкир, бухарцев Западной Сибири и т.д. В «Положениях» 1886 (ст. 262) и 1891 гг. (ст. 136) термин «татары-мусульмане» не употребляется, он «растворен» в понятии «лица нехристианских вероисповеданий за исключением туземцев» (коренного населения. – *И.З.*).

⁷ Россия – Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. Л., 2011. С. 259–260.

⁸ Гибадуллина Э.М. Участие татар в периодической торговле Казахстана. XVIII – начала XX вв. Казань, 2017. С. 237. EDN: XYOSPR

⁹ Хамитбаева Н.С. Численность и занятость татарского населения Средней Азии и Казахстана в конце XIX в. (по переписи населения 1897 г.) // *Нация. Эпоха Личность. Сборник памяти доктора исторических наук Г.Л. Файзрахманова*. Казань, 2008. С. 292.

¹⁰ Следует также отметить, что имущественные права татар-мусульман, приписанных к Уральскому и другим казачьим войскам, регулировались специальными нормативными актами.

стру внутренних дел Л.С. Макову, добился невмешательства Духовного собрания в дела мусульман подконтрольного его власти края¹¹.

Одновременно К.П. фон Кауфман проводил курс невмешательства в религиозные дела местных мусульман, тайне надеясь, что благодаря такой политике авторитет духовенства среди населения упадет и будет нанесен существенный удар по исламу. После Андижанского восстания в мае 1898 г. правительство все же воздержалось от каких-либо радикальных мер в исламском вопросе¹².

В областях, учрежденных в Казахской степи, неоднозначное отношение местной администрации к татарам официально проявилось с момента введения в действие «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г., по которому казахи были выведены из под религиозно-административного контроля Духовного собрания (§ 251), а при аульных мечетях кочевников разрешалось назначать муллами только этнических казахов (§ 254), только они с разрешения уездного начальства имели право обучать детей основам ислама (§ 259)¹³, что означало принудительное свертывание образовательно-просветительской деятельности татарских мулл в степи.

В летовках и зимовках, по соглашению обществ, казахам, желающим заниматься хлебопашеством и сенокосением, выделялись участки (§ 219). При этом казахи как в составе общества, так и отдельные лица, имели право уступать свои участки или их части русским по добровольному соглашению (§ 220). Это означало лишение татар-мусульман права аренды земель в Казахской степи для хлебопашества¹⁴.

Мусульманам (в их числе татарам, башкирам, представителям народов Средней Азии) позволялось приписаться в купцы и мещане в городах, где не было общественного управления, с разрешения уездного начальства (§ 351)¹⁵, а также в селениях, однако без права создания отдельных корпораций и без льгот, предоставлявшихся русским переселенцам (§ 231)¹⁶.

Во «Временном положении об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» от 21 октября 1883 г. было пролонгировано положение о лишении переселенцев башкир, татар и азиатских выходцев всех льгот, которыми пользовались русские переселенцы (ст.231)¹⁷.

Демографический облик татарских обществ в Центральной Азии

Во второй половине XVIII – середине XIX в. в городах Казахской степи существовали и успешно развивались татарские общества, главным занятием которых являлась региональная и международная торговля. В последней трети XIX в. татарские купцы стали активно проникать в города Туркестанского генерал-губернаторства и учреждать в них свои колонии.

¹¹ Россия – Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. Л., 2011. С. 127.

¹² Там же. С. 127.

¹³ Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областях. 21 октября 1868 года // Материалы по истории политического строя Казахстана. (Со времени присоединения Казахстана к России и до Великой октябрьской революции). Алма-Ата, 1960. С. 339.

¹⁴ Там же. С. 336–337.

¹⁵ Там же. С. 326.

¹⁶ А земли для горного промысла и добывания полезных ископаемых разрешалось предоставлять в аренду, не обращая внимания на конфессиональную принадлежность арендуемого лица (§§ 234, 235). (Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областях. 21 октября 1868 года. С. 337).

¹⁷ Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. СПб., 1883. С. 29.

Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.¹⁸ по Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областям вместе взятых, подсчитанным К. Ноаком 27,69 % татар было занято в сфере торговли, 33,32 % – в сельском хозяйстве, 15,04 % – в перерабатывающей отрасли, 4,79 % – в сфере услуг, 11,57 % – в областях, имеющих отношение к «Прислуге», 7,59 % – в других сферах народного хозяйства («Прочие»)¹⁹. Причем, за исключением сфер «Сельское хозяйство» и «Прочие», преобладание удельного веса в татарском обществе лиц, занятых в сфере торговли, над русскими превышало в 6,5 раз, в сфере «Прислуги» – 1,9 раза, в перерабатывающей отрасли – в 1,5 раза, в сфере услуг – в 1,4 раза.

В 1897 г. татарские общины с населением более 1 тыс. человек функционировали в 4 областных центрах: Семипалатинск (5670 чел., 38,7 % среди мусульман города), Уральск (3461 чел., 85,7 %), Ташкент (2291 чел., 1,7 %; Сырдарьинская обл.) и Верный (1207 чел., 5,3 %; Семиреченская обл.), 4 уездных городах: Илецк (1341 чел., 95,7 %; Уральская обл.), Петропавловск (Кызылъяр) (6087 чел., 70,9 %), Акмолинск (1020 чел., 23,6 %) (Акмолинская обл.) и Кустанай (1411 чел., 69,7 %) (Тургайская обл.). Существование полнокровных городских обществ в этих областях во многом объясняется длительными торговыми контактами татарской диаспоры с кочевниками и среднеазиатскими ханствами. Из их числа в четырех городах татары составляли более половины мусульман: Петропавловск (70,9 % среди мусульман), Уральск (85,7 %), Илецк (95,7 %) и Кустанай (69,7 %).

Из числа татарских городских обществ с населением в 700–900 душ обоего пола татары преобладали среди мусульман в городах Лепсинск (961 чел., 71,1 %) Семиреченской области и Омск (761 чел., 56,2 %) Акмолинской области, составляли меньшинство в Копале (961 чел., 29,0 %) и Джаркенте (782 чел., 6,3 %) Семиреченской области.

В других городах региона татарские общества с населением 500–600 чел., соседствуя с казахами и/или узбеками, формировали этническое меньшинство и расселялись в Павлодаре (555 чел., 23,6 %) Семипалатинской области, Казалинске (627 чел., 13,2 %) Сырдарьинской области, Пржевальске (537 чел., 10,5 %) Семиреченской области, Гурьеве (655 чел., 23,6 %) Уральской области²⁰.

Организация подачи прошений

Акмолинская область

Исследователь татарского общественного движения начала XX в. М. Бигиев точкой отсчета этих событий определил деятельность Габд. Ибрагимова²¹ после его

¹⁸ В программе переписи 1897 г. ставился вопрос о родном языке. Тем самым организаторы статистического мероприятия идентифицировали через родной язык национальную принадлежность респондентов.

¹⁹ Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования нации // Отечественная история. 1998. № 5. С. 151.

²⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXI. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 48–51; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXIV. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 58–67; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXVI. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 54–58; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXVI. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905. С. 60–75; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXVII. Тургайская область. СПб., 1904. С. 40–45; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXVIII. Уральская область. СПб., 1904. С. 50–57.

²¹ Габдерашит Ибрагимов родился 23 апреля 1857 г. в городе Тара Тобольской губернии. С 1863 по 1877 гг. получает образование в сельских медресе, в 1879–1884 гг. – в Медине, затем отправляется в Стамбул; в 1885 г. возвращается имамом в родной город.

возвращения из Османского государства в Россию в августе 1904 г. 20 сентября в Москве Ибрагимов встречался с лидерами земского либерального движения, получил от М.А. Стаховича текст его доклада о реформе государственных нужд России. Он сумел встретиться с министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским, которому рассказал о нуждах единоверцев. Министр в ответ заявил, что о своих нуждах мусульмане должны сами официально заявить правительству. Свою поездку в регионы компактного расселения²² татар Габд. Ибрагимов завершил в середине января 1905 г. в уездном городе Петропавловск.

В Петропавловске Габд. Ибрагимов организовал несколько меджлисов с участием представителей элиты, в которых происходило обсуждение общественных проблем мусульманского сообщества²³.

Первоначальный текст петиции татар-мусульман г. Петропавловска был обсужден и составлен на татарском языке, затем переведен на русский язык Абдулгазизом Бегишевым. Среди подписавших 15 января 1905 г. данное прошение, адресованное министру внутренних дел, значатся также татары-мещане г. Акмолинска Галиакбар Темирбулатов Максутов и Нияз-Мухамед Сулейманов, который был одним из крупнейших религиозных и общественных деятелей в крае. Среди других подписавших петицию мещан, не указавших местожительство, могли быть лица из других городов.

В петиции, в частности, отмечалось:

Мы, магометане, представляя из себя маленькую единичку в общей массе населения, не имели до сих пор выразить, что и у нас есть потребности, которые следовало бы упорядочить, есть и недостатки в сложившейся исторически нашей культурно-религиозной жизни, которые следовало бы исправить. Не стыдась, сознаемся в нашей отсталости от современной цивилизации и нам хотелось бы подняться до уровня Европейской культуры²⁴.

Важно также отметить, что с поданного из Петропавловска прошения началась петиционная кампания мусульман в империи.

Проявляя социальную активность, летом 1905 г. татары Петропавловска и Акмолинской области подали второе прошение, на этот раз адресовав его председателю Особого совещания по делам веры графу А.П. Игнатьеву и именовав текст «дополнительной запиской».

В 1892 г. его приглашают в Уфу на должность заседателя Духовного собрания. Оставив работу, в 1894 г. Ибрагимов выезжает за границу, посещает многие западные страны.

В 1902–1903 гг. он посетил Японию, где вел антироссийскую агитацию, за что по просьбе российского посольства был выслан из страны.

Весной 1904 г. Ибрагимов вновь уехал в Стамбул, где его политическая деятельность вновь привлекла внимание русской разведки. 7 августа 1904 г. в генеральном консульстве России в Стамбуле Ибрагимов был задержан и переправлен в Россию. 21 августа он был освобожден из тюрьмы Одессы.

²² В начале октября 1904 г. Ибрагимов прибывает в Казань, встречается с молодыми писателями, затем посещает крупные образовательные центры и татарские общины. В Уфе возникает идея об организации в Мензелинске во время межрегиональной ярмарки (конец декабря – начало января) своего рода собрания представителей мусульман Волго-Уральского региона. Желая распространить свою мысль об этом, он 20 ноября рассылает письма авторитетным деятелям современности. Во многом благодаря этой переписке на местах возникла идея о подаче ходатайств на имя председателя Кабинета министров: Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань, 2014. С. 392–399. EDN: XMEPLN

²³ Загидуллин И.К. Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. Казань, 2019. С. 104.

²⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 306 об.

Таким образом, инициаторами составления и подачи первого прошения выступили купеческо-торговые круги Петропавловска (среди них значатся купцы Сибага-тулла Губайдуллин, Гариф Тошмотов, Латиф Ибрагимов Баязитов, Мухамедамин Сайфутдинов Мустаев). «Дополнительная записка»²⁵, скорее всего, была иницирована татарами-дворянами, несколько фамилий которых значится и в первом прошении (в их числе – потомственный дворянин торгующий, по свидетельству М. Девлеткильдиев, дворянин Мухамет-Карим Хафизов Девлеткильдиев) вместе с представителями купеческих кругов.

Сверху на первом листе «дополнительной записки» столичным чиновником карандашом было написано: «Буквально скопировано из других прошений»²⁶. Иначе говоря, при составлении собственного оригинального текста просители использовали тексты других петиций.

«Дополнительная записка» практически полностью совпадает с «памятной запиской» ахуна г. Буинска Симбирской губернии Абдуссамада Шагидуллина, также адресованной графу А.П. Игнатьеву. В двадцатых числах июня 1905 г. в качестве уполномоченного мусульман Буинского уезда ахун представлялся председателю Комитета министров С.Ю. Витте и графу А.П. Игнатьеву²⁷.

Схожесть текстов могла произойти в трех случаях. Представитель Петропавловска приезжал в столицу, и его текстом воспользовался ахун Шагидуллин. Отсутствие в обоих текстах даты составления и даты поступления является веским доказательством того, что представитель Петропавловска лично вручал «дополнительную записку» графу А.П. Игнатьеву либо Габд. Ибрагимов мог переслать текст ахуна Шагидуллина в Петропавловск. И, наконец, ахун Шагидуллин и петропавловцы могли воспользоваться текстом, составленным Габд. Ибрагимовым. Главным аргументом в пользу такой версии служит оригинальное, имеющееся только в этих двух ходатайствах, предложение о приглашении в Особое совещание по делам веры представителей, избранных народом, близко знакомых с духовными нуждами населения, но ни в коем случае не столичных ахунов или оренбургского муфтия (которых хорошо знал Габд. Ибрагимов. – *И.З.*), к которым мусульмане совершенно не питали доверия «как ставленникам администрации». Другой оригинальный пункт, посвященный отчислению из сумм налогов, собираемых с мусульман наравне с русским населением России известного процента на развитие народного образования соплеменников, имеется только в «памятной записке» ахуна Шагидуллина²⁸.

Семипалатинская область

То ли стараниями Габд. Ибрагимова, то ли по линии горизонтальных контактов купеческих кругов текст прошения петропавловских и акмолинских татар от 15 января был заимствован представителями татарской общины г. Семипалатинска, где проживала вторая по численности в регионе татарская община (в городе функционировали 11 мечетей, из них 8 принадлежали татарам, 3 – сартам и чалаказахам)²⁹.

В семипалатинской петиции, составленной 1 марта 1905 г. и поданной в адрес Комитета министров, повторяются все положения январской петиции петропавловцев, нередко с сохранением целых предложений (полностью совпадают пп. 2 и 3)

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 19 об. – 20.

²⁶ Там же. Л. 303.

²⁷ Хроника // Новое время. 1905. № 10526. 23 июня (6 июля). С. 4.

²⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 19–20.

²⁹ Шаблей П. История татарской общины Семипалатинска // Историческая этнология. 2020. Т. 5. № 1. С. 72.

с некоторыми изменениями (изменены некоторые предложения п.1, а п. 4 дополнен новым текстом).

Прошения мусульман городов Зайсан и Семипалатинск, адресованные председателю Особого совещания по делам веры, стали реакцией на информацию об обсуждении в Санкт-Петербурге проекта нового закона о праздничной торговле. Зайсанское прошение³⁰ выделяется большим объемом и основательной аргументированностью в плане обоснования необходимости введения отдыха для мусульманских торговых заведений в пятницу. Дело в том, что в Санкт-Петербурге с 31 мая по 3 июня 1905 г. работало Межведомственное совещание по обсуждению законопроекта об организации отдыха служащих в торгово-промышленных заведениях, складах и конторах. Данное прошение появилось под воздействием информации о результатах данного мероприятия. По нашему мнению, этот текст был заимствован татарами- мусульманами г. Семипалатинска для составления второго прошения по данной же проблеме³¹.

Семиреченская область

Если татары Акмолинской и Семипалатинской областей практиковали подачу прошений от имени локальной группы, то в Семиреченской области активно привлекался институт доверенного лица. В четырех случаях использовалась сеть приходов (три прошения), в одном случае – городское сословное (мещанское) учреждение (одно прошение). Так произошло и потому, что составление ряда прошений организовали приходские духовные лица, среди которых роль первой скрипки играл мулла 1-й мечети уездного города Копал Хаджи-Ахмет Мухамедиев. Именно его избрало своим доверенным лицом собрание группы татар-мусульман 1-го и 2-го приходов, состоявшееся 20 мая под руководством мулл этих приходов Хаджи-Ахмета Мухамедиева и Мухамет-Закира Таипова в доме купца 1-й гильдии Хусаина Мусагитова³².

Подача прошения предполагала несколько этапов: в конце приговора собрания татар г. Копала, состоявшегося 20 мая 1905 г., имеется примечательная запись о том, что если бы Мухамедиев по соображениям своим признал полезным для успеха передать это ходатайство другому лицу и доверить ему ведение хлопот, то мы, нижеозначенные, спорить и прекословить не будем и во всем будем содействовать успеху настоящего ходатайства³³.

25 мая 1905 г. на собрании в приходской мечети села Гавриловское Копальского уезда под руководством муллы Гарифджана Сайфуллина своим уполномоченным татары-мусульмане избрали копальского муллу Мухамедиева, 30 мая – на собрании под председательством муллы местной мечети Абдуллы Абдулбакиева татары поселка Саркинская Семиреченского казачьего войска³⁴, 27 мая – татары г. Лепсинска Семиреченской области на общественном сходе своего прихода в присутствии муллы Сыпана Тугаева избрали своим доверенным мещанина Иксана Искакова (перевод подписей осуществил мулла Тугаев). Все четыре приговора составлены по единому тексту³⁵. Примечательно и то, что отправку своего прошения от 2 июня Хаджи-Ахмет Мухамедиев доверил грамотному и знавшему русский язык Иксану Искакову, который в один конверт вложил и свое, и его ходатайство, приписав в конце текста

³⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 320–323 об.

³¹ Там же. Л. 328–329.

³² Там же. Л. 412–414.

³³ Там же. Л. 412 об.

³⁴ Там же. Л. 421–422, 419–420 об.

³⁵ Там же. Л. 408–408 об., 412–412 об., 419–419 об., 421–421 об.

о приложении к своему прошению (от татар г. Лепсинска) общественных приговоров об избрании уполномоченным и себя, и Х.А. Мухамедиева, а в конце текста назвал себя уполномоченным.

Помимо этого, в качестве уполномоченного Копальского и Лепсинского уездов Ахмет Мухамедиев самостоятельно подал прошение (без даты, поступило 21 июня)³⁶ с единственной просьбой: восстановить религиозно-административную власть Духовного собрания, как это было до 1867 г.

Хотя в петиции группы татар г. Пишпек Семиречинской области от 9 июня 1905 г. указано, что ее составил Ахмет Худайбергенов³⁷, в действительности она также была заимствована из текста уполномоченного Иксана Исакова, что доказывается повторением пп. 1–4 и 6. Среди лиц, подписавших прошение, значатся купцы Хусаин Даулбаев, Гали Узбеков, Шагиахмат Мамашев и Садык Кадыров Милушев, имам Токмака Муллаахмат Мухамматов, мещане и другие лица без указания сословий.

Практически одновременно с духовными лицами, используя текст Исакова (пп. 1–4 и 6), составили 4 июня прошение группа татар, проживающих в Семиречинской области, часть которых расселялась в областном административном центре Верный³⁸.

Сырдарьинская область

Уполномоченные татарского общества г. Казалинск Сырдарьинской области Салих Абубакиров и Музафар Ураев в своем прошении от 18 апреля 1905 г., адресованном председателю Комитета министров, заявили о поддержке прошения татар Казани от 28 января, где наряду с другими просьбами говорилось о даровании законом всем российским подданным мусульманам права свободного проживания, приобретения недвижимой собственности, торговли, общественной деятельности и выбора свободных профессий по всей Европейской и Азиатской России, не исключая и окраин наравне с коренным православным населением государства (п. 12) и передаче мектебов и медресе в ведение Духовного собрания (п. 3)³⁹.

Свое прошение они посвятили актуализации этих положений, заявив, что именно через прибывших их отцов и их самих «пошли сношения с туземным населением и установлена торговая связь с внутренней Россией». Просители отмечали:

Нами или через нас привлечены сюда торговые фирмы, возникли вывозная и ввозная торговля и обмен продуктов скотоводства на предметы русского производства, при водворении здесь русского владычества устроители гражданственности не отделяли татарина от русского и не только смотрели на нас как на равноправных с русскими, но признавали полезность участия; с течением времени новый край сделался для нас второй родиной; все мы и наши сородичи устраивались здесь на отведенных нам правительством землях и не были стесняемы в правах владения до издания в 1886 году Положения об управлении Туркестанским краем⁴⁰.

Свое прошение об отмене запрета татарам приобретать недвижимую собственность уполномоченные актуализировали и тем, что еще высочайше не был утвержден проект нового Положения о Туркестанском крае, разработанного Особой Комиссией под председательством тайного советника Несторовского, и в него можно вписать новые положения.

³⁶ РГИА. Ф.821. Оп. 10. Д.29. Л. 392–393.

³⁷ Там же. Л. 404–405 об.

³⁸ Там же. Л. 402–403.

³⁹ Там же. Л. 387–387 об.

⁴⁰ Там же. Л. 387.

Необходимость подчинения своих религиозно-духовных и школьных дел обосновали фактом закрытия в г. Казалинске в 1902 г. по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора единственной в городе татарской примечетской школы⁴¹.

Уральская область

Следует отметить, что среди татарских общественных деятелей на появление указа от 12 декабря 1904 г. первым отреагировал сын младшего ахуна г. Уральска татарский интеллектуал Камиль Мутыги-Тухватуллин (1883–1941)⁴². В декабре 1904 г. он обратился в Главное управление по делам печати, чтобы получить разрешение на издание журнала «Ал-гаср ал-джадид [Новый век]», представив программу будущего издания. (В июне 1905 г. власти разрешили издавать журнал с 1906 г. – *И.З.*)

Благодаря организации подачи прошений по линии духовных лиц и приходов муллам Уральского уезда удалось объединить в состав просителей гражданских лиц и татар-казаков Уральского казачьего войска (всего 4 городских и 4 сельских/поселковых приходов)⁴³. Уполномоченные казачьих и гражданских приходов поставили свои подписи, однако не приложили приговоры обществ приходов, подтверждающие их высокий статус как избранных единоверцами лиц.

Такая же ситуация характерна для прошения жителей Джамбейтинского поселения Уральского уезда (их уполномоченный – выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета султан Бахит-Джан Бисалиевич Каратаев, будущий депутат Государственной думы 2-го созыва).

Данные о географии, времени составления и адресатах прошений представлены в таблице № 1.

Согласно таблице № 1, хронологические рамки подачи петиций охватывают период с 15 января по август 1905 г.⁴⁴ Выходя за рамки заявленной темы, с учетом того, что среди дел Особого Совещания по делам веры отложилась петиция татар-мусульман Аулиетинского уезда Сырдарьинской области от 24 января 1906 г., мы посчитали правомерным включить его в общий список петиций.

От татар Средней Азии в центральные имперские структуры поступило 15 петиций: 6 – из Семиреченской области, 3 – из Семипалатинской области, 2 – из Сырдарьинской области и по 2 – из Акмолинской и Уральской областей. При этом представители татарских обществ Петропавловска и Акмолинской области, Семипалатинска и Лепсинска подавали петиции по различным темам дважды.

⁴¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 388.

⁴² Мутыги-Тухватуллин знал русский язык. До 17 лет обучался у своего отца, муллы Мутыгуллы Тухватуллина, в 1898–1901 гг. – в медресе Казани, затем два года находился на обучении в университете «Аль-Азгар» (Египет), и, вернувшись в 1903 г. на родину, стал первым преподавателем медресе «Мутыгия» своего отца, издавал рукописный журнал для шакирдов.

⁴³ Представители казачьего и других сословий значатся в коллективном прошении в качестве уполномоченных обществ прихожан четырех мечетей Уральского казачьего войска, а также прихожан двух мечетей областного города и двух селений Уральского уезда (Габбас Белоусов, Шакир Аптюшев – от прихожан 1-й Уральской войск. мечети; урядник Карим Булатов – от прихожан 2-й Уральской войск. мечети; почетной гражданин Хайрулла Гадылышин, крестьянин Нигматулла Бахтиарин – от прихожан Уральской «иногородней» 3-й мечети (Красная мечеть); крестьянин Шарафутдин Канеев – от прихожан № 4 Уральской «иногородней» мечети; ахун Ахмедьферед Ширванов, казак Абдулвагап Азимуратов – от прихожан 1-й Чижинской мечети; казаки Габбас Белоусов, Шакир Аптюшев – от прихожан Славинской войск. мечети; казаки Ваккас Кайпердин, Сулейман – от прихожан Славинской мечети; казак Хасан Армазаев – от прихожан Кулгумской войск. мечети).

⁴⁴ В список не включено прошение татар-мусульман Аулиетинского уезда Сырдарьинской области от 24 января 1906 г., адресованное С.В. Витте: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 395–398.

Таблица 1

Поселения, жители которых принимали участие в подаче прошений

№№	Поселения	Дата составления	Адресаты	Оформление	Мотивация для подачи
	<i>Акмолинская обл.</i>	1905 г.			
1	Петропавловск и Акмолинская обл.	15 янв.	МВД	подписи	12.12.04
2	Петропавловск и Акмолинская обл.	б/д	пред.	подписи	12.12.04 17.04.05
	<i>Семипалатинская обл.</i>	1905 г.			
3	Семипалатинск	б/д	пред.	подписи	Проект
4	Зайсан	б/д	пред.	подписи	Проект
5	Семипалатинск	1 марта	КМ	подписи	26.02.03 12.12.04
	<i>Сырдарьинская обл.</i>	1905 г.			
6	Казалинск	18 апр.	КМ	подписи	28.01.05
	<i>Семиреченская обл.</i>	1905 г.			
7	Пос. Сарканский Копальского у. и с. Гавриловское Лепсинского уезда (Мухамедиев)	2 июня	КМ	приговор	17.04.05
8	Пос. Сарканский Копальского у. и с. Гавриловское Лепсинского уезда (Мухамедиев)	б/д (поступило 21 июня)	КМ	приговор	12.12.04 18.02.05 17.04.05
9	Лепсинск (Искаков)	31 мая	КМ	приговор	12.12.04 18.02.05 17.04.05
10	Семиреченская обл.	4 июня	КМ	подписи	12.12.04 18.02.05 17.04.05
11	Пишпек	9 июня	КМ	подписи	12.12.04 18.02.05 17.04.05
12	Лепсинск (6 мещан-уполномоченных)	20 авг.	МВД	приговор	17.04.05
	<i>Уральская обл.</i>	1905 г.			
13	Уральский уезд	б/д	КМ	подписи	12.12.04
14	Пос. Джамбейтинский Уральского уезда	20 марта	КМ	приговор	12.12.04 (п.7)
	<i>Сырдарьинская обл.</i>	1906 г.			
15	Аулиетинский уезд	24 янв.	СМ	подписи	

Источники: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 303–305 об., 306–311 об., 318–319 об., 320–323 об., 363–368 об., 3856–386, 387–388, 392–392 об., 393–394 об., 395–398, 406–407 об., 402–403, 404–405 об., 426–430 об., 431–431 об.

Условные обозначения: КМ – председатель Комитета министров; МВД – министр внутренних дел; пред. – председатель Особого совещания по делам веры; СМ – Совет министров; 26.02.03 – манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г.; 12.12.04 – указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г.; 28.01.05 – «докладная записка» уполномоченных татарского общества г. Казани от 28 января 1905 г.; 18.02.05 – указ от 18 февраля 1905 г.; 17.04.05 – закон «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.; Проект – законопроект по вопросу об обеспечении нормального отдыха служащих в торгово-промышленных заведениях, складах и конторах (§ 5).

Table 1

Settlements whose residents took part in filing petitions

№	Settlements	Date of compilation	Addressees	Design	Motivation for submission
	<i>Akmola Region</i>	1905			
1	Petropavlovsk and Akmola Region	15 January	MIA	Signatures	12.12.04
2	Petropavlovsk and Akmola Region	No date	Chairman	Signatures	12.12.04 17.04.05
	<i>Semipalatinsk Region</i>	1905			
3	Semipalatinsk	No date	Chairman	Signatures	Project
4	Zaisan	No date	Chairman	Signatures	Project
5	Semipalatinsk	1 March	CM	Signatures	26.02.03 12.12.04
	<i>Syrdarya Region</i>	1905			
6	Kazalinsk	18 April	CM	Signatures	28.01.05
	<i>Semirechensk Region</i>	1905			
7	Sarkansky Settlement, Kopalsky District, and Gavrilovskoye Village, Lepsinsky District (Mukhamediev)	2 June	CM	Sentence	17.04.05
8	Sarkansky Settlement, Kopalsky District, and Gavrilovskoye Village, Lepsinsky District (Mukhamediev)	No date (received on June 21)	CM	Sentence	12.12.04 18.02.05 17.04.05
9	Lepsinsk (Iskakov)	31 May	CM	Sentence	12.12.04 18.02.05 17.04.05
10	Semirechensk Region	4 June	CM	Signatures	12.12.04 18.02.05 17.04.05
11	Pishpek	9 June	CM	Signatures	12.12.04 18.02.05 17.04.05
12	Lepsinsk (6 townspeople-authorized persons)	20 August	MIA	Sentence	17.04.05
	<i>Uralsk Region</i>	1905			
13	Uralsky District	No date	CM	Signatures	12.12.04
14	Settlement Dzhambeytinsky Uralsky district	20 March	CM	Sentence	12.12.04 (п.7)
	<i>Syrdarya region</i>	1906			
15	Auliyetinsky district	24 January	CM	Signatures	

Sources: Russian State Historical Archives, f. 821, op. 10, d. 29, l. 303–305 ob., 306–311 ob., 318–319 ob., 320–323 ob., 363–368 ob., 3856–386, 387–388, 392–392 ob., 393–394 ob., 395–398, 406–407 ob., 402–403, 404–405 ob., 426–430 ob., 431–431 ob.

Conventional designations: CM – Chairman of the Committee of Ministers; MIA – Ministry of Internal Affairs; Chairman – Chairman of the Special Council on Affairs of Faith; CM – Council of Ministers; 26.02.03 – Manifesto “On the plans for improving the state order” of February 26, 1903; 12.12.04 – Decree “On the plans for improving the state order” of December 12, 1904; 28.01.05 – “Report” of the authorized representatives of the Tatar society of the city of Kazan dated January 28, 1905; 18.02.05 – Decree of February 18, 1905; 17.04.05 – Law “On Strengthening the Principles of Religious Tolerance” of April 17, 1905; The project is a draft law on the issue of ensuring normal rest for employees in commercial and industrial establishments, warehouses and offices (§ 5).

Из числа сохранившихся петиций только текст шести выборных⁴⁵ общества мещан мусульман г. Лепсинска Семиреченской области является копией. Очевидно, что данное рукописное прошение, содержащее ряд важных предложений по улучшению организации религиозной жизни и фактов о нарушении религиозных прав, заинтересовало чиновников МВД. По этой причине оно было набрано на пишущей машинке и заверено начальником отделения Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Результаты анализа мотиваций, обозначенных в текстах, свидетельствуют о том, что организаторы акции внимательно следили за законодательными новшествами, имеющими отношение к мусульманам. В преамбуле прошений, составленных в первой декаде 1905 г., как правило, упоминается указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. (3 прошения). В одном случае наряду с указом от 12 декабря имеется ссылка на манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г. В последующие месяцы наряду с указом от 12 декабря 1904 г. (4 прошения) в одном случае указали также указ от 18 февраля 1905 г. о дозволении всем российским подданным подавать ходатайства об общественных нуждах. Также популярной стала ссылка на закон «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., в котором речь шла о возможности учреждения новых религиозных управлений на российских окраинах (в двух случаях ссылались на этот законодательный акт, и еще в 5 случаях – на другие указы). В двух случаях прошения подавались под воздействием информации о разработке правил дней торговли в России. В одном прошении мотивацией для составления петиции названа «докладная записка» татарского общества Казани от 28 января 1905 г.

В Петропавловске и Семипалатинске главную роль в составлении текстов сыграли купеческие круги. В Семиреченской и Уральской областях активность проявляли муллы.

Характерной чертой поступивших в высшие инстанции петиций мусульман округа Духовного собрания является широкое использование образцовых текстов. Не стали исключением и прошения, поступившие из Средней Азии.

Таблица 2

Образцовые и оригинальные тексты прошений татар Центральной Азии 1905 г. и их использование

Оригинальные тексты	Место использования
(1) Петропавловск и Акмолинская обл.	(2) Семипалатинск
(9) Лепсинск	(7) Пос. Сарканский Копальского уезда и с. Гавриловское Лепсинского уезда
	(10) Семиреченская обл.
	(11) Пишпек
(4) Зайсан	(3) Семипалатинск
(8) Пос. Сарканский Копальского уезда и с. Гавриловское Лепсинского уезда	
(12) Лепсинск	
(6) Казалинск	
	(12) Петропавловск и Акмолинская обл. («дополнительная записка»)
Казань («докладная записка» от 28 января 1905 г.)	(13) Уральский уезд
(14) Пос. Джамбейтинское Уральского уезда	
(15) Аулиетинский уезд Сырдарьинской обл.	

Источники: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 303–305 об., 306–311 об., 318–319 об., 320–323 об., 363–368 об., 385б – 386, 387–388, 392–392 об., 393–394 об., 406–407 об., 402–403, 404–405 об., 426–430 об., 431–431 об.

⁴⁵ Мухамед-Гирей Рахим-Гиреевич Чанышев, Халиулла Валиуллович Рафиков, Хасан Исакович Исаков, Гирей-Нур Ахметович Сулейманов, купеческий сын Ходжи Ахмет Шарафутдинович Шамсутдинов и Абдрахман Усманов.

Table 2

Model and original texts of petitions of the Tatars of Central Asia in 1905 and their use

Original texts	Place of use
(1) Petropavlovsk and Akmola region	(2) Semipalatinsk
(9) Lepsinsk	(7) Sarkansky settlement of Kopalsky district and Gavrilovskoye village of Lepsinsky district
	(10) Semirechensk region
	(11) Pishpek
(4) Zaisan	(3) Semipalatinsk
(8) Sarkansky settlement, Kopalsky district and Gavrilovskoye village, Lepsinsky district	
(12) Lepsinsk	
(6) Kazalinsk	
	(12) Petropavlovsk and Akmola region ("additional note")
Kazan ("Report" dated January 28, 1905)	(13) Uralsky district
(14) Dzhambaitinskoye settlement, Uralsky district	
(15) Aulietinsky district, Syrdarya region	

Sources: Russian State Historical Archives, f. 821, op. 10, d. 29, l. 303–305 ob., 306–311 ob., 318–319 ob., 320–323 ob., 363–368 ob., 385b – 386, 387–388, 392–392 ob., 393–394 ob., 406–407 ob., 402–403, 404–405 ob., 426–430 ob., 431–431 ob.

Как видно из таблицы 2, из общего числа прошений (15) 8 являлись оригинальными. При этом 3 из 8 оригинальных прошений местных обществ были использованы при составлении 5 прошений.

Петиции мусульман являются ценным историческим источником для оценки некоторых аспектов повседневной жизни, волновавших местное этноконфессиональное общество. Они представлены только в нескольких прошениях, поэтому просители сосредоточились на перечислении своих просьб по пунктам. В этом плане примечательна дипломатическая фраза татар Петропавловска и Акмолинской области (прошение от 15 января 1905 г.):

Не смеем указывать на разные случаи крайне нетактичного отношения к муллам губернских властей и на случаи устранения их без всяких законных причин...⁴⁶

Татар-новобранцев Туркестана оставляли для исполнения воинской повинности на территории генерал-губернаторства. Отцы просили:

предоставить нижним чинам из мусульман иметь при команде отдельный котел, <...> в течении поста «Уразы» выдавать деньги на довольствие на руки, с увольнением на ночь из казарм под надзором старшего из мусульман по назначению начальства⁴⁷.

Татары Казалинского уезда жаловались на закрытие в 1902 г. по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора существовавшей с 1870 г. единственной в городе примечетской татарской школы в Казалинске. Они писали:

В деле воспитания и образования своих детей мы оказались лишенными тех прав и возможностей, которыми пользуются мусульмане туземцы⁴⁸.

Уполномоченные татар г. Лепсинска приводили факт отказа местной администрации исполнять завещание мещанина В.Р. Рафикова от 25 сентября 1903 г. о передаче местному обществу мусульман своего деревянного четырехкомнатного дома с тем, чтобы общество устроило в нем мечеть и школу для детей⁴⁹.

⁴⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 306–311.

⁴⁷ Там же. Л. 3856–3856 об.

⁴⁸ Там же. Л. 387 об. – 388.

⁴⁹ Там же. Л. 3856.

Укрепление и расширение религиозно-культурной автономии

В целом, практически во всех прошениях татар Туркестана и степных областей красной нитью проходят два основополагающих суждения: 1) прикрепление в религиозно-административном плане к Оренбургскому магометанскому духовному собранию, как в прежние времена, т.е. возможность вернуться к ситуации, существовавшей до 1867 г. (тема актуализировалась после получения информации о намерении имперских кругов реформировать систему управления духовными делами мусульман в империи путем учреждения новых религиозных управлений) (5 прошений); 2) превращение религиозного управления в полноправное легитимное головное учреждение религиозно-культурной автономии мусульман округа Духовного собрания (в одном случае высказались за избрание муфтия и кадиев всеми мусульманами, в одном случае – за выборность только муфтия, в двух случаях – за избрание их выборными лицами от каждого населенного пункта с мечетью); сохранение за Духовным собранием имеющихся полномочий и расширение компетенций, а именно – вопросы перемещения, назначения, увольнения духовенства (7 прош.), семейно-брачных отношений (5 прош.), раздела имущества по шариату (5 прош.), выдача метрических книг Духовного собрания и хранение у мулл (2 прош.), открытие мечетей (6 прош.), цензура Корана (1 прош.). Расширение компетенции Духовного собрания предлагалось осуществить за счет надзора за школами (1 прош.), открытия школ (10 прош.) и контроля над вакуфами (2 прош.), назначения и надзора за учителями (2 прош.).

Уделялось также внимание повышению статуса приходского духовенства: посредством присуждения звания потомственного почетного гражданина (1 прош.), освобождения от воинской повинности (уравнение в этом вопросе с правами православного духовенства) (4 прош.). Также рекомендовалось допускать на духовные должности лиц, не знающих русского языка (3 прош.).

Семипалатинцы (прошение от 1 марта) ходатайствовали о разрешении татарам обучать исламу казахских юношей:

«Степное положение» категорически воспрещает нам преподавать киргизскому юношеству <...> и воспрещает киргизам брать священнослужителей из некиргиз; вследствие чего мы стеснены в исполнении повелений Корана. Высочайший Манифест 26 февраля 1903 г. и таковой же 12 дек[абря] 1904 г.[.] как нам думается[.] устраняет и сие стеснение[.] лежащее черным пятном в сердцах всех мусульман России, чем позволит нам исполнять требований Корана, каковые требования совместимы и с основными законами нашей Великой Родины⁵⁰.

Новым словом в решении финансового обеспечения развития конфессионального образования правомерно оценить ходатайство семипалатинцев о предоставлении Духовному собранию права на обложение мусульман специальным сбором на содержание мектебе и медресе и распространение грамотности.

Учитывая дальность расстояния до Уфы и оперативного разрешения возникающих проблем религиозного-духовного характера, до оглашения законом от 17 апреля 1905 г. о вынесении на обсуждение вопроса о возможности учреждения на окраинах новых религиозных управлений, в том числе в Туркестане, уполномоченные татар г. Лепсинска Семиреченской области высказались за предоставление местным татарам иметь свое высшее духовное лицо на правах благочинного, определив его резиденцию в областном г. Верном с подчинением его лицу духовного звания Оренбургского округа⁵¹.

⁵⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 367 об.

⁵¹ Там же. Л. 3856 об.

Гражданские права

Одной из центральных проблем в 9 петициях из областей (5 – из Семиреченской, 2 – из Уральской и 2 – из Сырдарьинской) указывался запрет татарам приобретать недвижимость в крае, что негативно сказывалось в социально-экономической жизни местных обществ. Ограничения для татар, предусмотренных в «Положении» 1886 г., уполномоченные мусульман Казалинска (прошение от 18 апреля) оценивали как сильный удар по предпринимательской деятельности, жаловались, что татары оказались в худших условиях, чем туземцы и даже бухарские евреи. Негативное влияние данного запрета они обосновали следующими словами:

не обладая правом владения недвижимости, мы, как торговое сословие, лишились кредитоспособности, через что торговля не могла получить дальнейшего развития; не имея земельной собственности, мы не можем положить начало заводской и фабричной промышленности; от этого, очевидно, страдают интересы не только наши, но и всего края⁵².

Введенные запреты на приобретение и аренду недвижимости у местного населения татары, проживающие в пос. Джамбейтинском Уральского уезда и области, называли ограничивающими их «жизненные права без нужды и необходимости»⁵³. В части реализации равных гражданских прав татары-мещане Лепсинска просили распространить на мусульман право православных на занятие должностей городских старост, помощников их и прочих должностей⁵⁴. Татары Петропавловска и Акмолинской области высказались за участие избранных народом уполномоченных на Советании по делам мусульман.

Разнообразные аспекты обеспечения гражданского равноправия для мусульман в России и необходимость светского образования и культуры в полной мере отражены только в ходатайстве уполномоченных татар Уральского уезда, широко использовавших в своем прошении положения «докладной записки» казанцев от 28 января 1905 г., а именно: предоставление мусульманам права занимать выборные общественные должности, права государственной службы наравне с подданными православного исповедания; разрешение переходить в ислам отпавшим в мусульманство татарам; свобода слова и печати как общей прессе; право мусульманам издавать газеты и журналы на родном языке и языке мусульман Востока; разрешить подкинутых мусульманам или в мусульманских селениях детей воспитывать мусульманами; открытие частных общеобразовательных школ и профессиональных школ с преподаванием на татарском языке; предоставление всем подданным право свободной торговли; отмена всех ограничений в степных областях.

Не ограничиваясь текстом казанцев, татары Уральского уезда добавили в свое ходатайство еще несколько просьб, а именно – об освобождении молодежи, обучающейся в медресе для получения звания имама, от воинской повинности (как в православных религиозных учебных заведениях – *И.З.*) (п. 15), о разрешении мусульманам-солдатам избирать из своей среды общественного муллу (п.16) и о запрещении на законодательном уровне кормить солдат-мусульман свининой (п.17)⁵⁵.

После объявления Манифеста 17 октября 1905 г. о введении демократических свобод в России татары начали более смело высказываться по теме гражданского равноправия, в том числе реагируя на новшества в политической жизни страны. Так,

⁵² РГИА. Ф.821. Оп. 10. Д. 29. Л. 387 об. – 388.

⁵³ Там же. Л. 431 об.

⁵⁴ Там же. Л. 386.

⁵⁵ Там же. Л. 426–430 об.

собрание татар Аулиетинского уезда Сырдарьинской области, состоявшееся 24 января 1906 г. в городе Аулиете, постановило:

2. Приостановить приток переселенцев и предоставить землю в полную собственность населения, чтобы оно могло по своему усмотрению пользоваться ею (текст остался незавершенным. – И.З.). 3. Снять от нас усиленную охрану и уравнивать нас в правах с коренным русским населением империи, отменив все ограничительные меры для мусульман. 4. При созвании представителей в Государственную думу число мусульманских представителей согласовать с численностью мусульманского населения, дабы интересы наши было бы кому возбуждать и отстаивать⁵⁶.

Дополнительная защита этноконфессиональных особенностей татар

Составной частью большой темы о реформировании религиозно-культурной автономии округа Духовного собрания и расширения религиозных прав в некоторых прошениях были обозначены несколько рекомендаций, которые мы характеризовали как попытку законодательного оформления защиты традиций и развития мусульманского образования под условным названием «дополнительная защита».

В частности, уполномоченные татар-мещан г. Лепсинска (прошение от 20 августа 1905 г.) просили о разрешении судить в местном обществе по шариату мужчин и женщин, совершающих пороки, строго запрещенные шариатом.

В новых инициативах (дополнительно к пунктам прошения петропавловских татар от 15 января) семипалатинских татар от 1 марта 1905 г. речь шла о введении следующих законодательных новшеств, имеющих отношение к развитию джадидских школ и светского образования:

- учреждение за казенный счет двух или трех «дарульмугальмиман» (учительских институтов-пансионов для подготовки учителей мектебов и медресе и будущих светских школ), в которых обучение будет вестись на татарском, арабском языках, а русский язык будет преподаваться в качестве обязательного предмета;
- учреждение в гимназиях, расположенных в местностях с мусульманским населением, штата вероучителя-мусульманина за казенный счет для преподавания учащимся мусульманам, кроме родного тюркского языка и Закона Божия, арабского и персидского языков взамен греческого и латинского⁵⁷.

Новым словом представляется п. 14 «докладной записки» уполномоченных татар-мусульман Уральского уезда, в которой речь идет об учреждении в регионах компактного расселения татар-мусульман нового современного института – сети выборных уездных и губернских комитетов по делам единоверцев, призванных в том числе инициировать и разрабатывать разные проекты и предположения «об улучшении экономической и духовной жизни мусульман» с главным комитетом в Казани в составе лиц, избранных всеми мусульманами округа Духовного собрания. Именно в Казани, по мнению просителей, «все пересылаемые из уездных и губернских комитетов проекты и предположения», должны были получить «свою законченность»⁵⁸.

Прошения мусульман городов Зайсана и Семипалатинска, адресованные председателю Особого совещания по делам веры графу А.П. Игнатьеву, были посвящены одной и той же проблеме: дополнению § 5 проекта нового закона о праздничной торговле, декларирующего обязательный отдых в воскресенье, следующим предложением:

⁵⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 395–395 об.

⁵⁷ Там же. Л. 366–367.

⁵⁸ Там же. Л. 366–367.

Мусульмане пользуются правом прекращать торговлю по пятницам и другим мусульманским праздникам, без ограничения для них времени торговли в воскресные дни и двенадцатые (христианские) праздники, не исключая при этом и первых дней св. Пасхи, св. Троицы и Рождества Христова⁵⁹.

Заключение

Резюмируя, отметим, что «политика доверия к общественным силам», провозглашенная правительством, позволила в кратчайшие сроки наладить механизм выражения различными социальными и этноконфессиональными группами населения своих просьб и требований к власти. В этой связи участие ряда татарских обществ Центральной Азии в петиционной кампании правомерно оценивать как проявление их общественной активности по отстаиванию своих прав.

Политика властей, осуществлявшаяся по этноконфессиональному признаку, способствовала ускоренному формированию у татар Центральной Азии этнического самосознания. Если в большинстве петиций, составленных в Поволжье и Приуралье, просители именовали себя мусульманами, то в прошениях, исходивших из центральноазиатского региона, для идентификации себя среди туземцев и кочевников просители называются «татарами».

Два самых крупных татарских городских общества Центральной Азии (в гг. Петропавловск, Семипалатинск) проявили высокую активность, составив по два прошения. В остальных случаях трудно проследить взаимосвязь между численностью членов татарских обществ и их общественной активностью. Также остается открытым вопрос: почему к подаче прошений не примкнули лидеры татарских обществ других городов? В качестве ответа можно высказать два предположения: участвовавшие в подаче прошений были ранее ущемлены властями или именно в этих обществах нашлись личности с активной жизненной позицией, сумевшие мобилизовать соплеменников.

В прошениях отсутствуют ряд положений, часто повторяющихся в петициях из Волго-Уральского региона. Эти моменты связаны, прежде всего, с особенностями внутривластного курса самодержавия на окраинах, точнее, отсутствием некоторых практик. В частности, отсутствуют жалобы на деятельность православных миссионеров, занимавшихся крещением мусульман, на публичные оскорбления ислама в периодике, что свидетельствует о неактуальности таких проблем для мусульман Центральной Азии.

Некоторые моменты, обозначенные в петициях, правомерно объяснить территориальной принадлежностью их авторов, дальностью от культурных центров Волго-Уральского региона, отсутствием современных институтов, обеспечивающих социальную и конфессиональную консолидацию, и фактором «малой родины». Высшим проявлением такого подхода явилось предложение об учреждении для татарских приходов региональной главы с резиденцией в Верном, который подчиняется Оренбургскому магометанскому духовному собранию. Новшество представлялось как возможность перенесения руководящих практик Духовного собрания на территорию Туркестана и реанимирование модели взаимодействия религиозного управления с властями и мусульманами, и одновременно означало определенную автономию от Духовного собрания. В целом, как следует из текстов прошений, татары видели себя неотъемлемой частью религиозно-культурной автономии округа Духовного собрания,

⁵⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 328 об. – 329, 322.

заявляя, с одной стороны, о стремлении реанимировать взаимоотношения, имевшие место до 1867 г., с другой – высказываясь за сосредоточение в его компетенции всех религиозных вопросов.

Также следует отметить региональные особенности социального и религиозного укладов татар Центральной Азии. В частности, составителей прошений особо не интересовало наличие религиозного образования у муфтия, вопросы выборности председателя и членов Духовного собрания, право мусульман на книгоиздательскую деятельность и т.д. Одновременно они обозначали проблемы социального характера, главной из которых было предоставление татарам права на приобретение недвижимости, на избрание на общественные должности и на обучение казахов основам ислама.

Манифест от 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы упразднил указ от 18 февраля 1905 г., по которому петиции подавались в Особое совещание по делам веры, и установил новый порядок делопроизводства по внесению и рассмотрению законопроектов. Теперь подлежащие ведению Государственной думы дела должны были вноситься в нее исключительно начальниками отдельных центральных ведомств после предварительного обсуждения в Совете Министров, что явилось главной причиной ограничения деятельности Особого совещания по делам веры сбором материала по вышеуказанным вопросам и выработкой «руководящих начал». После закрытия Совещания 28 мая 1906 г. его журналы и материалы (в том числе прошения татар Центральной Азии) поступили в распоряжение Совета Министров, а оттуда – в Министерство внутренних дел.

В целом можно заключить, что появление Манифеста от 17 октября 1905 г. о введении демократических свобод, подписанного императором, стало результатом давления общественности, где наряду с различными социальными и этноконфессиональными группами населения свой посильный вклад внесли и татары центрально-азиатского региона.

Поступила в редакцию / Submitted: 3.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 11.06.2025

References

- Armstrong, J. “Mobilized and Proletarian Diasporas.” *The American Political Science Review* 70, no. 2 (1976): 399–408, <https://doi.org/10.2307/1959646>
- Galimullin F. “Gabderəshit İbrahimnıñ tormısh yulı [The path of life of Abdurashit Ibrahim].” In *Gabderəshit İbrahim: fənni-biografik ǵayentık*, 9–41. Kazan: Ǵyən Publ., 2011 (in Tatar).
- Gibadullina E.M. *Uchastie tatar v periodicheskoı torgovle Kazakhstana. XVIII nachalo XX vv.* [Participation of the Tatars in the periodic trade of Kazakhstan. XVIII – early XX centuries]. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr «Shkola» Publ., 2017 (in Russian).
- Iskhakov, S.M. *Pervaia russkaia revolyutsiia i musul'mane Rossiiskoi imperii* [The First Russian Revolution and the Muslims of the Russian Empire]. Moscow: Nauka Publ., 2007 (in Russian).
- Maxmutov, Z.A. *Istoriia tatar Kostanaia i Kostanaiskoi oblasti (XIX – nachalo XXI v.)* [History of the Tatars of Kostanay and Kostanay region (XIX – early XXI centuries)]. Voronezh: OOO «Chempion» Publ., 2022 (in Russian).
- Noak, K. “Nekotorye osobennosti sotsial'noi struktury povolzhskikh tatar v epokhu formirovaniia natsii [Some Features of the Social Structure of the Volga Tatars in the Era of Nation Formation].” *Otechestvennaia istoriia*, no. 5 (1998): 147–154 (in Russian).
- Rossiia - Srednyiia Aziia* [Russia – Central Asia]. Moscow: LENAND Publ., 2010 (in Russian).
- Senyutkina, O.N., and Guseva, Yu.N. “The ‘Petition Campaign’ of 1905 as a Reflection of the Public Consciousness of the Muslims of Russia at the Beginning of the 20th Century.” *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences* 7, no. 2 (2005): 311–319 (in Russian).

- Shablei, P.S. “History of the Tatar community of Semipalatinsk.” *Historical Ethnology* 5, no. 1 (2020): 75–94 (in Russian).
- Usmanova, D.M. *Musul'manskie predstaviteli v rossiiskom parlamente. 1906–1916* [Muslim representatives in the Russian parliament. 1906–1916]. Kazan: Фэн: Akademiia nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2005 (in Russian).
- Xamitbaeva, N.S. “Chislennost' i zanyatost' tatarskogo naseleniia Srednei Azii i Kazakhstana v kontse XIX v. (po perepisi naseleniia 1897 g.) [Number and employment of the Tatar population of Central Asia and Kazakhstan at the end of the XIX century (according to the population census of 1897)].” In *Natsiia. Epokha. Lichnost'. Sbornik pamyati doktora istoricheskikh nauk G.L. Fayzrakhmanova*, 289–301. Kazan: Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2008 (in Russian).
- Zagidullin, I.K. *Tatarskoe natsional'noe dvizhenie v 1860–1905 gg.* [The Tatar national movement in 1860–1905]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2014 (in Russian).
- Zagidullin, I.K. *Natsional'noe dvizhenie musul'man Volgo-Ural'skogo regiona v nachal'nyi period revolyutsii 1905–1907 gg.* [The National Movement of Muslims of the Volga-Ural Region in the Initial Period of the Revolution of 1905–1907]. Kazan: ООО «Tsentr innovatsionnykh tekhnologii» Publ., 2019 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ильдус Котдусович Загидуллин, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Баумана, 20; zagik63@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>; SPIN-код: 4543-1967.

Ildus Kotdusovich Zagidullin, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Islamic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 20 Baumana Str., Kazan, 420111, Russia; zagik63@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>; SPIN-code: 4543-1967.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-364-375>

EDN: OJDTOX

Научная статья / Research article

Татарская волость Касимовского уезда Рязанской губернии в 1920-е гг. в контексте советского нациестроительства

Альфия Габдульнуровна Галлямова^{id}, Ильнара Ильдусовна Ханипова^{id}✉

Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республика Татарстан, Казань,
Россия

✉ ihanipova@mail.ru

Аннотация: Исследуется история борьбы касимовских татар за сохранение Татарской волости в Касимовском уезде Рязанской губернии. Она отражает неустойчивую политическую ситуацию 1920-х гг. в реализации процесса советского нациестроительства, борьбу между сторонниками и противниками национального фактора в административно-региональном переустройстве Советского государства. Представленная работа на основе обширного круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, освещает перипетии кардинальных поворотов в процессе ликвидации и возрождения Татарской волости на протяжении 1920-х гг. Показано наличие фактора многополярности, серьезного дискурса в вопросах деконструкции старой модели государственного устройства. Прагматические соображения центральной власти, обусловленные стремлением повысить степень эффективности в управлении регионами с компактным проживанием этнических меньшинств, отвечали социально-политическому запросу касимовских татар, проявивших сплоченность и организованность в отстаивании своих национально-статусных прав. Консолидированные действия касимовских татар были направлены на противостояние с уездными и губернскими официальными структурами, которые не симпатизировали идее политико-этнического структурирования российских территорий. Авторы приходят к выводу, что касимовские татары активно проявили себя в этнополитических процессах 1920-х годов.

Ключевые слова: нацмены, татарская самоидентичность, советская национальная политика, национально-государственное строительство в СССР, этнополитические процессы в СССР

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Галлямова А.Г., Ханипова И.И. Татарская волость Касимовского уезда Рязанской губернии в 1920-е гг. в контексте советского нациестроительства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 364–375. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-364-375>

The Tatar Volost of Kasimov Uyezd of Ryazan Province in the 1920s through the Context of Soviet Nation-Building

Alfiya G. Gallyamova^{ID}, Il'nara I. Khanipova^{ID}✉

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

✉ihanipova@mail.ru

Abstract: The authors examine the history of the Kasimov Tatars' struggle to preserve the Tatar volost in the Kasimov district of the Ryazan province. The authors reflect upon the unstable political situation of the 1920s, during the implementation of the Soviet nation-building process, and highlight the conflict between proponents and opponents of the national factor in the administrative and regional restructuring of the Soviet state. Based on a wide range of sources, many of which are introduced into scientific circulation for the first time, the text of the work sheds light on the twists and turns in the process of the liquidation and revival of the Tatar volost throughout the 1920s. The authors demonstrate the presence of serious multipolar discourse through the deconstruction of the old model of state organization. The pragmatic considerations of the central authority, driven by the desire to increase management efficiency in regions with concentrated ethnic minority populations, interacted with the socio-political demands of the Kasimov Tatars, who demonstrated cohesion and organization in defending their national status rights. The consolidated actions of the Kasimov Tatars were directed against the uyezd and gubernia official structures, which were staffed by individuals who were unsympathetic to the idea of political-ethnic structuring of Russian territories. The content of the study leads to the conclusion that the Kasimov Tatars actively engaged in the ethnopolitical processes of the 1920s.

Keywords: natmen, Tatar self-identity, Soviet national policy, national-state building in the USSR, ethno-political processes in the USSR

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Gallyamova, A.G., Khanipova, I.I. "The Tatar Volost of Kasimov Uyezd of Ryazan Province in the 1920s through the Context of Soviet Nation-Building." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 364–375 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-364-375>

Введение

Актуальность. В российской истории XX в. проблема нациестроительства является одной из значимых тем. Наибольший интерес в ее изучении занимают 1920-е гг., когда после оглушительных революционных бурь, весьма кардинально изменивших государственное устройство Российского государства, начались интенсивные поиски принципов его нового административно-территориального деления. В этот период в социально-политической жизни сохранялась революционаристская риторика, которая четко проявлялась в сфере национальных отношений, развитие которых в 1920-е гг. во многом определялось продекларированной большевиками Декларацией прав народов России. 22 ноября 1917 г. СНК РСФСР принял обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором были сформулированы принципы равенства между народами. Они вызвали симпатии широких слоев нерусского населения к большевистской власти и подпитывали энергию их социально-политической активности.

Об этом со всей очевидностью свидетельствует опыт борьбы касимовских татар за сохранение Татарской волости в Касимовском уезде Рязанской губернии в 1920-е гг. Актуальность его освещения обусловлена необходимостью дальнейшего пополнения фактическим материалом той аналитики в современной историографии, которая посвящена осмыслению пределов политического самоопределения

для дисперсно проживавших этнических групп, значению такого подхода для модернизации народов.

Степень изученности проблемы. В исторической литературе вопрос нациестроительства в 1920-е гг. является одним из самых сложных и дискурсивных, поскольку отражает цивилизационную многомерность российского государственного пространства.

Всестороннее освещение истории национально-региональных образований вне рамок коммунистической идеологии наряду с другими концептуально-теоретическими и нарративными трактовками национального вопроса представлено в коллективном труде «Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений»¹. Ценные рецепции применительно к данной статье содержатся в работе Н.Ф. Бугая, который указал на привлекательность национально-политических деклараций большевиков среди народов и двойственный характер их реального воплощения².

В современной историографии наиболее заметными являются труды Д.А. Аманжоловой³, в которых нашли отражение ключевые моменты проблем советского нациестроительства, включая итоги его анализа российскими историками. Исследователь обращает внимание не только на советизацию, но и на содержание, трансформацию и потерю этноидентичности в процессе нациестроительства⁴. Рассматривая формирование федеративной иерархии, Д.А. Аманжолова справедливо отметила, что последняя «складывалась в условиях острых дискуссий и объективных противоречий «пересборки» социально-политического пространства, издавна обжитого народами страны в их совместной жизнедеятельности»⁵.

Новые концептуальные подходы в освещении идеологии и практики советского строительства, особенностей реализации этнополитических основ государства и роли Наркомата по делам национальностей РСФСР в реализации национальной политики содержатся в коллективных монографиях российских историков⁶. Существенный вклад в анализ историографической ситуации внес М.С. Каменских, который обратил внимание на перспективы исследования национальной политики

¹ Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999.

² Бугай Н.Ф. Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 307.

³ Аманжолова Д.А. Советская национальная политика и советский народ: некоторые вопросы историографии // Становление советской государственности: выбор пути и его последствия. Материалы IV Международной научной конференции. М., 2022. С. 50–58. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40> EDN: LOTKCK; Аманжолова Д.А. Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40> EDN: GCNENI; Аманжолова Д.А. Советское нациестроительство: организационные практики и проблемы федерализма. 1920-е гг. // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 1. С. 22–35; Аманжолова Д.А. Некоторые проблемы становления советской федерации: иерархии, автономии и регионы // Двенадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей международной научно-практической Конференции: в 2-х томах. Оренбург, 2024. Т. 2. С. 256–260. EDN: DNWNKB

⁴ Аманжолова Д.А. Советская государственность: опыт этнонациональной политики // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 22–29. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2023-2-22-29> EDN: CUUMQZ

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. EDN: DGMOGR; Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М., 2022. EDN: LACSLK; Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917–1920-е годы. М., 2022.

«именно в регионах РСФСР с преобладанием русских»⁷. Интерес представляет его работа, анализирующая особенности национально-государственного строительства в РСФСР в 1920-е гг. на примере дискуссий о создании Коми-Пермяцкого округа⁸. Схожие с рассматриваемыми в данной статье вопросы на материалах Северного Кавказа подняты и освещены в работах В.Г. Шнайдер, Е.Ф. Кринко⁹.

В исследовательском поле последних лет важное значение имеет организуемая на постоянной основе Ленинградским государственным университетом им. А.С. Пушкина научная конференция «Этнические меньшинства в истории России», ставшая площадкой для обмена мнениями по истории малых народов, в том числе и периода становления советского государства.

Значительный интерес к истории национального строительства проявляют зарубежные ученые. Дж. Смит проанализировал внутривластную борьбу 1920-е гг. в верхних эшелонах власти по вопросам нациестроительства. Рассмотрев ее на примере Грузинской ССР, Татарской АССР, Украинской ССР, республик Северного Кавказа и Средней Азии, Дж. Смит раскрывает суть и содержание многих национально-региональных конфликтов¹⁰. Изучением национальной политики советского государства, включая историю западных национальных меньшинств занимается В. Деннингхаус¹¹. В контексте нашего исследования весьма ценным представляется его анализ политической трансформации значения термина «нацменьшинство», а также объяснение «карнавала национальностей» в первое десятилетие большевистской власти. Именно в этом ключе понятны и ценны яркие страницы из истории касимовских татар в 1920-е годы.

В советской историографии история татар ограничивалась территориальными рамками Татарской АССР. Поэтому даже в обстоятельных трудах, посвященных реализации советской национальной политики на примере татарского народа, экстерриториальные группы татар, в том числе касимовские татары, оставались вне поля зрения исследователей¹². В своей статье мы уже приводили работы, относящиеся

⁷ Каменских М.С. Советская национальная политика 1920–1930-х годов в отечественной и зарубежной историографии: этапы, основные идеи, современные тенденции // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31. № 1. С. 56–65. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-1-56-65> EDN: SYKWQJ

⁸ Каменских М.С. 1921 год в истории дискуссии о создании Коми-Пермяцкого округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 47–62. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-47-62> EDN: THZABL

⁹ Кринко Е.Ф. Горская АССР и ее руководящий состав: из опыта нациестроительства на Северном Кавказе в начале 1920-х годов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 2. С. 100–105. EDN: SFDWFB; Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир, 2007.

¹⁰ Смит Дж. Национальное строительство и национальный конфликт в СССР в 1920-е годы // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2-х томах. М., 2002. Т. 2. С. 128–169.

¹¹ Деннингхаус В. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»: становление и деятельность национальных секций РКП(б)/ВКП(б) (1917–1929 гг.) // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 468–478; Деннингхаус В. Национальная политика в РСФСР в отношении нацменьшинств Запада во второй половине 1920-х годов (на примере Ленинградской области) // Ежегодник МАИИКРН. 2015. № 1. С. 49–58. EDN: WKCOOH; Деннингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е гг.: Материалы IV международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 115–125; Dönninghaus V. Minderheiten in Bedrängnis. Die sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938. München, 2009.

¹² Валиев М.Ф. Ленинская политика партии в действии: К 60-летию образования Татарской АССР. М., 1979; Мусин М.М. Братство народов, содружество языков. Казань, 1964; Гильманов З.И. Плоды великого братства: сборник статей. Казань, 1972; Мусин М.М. Под солнцем Октября. Казань, 1967;

к истории касимовских татар, однако ни одна из них не рассматривает советский период¹³.

Цель исследования – осветить борьбу касимовских татар за сохранение Татарской волости в Касимовском уезде Рязанской губернии, которая показывает экспериментальность, многовариантность и неустойчивость политической ситуации 1920-х гг. в реализации процесса советского нацистроительства.

Источниковая база. Для решения поставленных исследовательских задач были использованы опубликованные и архивные документы, выявленные в архивохранилищах Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-5677. Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета) и Государственного архива Рязанской области (Ф. П.54. Фонд Татарского волостного комитета РКП(б) Касимовского уезда Рязанской губернии). В фонде Административной комиссии при Президиуме ВЦИК (Ф. Р-5677) ГА РФ сохранилось «Дело об образовании самостоятельной Татарской волости Касимовского уезда Рязанской губернии», сформированное в 1926 г., когда противостояние двух политических течений достигло в Рязанской губернии своего апогея. В качестве источника использовались также материалы касимовской уездной газеты «Красный Восход» за 1920-е годы.

Борьба за сохранение Татарской волости

Татарская волость с центром в г. Касимов существовала в Рязанской губернии со второй половины XIX в. Она объединяла десятки сел и деревень, населенных преимущественно татарами на востоке Касимовского уезда. Ее основное население представляло собой так называемое нацменьшинство, проживавшее вне провозглашенной в 1920 г. Татарской АССР¹⁴. Оторванное от нее территориально, касимовско-татарское сообщество продемонстрировало политическую сплоченность и волю к тому, чтобы иметь собственную административную единицу. Их движение к своей цели несколько раз в течение 1920-х гг. сталкивалось с сопротивлением политических сил, стремящихся к унификации административно-политического устройства страны и игнорирующих этнополитическую дифференциацию ее структурных единиц.

Основную роль в общественно-политическом континууме касимовских татар в 1920-е гг. играл факт существования в течение более чем 200-х лет с середины XV и до 80-х гг. XVII в. Касимовского ханства. Память о независимом татарском государстве на рязанской земле служила главным аргументом в артикуляции интересов при отстаивании касимовскими татарами правомерности учреждения самостоятельной этнополитической административной единицы. В отчете Касимовского уездного экономического совещания за 1921 г. район, занимаемый касимовскими татарами, с экономической точки зрения характеризовался как «не отсталый». В этом же отчете отмечалось: «Культурный уровень касимовских мусульман не ниже, если даже не выше русского населения. В Татарской волости почти нет без-

Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М, 1973; Торжество ленинской национальной политики в Татарии. Казань, 1968; Цвети, мой Татарстан. Казань, 1980; Шарпов Я.Ш. «Национальные секции РКП(б)». Казань, 1967.

¹³ Галлямова А.Г., Ханипова И.И. Касимовские татары в годы культурной революции в СССР: по материалам региональной печати 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 62–73. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-62-73> EDN: MENTDK

¹⁴ До 1937 г. – АТССР.

грамотных (на родном языке)»¹⁵. Взаимоотношения между национальным большинством (великороссами) и национальным меньшинством (касимовскими татарами) характеризовались как хорошие. По отчету можно судить о том, что в 1919–1920 гг. Татарский волостной исполнительный комитет участвовал во всех мероприятиях Советской власти. Поддерживалась и тесная связь с Касимовским мусульманским волостным обществом потребителей через участие представителей Татарского волостного исполнительного комитета в заседаниях общества¹⁶. Представители касимовских татар занимали должности в местных учреждениях. Успешную карьеру к тому времени сделал А.М. Тукузин, один из организаторов советской власти в Татарской волости в феврале 1918 г., впоследствии избранный секретарем уездного исполнительного комитета¹⁷. Высокую должность в новых органах власти занял и А.Х. Тугеев, назначенный начальником карательного отряда Касимовского уездного отделения ЧК¹⁸. Таким образом, по окончании Гражданской войны угрозы существованию Татарской волости не существовало.

Однако уже в 1923 г. в уездной газете «Красный восход» была опубликована статья «Наши задачи по национальному вопросу». Ее появление было обусловлено решениями XII съезда РКП(б) по национальному вопросу, осуждавшими великорусский шовинизм¹⁹. Доклады о районировании, о национальных моментах в партийном и государственном строительстве, размышления о национализме и шовинизме и важности и сущности национального вопроса, прения по докладу о национальных моментах были обнародованы в полном стенографическом отчете после окончания работы съезда²⁰. В соответствии с установками съезда газета писала:

Мы живем тоже бок о бок с национальными меньшинствами, с татарами; перед нами тоже стоит этот вопрос: мы должны быть чуткими к их интересам и постараться построить нашу политику, наш госаппарат так, чтобы они охватывали интересы не только русского населения, как большинства, но и интересы меньшинства, татар. До сих пор у нас в этой области сделано слишком мало. Наши руководящие уездные аппараты построены так, что они не в состоянии обслуживать интересы национальных меньшинств. Работники из среды татар не выдвигаются в руководящие органы, не подготавливаются к руководству госаппаратом²¹.

2 декабря 1923 г. в рамках процесса сокращения сельских советов на 30 % Касимовский уездный исполнительный комитет выступил с инициативой слияния Татарской и Дмитриевской волостей. Татарский волостной исполком весьма оперативно отреагировал на это, созвав 11 декабря XV чрезвычайный съезд представителей татарских селений Касимовского уезда, где присутствовали 52 делегата. На съезде своими яркими выступлениями выделились активисты Балбеков и Агжитов, за что их выбрали в группу для представления интересов касимовских татар в официальных

¹⁵ Отчет Касимовского Уэкономсовещания на 1 октября 1921 г., составленный согласно наказу СНК и СТО, помещенного в № 44 собрания узаконений и распоряжений РК правительства. Касимов, 1921. С. 70.

¹⁶ Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. П54. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Спирин Е.* Установление советской власти в Касимове. URL: https://vk.com/kas_hankerman?z=photo-152702216_457241251%2Falbum-152702216_00%2Frev (дата обращения: 1.10.2023).

¹⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 691–697; Резолюция XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. 25 апреля 1923 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). М., 1970. Т. 2. С. 433–443.

²⁰ Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. 17–25 апреля 1923 года. М., 1923. С. 429–475.

²¹ Красный восход. 1923. № 78 (25 октября).

учреждениях. Назвав решение Касимовского уездного исполнительного комитета неприемлемыми, выступавшие опирались «на права, данные нациям революцией», необходимость учета «национально-бытовых условий», а также заслуги мусульман в революционных завоеваниях²². Принятая участниками съезда резолюция предписывала в случае неудачи решения вопроса сохранения волости на уровне Касимовского уезда обратиться в Рязанский губисполком. В ней же была зафиксирована просьба делегатов не только оставить Татарскую волость как самостоятельную единицу, но и присоединить к ней мусульманские селения, расположенные в других волостях²³.

Руководство Касимовского уездного исполкома, усматривая «полную беспочвенность» в постановлении Татарского волостного съезда советов и «не видя в слиянии Татарской волости с Дмитриевской волостью посягательства на мусульманскую национальность», отклонило ходатайство волостного съезда²⁴.

11 февраля 1924 г. состоялся новый съезд общественности Татарской волости, где вновь был поднят вопрос о ее сохранении. Съезд заслушал доклад председателя волостного исполнительного комитета Токташева о проекте слияния Татарской и, на этот раз, Подгородней волостей и выразил несогласие с ним²⁵. Но 20 февраля 1924 г. ВЦИК РСФСР утвердил решение Рязанского городского исполнительного комитета об укрупнении волостей, которое уничтожило самостоятельную Татарскую волость, влив ее в Касимовско-Пригородную волость.

Неоднократные обращения татарской общественности в правительство РСФСР привели к изменению позиции ВЦИК: 13 апреля 1925 г. им было принято решение о выделении Татарской волости из Касимовско-Пригородной волости как «нацменовского образования». Но 31 июля 1925 г. при вторичном укрупнении волостей Рязанский губисполком, ссылаясь на бюджетные соображения, вновь восстановил Касимовско-Пригородный район, образовав его из Пригородной, Татарской и частей Токаревской и Бетинской волостей.

На этот раз татарская общественность проявила наибольшую сплоченность, решительность и активность при отстаивании своих прав. Весной 1926 г. по всем татарским селениям прошли собрания жителей, на которых были приняты коллективные обращения о необходимости восстановления Татарской волости как самостоятельной административной единицы. В них отмечалось, что ликвидация Татарской волости произошла при полном игнорировании интересов жителей уезда татарской национальности. Представители татарского населения не были допущены на заседание, где решались судьбы бывшей Татарской волости. В ходатайстве указывалось на то, что в адрес татарских делегатов, которые пытались протестовать против незаконной ликвидации волости, раздавались угрозы, причем

один из членов ВИКа Царев открыто заявил, что татар следовало сжечь и перерезать еще в 1918 г. И если это не было сделано, то допущена ошибка²⁶.

Данное высказывание ответственного работника свидетельствует о существовании нешуточных разногласий по поводу складывания административных границ внутри губернии. В документе приведены количественные параметры Татарской волости, в которую входило 35 сел с населением 5929 человек и 921 татарское и 280 русских хозяйств²⁷.

²² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 127. Л. 19.

²³ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 127. Л. 22.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 46.

²⁷ Там же. Л. 45.

Специальная комиссия по выявлению возможности образования самостоятельного волостного исполнительного комитета национального меньшинства при Касимовском уездном исполкоме отмечала, что представители национального меньшинства должны присутствовать во всех выборных органах уезда и губернии, в т.ч. и судебных организациях, земельной комиссии и т.п.²⁸ Вместе с тем на очередных выборах в уездный исполнительный комитет, состоявшихся 17 марта 1926 г., представителем интересов «национальных меньшинств» – касимовских татар был выбран всего лишь один делегат²⁹.

Принимая во внимание широкий резонанс со стороны населения бывшей Татарской волости, Президиум Рязанского губернского исполнительного комитета по рекомендации ВЦИК предложил Касимовскому уездному исполнительному комитету создать особую комиссию, которая была сформирована 14 мая 1926 г. с целью в срочном порядке выяснить в отдельных «наиболее характерных центрах с преобладанием татар мнение заинтересованного населения».

В рамках созданной комиссии было организовано обсуждение вопроса об отдельной Татарской волости в селах Колубердеево, Ахматово, Кадышево, Алькечево, Темгенево, Черечеево, Шегашаново, Торбаево и ряде других селений Касимовского уезда. Состоявшееся по окончании работы комиссии совещание констатировало необходимость выделения татарских сел в отдельную административную единицу, управляемую Татарским волостным исполнительным комитетом. В решении было отмечено, что при создавшихся в результате укрупнения волостей обстоятельствах нет возможности разрешать наболевшие вопросы, волнующие население, что «порождает между русским и татарским населением всякого рода недоразумения»³⁰. Ценным заключением комиссии явился вывод об ошибочности дефицита волостного бюджета, выдвигавшегося в качестве главного аргумента противниками существования Татарской волости.

Среди членов комиссии не было единодушия. Так, глава укрупненной волости Петров, имевший огромный вес в местном руководстве, представил в Президиум Касимовского уездного исполкома особое мнение, которое шло вразрез с выводами всей комиссии. Именно его точка зрения составила основу постановления Президиума волостного комитета от 12 июня 1926 г.³¹ При принятии документа на заседание не были приглашены единственный член Касимовского уездного исполкома от татарского населения т. Азимов и уполномоченный по делам национальных меньшинств т. Янгуров. Противники существования самостоятельной Татарской волости настаивали на том, что интересы «нацменов» в полной мере охраняются всеми органами местной власти «путем обслуживания шестью районными сельсоветами исключительно с татарским населением и что, по своему «хозяйственно-экономическому состоянию новая волость будет весьма слаба и без поддержки со стороны других бюджетов существовать не может»³².

В результате Президиум уездного исполкома постановил: выделение татарского населения в самостоятельную единицу признать нецелесообразным, о чем сообщил Рязанскому губернскому исполкому, который 6 июля 1926 г. согласился с постановлением уездного исполкома.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 127. Л. 32.

²⁹ Выборы членов Уисполкома // Красный восход. 1926. № 22 (28 марта).

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 127. Л. 32.

³¹ Там же. Л. 48.

³² Там же.

Однако такое решение не устроило Административную комиссию ВЦИК РСФСР. В июле 1926 г. в Рязанскую губернию для изучения сложившейся ситуации был направлен представитель Татарской АССР при Президиуме ВЦИК РСФСР М.С. Исеев. обстоятельно изучив вопрос, он составил докладную записку, в которой подробно изложил историю конфликта касимовских татар с уездным и губернским руководством. М.С. Исеев указал на многочисленные случаи, когда татары-крестьяне, приходя в

Русский ВИК, не могут договориться с работниками и выявить перед ними свои нужды только потому, что им отвечают: «не понимаем»³³.

Из бесчисленных, по определению М.С. Исеева, повседневных фактов грубого обращения с татарами были приведены эпизоды, когда ответственные русские работники натравливали русские деревни на татарские путем провоцирования земельных споров. В качестве примера, ярко подтверждавшего межнациональные распри, он сослался на устное заявление представителя Губернского сельхозкредита: «Как только советская власть будет богаче, то тогда татары будут выселены в Татарскую республику». Такого рода высказывания привели М.С. Исеева к заключению о том, что подобные суждения представителей власти «отрицательно влияют на трудовые татарские массы, порождая в них неуверенность за свое хозяйство и за свой будущий день». Свой вывод он подтвердил конкретными неопровержимыми цифрами: из 8600 татар, занимавшихся сельским хозяйством в 1917–1918 гг., к середине 1926 г. осталось немного больше 5600 едоков³⁴. В итоге М.С. Исеев заключает, что татарскую часть населения Касимовского уезда Рязанской губернии необходимо выделить в самостоятельную волость в границах, которые существовали до момента ее ликвидации³⁵.

Противоположную точку зрения М.С. Исеева имел представитель Рязанского губернского исполкома И.И. Знаменский, отправивший свое особое мнение в Административную комиссию ВЦИК 26 августа 1926 г. Основной причиной недоразумений он назвал неурегулированность земельных отношений, при этом считая необоснованными и надуманными претензии татарских крестьян на притеснения. Такими же безосновательными, по мнению И.И. Знаменского, являлись причины, связанные с ущемлением татар в деятельности советских органов. Свою точку зрения представитель рязанских властных структур аргументировал следующим образом:

В Касимовском исполкоме из 15 человек имеем 3-х татар. Это при населении волости, состоящей из 50 тыс. русских и 5 тыс. татар, даст в волисполкоме одного представителя на 3815 чел. русских и одного на 1666 чел. татар, а это отнюдь не указывает на какое либо умаление прав нацменьшинств³⁶.

В результате И.И. Знаменский приходит к заключению о том, что организация самостоятельного татарского волисполкома не представляла какой-то панацеи в решении имевшихся, на его взгляд, незначительных трений³⁷.

26 августа 1926 г. Административная комиссия ВЦИК вынесла все полученные документы на обсуждение с приглашением всех причастных лиц. Окончательное решение за подписью исполняющего обязанности секретаря ВЦИК С.Д. Асфендиарова

³³ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 127. Л. 38.

³⁴ Там же. Л. 49.

³⁵ Там же. Л. 52.

³⁶ Там же. Л. 74.

³⁷ Там же. Л. 74.

о судьбе Татарской волости было утверждено 27 сентября 1926 г. Оно гласило, что создание указанной волости будет произведено после Всесоюзной переписи, которая состоялась в декабре 1926 г.³⁸

На этом рокировка между силами «за» и «против» Татарской волости прекратилась. Волость просуществовала вплоть до новой административной реформы, заменившей систему кантонно-волостного деления на районно-областное в 1929 г. Создание Татарской волости как обособленной административно-экономической единицы дало касимовским татарам возможность участия в государственно-политической жизни, в управленческом аппарате региона, условия для развития образования и использования родного языка как основного фактора сохранения традиционной татарской культуры. Исчезновение волости как экономического и социокультурного центра постепенно привело к утрате идентичности касимовских татар, практически полному слиянию их культуры с русской, фактически их ассимиляции в советский период.

Заключение

История борьбы касимовских татар за существование Татарской волости в 1920-е гг. представляет собой резонансный сюжет в этнополитической истории России. Общественно-политическая позиция касимовских татар, как и других нерусских народов, не была каким-то уникальным явлением. В рассматриваемый период многие нерусские народы приняли идею равенства всех этносов и принялись воплощать политические идеи в жизнь. Приметой времени был диалог, экспериментальность в администрировании границ, инверсионная логика и народная инициатива в политической жизни. Баталии вокруг административно-политического устройства Касимовского уезда, самоотверженные, полные энтузиазма шаги со стороны ответственности касимовских татар показывают, что в 1920-е гг. нормой социально-политической жизни в стране в соответствии с продекларированным подходом большевиков в период революционной борьбы принципом национального равенства был дискурс, демонстрировавший наличие двух тенденций в национальном вопросе: учета этнического фактора и интернационального принципа в административно-политическом устройстве советского государства, а отсюда поляризацию принципов и подходов к установлению его внутренних границ.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.04.2025 г.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 1.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2025

References

- Amanzholova, D.A. "Soviet nation-building: organizational practices and problems of federalism. 1920s." *Bulletin of the Eurasian National University. L.N. Gumilyov. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*, no. 1 (2021): 22–35 (in Russian).
- Amanzholova, D.A. "Sovetskaia natsional'naia politika i sovetskii narod: nekotorye voprosy istoriografii [Soviet national policy and the Soviet people: some issues of historiography]." In *Stanovlenie sovetskoi gosudarstvennosti: vybor puti i ego posledstviia. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 50–58. Moscow: Politicheskaya entsiklopediia Publ., 2022 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>
- Amanzholova, D.A. "Soviet statehood: the experience of ethnonational politics." *Siberia Humanitarian*, no. 2 (2023): 22–29 (in Russian), <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2023-2-22-29>

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 7. Д. 127. Л. 71.

- Amanzholova, D.A. “Nekotorye problemy stanovleniia sovetskoi federatsii: ierarkhii, avtonomii i regiony [Some problems of the formation of the Soviet Federation: hierarchies, autonomies and regions].” In *Dvenadtsatoe Bol'shakovskie chteniia. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tom 2*, 256–260. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU Publ., 2024 (in Russian).
- Amanzholova, D.A. “Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (2024): 30–40 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>
- Amanzholova, D.A., Drozdov, K.S., Krasovitskaia, T.Yu., and Tikhonov, V.V. *Sovetskii natsional'nyi proekt v 1920–1940-e gody: ideologiya i praktika* [The Soviet national project in 1920s–1940s: ideology and practice]. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2021 (in Russian).
- Amanzholova, D.A., Drozdov, K.S., Kostyrchenko, G.V., and Krasovitskaia, T.Yu. *Sovetskaia federatsiia: ot imperii k modernosti. 1917–1940-e gg.* [Soviet Federation: from empire to modernity. 1917–1941]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2022 (in Russian).
- Bugai, N.F. “Gosudarstvennaia politika v sfere natsional'nykh otnoshenii v usloviakh «sotsialisticheskogo eksperimenta» [State policy in the sphere of national relations in the conditions of the ‘socialist experiment’].” In *Rossiia v XX veke: Problemy natsional'nykh otnoshenii*, 306–312. Moscow: Nauka Publ., 1999 (in Russian).
- Dönninghaus, V. *Minderheiten in Bedrängnis. Die sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938*. München: Oldenbourg Verlag, 2009 (in German).
- Denninghaus, V. *V teni ‘Bol'shogo brata’: zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR, 1917–1938 gg.* [In the shadow of «Big Brother»: Western national minorities in the USSR, 1917–1938]. Moscow: Fond «Prezidentskii tsentr V.N. El'tsina» Publ.; ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Denninghaus, V. “Sovetskaia natsional'naia politika i problema etno dispersnykh grupp (1922–1930 gg.) [Soviet national policy and problems of ethnically dispersed groups (1922–1930)].” In *Sovetskie natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-e gg. Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g.*, 115–125. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ.; Prezidentskii tsentr V.N. El'tsina Publ., 2014 (in Russian).
- Denninghaus, V. “National policy in the RSFSR towards the national minorities of the West in the second half of the 1920s (using the example of the Leningrad region).” *The Yearbook of the International Association of Researchers of History and Culture of Russian Germans*, no. 1 (2015): 49–58 (in Russian).
- Denninghaus, V. “‘My na gore vsem burzhuiai mirovoi pozhar razduem’: stanovlenie i deiatel'nost' natsional'nykh sektsii RKP(v) / VKP(v) (1917–1929 gg.) [‘We will fan the world fire on grief to all bourgeoisie’: the formation and activities of national sections of the RCP (b) / CPSU (b) (1917–1929)].” In *Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoi sistemy. 1920 – 1950-e gody: Materialy X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 5–7 dekabrya 2017 g.*, 468–478. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ.; Prezidentskii tsentr V.N. El'tsina Publ., 2018 (in Russian).
- Gallyamova, A.G., and Khanipova, I.I. “Kasimov Tatars during the Years of the Cultural Revolution in the USSR: On Materials of Regional Press of the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (2024): 62–73 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-62-73>
- Kamenskikh, M.S. “1921 in the History of Discussions about the Establishment of the Komi-Permyatsky District.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (2020): 47–62 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-47-62>
- Kamenskikh, M.S. “Soviet national policy of the 1920–1930s in the patriotic and foreign historiography: stages, basic ideas, modern trends.” *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology* 31, no. 1 (2021): 56–65 (in Russian), <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-1-56-65>
- Krinko, E.F. “Mountain ASSR and its leadership: from the experience of nation-building in the North Caucasus in the early 1920s.” *Bulletin of Orenburg State University*, no. 2 (2014): 100–105 (in Russian).
- Narkomnats RSFSR i realizatsiia natsional'noi politiki v 1917–1920-e gody* [The People's Commissariat of the RSFSR and the implementation of national policy in the 1917–1920s]. Moscow: Etnosfera Publ., 2022 (in Russian).
- Rossiia v XX veke: Problemy natsional'nykh otnoshenii* [Russia in the 20th century: Problems of national relations]. Moscow: Nauka Publ., 1999 (in Russian).

- Sharapov, Ya.Sh. *Natsional'nye seksii RKP(b)* [National sections of the RCP(b)]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 1967 (in Russian).
- Shnayder, V.G. *Sovetskoe natsiestroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): zakonmernosti i protivorechiia* [Soviet nation-building in the North Caucasus (1917s–late 1950s): patterns and contradictions]. Armavir: RITS Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2007 (in Russian).
- Smit, Dzh. “Natsional'noe stroitel'stvo i natsional'nyi konflikt v SSSR v 1920-e gody [Nation building and national conflict in the USSR in the 1920s].” In *Rossia v XX veke: Reformy i revoliutsii*, 128–169. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Torzhestvo leninskoi natsional'noi politiki v Tatars* [The triumph of Lenin's national policy in Tatarstan]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1968 (in Russian).
- TSK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyi vopros. 1918–1933* [Central Committee of the RCP(b) – CPSU(b) and the national question. 1918–1933]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Альфия Габдулнуровна Галлямова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7а; alfiya1955@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>; SPIN-код: 8335-8920.

Alfiya Gabdulnurovna Gallyamova, Dr. Habil. of History, Associate Professor, Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russia; alfiya1955@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>; SPIN-code: 8335-8920.

Ильнара Ильдусовна Ханипова, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7а; ihanipova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; SPIN-код 2258-5491.

Il'nara Ildusovna Khanipova, PhD in History, Associate Professor, Senior Research Fellow, head of the Department of Contemporary History; Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russia; ihanipova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; SPIN-код 2258-5491.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ИНФРАСТРУКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
ECONOMIC AND INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-376-388>
EDN: OQQDТО

Научная статья / Research article

**Нефтяная промышленность как фактор расширения
транспортной инфраструктуры Волго-Каспийского региона
в последней трети XIX – начале XX в.**

Юлия Геннадьевна Ещенко

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

✉ pushistik_yuliya@mail.ru

Аннотация: Исследуется влияние российской нефтяной промышленности на развитие Волго-Каспийского транспортного коридора в последней трети XIX – начале XX в. Констатируется, что в пореформенный период, благодаря возникновению рынка свободной рабочей силы, появилась возможность для развития предпринимательства и предпринимательской инициативы. С опорой на комплекс законодательных документов и архивных материалов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, охарактеризованы основные направления государственной политики в сфере нефтяной промышленности в исследуемый период; раскрыта взаимозависимость между объемами нефтедобычи и быстрым развитием портов Волго-Каспийского транспортного коридора; оценено влияние научно-технического прогресса на успешное развитие нефтяной промышленности и логистической инфраструктуры региона; выявлены изменения в территориально-транспортной структуре Волго-Каспийского транзитного маршрута в последней трети XIX – начале XX в. В рамках теории организационно-экономических механизмов автор приходит к выводу, что модернизационные процессы в нефтяной промышленности в последней трети XIX – начале XX в. способствовали позитивной трансформации и усложнению инфраструктуры Волго-Каспийского региона. Это выразилось в быстром освоении новых видов транспорта и создании новых транспортных магистралей, в изменении номенклатуры товаров в традиционном грузообороте, росте экономической рентабельности как транспорта, так и грузоперевозок, расширении рынков сбыта товаров, начале сращивания нефтяного производственного и торгово-транспортного капиталов и их участия в развитии стратегически важных отраслей экономики.

Ключевые слова: Астраханский транспортный узел, Бакинский нефтяной район, Черный Городок, братья Мирзоевы, Съезд нефтепромышленников, государственная нефтяная политика

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00920), <https://rscf.ru/project/25-28-00920/>. Название проекта: «Организационно-экономический механизм трансформации Волго-Каспийского транзитного маршрута в период первой российской индустриализации (середина XIX – начало XX в.)». Руководитель: Ю.Г. Ещенко.

Для цитирования: *Ещенко Ю.Г.* Нефтяная промышленность как фактор расширения транспортной инфраструктуры Волго-Каспийского региона в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 376–388. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-376-388>

© Ещенко Ю.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Oil Industry as a Factor in the Expansion of the Transport Infrastructure of the Volga-Caspian Region in the Last Third of the 19th – Early 20th Century

Yuliya G. Eshchenko

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

✉ pushistik_yuliya@mail.ru

Abstract: In their study, the author considers the influence of the Russian oil industry on the development of the Volga-Caspian transport corridor in the last third of the 19th – early 20th century. Within their text, they illustrate that in the post-reform period, due to the emergence of a free labor market, an opportunity arose for the development of entrepreneurship and entrepreneurial initiative. Based on a set of legislative documents and archival materials, some of which are introduced into scientific use for the first time, the author characterizes the main directions of the state policy in the oil industry in the period under study. They reveal in their text the interdependence between oil production volumes and the rapid development of the ports of the Volga-Caspian transport corridor, and the influence of scientific and technological progress on the successful development of the oil industry. In addition, the logistics infrastructure of the region is assessed as well as the changes in the territorial and transport structure of the Volga-Caspian transit route in the last third of the 19th – early 20th century. Within the framework of the theory of organizational and economic mechanisms, the author comes to the conclusion that the modernization processes in the oil industry in the last third of the 19th – early 20th century contributed to a positive transformation and complication of the infrastructure of the Volga-Caspian region. This transformation was expressed in the rapid development of new types of transport and the creation of new transport routes, a change in the range of goods in traditional cargo turnover, and an increase in the economic profitability of both transport and freight traffic. In addition, the expansion of markets for goods and the beginning of the merging of oil production and trade and transport capital and their participation in the development of strategically important sectors of the economy showed the benefit of this transition.

Keywords: Astrakhan transport hub, Baku oil region, Black Town, Mirzoyev brothers, Congress of oil industrialists, state oil policy

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project № 25-28-00920), <https://rscf.ru/project/25-28-00920/>. Project title: “Organizational and economic mechanism of transformation of the Volga-Caspian transit route during the period of the first Russian industrialization (middle 19th – early 20th century).” Supervised by Yuliya G. Eshchenko.

For citation: Eshchenko, Yu.G. “Oil Industry as a Factor in the Expansion of the Transport Infrastructure of the Volga-Caspian Region in the Last Third of the 19th – Early 20th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 376–388. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-376-388>

Введение

Актуальность. Волго-Каспийский транзитный маршрут, связывавший территории Прикаспия с европейской частью России, оформился еще в рамках торгового пути «из варяг в персы». Научно-технический прогресс, процессы индустриализации российской экономики, ярко проявившиеся в пореформенный период благодаря складыванию рынка свободной рабочей силы, рост предпринимательской инициативы способствовали существенному увеличению объемов грузовых перевозок по данному маршруту в последней трети XIX – начале XX в.

Немаловажным фактором в расширении и трансформации транспортной инфраструктуры Волго-Каспийского маршрута стало возникновение и бурный подъем нефтяной промышленности, сконцентрированной в Прикаспийском регионе – Бакинского, Грозненского и Эмбинского нефтяных районов. Поиск крупными

нефтепромышленными фирмами наиболее оптимальных и дешевых способов транспортировки нефтепродуктов, постоянно увеличивавшийся объем перевозок нефти способствовал трансформации традиционных методов транспортировки в Волго-Каспии. Произошла массовая замена парусного флота паровым, впервые в мировой истории транспорта на Каспийском море появился новый тип судов, специализировавшихся на наливной перевозке нефти и нефтепродуктов – танкеры. Также для обеспечения перемещения больших объемов нефти от промыслов к заводам и от заводов к пристаням возводились первые в стране трубопроводы, расширялась сеть железных дорог, модернизировалась портовая и дорожная инфраструктура и прочее.

Степень изученности проблемы. Транспортная сеть Волго-Каспийского региона в составе ее морского, речного, железнодорожного и трубопроводного сегментов уже становилась предметом научного изучения.

Научно-технические и экономические причины развития частных морских грузоперевозок нефтепродуктов Закавказья, конкуренция российского и иностранного капитала в отрасли, а также влияние на нефтяной транзит пространственно-географической специфики России, требовавшей создания логистических коридоров значительной протяженности, анализировались коллективом ученых Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина¹. Развитие морского и железнодорожного транспорта Закавказского края охарактеризовано в статьях А.А. Гусейновой, А.М. Исмаиловой²; русско-иранские экономические отношения, торговое судоходство по Каспийскому морю и возведение портовой инфраструктуры рассматривались Г.Г. Корноуховой³; основные этапы развития нефтедобывающей отрасли в контексте модернизационных процессов, возникновения новых видов транспортировки, в том числе трубопроводной рассмотрены в работе А.А. Матвейчука⁴.

Новым структурным элементом Волго-Каспийского транзитного маршрута в рассматриваемый период стало создание трубопроводной инфраструктуры для перекачки нефти на дальние расстояния. Историками рассмотрено строительство первых российских трубопроводов и их функциональные и технические особенности

¹ Карцхия А.А., Тыртычный С.А., Смирнов М.Г., Жулидова М.Д. Танкерные перевозки нефти и предпринимательская конкуренция в России на рубеже XIX и XX вв.: историческая ретроспектива и современные оценки // *Былые годы*. 2021. № 16. С. 1381–1398. <https://doi.org/10.13187/bg.2021.3.1381>; EDN: URWLNA; Карцхия А.А., Тыртычный С.А., Смирнов М.Г., Долгих М.Г. Становление нефтяной отрасли России в XIX в.: исторический опыт и современные оценки // *Былые годы*. 2020. № 58. С. 2471–2484. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2471> EDN: OBLDPQ

² Гусейнова А.А., Исмаилова А.М. Транспортная система Апшеронского нефтепромышленного района в условиях социально-экономической трансформации Закавказского края в последней четверти XIX – начале XX вв. // *Современная научная мысль*. 2021. № 4. С. 39–44. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2021-4-39-44> EDN: VFMENK; Исмаилова А.М. К вопросу о роли Бакинской таможни в развитии российско-иранских торговых отношений в XIX – начале XX вв. // *История науки и техники*. 2022. № 5. С. 20–29. <https://doi.org/10.25791/intstg.5.2022.1354> EDN: AHJMYS

³ Корноухова Г.Г. Российские экспортеры в Иран vs закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2022. Т. 21. № 4. С. 556–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567> EDN: DMQWPE; Корноухова Г.Г. Монополизация товаро-пассажирского судоходства на Каспийском море на рубеже XIX–XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 3. С. 14–19. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_14 EDN: DRKVPI; Корноухова Г.Г. Обсуждение проекта строительства Энзелийского порта в Персии в государственных ведомствах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2024. № 4. С. 75–85. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.007> EDN: YBZOVX

⁴ Матвейчук А.А. *Очерки истории нефтяной промышленности России*. М., 2000.

в сравнении с американским опытом транспортировки нефти⁵. Отдельно стоит отметить исследования по правительственным и общественным дискуссиям конца XIX в. относительно типа проектировавшегося магистрального трубопровода Баку – Батуми. Выбор между возведением нефтепровода или керосинопровода являлся показателем дальнейшей экономической стратегии развития нефтяной промышленности России, ориентированной, соответственно, на вывоз сырья или продуктов нефтепереработки⁶.

Зарубежные исследователи также неоднократно обращались к проблемам организации нефтеперевозок в исторической ретроспективе. Сложностям организации транспортировки нефтепродуктов и глобальной конкурентной борьбе между ведущими корпорациями посвящено исследование американского экономиста Д. Ергина⁷, основанное на богатом фактологическом и статистическом материале. Китайские ученые из Цзилиньского университета анализировали значение волжского торгового пути для внутреннего транзита товаров, отмечая постепенное ослабление лидирующей роли речных перевозок в связи с распространением железнодорожного транспорта⁸.

Тем не менее, стоит констатировать, что несмотря на наличие значительного числа исследований по истории становления транспортировки нефти в пореформенный период, проблема влияния нефтяной промышленности на развитие отдельных логистических коридоров с опорой на теорию организационно-экономических механизмов еще не стала предметом специального рассмотрения историков.

Поэтому *целью исследования* является раскрытие значения нефтяной промышленности как важного фактора развития транспортной инфраструктуры Волго-Каспийского региона в последней трети XIX – начале XX в.

Источниковая база. В качестве источниковой базы исследования привлекались опубликованные и архивные документы. В их числе – законодательные и нормативно-правовые акты, содержащиеся в «Полном собрании законов Российской империи», «Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при правительствующем Сенате», в которых раскрывается законодательная основа деятельности нефтяных и транспортных компаний, развивавших Волго-Каспийский транспортный коридор в период индустриализации России последней трети XIX – начала XX в.

Делопроизводственные и статистические источники выявлены в фонде «Астраханской конторы нефтепромышленной фирмы „Товарищество Братьев Нобель“» (Ф. 35) Государственного архива Астраханской области. В них представлена информация о судах, использовавшихся для транспортировки нефти и нефтепродуктов по Каспийскому морю из Баку в Астрахань; циркуляры и распоряжения правления

⁵ Карцхия А.А., Тыртычный С.А., Смирнов М.Г., Долгих М.Г. Трубопроводные поставки нефти в России на рубеже XIX–XX вв.: историческая ретроспектива и современные оценки // Былые годы. 2022. № 17. С. 812–823. <https://doi.org/10.13187/bg.2022.2.812> EDN: OAMWYW

⁶ Бодрова Е.В. Строительство Каспийско-Черноморского трубопровода: выбор экономической стратегии развития России во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 10–16. <https://doi.org/10.17223/19988613/54/2> EDN: XYTROP; Красивская В.Н. Роль Императорского русского технического общества в модернизации нефтяной отрасли страны во второй половине XIX – начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3. С. 35–40.

⁷ Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2018.

⁸ Гуансян Ч. Перевозка основных товаров по Волге и экономическое развитие России в период новой истории (1850–1913 гг.) // Экономическая история: ежегодник. 2021. Т. 2020. С. 21–57; Чжан Г. Роль Волжского водного пути в российской торговле зерном и лесом во второй половине XIX – начале XX в. // Российская история. 2021. № 3. С. 41–50. <https://doi.org/10.31857/S086956870015461-8> EDN: QMMQTJ

Товарищества об объемах, сроках отправки грузов и их местах назначения; переписка главной конторы товарищества с астраханской транспортной конторой, отчеты о перевозках нефтегрузов и т.д.

Методологической основой работы, помимо традиционных для исторической науки принципов историзма, системности и объективности и специально-исторических методов, является теория анализа самоорганизации и регулирования экономической системы, в рамках которой развитие отечественной нефтяной промышленности и Волго-Каспийского транзитного маршрута рассматриваются как взаимосвязанные элементы единого организационно-экономического механизма. Под организационно-экономическим механизмом применительно к конкретному историческому исследованию, с учетом наработок зарубежных⁹ и отечественных¹⁰ ученых в области теории и методологии самоорганизации экономических систем, нами понимается система методов регулирования и взаимозависимых экономических элементов, которые за счет внутренних связей обеспечивают устойчивое экономическое развитие в конкретных исторических условиях. Основным показателем эффективности данного механизма является экономический рост, а характерными признаками служат: государственная политика в области регулирования различных сфер промышленности, включая нефтяную; системы взаимозависимых и влияющих друг на друга элементов (различные отрасли промышленности, транспорт, финансовый сектор и т.д.); движущая сила в форме модернизационных процессов, способствовавших развитию экономики в пореформенный период; четкая хронологическая и территориальная локализация.

Основные направления государственной политики России в сфере нефтяной промышленности в пореформенный период

Нефтяная промышленность с ее высокими доходами, концентрацией крупного капитала и возможностями выхода на мировой торговый рынок в пореформенный период являлась немаловажным источником для государственного бюджета. В свою очередь, модернизация экономики и внедрение достижений научно-технического прогресса было невозможно без продукции нефтяной промышленности.

Одним из основных направлений в сфере нефтяной промышленности стало создание условий для возникновения многочисленных акционерных обществ и товариществ, которые не только разрабатывали нефтеносные участки и занимались переработкой сырья, но и осуществляли транспортировку нефтепродуктов.

В мае 1879 г. было создано «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель», представлявшее собой концентрацию имущества и капиталов учредителей паевого общества в нефтяной промышленности (нефтепромыслов, буровых скважин, нефтеперегонных заводов, нефтепровода, нефтехранилищ и др.) и которое стало крупнейшим нефтепромышленным объединением в России пореформенного периода. Основной капитал Товарищества составлял 2 млн руб. Помимо непосредственной нефтедобычи и нефтепереработки оно осуществляло также транспортировку нефтегрузов, для чего имело «собственные пароходы, парусные суда, баржи и другие перевозные средства, а также железнодорожные вагоны»¹¹.

⁹ Hurwicz L., Reiter S. *Designing Economic Mechanisms*. Cambridge, 2006. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511754258>; Myerson R.B. *Probability Models for Economic Decisions*. Belmont, 2005.

¹⁰ Прокофьева Т.Ю. Теория и методология анализа самоорганизации и регулирования экономической системы: Дис. ... д.э.н. Северо-Кавказский государственный технический университет, Ставрополь, 2005.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., 1881. Собр. 2. Т. 54. Ч. 1. № 59648. С. 392.

Еще одно крупное производственное объединение – фирма «Каспийское товарищество» – возникло в 1886 г. Данное нефтепромышленное и торговое общество создавалось для управления работой керосинового завода близ г. Баку и нефтяных промыслов. В собственность общества были обращены пристани напротив керосинового завода в Черном Городке (пригород г. Баку, где было сосредоточено нефтяное производство), ветви нефтепровода от разных промыслов к станции узкоколейной железной дороги в поселке Сабунчи и пр.¹²

В структуре имущества нефтепромышленного и торгового «Товарищества братьев Мирзоевых и К^о», учрежденного 24 января 1886 г., помимо нефтедобывающих промыслов значились транспортные средства и объекты транспортной инфраструктуры. Товариществу принадлежал нефтепровод, проложенный от Балаханской площади до завода в г. Баку с ответвлением к Черному Городку протяженностью около 23,5 км со станциями, машинами, паровыми насосами, а также территория в Черном Городке, отведенная городом Баку семье Мирзоевых за особую плату для обустройства пристани, четыре морские парусные шхуны «Москва», «Арсений», «Пруссия» и «Сан-Дадаш» и пр.¹³

Таким образом, представители частного капитала вносили свой вклад не только в непосредственное развитие нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей промышленности, но и являлись активными участниками строительства новых пристаней, обустройства портовой инфраструктуры, а также финансировали возведение первых нефтепроводов местного значения, осуществлявших в рамках одной фирмы связь промыслов с перерабатывающими заводами.

Так как нефтепромыслы и перерабатывающие предприятия находились в частных руках, другим направлением государственной нефтяной политики стало регулирование развития нефтяной отрасли посредством содействия частному капиталу. Государство стремилось стимулировать нефтепромышленников, поддерживая их протекционистскими тарифами, льготами, допуская к обсуждению проблем развития нефтяной отрасли с помощью создания общественных органов, решения которых принимались во внимание правительством при рассмотрении законопроектов в данной сфере. Примером одного из таких постановлений является отмена пошлины на жесть, ввозившуюся в Россию из-за границы и использовавшуюся при изготовлении тары для импорта керосина. Листовое железо впускали на внутренний рынок беспошлинно при условии предоставления покупателем залога в размере пошлины. Если по истечении определенного времени таможня не фиксировала вывоза нефтепродуктов в изготовленных из жести емкостях, то взамен залога требовалась пошлина, либо он изымался. В случае использования жести по планировавшемуся назначению залог возвращался промышленнику¹⁴.

С 1884 г. начал функционировать общественный орган в сфере нефтяной промышленности – съезд нефтепромышленников. Комитет министров предоставил министру государственных имуществ право созывать «когда и где это окажется удобным» съезды нефтепромышленников с участием местных горных чиновников и представителей железнодорожных управлений и пароходных обществ, занимавшихся перевозкой нефти, для обсуждения вопросов, касавшихся развития и проблем нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих производств¹⁵.

¹² ПСЗРИ. СПб., 1888. Собр. 3. Т. 6 (1886). № 3939. С. 441.

¹³ Устав нефтепромышленного и торгового товарищества братьев Мирзоевых и К. Тифлис, 1895. С. 4–7.

¹⁴ ПСЗРИ. СПб., 1888. Собр. 3. Т. 6 (1886). № 3950. С. 446.

¹⁵ ПСЗРИ. СПб., 1887. Собр. 3. Т. 4 (1884). № 2007. С. 47.

Государство было заинтересовано в укрупнении нефтяных производств, расширении поисковых и разведочных работ, включении новых площадей в систему промысловой нефтегазразработки. В 1899 г. была отменена статья Горного устава, запрещавшая предоставление одному нефтепромышленнику двух нефтеносных площадей на расстоянии менее двух верст (около 2,1 км) между ними, то есть теперь предприниматели могли арендовать значительные площади потенциально нефтеносных земель¹⁶. Параллельно были ужесточены меры к нефтепромышленникам в плане освоения взятых в аренду участков. В 1900 г., сначала в порядке эксперимента на срок до 1903 г., для каждого нефтеносного участка, сдававшегося с торгов, был установлен срок (не более трех лет), в течение которого на нем должна была быть начата добыча нефти. Также устанавливалась минимальная величина проходки скважин при разведочном бурении. При несоблюдении данных пунктов или при наличии перерыва в нефтедобыче более чем на год нефтеносный участок возвращался в казну¹⁷. Позже временные правила, показавшие свою эффективность, продлевались в 1903¹⁸ и 1906 гг.¹⁹, а в 1907 г. были установлены бессрочно²⁰.

Таким образом, была сформирована законодательная база и сформулированы основные принципы разработки нефтеносных земель. Государственная политика в сфере нефтяной промышленности в анализируемый период была направлена на стимулирование предпринимательства, создание условий для привлечения частного капитала, финансовую поддержку активных нефтепромышленников посредством льгот. Крупный капитал активно взаимодействовал с государственным аппаратом и имел легальную возможность для лоббирования своих интересов в правительстве. Благодаря подъему нефтяной промышленности возросла роль и произошло территориальное расширение Волго-Каспийского транспортного коридора.

Взаимосвязь объемов нефтедобычи и показателей работы портов Волго-Каспийского транзитного коридора

Рост показателей нефтяной отрасли и расширение транспортной инфраструктуры Волго-Каспийского транзитного коридора являлись составляющими единого организационно-экономического механизма. Наиболее ярко их взаимозависимость можно проследить на примере работы важнейшего порта Волго-Каспийского пути – Астрахани, который являлся транзитным пунктом для прибывавших по морю грузов из Баку, Гурьева и Петровска, направлявшихся далее на север по Волге или железной дороге (от Царицына).

Статистические ежегодные показатели второй половины XIX в. не всегда позволяют составить полную картину нефтяного транзита. Так, по поручению астраханского губернатора Н.Н. Биппена на старшего чиновника особых поручений Арищенко (в источнике инициалы не указаны – Ю.Е.) была возложена задача сбора сведений о количестве и распределении нефти, привозимой в 1871–1873 гг. в Астрахань из Баку и других каспийских портов. Однако выполнить поручение губернатора чиновнику не удалось: он собрал данные только о количестве привезенных нефтепродуктов в таре (бочках, бочонках, бурдюках). Ни в городской управе, ни в астраханской таможне, ни в астраханском порту не имелось сведений о том, откуда они

¹⁶ ПСЗРИ. СПб., 1902. Собр. 3. Т. 19 (1899). Ч. 1. № 16561. С. 180.

¹⁷ ПСЗРИ. СПб., 1902. Собр. 3. Т. 20 (1900). Ч. 1. № 18866. С. 794.

¹⁸ ПСЗРИ. СПб., 1905. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1. № 22975. С. 525.

¹⁹ ПСЗРИ. СПб., 1909. Собр. 3. Т. 26 (1906). Ч. 1. № 27864. С. 528.

²⁰ ПСЗРИ. СПб., 1910. Собр. 3. Т. 27 (1907). № 29507. С. 529.

привозились в Астрахань, следовали дальше или оставались для продажи на астраханском рынке, осуществлялся ли привоз нефтепродуктов наливом в трюмах судов?²¹

Согласно статистическим данным, представленным в региональной периодической печати, объем прошедших транзитом нефтепродуктов через астраханский порт выражался в следующих показателях: за 1871–1887 гг. – 200 млн пудов черных и 100 млн пудов светлых нефтепродуктов, за 1888–1901 гг. – 2 372 млн пудов темных и 400 млн пудов светлых нефтепродуктов²². Более точные сведения по годам имеются с начала XX в. (см. табл.)

Объем транзита нефтегрузов через астраханский порт в начале XX в.

Годы	Темные нефтепродукты, млн пудов	Светлые нефтепродукты, млн пудов
1902	353	40
1903	292,6	48,9
1904	277,7	54,3
1905	261,7	42,2
1906	211,9	40,1
1907	241,7	51,2
1908	221,7	44,8
1909	229,9	49
1910	234,3	48,5
1911	250,8	52,2
1912	214,6	53,6
1913	214,8	54,8
1914	192,8	51,8
1915	267,8	51,9
1916	288,2	49
1917	234,1	47,5

Источник: Составлено Ю.Г. Ещенко на основе материалов: Малов А. Транзит нефтепродуктов в Астраханском крае до и после революции и наливная система перевозки // Наш край. 1926. № 1. С. 32–33.

Как видно из данной таблицы, самые большие объемы фиксировались в первые годы XX в. Максимальные показатели транзита объясняются соответственно максимальным объемом нефтедобычи. Так, в 1901 г. в нефтяных районах Российской империи было добыто свыше 707,2 млн пудов нефти, что было больше мировой добычи нефти. В 1901 г. нефтедобыча в США равнялась 516 млн пудов, в Галиции – 27,6 тыс. пудов, в Румынии – 16,5 тыс. пудов, в Нидерландской Индии (Зондские острова) – 39 тыс. пудов., в Западной Индии – 11,3 тыс. пудов и в Японии – 8,8 тыс. пудов²³. Но с 1903 г. добыча в России и, соответственно, транзит постепенно шли на убыль. Частично это объясняется тем фактом, что с 1902 г. в Бакинском нефтяном районе стало отмечаться истощение запасов нефти на старых площадях, а новые участки разрабатывались и вводились в эксплуатацию медленно²⁴.

Следующее снижение объемов транзита отмечается с 1905–1906 г., что было связано с забастовками в 1904 г., событиями армяно-азербайджанского конфликта

²¹ Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 94. Оп. 1. Т. 2. Д. 3565. Л. 5–6.

²² Малов А. Транзит нефтепродуктов в Астраханском крае до и после революции и наливная система перевозки // Наш край. 1926. № 1. С. 32.

²³ Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913. С. 72–73.

²⁴ ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 107–108.

1905 г. в Баку, когда часть нефтепромыслов и нефтехранилищ подверглась разгрому и пожарам²⁵. Некоторые исследователи проводят параллель между этническими междоусобицами и потерей Россией статуса мирового лидера нефтяной промышленности, отмечая в числе причин событий 1905 г. не только межнациональные противоречия, но и иностранный фактор, заинтересованность стран-конкурентов в подрыве нефтяной индустрии страны, сосредоточенной в тот момент по большей части в Бакинском нефтяном районе, и в расшатывании внутриполитической обстановки в период Первой русской революции²⁶.

Некоторый рост объемов нефтеперевозок был отмечен в 1910–1911 гг., но это все равно было ниже показателей начала XX в. Когда началась Первая мировая война, вызов нефтепродуктов за границу решением правительства был прекращен, поэтому логично было предположить, что существенно должны были вырасти объемы внутреннего транзита нефти и нефтепродуктов. Однако увеличение было весьма незначительным и, в основном, за счет выработки осветительных и смазочных масел. Объясняется это тем, что во время войны техническое состояние отрасли стало ухудшаться: оборудование изнашивалось и устаревало; добыча нефти и объемы разведочного бурения сокращались. Выросла также стоимость техники и расходных материалов, поскольку прекратился их импорт. Многие машиностроительные заводы перешли тогда на выпуск оборонной продукции, сократив производство необходимых для ремонта и промысловых работ инструментов.

Влияние модернизационных процессов на развитие нефтяной промышленности и логистической инфраструктуры Волго-Каспийского транспортного коридора

Модернизация являлась главной движущей силой для расширения транспортной сети Волго-Каспийского транспортного коридора. Быстрый рост бакинской нефтяной промышленности, активизация предпринимательской деятельности, создание новых товариществ и акционерных обществ поставили задачу вывоза больших объемов нефти и нефтепродуктов. Водный путь по Каспийскому морю и далее вверх по Волге для снабжения топливом отечественной промышленности и населения керосином стал самым дешевым и быстрым способом, особенно с началом эксплуатации нефтеналивных судов.

Со времени начала промышленной разработки нефтяных месторождений в середине XIX в. и последовавшего развития нефтеперерабатывающей промышленности перевозка сырой нефти, мазута, керосина и других нефтепродуктов по Каспийскому морю производилась в бочках. От Баку до астраханского рейда перевозка осуществлялась на парусных шхунах, а от рейда до Астрахани и дальше вверх по Волге – на баржах. Этот способ перевозки имел ряд негативных моментов: во время ожидания перегрузки на рейде в открытом море шхуны нередко попадали в шторм; бочки при транспортировке давали течь и светлые нефтепродукты быстро улетучивались. Значительную статью расходов составлял фрахт за тару для перевозки нефтепродуктов, а так как спрос на бочки вырос, то и стоили они недешево. Все это влияло на конечную стоимость продукта, в особенности керосина, и препятствовало его широкому распространению на рынке.

²⁵ ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 194.

²⁶ Джаббаров Ф.Р. Армяно-азербайджанский конфликт в феврале 1905 г. и его влияние на бакинскую нефтяную промышленность // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 161–179.

Еще в 1860-х гг. в Северной Америке предпринимались попытки перевозки нефти не в таре, а с помощью налива непосредственно в небольшие деревянные баржи. Этот способ перевозки оказался достаточно удобным и дешевым. Развитие в России наливного способа транспортировки нефти связано с именами братьев Николая и Дмитрия Артемьевых – астраханских купцов-судовладельцев, осуществлявших транспортировку нефти из Баку до Астрахани²⁷. Как указывают некоторые исследователи, на идею наливного способа перевозки нефти Артемьевых натолкнул несчастный случай, произошедший в море с принадлежавшей им парусной шхуной. Во время сильного шторма бочки с нефтью разбились, а их содержимое вылилось в трюм судна. В море нефть не вытекла, и шхуна вместе с жидким грузом благополучно добралась до астраханского рейда²⁸. Для отечественной нефтяной промышленности это был инновационный метод, позволивший весомо сократить расходы на транспортировку нефтепродуктов, увеличить количество рейсов в навигацию, ускорить погрузочно-разгрузочные процессы.

В Астрахани были построены две наливные парусные шхуны емкостью около 60 тыс. пудов каждая. Эти два судна – «Индостан» и «Индокитай» – были спущены на воду в 1873 г. для регулярной работы по перевозке наливом жидкого топлива из Баку до астраханского рейда²⁹. В том же году Артемьевыми была построена наливная деревянная баржа, осуществлявшая доставку нефтепродуктов от рейда до астраханского порта, а вскоре и речная баржа для перевозки наливом жидкого топлива из Астрахани вверх по Волге. Таким образом, появление первых нефтеналивных судов на Каспийском море и на Волге связано с деятельностью астраханского купечества.

В дальнейшем техника нефтеперевозок совершенствовалась. Апробированный способ транспортировки в специально оборудованных грузовых деревянных трюмах подходил только для перевозки нефти и мазута, однако летучие светлые нефтепродукты, в первую очередь керосин, не могли транспортироваться подобным способом. Внимание крупных нефтепромышленников переключилось на постройку металлических судов. Первый наливной пароход «Зороастр» с железным корпусом, заказанный фирмой Нобелей, построенный в Швеции для перевозки керосина, прошел через Астрахань в Каспийское море в 1874 г. Численность наливных пароходов, проходивших через астраханский порт, постепенно увеличивалась. Если до 1881 г. через Астрахань прошло только 11 пароходов, то в 1898 г. – уже 38. Для перевозки керосина от рейда до Астрахани стали строить и специальные железные баржи³⁰.

Таким образом, в последние десятилетия XIX в. в регионе оформился флот нефтеналивных судов, осуществлявших как морские, так и речные перевозки. С увеличением флота снижалась себестоимость топлива, спрос на него рос, что, в свою очередь, способствовало росту объемов перевозок. Помимо традиционной специализации астраханского порта на перевозке рыбной продукции в пореформенный период возникла такая новая составляющая грузооборота, как нефть. Близость крупнейших нефтяных районов страны предопределила ведущее значение астраханского порта как крупного транзитного узла Волго-Каспийского транспортного коридора, объем нефтеперевозок через который рос на протяжении ряда лет. В результате началось создание и расширение инфраструктуры по обеспечению строительства, ремонта и обслуживания нефтеналивных пароходов, обустройству мест стоянок судов, расширению сети механических мастерских, постройке пристаней и нефтехранилищ.

²⁷ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 гг. Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 70.

²⁸ Малов А. Транзит нефтепродуктов в Астраханском крае... С. 32–33.

²⁹ ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 72–74.

³⁰ Там же. Л. 98.

Территориально-транспортная структура Волго-Каспийского транзитного маршрута

В исследуемый период Волго-Каспийский транспортный путь стал основным маршрутом для перевозки нефти и нефтепродуктов для снабжения быстро растущих внутренних потребностей Российской империи. Причем благодаря расширению нефтеперевозок наблюдалась трансформация самого транспортного коридора.

Первоначально развивался водный Волго-Каспийский путь от Баку до Нижнего Новгорода. Ключевым транспортным узлом на этом пути стала Астрахань, расположенная вблизи перехода морской части пути в речную. Небольшие глубины северной части Каспийского моря не позволяли входить в устье Волги морским судам, поэтому в открытом море напротив устья Волги сформировался так называемый 12-футовый рейд. Это было место скопления морских судов, откуда привезенные товары перемещались бригадами грузчиков на небольшие рейдовые корабли, способные ходить по мелководью. Рейдовый флот перевозил грузы в астраханский порт для дальнейшей доставки по месту назначения речными судами.

Речной маршрут транспортировки нефтепродуктов, в большинстве своем мазута и керосина, был маркирован многочисленными нефтяными складами и хранилищами на пристанях Волги и Камы, где производились разгрузочно-погрузочные работы, а также осуществлялся отпуск продукции и заправка судов топливом – во Владимировке, Царицыне, Камышине, Саратове, Батраках (в настоящее время г. Октябрьск Самарской области), Самаре, Казани, Нижнем Новгороде, Сормово, Костроме, Перми и др.³¹

С середины XIX в. водный маршрут являлся единственным вариантом доставки нефтепродуктов из Баку через Астрахань в европейскую часть России. Однако благодаря техническим достижениям постепенно стала появляться и расширяться железнодорожная составляющая Волго-Каспийского транспортного коридора. Строительство в 1871 г. железной дороги Грязи – Царицын, а в 1899 г. линии Царицын – Тихорецк, соединившей Поволжье с центральными промышленными районами страны и Северным Кавказом, сделали Царицын следующим важным транспортным узлом Волго-Каспийского транспортного коридора. В нем происходило перераспределение нефти и нефтепродуктов, прибывавших через Астрахань из Бакинского и Эмбинского нефтяных районов, и через Владикавказскую железнодорожную магистраль – из Грозненского нефтяного района, по разным направлениям и видам транспортировки (водной или железнодорожной). Данный комбинированный маршрут активно использовался для осуществления нефтеперевозок. Так, в начале 1896 г. «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» и товарищество «Нефть» заключили соглашение с Обществом юго-восточных железных дорог о перевозке керосина³². Нефтепродукты доставлялись баржами из астраханского порта по Волге до Царицына, откуда было возможно распределение нефтегрузов по железнодорожным веткам: через Калач-на-Дону с выходом к Дону и через станцию Грязи, связавшую Царицын с северным направлением на Балтику и Рязано-Уральской железной дорогой, с выходом к Москве и городам центральной части России. Все это способствовало росту Царицына как крупного транспортного узла, через который стала возможна перевозка не только нефти и нефтепродуктов с Каспийского моря, но и угля с Донецкого угольного бассейна и металла с заводов Урала.

³¹ ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–6 об.

³² ПСЗРИ. СПб., 1899. Собр. 3. Т. 16 (1896). Ч. 1. № 12877. С. 356.

Заключение

Подъем предпринимательской активности и расширение возможностей для реализации частной инициативы, которые возникли после отмены крепостного права и проведения либеральных реформ в России, привели к массовому возникновению предпринимательских фирм – акционерных обществ, паевых товариществ – во всех отраслях российской экономики. Особенно показательной в этом отношении была нефтяная промышленность, переживавшая бум своего развития именно в пореформенный период.

Благодаря расширению нефтяного транзита по Волго-Каспийскому коридору, астраханский порт и железнодорожный узел в Царицыне стали важными транспортными центрами по перевозке и распределению нефти и товаров из нее в центральные и северные районы страны, на Урал и т.д., что способствовало быстрому развитию экономики городов, росту благосостояния населения.

К началу XX в., по мере развития паромового, сети железных дорог, строительства нефтепроводов Волго-Каспийский транспортный коридор стал представлять собой сложную комбинацию морского, речного и железнодорожного видов транспорта. Начало промышленной разработки месторождений в Грозненском (1893 г.) и Урало-Эмбинском нефтяных районах (1911 г.) повлекло за собой расширение географии нефтеперевозок. Грозненская нефть после строительства в 1894 г. ветки Беслан – Грозный – Порт-Петровск (Махачкала) Владикавказской железной дороги могла транспортироваться в европейскую часть страны как морским путем по направлению Порт-Петровск – Астрахань, так и по железной дороге через Тихорецк и Царицын. Нефть от эмбинских промыслов (Доссор, Макат) транспортировалась по трубопроводу на пристань Ракуша близ Гурьева, откуда осуществлялся ее вывоз морским путем на Астрахань.

Успешное развитие и расширение Волго-Каспийского транзитного маршрута в исследуемый период было тесно связано с ростом нефтедобычи и, соответственно, увеличением транзита нефти и нефтепродуктов из мест ее добычи в промышленные районы страны, что способствовало активному сращиванию нефтяного производственного и торгово-транспортного капиталов.

Поступила в редакцию / Submitted: 18.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.04.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2025

References

- Bodrova, E.V. “The Construction of the Caspian and Black Sea Pipeline: the Choice of Economic Strategy of Development of Russia in the Second Half of the 19-th Century.” *Tomsk State University Journal of History*, no. 54 (2018): 10–16 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/19988613/54/2>
- Ergin, D. “Dobycha: Vsemirnaya istoriya bor’by za neft’, den’gi i vlast’ [Extraction: A World History of the Struggle for Oil, Money, and Power].” Moscow: Alpina Publ., 2018 (in Russian).
- Guangxiang, Zh. “Transportation of basic goods on Volga and Russian economic development in the period of modern history (1850–1913).” *Economic History: A Yearbook 2020* (2021): 21–57 (in Russian).
- Guseinova, A.A., and Ismailova, A.M. “The Transport System of the Absheron Oil Industry District in the Conditions of Socio-Economic Transformation of the Transcaucasian Territory in the Last Quarter of the XIX – Early XX Centuries.” *Modern Scientific Thought*, no. 4 (2021): 39–44 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2021-4-39-44>
- Hurwicz, L., and Reiter, S. *Designing Economic Mechanisms*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511754258>

- Ismailova, A.M. “On the Role of Baku Customs in the Development of Russian-Iranian Trade Relations in the XIX – early XX century.” *The History of Science and Engineering*, no. 5 (2022): 20–29 (in Russian), <https://doi.org/10.25791/intstg.5.2022.1354>
- Jabbarov, F.R. “Armenian-Azerbaijani conflict in February 1905 and its impact on the Baku oil industry.” *Herald of an Archivist*, no. 4 (2016): 161–179 (in Russian).
- Kartskhiia, A.A., Tyrtychnyy, S.A., Smirnov, M.G., and Dolgikh, M.G. “Formation of the Russian Oil Industry in the 19th century: Historical Experience and Modern Assessments.” *Bylye Gody* 58, no. 4 (2020): 2471–2484 (in Russian), <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2471>
- Kartskhiya, A.A., Tyrtychnyy, S.A., Smirnov, M.G., and Dolgikh, M.G. “Pipeline Oil Supplies in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments.” *Bylye Gody* 17, no. 2 (2022): 812–823 (in Russian), <https://doi.org/10.13187/bg.2022.2.812>
- Kartskhiya, A.A., Tyrtychnyy, S.A., Smirnov, M.G., and Zhulidova, M.D. “Oil Tanker Transportation and Entrepreneurial Competition in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments.” *Bylye Gody* 16, no. 3 (2021): 1381–1398 (in Russian), <https://doi.org/10.13187/bg.2021.3.1381>
- Kornoukhova, G.G. “Monopolization of goods and passenger shipping in the Caspian Sea at the turn of the XIX–XX centuries.” *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture* 72, no. 3 (2022) 14–19 (in Russian), https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_14
- Kornoukhova, G.G. “Russian Exporters to Iran vs Transcaucasian Transit of European Goods in the Early 1880s.” *RUDN Journal of Russian History*. 2022 21, no. 4 (2022): 556–567 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567>
- Kornoukhova, G.G. “Discussion of the project for the construction of the Anzel port in Persia in Russian government departments at the turn of the 19th – 20th centuries.” *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture* 81, no. 4 (2024): 75–85 (in Russian), <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.007>
- Krasivskaia, V.N. “Role of the Russian technical society in modernization of oil branch of the country in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries.” *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture* 56, no. 3 (2018): 35–40 (in Russian).
- Malov, A. “Транзит нефтепродуктов в Астраханском крае до и после революций и наливная система перевозов [Transit of oil products in the Astrakhan region before and after the revolution and the bulk transportation system].” *Nash kraj*, no. 1 (1926): 32–44 (in Russian).
- Matveichuk, A.A. *Ocherki istorii neftianoi promyshlennosti Rossii* [Essays on the history of the oil industry in Russia]. Moscow: Drevlekhramilishch Publ., 2000 (in Russian).
- Myerson, R.B. *Probability Models for Economic Decisions*. Belmont: Thomson/Brooke/Cole, 2005.
- Prokofieva, T.Yu. “Theory and methodology of analysis of self-organization and regulation of the economic system.” Doc. diss., North Caucasus State Technical University, 2005 (in Russian).
- Zhang, G. “The role of the Volga waterway in the grain and timber trade of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century.” *Russian History*, no. 3 (2021): 41–50 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S086956870015461-8>

Информация об авторе / Information about the author

Юлия Геннадьевна Ещенко, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а; pushistik_yuliya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1207-327X>; SPIN-код: 8136-5496.

Yuliya Gennadievna Eshchenko, PhD in History, Associate Professor, Senior Research Fellow of Center for the Study of the History of the Lower Volga Region, Astrakhan Tatishchev State University; 20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russia; pushistik_yuliya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1207-327X>; SPIN-code: 8136-5496.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-389-401>

EDN: OXCPIT

Научная статья / Research article

Развитие дорожной инфраструктуры Закавказья во второй половине XIX – начале XX века

Петр Александрович Колпаков

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ kolpakov_pa@pfur.ru

Аннотация: Исследуется исторический опыт развития дорожной инфраструктуры Закавказья во второй половине XIX – начале XX в. На основе анализа корпуса документов фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации определены взаимосвязи процессов создания и расширения сетей грунтовых и шоссейных дорог, а также стальных магистралей. Обозначена первичность военного назначения дорог региона перед хозяйственными функциями. Отражена тенденция на увеличение ассигнований на строительство и ремонт закавказских железных дорог в рассматриваемый период. Сделан акцент на том, что устройство грунтовых и шоссейных дорог способствовало сооружению линий стальных магистралей в Закавказье. Определены этапы строительства линий Закавказских железных дорог. Особое внимание уделено созданию условий для интенсификации торговых связей с Персией вследствие соединения стальных магистралей региона с железнодорожной сетью Российской империи и устройства линии до российско-иранской границы. Раскрыто содержание нереализованных проектов сооружения Перевальной железной дороги через Кавказский хребет, развития Тифлисского транспортного узла и электрификации отдельных участков «чугунки». Рассмотрение показателей торговли между Россией и Персией через сухопутную закавказскую границу позволило сделать вывод о положительном влиянии принятых мер по развитию дорожной инфраструктуры края на русско-персидские экономические отношения.

Ключевые слова: транспорт, пути сообщения, грунтовые и шоссейные дороги, железная дорога, торговля, Персия

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00648), <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>. Название проекта: «Развитие экономической инфраструктуры российско-иранского трансграничья (вторая половина XIX – начало XX в.)». Руководитель Г.Г. Корноухова.

Для цитирования: Колпаков П.А. Развитие дорожной инфраструктуры Закавказья во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 389–401. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-389-401>

Development of Road Infrastructure in Transcaucasia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Petr A. Kolpakov

RUDN University, Moscow, Russia

✉ Kolpakov-pa@rudn.ru

Abstract: The author examines the historical experience of the development of the road infrastructure of Transcaucasia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Based on the analysis of the corpus of documents from the funds of the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Russian Federation, they have determined the interrelations of the processes of creation and expansion of networks of dirt and highway roads, as well as steel trunks across Transcaucasia. The author indicates the primacy of the military purpose of the region's roads over economic functions. This is reflected in the trend towards increasing allocations for the construction and repair of the Transcaucasian railways in the period under review. Within the text, an emphasis is placed on the fact that the construction of dirt and highway roads contributed to the construction of steel trunks across Transcaucasia. In turn, this pattern determined the stages of the construction of the Transcaucasian railways. Particular attention is paid to the creation of conditions for the intensification of trade relations with Persia due to the connection of the region's steel trunks with the railway network of the Russian Empire and the construction of a line to the Russian - Iranian border. The author reveals the content of unrealized projects such as the construction of the Perevalnaya railway across the Caucasian Range, the development of the Tiflis transport hub, and the electrification of some sections of the railway. The examination of the indicators of trade between Russia and Persia across the land border in the Caucasus allows the author to conclude that the measures taken to develop the region's road infrastructure had a positive impact on Russian – Persian economic relations.

Keywords: transport, communication routes, dirt and highways, railway, trade, Persia

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project № 24-28-00648), <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>. Project title: “Development of economic infrastructure of the Russian-Iranian cross-border area (second half of the 19th – early 20th century).” Supervised by G.G. Kornoukhova.

For citation: Kolpakov, P.A. “Development of Road Infrastructure in Transcaucasia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 389–401 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-389-401> (in Russian).

Введение

Актуальность. Исторический опыт хозяйственного развития и интеграции территорий Закавказья в экономическое пространство России во второй половине XIX – начале XX в. приобретает особое значение в контексте современных процессов в регионе. Приграничное расположение закавказских государств и историческая связи с ними обуславливают влияние происходящих в регионе трансформаций на российские интересы в области безопасности и экономики.

Актуальность исследования определяется также экономической повесткой. В 2000 г. было положено начало масштабному проекту международного транспортного коридора «Север–Юг» от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи¹. В мае 2024 г. в рамках его реализации утвержден маршрут грузового поезда Ульяновск – Баку

¹ Международный транспортный коридор «Север–Юг» // Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1537456/ (дата обращения: 08.01.2024).

(Азербайджан) – Астара (Иран)². Товарооборот с Ираном демонстрирует устойчивый рост. В этих условиях особенно востребованным становится изучение исторического опыта русско-персидских экономических отношений, а также рассмотрение инфраструктурного развития Закавказья не только в контексте интеграции с империей, но и как комплекса мер по созданию условий для реализации интересов Российской империи в Персии.

Степень изученности проблемы. В рамках дореволюционной российской историографии освещались отдельные направления инфраструктурных преобразований в Закавказье. В ней было уделено специальное внимание шоссейным и грунтовыми дорогам, стальным магистралям и сопутствовавшим им линиям телеграфной связи, а также портам³. В советский период приоритетное освещение получили проблемы железнодорожного строительства в Закавказье⁴. В современной отечественной историографии опыт транспортного строительства в Закавказье также не был рассмотрен системно, однако результаты изучения его отдельных аспектов находят отражение в научных публикациях⁵. В частности, в них анализируются вопросы использования путей сообщения Закавказья в контексте расширения торговых отношений с Персией⁶. В целом, можно заключить, что историография истории развития транспортной инфраструктуры Закавказья во второй половине XIX – начале XX столетия весьма ограничена, что подтверждает актуальность избранной темы исследования.

Цель исследования – выявление изменений в дорожной инфраструктуре Закавказья во второй половине XIX – начале XX в., ставших результатом проведения политики интеграции региона в хозяйственное пространство России и его вовлечения во внешнеэкономические отношения империи, а также определение характера подобных преобразований в условиях модернизации.

² Россия и Азербайджан развивают торговый маршрут по МТК «Север–Юг» [сайт]. URL: <https://news.day.az/economy/1683215.html> (дата обращения: 08.01.2024).

³ Гребнер А.В. Торговые дороги Закавказья. СПб., 1896; Аргутинский-Долгоруков А.М. История сооружения и эксплуатации Закавказской железной дороги за двадцать пять лет ее существования. 1871–1896 гг. Тифлис, 1896; Андрианов С.А. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. (1802–1902). Почта и телеграф в XIX столетии. СПб., 1902; Флорин А.В. Батумский порт: условия вывоза продуктов русской нефти через Батумский порт в сопоставлении с условиями транспортировки и вывоза нефтяных продуктов в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1895.

⁴ Сагратян А.Т. История железных дорог Закавказья. 1856–1921. Ереван, 1970; Шанидзе Н.К. Возникновение и развитие Закавказских железных дорог и их влияние на экономику края. Тбилиси, 1968.

⁵ Исмаилова А.М. Роль Батуми в развитии внутренней и внешней торговли Закавказского края (на рубеже XIX–XX вв.) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7–4. С. 98–101. EDN: VBQDKN; Тестов В.Н. Ключевые проблемы обходной линии Сурамского перевала Закавказской железной дороги в середине 80-х–начале 90-х годов XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8–4. С. 192–194. EDN: OJQVYF; Забелин А.В. Основные этапы строительства русских железных дорог в направлении Черного моря (1850–1900 гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 3. С. 78–82. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-3-78-82> EDN: TVRMTF

⁶ Корноухова Г.Г. Российский экспорт сахара в Персию в 1900–1917 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 3. С. 610–624. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.305> EDN: UPPDTI; Корноухова Г.Г. Российские экспортеры в Иран VS закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 556–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567> EDN: DMQWPE; Корноухова Г. Г. Монополизация товарно-пассажирского судоходства на Каспийском море на рубеже XIX–XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3. С. 14–19. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_14 EDN: DRKVPI

Источниковую базу исследования составили ранее неопубликованные делопроизводственные документы, отложившиеся в фондах Отдела земельных улучшений Министерства земледелия (Ф. 426), Кавказского комитета (Ф. 1268) Российского государственного исторического архива, а также в фонде «Михаил Николаевич. Великий князь. Сын императора Николая I. Генерал-Фельдцейхмстер, наместник на Кавказе» (Ф. 649) Государственного архива Российской Федерации.

Дорожное строительство в Закавказье

К середине XIX столетия единственной крупной транспортной артерией, соединявшей Закавказье с внутренними губерниями империи, была Военно-Грузинская дорога. Регион не обладал обустроенными дорогами и морскими портами и тем более стальными магистралями, строительство которых в России находилось в этот период на начальном этапе⁷.

Связавшая Владикавказ и Тифлис Военно-Грузинская дорога с начала XIX в. обеспечивала, в первую очередь, перемещение войск и военные перевозки. Вместе с этим она стала «стержнем», вокруг которого организовывалась закавказская дорожная сеть, явившаяся основой транспортной инфраструктуры региона. Постепенное присоединение к функциям военной логистики хозяйственного назначения стало характерной особенностью дорог Закавказья. Такое их качество было отмечено главным управляющим гражданской частью на Кавказе генерал-адъютантом С.А. Шереметевым в записке, адресованной наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу от 20 декабря 1895 г.:

Сооружение удобных грунтовых дорог в Закавказье началось только по присоединении этого края к Империи. Первыми устроителями здесь дорог были русские войска, пролагавшие пути с целями стратегическими; при чем дороги эти приобретали в то же время значение торгово-экономическое, устраняя разобщенность отдельных местностей и тем облегчая способы к обмену местных сельских произведений и продуктов⁸.

Дороговизна строительства и содержания дорог в сложных условиях закавказского рельефа была причиной привлечения местного населения к решению проблем инфраструктурного развития. Так, например, в сентябре 1849 г. Совет главного управления Закавказским краем, основываясь на мнении Государственного совета, предложил Шемахинской губернии отдать в подрядное содержание несколько переправ. Для передачи переправ в коммерческое управление были организованы торги, лучшие цены по итогам которых были предложены жителями городка Сальян Мирзой Сафаровым и Зайнал Абдулою⁹. «За особое и постоянное усердие к пользам казны» жители Закавказского края, участвовавшие своим капиталом в устройстве переправ и мостов, возводились в звание личных почетных граждан¹⁰.

Для ускорения движения по наиболее важным направлениям необходимо было строить не только грунтовые, но и шоссированные дороги. Их устройство предполагало наличие твердого покрытия поверх грунтового основания. Сооружение шоссей-

⁷ Отчет Великого князя Михаила Николаевича о деятельности Кавказского наместничества (1855–1880) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2003. С. 395–396.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 649. Оп. 1. Д. 139. Л. 26 об. – 27.

⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 3. Д. 372. Л. 1–1 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 372. Л. 41–41 об.

ных дорог было начато при наместнике генерал-фельдмаршале князе А.И. Барятинском в конце пятидесятых годов XIX в. и имело своей целью связать Закавказье с внутренними губерниями удобными путями сообщений¹¹.

Основа для деятельности А.И. Барятинского на поприще дорожного строительства в Закавказье была заложена его предшественником на посту командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом Н.А. Реадом. 3 сентября 1854 г. им в адрес Главного управления путей сообщения и публичных зданий было направлено отношение о потребности повышения расходов на дорожные работы с ассигновавшихся ранее ежегодно 100 тыс. рублей до 209 тыс. Значительная часть запланированных Н.А. Реадом ремонтных и строительных работ должна была развернуться именно в Закавказье (за исключением затрат за содержание Военно-Грузинской дороги от Екатеринограда до Кавказского хребта).

Более чем двукратное увеличение суммы расходов на дороги, обосновывавшееся Н.А. Реадом, было значительным. Однако обширность региона, сложность его природы и рельефа в совокупности с необходимостью его развития и интеграции очевидно требовали подобных затрат. Вопрос был внесен на рассмотрение Николая I главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями П.А. Клейнмихелем, после чего ходатайство командующего Отдельным Кавказским корпусом было удовлетворено¹². Указанное решение способствовало тому, что в начале 1860-х гг. совокупные доходы Закавказского края росли: в 1863 г. они составляли 3081 тыс. рублей, в 1864–3390 тыс. рублей, в 1865 г. – 3558 тыс. рублей¹³.

Такая динамика вызвала у царской администрации желание обращать доходы на устройство дорог. В 1871 г. Государственный совет утвердил предложение наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича о занесении в расходные сметы Закавказского края средств из местных доходов, необходимых для ремонта и строительства грунтовых и шоссейных путей. Единственным ограничением, вызванным необходимостью контроля ассигнований, стало требование Государственного совета о ежегодном рассмотрении выделявшихся сумм и их согласовании в рамках Закавказской сметы¹⁴.

Прокладка полотна шоссейных дорог, уплотнение его гравием и заготовка щебня осуществлялись за счет средств, отпускавшихся из земских сборов. Объем ассигнований из этого источника колебался в зависимости от масштабов запланированных работ. Так, по Закавказской земской смете с 1894–1896 гг. было назначено на устройство дорог 1621 тыс. рублей, в том числе на потребности постоянные – 705 тыс. рублей и единовременные – 916 тыс. рублей. По земской же смете предшествовавшего трехлетия 1890–1892 гг., продолженной по особому высочайшему повелению на 1893 г., было выделено на сооружение дорог 2320 тыс. рублей, в том числе на потребности постоянные – 719 тыс. рублей и единовременные – 1600 тыс. рублей. К постоянным расходам относилось содержание в исправности шоссейных дорог, мостов и других дорожных сооружений; покупка и починка инструментов; жалование и путевые пособия чинам технического надзора, а к единовременным издержкам – устройство и капитальное исправление шоссейных дорог, мостов, приобретение пороха для взрывания скальных участков и постройка паромов¹⁵.

¹¹ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 139. Л. 27.

¹² Там же. Л. 12 об.

¹³ Там же. Д. 133. Л. 1.

¹⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 90. Л. 4–5.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 139. Л. 27–27 об.

В упомянутой записке главноуправляющий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант С.А. Шереметев связывал с постройкой земских дорог развитие в Закавказье нефтепромышленности, медеплавильного дела, добычи марганца, серы, производства поташа. Примечательным является то обстоятельство, что в документе, представлявшемся наместнику на Кавказе в 1895 г., С.А. Шереметев сетовал на то, что русские предприниматели крайне ограниченно вовлекались в экономику региона:

Нельзя не обратить внимания, что главными предпринимателями во всех промышленных предприятиях являются иностранцы – англичане, германцы, греки и другие, а отчасти туземцы; русские же капиталисты не проявляют здесь пока никакой предприимчивости, не внося своих капиталов для эксплуатации естественных богатств страны¹⁶.

Вкладывая средства в развитие транспортной инфраструктуры региона, царская администрация оказывалась неспособной в полной мере обеспечить отдачу таких инвестиций и признавала это серьезной проблемой.

Конечно, реализация государственной политики в регионе, в том числе в области воплощения в жизнь дорожных проектов, не могла осуществляться исключительно в соответствии с интересами местного населения. В рассматриваемый период вопросы отчуждения земли стали возникать достаточно часто после того, как в регионе были построены первые стальные магистрали и определилась потребность в подведении к ним подъездных дорог.

Пример разрешения такого вопроса содержится в отношении департамента шоссейных и водяных сообщений Министерства путей сообщения, направленного в октябре 1884 г. в адрес Государственного совета. Для соединения Акстафинской станции Закавказской железной дороги с проходящим близ нее шоссе между Тифлисом и Карсом был разработан проект подъездного шоссе длиной в девять верст. Проект предусматривал, что дорога пройдет по состоявшим в частном владении землям, в связи с чем они подлежали изъятию в пользу казны в соответствии со ст. 576 Законов гражданских. Примечательной в данной ситуации является рассудительность чиновников правления Кавказского округа путей сообщения. Принимая во внимание интересы землевладельцев, они настаивали на отчуждении в пределах застроенной местности полосы шириной не в 30, а в 6–8 саженой. План шоссе и расчет площади земли, подлежавшей передаче в казну, был рассмотрен и утвержден Советом Министерства путей сообщения 31 октября 1884 г.¹⁷

В начале XX столетия проблема создания условий для быстрого перемещения войск в Закавказье в случае начала новой войны с Турцией вновь привлекла внимание правительства. С 1909 по 1911 гг. осуществлялась разработка масштабной «Программы строительства на Кавказе стратегической шоссейной сети».

5 марта 1913 г. состоялось межведомственное совещание под председательством генерал-квартирмейстера Генерального Штаба генерал-майора Ю.Н. Данилова по вопросу выделения средств на выполнения программы. Представителями военного ведомства строительство шоссе обосновывалось стратегической необходимостью переброски сил в случае конфронтации с Османской империей. Так, устройство шоссе от города Игдырь до Каравансарайского и Кара-Кала-Ахтинского перевалов должно было способствовать быстрому захвату русскими войсками пониженных участков хребта Агрыдаг, прежде чем это успеют сделать турки, и развитию операции широким фронтом в пределах Алашкерсткой долины. Сооружение шоссе Тех-

¹⁶ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 139. Л. 27 об. – 28.

¹⁷ РГИА. Ф. 1151. Оп. 10. 1884 г. Д. 60. Л. 2–2 об.

нис – Башкей виделось военным востребованным для расширения зоны наступления от Карса к Эрзеруму¹⁸.

Принимая во внимание объемы ассигнований, необходимых на строительство многочисленных и протяженных шоссейных дорог, представитель Министерства финансов действительный тайный советник В.П. Бонч-Осмоловский попытался связать сложившуюся внешнеполитическую ситуацию с нецелесообразностью выделения средств на их строительство, заметив,

что ввиду современного политического положения, создававшегося событиями на Балканском полуострове, естественно может возникнуть сомнение, имеется ли ныне настоятельная необходимость заботиться о развитии стратегической сети шоссейных дорог в пограничной с Турцией полосе¹⁹.

Присутствовавшие на совещании представители военного ведомства парировали доводы В.П. Бонч-Осмоловского, заявив, что с уменьшением влияния Османской империи в Европе ее интерес в Азии будет лишь увеличиваться, а экономической рентабельностью в этих условиях требуется поступиться перед стратегической целесообразностью²⁰. И, хотя представителю Министерства финансов было указано на ошибочность его суждений, и совещание приняло положительное решение относительно ходатайства о выделении денежных средств на устройство новых шоссе, программа так и не была реализована.

Однако в части дорожного строительства политика развития транспортной инфраструктуры Закавказья принесла очевидные результаты. К 1912 г. длина всех находившихся в ведении Министерства путей сообщения и Министерства внутренних дел дорог составляла 7648 верст, из них 3853,3 версты были грунтовые; 3792,7 версты – шоссированные, оставшиеся две версты – полностью замощенные. Дорожная сеть смогла оживить экономику региона, содействовать его интеграции в общероссийскую экономическую модель, но она была менее протяженной, чем в Туркестанском крае (57 тыс. верст), Приморской области (108 тыс. верст), Западных губерниях (68 тыс. верст) и в губерниях центральной России (468 тыс. верст). Очевидно, что для корректного сравнения необходимо учитывать площадь территориальных образований. Кроме того, имелись и выгодные для Закавказья основания для сопоставления: так, в Туркестанском крае к 1912 г. было шоссировано всего 130 верст, а в Приморской области шоссе не было вовсе²¹. Вместе с этим в Закавказье остро стояла проблема ремонта дорог, отдельные участки которых находились в состоянии чрезвычайной запущенности²².

Железнодорожное строительство в Закавказье

Дорожное строительство не только способствовало интеграции и экономическому оживлению региона, но и открыло перспективы для устройства в Закавказье сети стальных магистралей. Появилась возможность для доставки необходимых материалов. Синергетический эффект от связывания в одну систему дорог и «чугунки» проявился, был обусловлен потребностью в устройстве новых подъездных шоссе к железнодорожным станциям.

¹⁸ РГИА. Ф. 190. Оп. 8. Д. 1378. Л. 77–82.

¹⁹ Там же. Л. 82–82 об.

²⁰ Там же. Л. 82 об. – 84.

²¹ Статистический ежегодник России 1914 г. Издание Центрального Статистического Комитета МВД. XI отдел. Петроград, 1915. С. 45.

²² РГИА. Ф. 350. Оп. 82. Д. 66. Л. 26.

Положение Тифлиса как конечного пункта Военно-Грузинской дороги, его статус административного центра Кавказского наместничества и нахождение в географическом центре Закавказья определило тот факт, что город стал значимым узлом в сети стальных магистралей региона.

Начало Закавказским железным дорогам было положено в 1871 г., когда был открыт для движения участок от Поти до Тифлиса, на строительство которого ушло пять лет. Располагавшийся на Черном море Поти получил статус портового города в 1858 г. Устройство линии Поти – Тифлис было первым этапом в решении задачи соединения «чугункой» черноморского и каспийского побережий. Окончательно этот проект был завершён в 1883 г., когда было открыто железнодорожное сообщение между Тифлисом и Баку.

Железная дорога Поти – Тифлис – Баку стала основой для развития сети стальных магистралей в регионе. От значимых в экономическом и военном отношении городов к ее участкам примкнули ветви: Батум – Самтреди (строилась с 1880 по 1883 гг.), Рион – Кутаис (1875–1877 гг.), Тифлис – Карс (1896–1899 гг.)²³.

Важное для развития транспорта и интеграции Закавказского края в экономическое пространство империи событие произошло в 1900 г., когда железную дорогу Ростов-на-Дону – Владикавказ – Петровск продолжили до Баку. Таким образом, Закавказская железная дорога была соединена с железнодорожной сетью России²⁴.

На заключительном этапе расширения Закавказской железной дороги вектор ее развития приобрел южное направление. Определялось это, в частности, позицией царского правительства и Кавказского наместничества, рассматривавших возможность продолжения системы железных дорог Закавказья до границы с Персией и получения согласия на строительство линии от границы до персидского Тебриза в качестве инструмента для расширения экономических связей с привлекательным в торговом отношении соседним государством. Кроме того, проблемой, стимулировавшей строительство «чугунки» в направлении границы с Персией, являлась высокая стоимость фрахта за перевозку товаров по морю²⁵.

От Александрополя, располагавшегося на участке Тифлис – Карс, пути были проложены до Эривани. Движение по ветви было открыто в 1902 г. До находившейся на границе с Персией Джульфы железная дорога была построена от Улунхалу. Расстояние от этого города до Эривани составляло всего 15 км, что обеспечивало интегрированность новой линии в систему стальных магистралей Закавказья. Устройство ветви Улунхалу – Джульфа завершилось в 1908 г. В том же году началось строительство дороги Джульфа – Тебриз, которая была официально открыта в 1916 г.²⁶ Таким образом, в Закавказье была создана железнодорожная сеть, связавшая побережья Черного и Каспийского морей как наиболее значимые хозяйственные центры региона, а также соединившая транспортные системы Российской империи и Персии.

Стабильное функционирование железной дороги требовало соответствующего обеспечения, которое не ограничивалось ремонтом путей. Для того, чтобы паровоз двигался, ему была необходима вода в объеме, значительно превышавшем потребности в угле. Для заливки воды в паровозные тендеры использовались специальные гидроколонки. К 1903 г. водой необходимо было снабжать 23 пункта заправки Закавказских железных дорог, рассредоточенных на расстоянии в 135 верст. Их суточная

²³ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 693 Л. 2 об.

²⁴ Сакульева Т.Н. Строительство железных дорог в царской России // Вестник университета. 2015. № 11. С. 163. EDN: VJFUP

²⁵ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 139. Л. 27 об. – 28.

²⁶ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 693 Л. 2 об.

потребность варьировалась в пределах от 100 до 35 тыс. ведер, а совокупная достигала 77 тыс. ведер²⁷. В условиях рельефа, особенностью которого был перепад высот, а также изобилие горных рек, для водоснабжения отдельных станций строились плотины. Описание такого решения содержится, например, в отношении технического отдела управления железных дорог Министерства путей сообщений в адрес гидрологического комитета Главного управления землеустройства и земледелия от 28 декабря 1911 г. за № 15885. Документ содержал просьбу о разрешении возобновления сооружения плотины на реке Гасан-Су, приостановленного чиновниками Кавказского водного округа. Задержка в работах создавала угрозу водоснабжению станции Акстафа и, как следствие, движению поездов, что могло повлечь убытки для казны²⁸.

Горный рельеф Закавказья обуславливал наличие большого количества перевальных участков, где железнодорожные пути имели затяжные подъемы и спуски, сочетавшиеся с большим количеством кривых малого радиуса. Участки с кривыми малого радиуса устраивались вынужденно в условиях ограниченности пространства²⁹. Их наличию сопутствовали значительные проблемы, связанные с эксплуатацией «чугунки»: скорость и вес грузовых поездов ограничивались для предупреждения потери устойчивости, увеличивалась вероятность схода состава, а колесные пары и рельсы изнашивались быстрее. Так, например, наличие радиусов до 70 сажень на перевальном участке Закавказской железной дороги между станциями Квирилы и Михайлово определяло необходимость сокращения составов поездов, а также использования вагонов с укороченной жесткой базой³⁰. Такие ограничения являлись причиной повышения издержек и стоимости транспортировки грузов³¹.

Поиски решений, которые могли бы способствовать снижению издержек, привели железнодорожников к идее электрификации сложных перевальных участков. Смета расходов управления железных дорог Министерства путей сообщения на 1911 г. включала кредит, выделенный для начала работ по электрификации Сурамского участка. Проект создания инфраструктуры, необходимой для использования электрической энергии, был одобрен инженерным советом транспортного ведомства. Планировалось устройство гидротехнических сооружений на реке Рион, силу падения воды которой предполагалось использовать для получения энергии путем отвода воды на участке между Кутаисом и станцией Рион Закавказских железных дорог в канал заданной пропускной способности³². Проект не был воплощен в жизнь царской администрацией, а электрификация железных дорог началась уже в советский период.

Еще одним нереализованным в имперский период проектом являлась Перевальная железная дорога через Кавказский хребет. В отличие от идеи об электрификации железнодорожного транспорта замысел о соединении напрямую Владикавказа и Тбилиси для сокращения транспортных расходов не осуществлен и по сей день.

Проект, изложенный в отношении министра путей сообщения А.Ф. Трепова в адрес председателя Государственной думы М.В. Родзянко от 26 октября 1916 г., предполагал расширение железнодорожного узла, сложившегося вокруг Тифлиса.

²⁷ РГИА. Ф. 22. Оп. 3. Д. 48. Л. 42.

²⁸ РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 944. Л. 2

²⁹ Примечательно, что в Российской империи малым радиусом кривой считалась протяженность до 70 сажень, а в современной России – 150 метров, таким образом, мера осталась практически неизменной.

³⁰ Жесткая база – расстояние между крайними осями вагона (центрами опор его кузова).

³¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 418. Л. 3.

³² РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 879. Л. 1.

Расположенная севернее Тифлиса станция Авчала должна была стать пунктом примыкания Перевальной железной дороги к закавказской сети стальных магистралей. На ней планировалось устроить сортировочные пути для прицепки и отцепки вагонов и распределения грузов в направлении Владикавказа и Батума.

Тифлис, согласно проекту, сохранял свое положение главной сортировочной станции всего узла. Особое значение планировалось придать расположенной в шести верстах южнее Тифлиса станции Навтлуг, являвшейся узловым пунктом четырех направлений: на Баку, Батум, Карс и Сигнаги. После примыкания Перевальной к Закавказской железной дороге грузооборот и сортировочная нагрузка станции должна была сильно возрасти, а Тифлисский железнодорожный узел повышал свое значение центра распределения грузопотоков, через который товарные составы из центральной России могли отправляться в направлениях крупных портов Закавказья³³.

Влияние развития дорог Закавказья на торговые отношения с Персией

Вследствие ограниченности средств и технической сложности многие идеи, которые могли бы усовершенствовать систему путей сообщения Закавказья, не были воплощены. Вместе с тем принятыми во второй половине XIX – начале XX столетия мерами был достигнут качественный сдвиг в направлении развития транспортной инфраструктуры края. Расширение дорожной сети способствовало наращиванию объемов торговли Российской империи с Персией.

Так, в период с 1888 по 1893 гг. экспорт сахара в Персию через закавказскую сухопутную границу увеличился в денежном выражении с 50 до 1559 тыс. рублей, т.е. прирост составил + 3018 %. Положительная динамика в указанный период сложилась и по другим товарным позициям: железо разных сортов (+89 %); сталь (+54 %); нефть, керосин и другие нефтяные продукты (+538 %); медные изделия (+105 %); кожа и кожаные изделия (+100 %); стеклянные изделия (+35 %); хлопчатобумажные изделия (+265 %). В 1893 г. появилась новая для закавказско-персидских маршрутов статья экспорта: в Иран было доставлено чая на 38 тыс. руб. Совокупная стоимость вывезенных через закавказскую границу в Персию товаров возросла с 871 до 3784 тыс. рублей, а в относительном выражении рост объема экспорта за шестилетний период превысил 330 %.

Грузооборот на рассматриваемом участке расширялся не только за счет вывоза, но и за счет импорта иранских товаров, в течение 1888–1893 гг. демонстрировавшего не менее впечатляющую динамику. Исключением стал 1890 г., когда объемы импорта по всем статьям снизились, однако русско-персидская торговля быстро перешла к восстановлению с еще большими темпами прироста. Значительный удельный вес, около 50 % от общей стоимости персидского импорта через Закавказье, составляли сухие фрукты. В 1893 г. их было ввезено на сумму 2671 тыс. рублей, прирост в сравнении с 1888 г. составил + 52 %. Развитие торговых отношений между Российской империей и Персией подтверждается также положительной динамикой импорта через закавказскую границу и по ряду других товарных позиций: смола древесная (+88 %); кожи и шкуры (+170 %); шелковые изделия (+160 %); шерстяные изделия и ковры (+376 %); хлопчатобумажные изделия (+66 %); скот (+34 %). Снижение импорта проявилось только по статье «клей разный», при этом ее удельный вес в общем объеме привозившихся из Персии товаров был незначительным и даже при максимальном значении, достигнутом в 1888 г., в 96 тыс. рублей не превышал 3,5 %. Вместе с тем

³³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 882. Л. 2–3 об.

с 1890 г. в Россию через Закавказье, хотя и небольшим потоком, стал поступать персидский хлопок.

В денежном выражении персидский импорт через закавказскую границу в течение шести лет вырос в 1,8 раза и в 1893 г. составил 5390 тыс. рублей³⁴.

Необходимо отметить, что значительный рост торгового оборота между Россией и Персией через Закавказье был определен именно оживлением экономических взаимоотношений. Показатели торговли в денежном эквиваленте могут искажаться за счет инфляционных процессов, способствующих в условиях обесценивания расчетной единицы их повышению, при том, что в действительности товарооборот может не только оставаться относительно неизменным, но и даже сокращаться. В последней четверти XIX в. в российской экономике наблюдалась дефляция, отражавшаяся в снижении цен на товары³⁵. Эта характеристика хозяйственной сферы позволяет сделать вывод о том, что изменение показателей торговли с Персией через Закавказье стало следствием как мер, направленных на развитие дорожной инфраструктуры, так и внешнеэкономической политики в целом.

Объем персидского импорта через закавказскую сухопутную границу, за исключением 1892 г., превышал русский экспорт. Такая ситуация была характерна и для совокупного товарооборота между странами: Россия имела отрицательное сальдо торгового баланса с Персией в течение всей второй половины XIX в. В его последнее десятилетие роль Закавказья в экономических отношениях с Ираном возросла. Если в течение 1880-х гг. через территорию края проходил поток грузов, стоимость которых составляла не более 19 % от общего оборота, то в 1893 г. этот показатель превысил 33 %³⁶. Таким образом, каждый третий рубль зарабатывался или тратился в ходе торговли с Ираном с использованием возможностей дорожной сети Закавказья.

Большая доля товарного потока проходила закавказскую границу с Персией через Джульфу. Ее значение еще в большей степени возросло в 1908 г., когда началось движение по железнодорожной линии Уланхалы – Джульфа. Развитие путей сообщения увеличило скорость движения товаров, способствовало сокращению издержек на транспортировку и, как следствие, повысило привлекательность для грузоотправителей маршрута через Джульфу. В 1910 г. через этот приграничный населенный пункт в направлении иранского Тебриза прошло более 1277 тыс. пудов грузов, в 1911 г. – 1448 тыс. пудов, а в 1912 г. – уже 2293 тыс. пудов³⁷.

Заключение

Развитие транспортной инфраструктуры Закавказья во второй половине XIX – начале XX в. осуществлялось в рамках политики интеграции региона в экономическое пространство Российской империи. Этому процессу сопутствовало также повышение значимости края во внешнеэкономических отношениях России, особенно это проявилось в создании условий для расширения торговли с Персией.

³⁴ Экономическое положение Персии. Отчет чиновника особых поручений Департамента торговли и мануфактур М.Л. Томара, командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли // Министерство финансов. Департамент торговли и мануфактур. СПб., 1895. С. 166–167.

³⁵ Усоский В.Н. Переход к денежной системе золотого монометаллизма в экономике Российской империи и денежная реформа С. Ю. Витте (1895–1897 гг.) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2013. № 5. С. 72. EDN: TUUBUJ

³⁶ Экономическое положение Персии... С. 171.

³⁷ Статистический сборник Министерства путей сообщения России. Выпуск 133: перевозка по внутренним водным путям в 1912 г. Шоссеиные пути в 1912 г. Таблица IX. СПб., 1915. С. 14.

Устройство грунтовых и шоссейных дорог не только стимулировало экономическое оживление Закавказья, но и дало импульс дальнейшему развитию его транспортной инфраструктуры. Создание условий для перевозки материалов позволило приступить к сооружению стальных магистралей. Вместе с тем появление линий «чугунки» определило необходимость в строительстве подъездных грунтовых дорог к станциям. В данной тенденции проявилась взаимозависимость развития разных компонентов транспортной инфраструктуры региона.

Процесс создания и расширения железнодорожной сети подчинялся строго определенной логике. Первичной задачей являлось соединение побережий Черного и Каспийского морей. В дальнейшем развитие Закавказских железных дорог осуществлялось в направлении соединения с сетью стальных магистралей империи, что было достигнуто в 1900 г., когда был завершён участок Петровск–Баку, а также по южному вектору, который был воплощён в проведении путей до приграничного с Персией населённого пункта Джульфа.

Развитие дорожной инфраструктуры в регионе способствовало созданию условий для увеличения грузооборота между Россией и Персией через закавказскую сухопутную границу, а также повышению значимости края в русско-иранских торговых отношениях.

Поступила в редакцию / Submitted: 20.01.25

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 20.03.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 9.06.2025

References

- Andrianov, S.A. *Ministerstvo vnutrennikh del. Istoricheskii ocherk (1802–1902). Pochta i telegraf v XIX stoletii* [Ministry of Internal Affairs. Historical essay (1802–1902). Mail and telegraph in the 19th century]. St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1902 (in Russian).
- Argutinsky-Dolgorukov, A.M. *Istoriia sooruzheniia i ekspluatatsii Zakavkazskoi zheleznoi dorogi za dvadtsat' piat' let ee sushchestvovaniia. 1871–1896 gg.* [The history of the construction and operation of the Transcaucasian railway over the twenty-five years of its existence. 1871–1896]. Tiflis: Zakavkazskaia zheleznaia doroga Publ., 1896 (in Russian).
- Florin, A.V. *Batumskii port: usloviia vyvoda produktov russkoi nefi cherez Batumskii port v soedinenii s usloviiaimi transportirovki i vyvoda nefiannykh produktov v Soedinennykh Shtatakh Severnoi Ameriki* [Batumi port: conditions for the export of Russian oil products through the Batumi port in comparison with the conditions for the transportation and export of oil products in the United States of North America]. St. Petersburg: Komissiiia po sozdaniuu torgovykh portov Publ., 1895 (in Russian).
- Grebner, A.V. *Torgovye dorogi Zakavkaz'ia* [Trade roads of Transcaucasia]. St. Petersburg: Tipografiia I. Gol'dberga Publ., 1896 (in Russian).
- Ismailova, A.M. “The role of Batumi in the development of domestic and foreign trade in the Transcaucasian region (at the turn of the XIX–XX centuries).” *Modern Trends in the Development of Science and Technology* 12, no. 7–4 (2015): 98–101 (in Russian).
- Kornoukhova, G.G. “Monopolization of goods and passenger shipping in the Caspian Sea at the turn of the XIX–XX centuries.” *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 3 (2022): 14–19 (in Russian), https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_14
- Kornoukhova, G.G. “Russian exporters to Iran VS Transcaucasian transit of European goods in the early 1880s.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (2022): 556–567 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567>
- Kornoukhova, G.G. “Russian sugar exports to Persia in 1900–1917.” *Modern History of Russia* 12, no. 3 (2022): 610–624 (in Russian), <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.305>
- Sagratyan, A.T. *Istoriia zheleznykh dorog Zakavkaz'ya. 1856–1921* [The history of the railways of Transcaucasia. 1856–1921]. Yerevan: Hayastan Publ., 1970 (in Russian).

- Sakulyeva, T. N. "Railway construction in tsarist Russia." *Vestnik Universiteta*, no. 11 (2015): 160–164 (in Russian).
- Shanidze, N.K. *Vozniknovenie i razvitie Zakavkazskikh zheleznnykh dorog i ikh vliianie na ekonomiku kraia* [The emergence and development of the Transcaucasian railways and their impact on the economy of the region]. Tbilisi: Gruzinskii politekhnicheskii institut imeni V.I. Lenina Publ., 1968 (in Russian).
- Testov, V.N. "Key problems of the bypass line of the Suramsky pass of the Transcaucasian railway in the mid-80s – early 90s of the XIX century." *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 8–4 (2011): 192–194 (in Russian).
- Usosky, V.N. "Conversion to the standard of gold monometallism in the economy of the Russian Empire and S. Vitte's monetary reform (1856–1857)." *Vestnik of Polotsk State University. Part D. Economic and legal sciences*, 2013. no. 5 (2013): 67–76 (in Russian).
- Zabelin, A.V. "The main stages of the construction of Russian rail ways in the direction of the Black Sea (1850–1900)." *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus region. Social Science*, no. 3 (2023): 78–82 (in Russian), <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-3-78-82>

Информация об авторах / Information about the authors

Петр Александрович Колпаков, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; kolpakov_pa@pfur.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1600-9937>; SPIN-код: 1054-5704.

Petr Alexandrovich Kolpakov, PhD in History, Associate Professor of the Russian History Department, Research Fellow of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; kolpakov_pa@pfur.ru; orcid.org/0000-0002-1600-9937; SPIN-code: 1054-5704.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-402-414>
EDN: PBFHOU

Научная статья / Research article

Мургабское государево имение в контексте макрэкономических показателей

Дмитрий Валентинович Васильев^{ID}✉, Никита Андреевич Мазаев^{ID}

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

✉Dvvasiliev@mail.ru

Аннотация: Рассматривается социально-экономический феномен Мургабского государева имения, образованного в Мервском оазисе 6 августа 1887 г. Показан процесс обустройства Мургабского имения и превращение его в крупный агро-промышленный комплекс, которое должно было стать эталоном для других подобных заведений. Одновременно была поставлена задача сделать имение эффективным хозяйством, часть прибыли от которого должна была со временем поступать в Государственное казначейство. Установлено, что в условиях необходимости значительных затрат на оросительные работы император Александр III повелел учредить государево имение за счет средств Департамента уделов. На основании материалов официальной отчетности рассмотрены сведения о расходах и доходах по Мургабскому государеву имению и сделан вывод о том, что Департамент уделов не скупился на капиталовложения по акклиматизации сортов растений, устройству в имении заводов для первичной обработки сельскохозяйственного сырья и путей сообщения, электрификации производства и созданию особых условий для службы и быта работников имения, которое с 1911 г. стало приносить устойчивую прибыль. Иными словами, поставленная перед ним экономическая задача была выполнена.

Ключевые слова: Закаспийская область, Туркестанское генерал-губернаторство, уделы, удельные заводы, хлопок, доходы и расходы, экономическая эффективность

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Васильев Д.В. – концепция, сбор материалов, написание и редактирование текста, Мазаев Н.А. – сбор материалов, написание текста. Все авторы ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24–28–00915), <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства. Название проекта: «Мургабское государево имение как образцовое агро-промышленное предприятие начала XX в.» Руководитель Д.В. Васильев.

Для цитирования: Васильев Д.В., Мазаев Н.А. Мургабское государево имение в контексте макрэкономических показателей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 402–414. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-402-414>

Murghab Sovereign's Estate in the Context of Macroeconomic Indicators

Dmitry V. Vasilyev^{ID}✉, Nikita A. Mazaev^{ID}

Moscow City University, Moscow, Russia

✉Dvvasiliev@mail.ru

Abstract: The author examines the socio-economic phenomenon of the Murghab sovereign's estate, formed in the Merv oasis on August 6, 1887. It shows the process of developing the Murghab estate and turning it into a large agro-industrial enterprise, which was set to become a benchmark for other similar establishments. At the same time, the task was set to make the estate an effective farm, part of the profit from which was to eventually go to the State Treasury. The authors reveal that, in the conditions of the need for significant expenditures on irrigation work, Emperor Alexander III ordered the establishment a sovereign's manor at the expense of the Appanage Department. At the same time, a task was set to make the manor an effective enterprise, part of the profit from which was eventually to go to the State Treasury. Based on the materials of the official reports, the data on expenses and revenues of the Murghab sovereign's manor were examined, and the conclusion was made that the Appanage Department was to invest heavily into: the acclimatization of plant varieties, the construction of factories for primary processing of agricultural raw materials in the manor and communication routes, the electrification of production, and the creation of special conditions for the service and life of the manor workers. In 1911 the manor began to yield stable profit. In other words, the initial economic task set out was accomplished.

Keywords: Transcaspian Province, Turkestan Governorate General, appanages, factories of appanages, cotton, income and expenses, economic efficiency

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: D.V. Vasilyev – conception, archival research, writing and editing. N.A. Mazaev – archival research, writing. All authors reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The study is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 24-28-00915), <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship. Project title: "Murghab State Estate as a Model Agro-Industrial Enterprise of the Early 20th Century." Supervised by D.V. Vasiev.

For citation: Vasilyev, D.V., Mazaev, N.A. "Murghab Sovereign's Estate in the context of macroeconomic indicators." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 402–414 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-402-414> (in Russian).

Введение

Актуальность. Расширение южных границ Российской империи в Закаспийском крае после занятия российскими войсками Пендинского и Мервского оазисов требовало закрепления этих территорий в ее составе, что стало одной из главных причин учреждения в 1887 г. в долине реки Мургаба особого государева имения. Изначально здесь создавалось образцовое агропромышленное предприятие, находившееся на правах удельного округа в составе Департамента уделов (позднее – Главного управления уделов) и фактически на автономном положении в составе Закаспийской области. Но главная особенность имения состояла в том, что его хозяином (собственником) являлась ни какая-то августейшая особа или вся фамилия Романовых, а именно правивший император. Это подчеркивает уникальность статуса Мургабского имения, призванного служить непосредственно государю, связываться с носителем верховной власти и олицетворять его присутствие и волю.

Императорский указ 1887 г., относя имение к ведению Департамента уделов, возлагал на последний и его финансирование, включая расходы

по сооружению Султанбентской плотины, проведению ирригационных каналов, заселению имения и введению в нем «соответствующих местным условиям культур <...> По возмещении

Департаменту уделов из доходов с Мургабского государева имения расходов, которые им будут произведены на устройство оно и управление, часть сих доходов <...> обращать в пользу Государственного казначейства¹.

Сам факт существования Мургабского государева имения отвечает на вопросы о смысле российского присутствия в Туркестане на рубеже XIX и XX столетий, о его перспективе в составе империи и об отношении центрального правительства к своей юго-восточной окраине в условиях бурно развивавшегося капитализма. Мургабское государево имение – это не просто часть окраины, но та территория, которая должна была стать эталоном. Говоря об эффективности данного предприятия, мы приближаемся к ответу на вопрос о том, на что при этом ориентировалась Российская империя – на пропаганду или на экономическую целесообразность.

Степень изученности проблемы. Приходится признать, что история Мургабского имения практически остается terra incognita исторической науки. В дореволюционный период в некоторых работах упоминалось о существовании этого агропромышленного кластера, однако всесторонний анализ его деятельности проведен не был, а само содержание носило комплиментарный характер². Одним из немногих трудов, выделявшихся критическим восприятием функционирования имения, были путевые записки Д.Н. Логофета, в которых автор негативно характеризовал перспективы развития созданных ирригационных сооружений и даже отметил некоторые преимущества местной системы водопользования³.

Первым, кто отчетливо заявил о существовании имения в советской исторической науке, был академик М.Н. Тихомиров. Однако его характеристика имения свелась, на наш взгляд, к упрощенному его восприятию как типичной колониальной практики⁴. Наиболее крупной работой, посвященной Мургабскому государеву имению, является труд Н.Н. Каноды, в котором имение представлено как грандиозное капиталистическое предприятие с различным характером отношений между местными арендаторами и служащими имения⁵. В современной зарубежной историографии Мургабскому имению отчасти посвящена недавняя работа Дж. Китинг, которая обратила внимание на итоговую несостоятельность ирригационных работ, низкую эффективность сооружений, а также на большое количество нарушений и взяточничество в процессе организации арендных и субарендных отношений на землях имения⁶. В других работах последнего времени вновь предпринимается попытка пробудить интерес к истории государева имения на реке Мургабе⁷.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 7. СПб., 1889. С. 390.

² Гулишамбаров С.И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой. Ашхабад, 1913; Дмитриев-Мамонов А.И. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. СПб., 1913.

³ Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х книгах. Книга II. Русско-Афганская граница. СПб., 1909. С. 63–70.

⁴ Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 194–198.

⁵ Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881–1917 гг.). Ашхабад, 1991. С. 103–159.

⁶ Keating J. On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia. Oxford, 2022. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192855251.001.0001>

⁷ Васильев Д.В. Мургабское государево имение – образцовое хозяйство на Юго-Восточной окраине // Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики. Ярославль; Москва, 2024. С. 84–92; Мазеев Н.А. Аграрный сектор Мургабского государева имения как отражение аграрной политики Российской империи в Туркестанском крае // Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики. Ярославль; Москва, 2024. С. 258–272. EDN: PYSAME; Васильев Д.В. Мургабское государево имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 4. С. 78–88. EDN: JRCERT

Использование макроэкономических показателей в качестве аргумента для выяснения эффективности деятельности того или иного учреждения, а иногда и государства, является устоявшейся практикой как в отечественной, так и зарубежной историографии. Весьма интересную попытку в этом направлении предприняла Е.А. Правилова⁸. Анализируя ситуацию с Польшей, Финляндией, Закавказьем и Туркестаном, автор демонстрирует уникальность финансовых отношений каждого из регионов с центральным правительством⁹.

Экономическая эффективность отдельных учреждений Департамента уделов также попадала в область внимания некоторых исследователей. А.А. Ефимов в одной из своих статей рассмотрел вопрос возмещения убытков при реконструкции в Ливадийском имении¹⁰. Ранее вопрос доходности и убыточности окраин затрагивался в тех или иных аспектах в коллективных работах «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли»¹¹, «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)»¹².

Целью статьи является определение доходности Мургабского государева имения и степени его эффективности как одного из важнейших принципов создания.

Источниковой базой для решения поставленной цели являются высочайшие отчеты Департамента уделов¹³, которые хранятся в фонде «Главное управление уделов МИДв» (Ф. 515) Российского государственного исторического архива. В них содержится обобщенная информация о доходах и расходах по имению с включением с момента их создания и Мургабских удельных заводов. Справедливость нашего выбора подтверждается совпадением указанных в этих отчетах ежегодных убытков по имению с нарастающим остатком его долга перед Главным управлением уделов.

Обустройство Мургабского имения в организационный период

Одновременно с учреждением имения состоялось высочайшее разрешение ассигновать в 1887 г. имению заимообразно в счет будущих доходов до 50 000 руб. Из них Военному министерству следовало вернуть 10000 руб., затраченные им на предварительные гидрологические изыскания. На продолжение этих работ было выделено 10 250 руб. и на разного рода административные мероприятия – 19 750 руб.¹⁴ Эти сведения позволяют подсчитать приблизительную сумму расходов по имению в 1887 г. Известно, что на командировку П.А. Рихтера¹⁵ в Тифлис и Байрамали было выдано 17 012,37 руб.¹⁶, что косвенно подтверждает адекватность предварительных

⁸ Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006.

⁹ Там же. С. 287.

¹⁰ Efimov A.A. The Main Department of Appanages and the Problem of Supplemental Payments to Construction Contractors for Office Buildings in Livadia // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2024. Vol. 69. № 2. P. 307–320. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.204> EDN: CFMFHS

¹¹ Урушадзе А.Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. Ростов-на-Дону, 2020.

¹² Янченко Д.Г., Ходяков М.В., Иванов А.А. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). СПб., 2020. EDN: XBGGWM

¹³ В оригинале по традиции назывались отчетами по Министерству уделов.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 27. Д. 1895. Ч. 1. Л. 3 об. – 4.

¹⁵ Пётр Александрович Рихтер (1829–1895) – статс-секретарь императора Александра III, в 1884–1890 гг. управляющий Департаментом уделов.

¹⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 1895. Ч. 1. Л. 25–25 об.

расчетов перечисленных выше затрат. Однако известно, что вскоре потребовались экстраординарные расходы. Строителю гидротехнических сооружений в имении инженеру И.И. Поклевскому-Козеллу было выдано 30 тыс. руб. в счет будущей сметы по строительству¹⁷.

К сожалению, отчет Департамента уделов не содержит сведений о фактических затратах на Мургабское имение за 1887 г.¹⁸ Однако предпринятая выше их реконструкция позволяет определить расходы на сумму около 80 тыс. руб.

На первый год активного функционирования имения было выделено по смете 236 930 руб.¹⁹ Уже тогда стало очевидным, что некоторые работы (в первую очередь гидротехнические и строительные) требовали значительно больших затрат. И общие расходы за первые три года составили почти миллион рублей (932 976,83 руб., то есть на 50 % больше планировавшихся первоначально).

В 1889 г. в Мургабском государевом имении велись работы по восстановлению древней плотины Султанбент. Были закончены земляные работы, сделаны запасы извести и кирпича для каменной кладки водослива и шлюза при главном магистральном канале Султанъяб. Работы по самой плотине близились к завершению. Шло строительство жилых и хозяйственных построек для рабочих и служебного персонала. На этот год было ассигновано 495 936 руб. 26 коп., из которых неизрасходованными на конец года осталось 156 тыс. руб.²⁰ И хотя представляется целесообразным считать, что в 1889 г. затраты на имение составили 339 936 руб. 26 коп., учет всех расходов нарастающим итогом на начало 1891 г. (см. ниже) показывает, что непотраченные деньги, тем не менее, остались за имением на 1889 г.

В 1890 г. расходы на разные работы по имению составили 356 110 руб. 57 коп. Столь существенные затраты объясняются завершением строительных работ на Султанбенте. Однако в ноябре произошла трагедия – вода Мургаба перелилась через плотину и оба водослива. Это событие послужило поводом к существенному пересмотру стратегии орошения и общего развития имения²¹.

Отчет Департамента уделов за 1890 г. содержит весьма интересные сведения. На начало 1891 г. за имением числился долг в 1 166 213 руб. 60 коп.²² Представленное выше гипотетическое исчисление расходов за 1887 г. показывает долг нарастающим итогом в 1 168 976,83 руб. Разницу в 2763,23 руб. можно объяснить, например, возвратом в Уделы неврученных представителям местной туркменской элиты подарков на сумму 2745 руб.²³ или иными возвратами не потраченных средств.

В 1891 г. в имении производились изыскательские работы по изучению вопросов о продолжении строительства Султанбентской плотины и орошению имения. Теперь было израсходовано в счет будущих доходов имения 379 998 руб. 91,5 коп. Общая сумма долга имения возросла до 1 546 212 руб. 51,5 коп.²⁴ Увеличение долга на сумму расходов 1890 г. свидетельствует о том, что никакого дохода от имения в 1891 г. не поступало.

¹⁷ РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 1895. Ч. 1. Л. 84–84 об.

¹⁸ Там же. Д. 1929. Л. 106–110.

¹⁹ Там же. Д. 1975. Л. 111 об. – 113.

²⁰ Там же. Д. 2031. Л. 109–110 об.

²¹ Там же. Д. 2089. Л. 103, 117–118.

²² Там же. Л. 104 об. Сумма приведенных здесь данных о расходах по имению за первые три года составляет 932976,83 руб., а разница с долгом имения на начало 1891 г. – 233 236,77 руб. По всей видимости, эту сумму можно отнести к экстраординарным расходам, по тем или иным причинам не попавшим в итоговые ведомости.

²³ РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 1895. Ч. 1. Л. 134.

²⁴ Там же. Д. 2138. Л. 136 об., 137 об.

В следующем году расходы по имению составили 305 327 руб. 50 коп.²⁵ В 1893 г. они значительно выросли и достигли 524 508 руб. 20,5 коп.²⁶ На устройство и содержание имения в 1894 г. было затрачено 480 575 руб. 22 коп.²⁷, из которых некоторые средства были израсходованы на сооружение оросительного канала до усадьбы. В 1895 г. активная хозяйственная деятельность в имении еще не велась – сельскохозяйственные угодья для пользователей (арендаторов) еще не были выделены, хотя было закончено устройство Гиндукушской плотины с водохранилищами. О доходах говорить было преждевременно. На имение в этом году было затрачено менее обычного – 354 613 руб. 85 коп., которые были причислены к общей сумме долга, достигшей 321 1237 руб. 29 коп.²⁸

Становление агропромышленного комплекса в Мургабском государевом имении

На следующий, 1896 г., под посевы была сдана первая тысяча десятин поливной земли. Участки были разобраны местными туркменами и таранчами²⁹, некогда участвовавшими в строительстве Султанбента. Высеян был преимущественно хлопок, который дал хороший урожай высокого качества. Первый доход с имения составил 45 тыс. руб. По итогам года расходы на устройство и содержание имения составили 333 653 руб. 31 коп.³⁰

В 1897 г. в счет аренды было получено 37 707 пудов хлопка-сырца, проданного за 72 751 руб. И ожидалось около 30 тыс. руб. с земель, занятых пшеницей, ячменем и кунжутом. Получается, за этот год с арендаторов Мургабского государева имения должно было поступить 100 тыс. руб. Расходы же Главного управления уделов на имение составили 172 183 руб. 79 коп.³¹

Из краткого отчета по деятельности имения за 1 898 г. выясняется, что в этом году под обработку арендаторам было выделено 6 500 дес. орошенной земли, из которых 2,5 тыс. были заняты хлопком. В качестве арендной платы поступило 58 734 пудов хлопка, 53 751 пуд пшеницы, 12 914 пудов ячменя и некоторое количество других сельскохозяйственных продуктов. В денежном выражении это составило 168 833 руб. 30 коп.³² В том же году завершилось сооружение оросительной сети в Байрамали. В конце 1898 г. начал работать хлопкоочистительный завод, принимавший в переработку не только хлопок имения (долю от арендаторов и собственно арендаторский хлопок), но и сырец со стороны. Расходы по имению в 1898 г. составили 140 957 руб. 91 коп.³³

В 1899 г. посевные площади увеличились незначительно. Всего орошено было 7000 дес. (2500 дес. под хлопком). Доход имения от аренды составил 258 726 руб. Чистая прибыль удельного хлопкоочистительного завода составила 18 851 руб. (30 % от затрат на его постройку). А заимообразный расход на имение из сумм Главного управления уделов в этом году составил 144 690 руб. 26 коп.³⁴

²⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 2198. Л. 117.

²⁶ Там же. Д. 2272. Л. 139–139 об.

²⁷ Там же. Д. 2613. Л. 56 об.

²⁸ Там же. Д. 2717. Д. 2717. Л. 175, 176 об.

²⁹ Таранчи (устар.) – уйгуры.

³⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 2762. Л. 50, 59 об.

³¹ Там же. Д. 2823. Л. 55 об. – 56, 59 об.

³² Там же. Оп. 27. Д. 3036. Л. 37 об.

³³ Там же. Л. 36.

³⁴ Там же. Д. 3104. Л. 48–48 об., 54.

Общий доход от имения, располагавшего прежними поливными площадями, в 1900 г. впервые перевалил за 300 тыс. руб., более чем на 100 тыс. превысив результаты предыдущего года, и составил 390 707 руб., что можно объяснить переводом арендаторов с оплаты в 28 коп. с засеянной хлопком десятины на 1/4 часть урожая³⁵. Хлопкоочистительный завод принес чистой прибыли 13 762 руб. 59 коп. (25 % затрат). Годовой отчет по Уделам впервые указывает, что в этом году среди прочих сумм была зачислена в погашение долга по Мургабскому государеву имению часть поступивших по имению доходов – 168 488 руб. 62 коп., а на новые расходы (в долг) было выделено 200 200 руб. 62 коп.³⁶ Однако долг имения продолжал расти.

В 1901 г. на прежних землях доходы имения составили 321 808 руб. 72 коп. Хлопкоочистительный завод дал 15 057 руб. 41 коп. чистой прибыли (18 % затрат на строительство). В этом году Мургабское имение вернуло в Уделы 195 777 руб. 64 коп., а получило на расходы 410 126 руб. 86 коп.³⁷

1902 г. выдался для Закаспийской области неурожайным «так, что из Мургабского имения пришлось отпустить в распоряжение местной администрации до 60-ти тыс. пудов пшеницы на продовольствие местного населения, при чем уплата стоимости отпущенного хлеба отсрочена до осени 1904 года»³⁸. Доход имения составил 214 328 руб. 20 коп. На текущие надобности было потрачено 145 885 руб. 88 коп. Кроме того, на возведение новых построек и на капремонт существующих сооружений ушло 243 тыс. руб. Хлопкоочистительный завод принес 194 595 руб. 17 коп. чистой прибыли и полностью окупил свою стоимость. Эта прибыль вместе с доходами имения пошла на покрытие перерасхода на строительные и ремонтные работы³⁹. Тем не менее, в погашение долга перед Главным управлением уделов пошла неожиданно крупная сумма в 1 367 374 руб. 48 коп. Немало получило и имение от Уделов на свои расходы – 728 780 руб. 90 коп.⁴⁰

Влияние изменений условий аренды на доходность Мургабского имения

Итоги 1903 г. превосходили все ожидания. Хлопка-сырца было собрано на сумму в 891 371 руб. Есть все основания полагать, что такой рост был достигнут за счет изменения условий аренды. Теперь в качестве платы арендаторы должны были передавать имению 1/3 собранного со своих полей урожая хлопка⁴¹. Однако с учетом того, что урожай хлопка текущего года продавался в следующем, в доходы 1903 г. по имению и заводу были зачислены 264 553 руб. 78 коп., а затраты составили 1 490 996 руб. 65 коп.⁴², из которых почти полмиллиона ушло на строительство маслозавода. Сколько имение вернуло в счет долга и сколько вновь позаимствовало из средств Главного управления в 1903 г., неизвестно.

1904 г. принес более благоприятные финансовые итоги. Общий доход по имению и заводам в 1904 г. достиг 2 140 246 руб. 52 коп., а расход составил 2 637 462 руб. 52 коп.⁴³ И хотя расходы превысили доходы, начало функционирования масляного

³⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 14 об.

³⁶ Там же. Оп. 27. Д. 3175. Л. 28, 30 об. – 31 об.

³⁷ Там же. Д. 3246. Л. 37, 40 об., 41 об.

³⁸ Там же. Д. 3311. Л. 25 об.

³⁹ Там же. Л. 25 об.

⁴⁰ Там же. Л. 28–29.

⁴¹ Там же. Оп. 81. Д. 162. Л. 15.

⁴² Там же. Оп. 27. Д. 3382. Л. 39 об.

⁴³ Там же. Д. 3448. Л. 28.

(и рафинадного) завода обещало вполне позитивные экономические перспективы. В 1905 г. общий доход, с учетом продажи прошлогоднего урожая, составил 1 094 023 руб. 05 коп. при расходе в 2 144 052 руб. 95 коп. Из этой суммы основную часть составили обычные расходы на текущие потребности⁴⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении отчеты по кассовым оборотам удельного капитала, приложенные к всеподданнейшим отчетам, показывают, что, во всяком случае после 1905 г., все доходные средства имения поступали напрямую в кассу Главного управления уделов, откуда, как было отмечено, в усадьбу Байрамали поступали финансовые средства на содержание, развитие усадебного хозяйства и на осуществление текущих расходов, связанных с функционированием его экономической системы (например, на обслуживание хлопковой операции).

В 1906 г. «земли имения дали: продуктов и кормов по рыночной цене на 30 435 руб. 13 коп. и хлопка 308 тыс. пуд. по оценке имения на 985 600 руб. Весь сбор хлопка 1906 года и часть продуктов сельского хозяйства будут проданы в 1907 году», – сообщал всеподданнейший отчет за 1906 г.⁴⁵ Что же касается дохода имения собственноручно за 1906 г., то он увеличился в сравнении с предшествовавшим годом и достиг 1 649 566 руб. 51 коп. Расходы, среди которых 1 196 772 руб. 96 коп. – текущие расходы имения и заводов, а 521 444 руб. 81 коп. – расходы на строительство и мелиорацию, составили сумму в 2 158 912 руб. 82 коп.⁴⁶ По итогам года имение и работавшие на его землях заводы должны были Уделам 7 699 064 руб. 14 коп.⁴⁷

В следующем 1907 г. имение получило 2 643 467 руб. дохода, из которых продажа хлопка принесла 2 178 004 руб., а продукты маслозавода – 330 920 руб. Расходы в этом году оказались весьма внушительными – 427 294 руб. Причем экстраординарные расходы составили 2 359 625 руб. В эту сумму вошли 517 006 руб. на устройство новых водохранилищ на Султанбенте и Йолотане, 244 337 руб. на устройство Гиндукушской гидроэлектростанции, 288 826 руб. на строительство в имении и 90 127 руб. на строительство на заводах⁴⁸. В долгах имения с заводами на конец этого года числилось 8 920 081 руб. 23 коп.⁴⁹

1908 г. оказался более успешным, но и затратным – строительство крупных гидротехнических сооружений продолжалось. От арендной платы и других доходов поступило 288 064 руб., продажа хлопка принесла 2 087 141 руб., а масляный завод – 687 392 руб. Всего – 3 062 597 руб. Текущие расходы по имению достигли 3 229 960 руб., из которых в строительные работы по имению было вложено 116 654 руб., по заводам – 113 854 руб. Затраты на устройство новых водохранилищ составили 2 488 278 руб., на гидроэлектрическую станцию – 569 635 руб. Общий расход Уделов на имение и Мургабские заводы в этом году достигли 6 293 180 руб.⁵⁰

В 1909 г. из общей площади имения в 103 910 дес. орошалось всего 15 % – 151 60,36 дес., практически полностью занятых посевами. В аренду сдавалось 14 224,94 дес., а собственными средствами имения обрабатывалось 892,82 дес. Большая часть арендованной земли была занята зерновыми посевами (8 902,39 дес.) и хлопком (4 860,11 дес.)⁵¹. За этот год доходы Мургабского имения вместе с заводами

⁴⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 3541. Л. 26 об.

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 119. Л. 231.

⁴⁶ Там же. Л. 231 об. – 232.

⁴⁷ Там же. Л. 311 об.

⁴⁸ Там же. Д. 120. Л. 239 об. – 237.

⁴⁹ Там же. Л. 316 об.

⁵⁰ Там же. Д. 121. Л. 256 об. – 257.

⁵¹ Там же. Оп. 49. Д. 1935. Л. 2.

составили 3 504 377 руб. 70 коп. (по кассе – 4 022 904,06 руб.⁵²) при расходах в 4 232 768 руб. 59 коп. (по кассе – 5 898 021,5 руб.⁵³), половина из которых была затрачена на устройство новых водохранилищ, Султанъябской ирригационной сети и устройство электропередачи⁵⁴. В итоге общий долг имения и заводов возрос до 13 306 164 руб. 62 коп.⁵⁵

Сведения за второе десятилетие XX в. не дают оснований полагать, что имение до конца своей истории смогло вернуть императорской фамилии все вложенные в него средства. Задолженность Мургабского имения перед Главным управлением уделов продолжала расти и составила на 1 января 1911 г. 13 454 473 руб. 44 коп.⁵⁶ Эта сумма показывает некоторое снижение убыточности мургабского агропромышленного комплекса. Оно и понятно – сооружение нового Султанбентского и Йолотанского водохранилищ завершилось.

Материалы, подготовленные для всеподданнейшего отчета по Главному управлению уделов за 1910 г., свидетельствуют, что к этому времени увеличились площадь орошаемых земель, посевы хлопка, валовой сбор сырца и его переработка на местных удельных заводах. В 1910 г. доход имения (с заводами) составил 2 072 128 руб. 61 коп. при расходе 2 761 357 руб. 28 коп.⁵⁷ При этом три четверти расходов составили текущие расходы имения, а на заводы было затрачено в четыре раза больше, чем на имение⁵⁸.

Мургабское государево имение – прибыльное капиталистическое хозяйство

С 1911 г. изменился отчетный период по Мургабским заводам: за начало хозяйственного года было принято 1 сентября, а потому во всеподданнейший отчет вошли сведения по заводам за восемь месяцев. Возможно поэтому прибыль от заводов (352709,16 руб.) почти в два раза оказалась меньше убытков (679840,89 руб.). Тем не менее, в целом по имению и заводам было собрано 2 698 310,18 руб., а израсходовано 2 252 636,99 руб.⁵⁹ Этот год стал первым, когда Мургабское государево имение с учетом абсолютно всех затрат принесло чистую прибыль. В 1911 г. оно вернуло в Главное управление уделов в счет накопившегося долга 9 497,19 руб.⁶⁰

Со следующего года в связи с тем, что хлопковая операция (от выращивания до продажи волокна) начиналась 1 марта одного года и заканчивалась в феврале другого, Главное управление уделов стало формировать финансовые отчеты по Мургабскому имению, ориентируясь на эти рамки. В 1912 г. имение получило доходов 2 611 996,08 руб. и понесло расходов на 1 763 731,03 руб., то есть вновь получило чистую прибыль⁶¹. В 1912/1913 хозяйственном году имение вернуло Уделам 365 089,35 руб.⁶²

⁵² РГИА. Ф. 515. Оп. 82. Д. 444. Л. 58 об.

⁵³ Там же. Л. 59.

⁵⁴ Там же. Оп. 1. Д. 122. Л. 207 об.

⁵⁵ Там же. Л. 296 об.

⁵⁶ Там же. Оп. 90. Д. 4. Л. 89, 90 об.

⁵⁷ Там же. Л. 48 об.

⁵⁸ Там же. Оп. 1. Д. 123. Л. 191 об. – 192.

⁵⁹ Там же. Оп. 69. Д. 96. Л. 29 об.

⁶⁰ Там же. Оп. 90. Д. 1657. Л. 1 об., 3 об. – 4.

⁶¹ Там же. Оп. 69. Д. 235 б. Л. 64 об.

⁶² Там же. Оп. 90. Д. 1732. Л. 1 об., 3 об. – 4.

Всепопданнейший отчет по удельному ведомству за 1913 г. свидетельствует, что в этом году имение получило от продажи хлопка 3811020,68 руб., от продажи хлопкового масла, семян и других продуктов 618376,36 руб. и от разных доходов по имению и заводам 34 993,13 руб., а всего – 4 464 390,17 руб. Расход по имению и заводам составил 1 953 206,98 руб. К 1913 г. в долгах имения и заводов перед Главным управлением уделов числилось 13 686 409,84 руб. В этом году был поставлен рекорд возмещения Уделам общего долга по имению и заводам – 4 464 633,37 руб. И на следующий год остатки общего долга составили 11 175 226,65 руб.⁶³

В 1914 г. орошаемые площади возросли до 22 618,23 дес., из которых сельским хозяйством было занято 22 574,06 дес. (22185,83 дес. в аренде). В этом году с Мургабского государева имения и удельных заводов было собрано 4 039 901,47 руб. (2 856 370,08 руб. – хлопок)⁶⁴. Следует обратить внимание на то, что 1914 г. дал рекордные поступления от продажи продуктов, произведенных на промышленных мощностях – чистая прибыль 103 551,53 руб.⁶⁵ В этом году на имение и заводы было израсходовано 2 954 539,84 руб.⁶⁶, а задолженность перед Главным управлением сократилась на 1 085 361,63 руб. Оставалось вернуть 10 089 865,02 руб.⁶⁷

Главное управление уделов на 1915 г. показало по имению и Мургабским заводам приход в 4228898 руб. (продажа хлопка – 3 418 551,04 руб., 673 536,80 руб. – хлопковое масло и продукты заводского производства) и расход в 3 174 386 руб. 32 коп.⁶⁸ Отчетные документы за этот год содержат расширенный список промышленных предприятий. К хлопкоочистительному, масляному, маслорафинадному, мыловаренному и ледоделательному заводам добавились делинтное отделение⁶⁹ и брикетный пресс. Чистая прибыль от заводов за этот год составила 460 465,59 руб.⁷⁰

На 1916 г. в Главном управлении уделов за Байрамали числилось 8 861 617,83 руб. долга. Предполагалось, что доход Мургабского имения и заводов в этом году достигнет 5 020 000 руб. при расходах в 4 240 000 руб. Весь ожидавшийся доход планировалось направить в удельный капитал с тем, чтобы на 1917 г. в нем осталось долга по имению и заводам 8 052 617,83 руб.⁷¹ Видимо, в условиях военного времени речь шла об экономии средств, от чего не ушло и Мургабское государево имение, хотя другие расходы, связанные с войной, на него не распространялись.

Фактически же в 1916 г. мургабский агропромышленный комплекс заработал почти на один миллион меньше запланированного – 4 170 823,89 руб. (4 135 827,80 – выручка за проданный хлопок), а израсходовал на три миллиона меньше – 1 213 358,32 руб.⁷², что можно считать существенным успехом. Есть основания утверждать, что прибыль от продажи хлопка возросла в связи с тем, что с 1916 г. арендаторы должны были поделиться с имением уже половиной собранного урожая⁷³. Общие сведения о доходах и расходах по Мургабскому государеву имению представлены в таблице.

⁶³ РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 371. Л. 128 об. – 129 об.

⁶⁴ Там же. Д. 495. Л. 62 об.

⁶⁵ Там же. Оп. 90. Д. 47. Л. 74–74 об.

⁶⁶ Там же. Оп. 69. Д. 495. Л. 63.

⁶⁷ Там же. Л. 63 об.

⁶⁸ Там же. Оп. 90. Д. 76. Л. 10 об., 11 об. – 12 об.

⁶⁹ Для снятия с хлопковых семян самого короткого волокна (делинта) с целью использования в дальнейшем в качестве сырья для химической промышленности.

⁷⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 90. Д. 77. Л. 22 об., 23 об.

⁷¹ Там же. Оп. 82. Д. 668. Л. 147–150, 152–159; Л. 160–167 об.

⁷² Там же. Оп. 90. Д. 77. Л. 47 об., 49 об. – 50.

⁷³ Там же. Оп. 81. Д. 339. Л. 24 об.

**Доходы и расходы Мургабского государева имения /
Income and expenses of the Murghab Sovereign's Estate**

Год / year	Расход, руб. / expenses in rubles	Доход, руб. / income in rubles	Год / year	Расход, руб. / expenses in rubles	Доход, руб. / income in rubles
1887	80000,00	–	1902	728780,90	408923,37
1888	236930,00	–	1903	264553,78	1490996,65
1889	495936,26	–	1904	2637462,52	2140246,52
1890	356110,57	–	1905	2144052,95	1094023,05
1891	379998,915	–	1906	2158912,82	1649566,51
1892	305327,50	–	1907	4272946,00	2643467,00
1893	524508,205	–	1908	6293180,00	3062597,00
1894	480575,22	–	1909	4232768,59	3504377,70
1895	354613,85	–	1910	2761357,28	2072128,61
1896	333653,31	45000,00	1911	2252636,99	26983103,18
1897	172183,79	100000,00	1912	1763731,03	2611996,08
1898	140957,91	168833,30	1913	1953206,98	4464390,17
1899	144690,26	277577,00	1914	2954539,84	4039901,47
1900	200200,62	404469,00	1915	3174386,32	4228898,00
1901	321808,72	410126,86	1916	1213358,32	4170823,89

Источник: Составлено Д.В. Васильевым на основе использованных в статье источников.

Source: The table is compiled by D.V. Vasiliev based on the sources mentioned in the article.

Нет оснований утверждать, что Мургабское государево имение к 1917 г. вернуло в Главное управление уделов все затраченные на его развитие средства, но можно с уверенностью сказать, что к концу своей довольно краткой истории оно вышло на прибыльный уровень. На рубеже веков имение начало погашать накопившиеся долги перед Главным управлением уделов. В 1911 г. оно смогло заработать больше, чем было на него затрачено с учетом гидротехнических и иных работ, а через два года имение вернуло в Уделы почти 4,5 млн руб.

Заключение

Макроэкономические показатели Мургабского государева имения демонстрируют, что всплески его доходности приходились на периоды расширения посевных площадей и увеличения размера натуральной платы, взимавшейся с арендаторов. Повышению доходности в немалой степени способствовали и заводы по первичной переработке хлопка, открывавшиеся в Байрамали. Исходя из этого, и следует оценивать расходы Главного управления уделов – они были нацелены на обеспечение стабильной прибыльности имения в перспективе. В этом контексте следует рассматривать и другие затраты – на опытное полеводство, хлопководческие и энтомологические исследования, развитие ирригации, электрогенерации и электрической сети, а также такие, казалось бы, непроизводительные, расходы? как строительство, ремонт квартир для служащих имения и даже их мебелировка.

Отвлеченный взгляд на числовые значения макроэкономических показателей может подтолкнуть к мысли о медленной коммерциализации сельского хозяйства имения в сравнении с его быстрорастущими нуждами и потребностями. Однако акцент на основных статьях расходов и доходов свидетельствует о правильно избранной траектории. Главное управление уделов и мургабское начальство мыслили десятилетиями вперед. Для них в 1917 г. ожидалась очередная производственная прибыль,

а отнюдь не крах имперского проекта. Созданный задел позволял рассчитывать на стабильную прибыль крупного и развитого агропромышленного хозяйства. В этой связи есть все основания утверждать, что в этом отношении все мургабские предприятия оказались вполне успешными, а их учреждение было экономически целесообразным. Поставленная при учреждении имения задача компенсировать все затраты на его обустройство и стать одним из источников для пополнения государственной казны была не за горами. Иными словами, Главному управлению уделов удалось превратить Мургабское государево имение в эффективное капиталистическое хозяйство.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.12.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.04.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 9.06.2025

References

- Dmitriev-Mamonov, A.I. *Putevoditel' po Turkestanu i zheleznym dorogam Sredne-Aziatskoi i Tashkentskoi* [Guide to Turkestan and the Central Asian and Tashkent Railways]. St. Petersburg: I. Shuruht Publ., 1913 (in Russian).
- Gulishambarov, S.I. *Ekonomicheskii obzor Turkestanskogo raiona, obsluzhivaemogo Sredneaziatskoi zheleznoi dorogoi* [Economic review of the Turkestan region served by the Central Asian railway]. Ashgabat: Z.D. Dzhabrov Publ., 1913 (in Russian).
- Efimov, A.A. “The Main Department of Appanages and the Problem of Supplemental Payments to Construction Contractors for Office Buildings in Livadia”. *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 69, no. 2 (2024): 307–320, <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.204>
- Kanoda, N.N. *Agrarnaia politika tsarizma v Turkmenistane (1881–1917 gg.)* [Agrarian policy of Tsarism in Turkmenistan (1881–1917)]. Ashgabat: Ylym Publ., 1991 (in Russian).
- Keating, J. *On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia*. Oxford: Oxford U.P., 2022, <https://doi.org/10.1093/oso/9780192855251.001.0001>
- Logofet, D.N. *Na granitsakh Srednei Azii. Putevye ocherki* [On the Borders of Central Asia. Travel Essays]. St. Petersburg: V. Berezovskii Publ., 1909 (in Russian).
- Mazaev, N.A. “Agrarnyi sektor Murgabskogo gosudareva imeniia kak otrazhenie agrarnoi politiki Rossiiskoi imperii v Turkestanskom krae [The agricultural sector of the Murghab State Estate as a reflection of the agrarian policy of the Russian Empire in the Turkestan region].” In *Gusevskie chteniia – 2024. Tri izmereniia politicheskoi istorii Rossii: ideologiya, politika, praktiki*, 258–272. Yaroslavl; Moscow: Kantsler Publ., 2024 (in Russian).
- Pravilova, E.A. *Finansy imperii: Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh, 1801–1917* [Finances of the Empire: Money and Power in Russian Politics on the National Outskirts, 1801–1917]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo Publ., 2006 (in Russian).
- Tikhomirov, M.N. *Prisoedinenie Merva k Rossii* [The annexation of Merv to Russia]. Moscow: Vostochnaia Literatura Publ., 1960 (in Russian).
- Urushadze, A.T. *Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i russkoi obshchestvennoi mysli* [National outskirts in the policy of the Russian Empire and Russian social thought], edited by. Rostov-on-Don: YUNTS RAN Publ., 2020 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. “Murghabskoe gosudarevo imenie – obraztsovoe khoziaistvo na Iugo-Vostochnoi okraine [Murghab State Estate – an exemplary farm on the southeastern outskirts].” In *Gusevskie chteniia – 2024. Tri izmereniia politicheskoi istorii Rossii: ideologiya, politika, praktiki*, 84–92. Yaroslavl; Moscow: Kantsler Publ., 2024 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. “Murghab Sovereign's Estate: features of economic development and the process of colonisation in the late 1880s.” *Journal of the Belarusian State University. History*, no. 4 (2024): 78–88 (in Russian).
- Yanchenko, D.G., Khudyakov, M.V., and Ivanov, A.A. *Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917)* [Center and regions: the economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2020 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Валентинович Васильев, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет; Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4; dvvasiliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>; SPIN-код: 1041-1250.

Никита Андреевич Мазаев, аспирант кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет; Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4; mazaev-nikita14@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0615-8987>; SPIN-код: 9247-4433.

Dmitry Valentinovich Vasilyev, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History of the Institute of Humanities, Moscow City University; 4 2-oy Selskokhoziaiystvennyi proezd Str., Moscow, 129226, Russia; dvvasiliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>; SPIN-code: 1041-1250.

Nikita Andreevich Mazaev, Postgraduate student of the Department of Russian History of the Institute of Humanities, Moscow City University; 4 2-oy Selskokhoziaiystvennyi proezd Str., Moscow, 129226, Russia; mazaev-nikita14@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0615-8987>; SPIN-code: 9247-4433.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-415-426>

EDN: PJTQZK

Научная статья / Research article

Модернизация трубной промышленности СССР в 1950-е гг.: по архивным материалам директивных органов

Владимир Васильевич Запарий^{id}✉, Екатерина Васильевна Зайцева^{id}

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

✉ vvzap@mail.ru

Аннотация: Исследуется деятельность директивных органов по организации модернизации трубной отрасли Советского Союза в 1950-е гг., когда возникла необходимость в развитии нефте- и газопроводного транспорта, который переходил на большие, чем раньше диаметры и давления. В силу ограниченности внутренних ресурсов советская промышленность не могла осуществить выпуск нужного сортамента труб. В рамках исследования был проведен анализ документов высших руководящих органов СССР из фондов Российского государственного архива новейшей истории, что позволило определить стратегию модернизации трубной промышленности в СССР в 1950-е гг., оценить уровень производства в стране труб, выявить его несоответствие потребностям развивающейся промышленности. Посредством анализа инвестиционных проектов СССР в трубной отрасли изучены масштабы строительства новых производств и практика импорта труб в рассматриваемый период. Авторы пришли к выводу, что для решения поставленной руководством страны задачи директивные органы предприняли ряд мер. В частности, были пересмотрены производственные планы трубных заводов с целью увеличения выпуска продукции требуемых размеров и характеристик; была запущена программа реконструкции и модернизации устаревших производственных мощностей, включавшая в себя внедрение новых технологий; велись переговоры с зарубежными поставщиками о закупке необходимых объемов труб. Такой комплексный подход позволил обеспечить развитие нефте- и газопроводной системы СССР в 1950-е гг.

Ключевые слова: нефтепроводы, газопроводы, трубы большого диаметра, трубы высокого давления, экономическая история

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Запарий В.В. – концепция, сбор материала, написание текста; Зайцева Е.В. – обработка материалов, написание выводов. Все авторы ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 24–28–00837). Название проекта: «Роль Урала в модернизации промышленности западного региона Беларуси (вторая половина XX века)». Руководитель В.В. Запарий.

Для цитирования: Запарий В.В., Зайцева Е.В. Модернизация трубной промышленности СССР в 1950-е гг.: по архивным материалам директивных органов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 415–426. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-415-426>

© Запарий В.В., Зайцева Е.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Modernization of the USSR Pipe Industry in the 1950s: Based on Archival Materials of Policy-Making Bodies

Vladimir V. Zapariy , Ekaterina V. Zaitseva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg,
Russia

 vvzap@mail.ru

Abstract: The authors, through their article, examine the activities of the policy-making bodies in organizing the modernization of the pipe industry of the Soviet Union in the 1950s, a period when a need to rapidly develop oil and gas pipeline transport arose and there was a switch to larger diameter and higher-pressure pipes than before. Due to limited internal resources, the Soviet industry before that time could not produce the required range of pipes. The authors analyzed the documents of the highest governing bodies of the USSR from the funds of the Russian State Archive of Modern History, which made it possible to determine the strategy for the modernization of the pipe industry in the USSR in the 1950s, and to assess the level of pipe production in the country, and to reveal its discrepancy with the needs of the developing industry. By analyzing investment projects of the USSR into the pipe industry, the authors examine the scale of construction of new production facilities and the practice of importing pipes during the period under review. The authors come to the conclusion that in order to solve the problem set by the country's leadership, the policy-making bodies took a number of important measures. In particular, the production plans of pipe plants were revised in order to increase the output of products of the required sizes and characteristics, and a program for the reconstruction and modernization of outdated production facilities was launched, a program which included the introduction of new technologies. Furthermore, negotiations by the state were conducted with foreign suppliers on the purchase of the necessary volumes of pipes. This comprehensive approach made it possible to ensure the development of the oil and gas pipeline system of the USSR through the 1950s.

Keywords: oil pipelines, gas pipelines, large diameter pipes, high pressure pipes, economic history

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: Zapariy V.V. – concept, collection of materials, writing of text; Zaitseva E.V. – processing of materials, writing of conclusions. All authors reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 24–28–00837). Project title: “The role of the Urals in the modernization of industry in the western region of Belarus (second half of the twentieth century).” Supervised by V.V. Zapariy.

For citation: Zapariy, V.V., Zaitseva, E.V. “Modernization of the USSR Pipe Industry in the 1950s: Based on Archival Materials of Policy-Making Bodies.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 415–426. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-415-426> (in Russian).

Введение

Актуальность. Основным двигателем научно-технической революции, развернувшейся в СССР в середине XX в., принято считать освоение космоса, овладение атомной энергией и освоение производства счетно-решающих устройств. Однако при этом упускается еще два важных и взаимосвязанных направления – это и строительство трубопроводного транспорта или газо- и нефтепроводов и освоение нефтехимических ресурсов страны. Именно потребности в нефтепродуктах и энергоносителях подвигло руководство страны на развитие трубной отрасли.

Степень изученность проблемы. В отечественной и зарубежной историографии имеются публикации, касающиеся развития нефтяной и газовой промышленности в СССР с точки зрения достижений НТП и материальной базы про-

изводства¹. Следует согласиться с Е.В. Бодровой и другими авторами², что техническое перевооружение нефтяной и газовой отраслей промышленности в СССР в 1950-е гг. позволяет определить правомерность управленческих решений, более точно представить масштаб научно-исследовательских работ. 1950-е гг. являются самостоятельным этапом в истории нефтегазового комплекса страны, когда приоритетами стали внедрение новейших достижений в добычу и переработку сырья, активизация научных исследований. Несмотря на допущенные просчеты, по мнению исследователей, в отрасли разворачивалась научно-техническая революция, создавался мощный нефтегазовый комплекс, воздействующий на темпы экономического роста³.

Имеются также публикации по конкретным объектам нефтегазовой промышленности СССР⁴, однако исследования деятельности советских директивных органов по модернизации трубной отрасли в 1950-е гг. до последнего времени отсутствуют.

Целью работы является исследование деятельности директивных органов СССР в процессе модернизации трубного производства как части металлургической промышленности страны в 1950-е гг.

Под директивными органами понимаются органы экономического управления государства, принимавшие обязательные для всех его структур решения, определявшие структурную и экономическую политику страны по организации модернизации трубной отрасли Советского Союза в 1950-е гг.

Источниковая база. В основу настоящего исследования положены материалы директивных органов ЦК КПСС и его подразделений, выявленные в фондах Российского государственного архива новейшей истории, где осуществлялся сбор и систематизация информации по изучаемой проблематике. Особую ценность представляют делопроизводственные документы, отражающие инициативы партийного руководства, государственных организаций, министерств и ведомств. Указанные материалы сосредоточены в фондах Политбюро ЦК КПСС (Ф. 3) и Аппарата ЦК КПСС (Ф. 5) указанного архива. Кроме того, в работе использованы директивы ЦК КПСС, протоколы заседаний Госплана СССР, переписка, поручения, аналитические справки и информационные материалы по исследуемой проблеме, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики в фонде Госплана СССР (Ф. 355), недавно рассекреченные и введенные в научный оборот.

Возникновение интереса директивных органов к трубной промышленности

Трубная промышленность существовала в СССР с довоенного периода. После войны возникла необходимость не только в большом разнообразии труб для промышленности, военных целей, атомной промышленности, других назначений, но

¹ Славкина М.В. Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е гг. Монография. М., 2002; Славкина М.В. Байбаков. М., 2010; Ефимова Е.А. Проблема снабжения нефтегазовой промышленности трубами и пути ее решения в СССР // Научный журнал российского газового общества. 2018. № 2. С. 29–34.

² Бодрова Е.В. Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте российской модернизации: Монография. М., 2014. EDN: YRKQUR

³ Бодрова Е.В., Калинов В.В. Государственная политика в сфере технического перевооружения нефтяной и газовой отраслей промышленности в 1950-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3. С. 109–120. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_109 EDN: QHWCFFV

⁴ Запарий В.В. А есть ли дружба после 60 лет функционирования «Дружбы» // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего: материалы II Международной научной конференции, посвященной 80-летию Тюменской области (Тюмень, 20–21 сентября 2024 г.). Тюмень, 2024. С. 49–55. EDN: CIVEXA

и для строительства крупных магистральных газопроводов, которое было начато в 1950-е гг. Тогда появились первые документы директивных органов, посвященные этим проблемам. 14 декабря 1954 г. было принято протокольное постановление Президиума ЦК КПСС «О производстве труб для нужд нефтяной промышленности», и было дано поручение Госплану СССР разработать мероприятия по увеличению производства труб для нужд нефтяной промышленности и внести предложения на рассмотрение в ЦК КПСС⁵.

Во исполнение этого решения были сформулированы предложения заведующего Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС А.П. Рудакова об увеличении производства труб больших диаметров (далее – ТБД) для строительства магистральных трубопроводов от 11 февраля 1955 г. «О возможностях увеличения на действующих трубопрокатных заводах производства ТБД для строительства магистральных трубопроводов»⁶. В документе давался анализ имеющихся возможностей для развития трубной промышленности СССР. Фиксировалось, что производство листового проката, исходника для производства труб высокого давления (далее – ТВД) больших диаметров, отставало от растущих потребностей народного хозяйства. В свою очередь, недостаток металла и мощностей для производства сварных ТБД сдерживал развитие нефтяной промышленности и использование запасов природного газа и нефти для производственных и бытовых нужд.

Сообщалось, что производство ТВД больших диаметров было организовано только на заводе в г. Жданове Министерства судостроительной промышленности. На 1955 г. здесь было запланировано изготовить 1000 км сварных труб диаметром 529 мм с толщиной стенки 8 мм и на заводе тяжелого машиностроения имени В.В. Куйбышева Минчермета планировалось годовое производство 500 км труб спиральной сварки диаметром 529–630 мм с толщиной стенки 7 мм. В это же время осваивалось производство сварных ТВД на Харцызском заводе Минчермета СССР (далее – МЧМ), который в 1955 г. должен был изготовить 500 км труб диаметром 720 мм с толщиной стенки 10 мм. В целом, народно-хозяйственными планами на 1955 г. планировалось произвести 2000 км ТБД, что не обеспечивало потребности народного хозяйства в этих трубах, т. к. установленный планом на этот год объем строительства магистральных трубопроводов был 2150 км⁷. В связи с недостатком данного вида труб СССР был вынужден в 1955 г. импортировать 250 км труб из ЧССР⁸.

В записке говорилось, что недостаток ТБД серьезно тормозил дальнейшее развитие нефтегазовой промышленности, Минчермет СССР проявлял недопустимую инертность в выявлении и использовании имеющихся возможностей увеличения на действующих трубопрокатных заводах производства этих труб, ориентируясь на строительство новых трубоэлектросварочных цехов. В документе не говорилось при этом, почему МЧМ СССР проявляло инертность, но сама ситуация фиксировалась, и на основе проверки Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС делался вывод о том, что Минчермет располагал значительными возможностями по организации производства ТБД на действующих трубопрокатных заводах. Иными словами, руководство страны не совсем осознавало проблему и то, что полумерами, приспособлением имеющихся мощностей, ее невозможно было решить, но показательно, что властные структуры понимали, что такая проблема есть.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 10. Д. 175. Л. 118.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 204. Л. 92.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 93.

Реализация планов развития трубной отрасли

По поручению ЦК КПСС институтом Гипромез и Закавказским металлургическим заводом в г. Рустави были проведены расчеты, которые показали, что одной из реальных возможностей увеличения производства ТБД, быстро осуществимых при незначительных затратах, являлось освоение производства бесшовных ТВД (60–80 атм.) диаметром свыше 500 мм на трубопрокатном стане «400» этого завода. Производственная мощность стана составляла 375 тыс. т труб в год, но на 1955 г. ему установили план производства труб всего лишь в размере 85 тыс. т, что если произвести небольшую реконструкцию стана, как тогда считалось, которая займет шесть месяцев, то завод сможет выпускать 1500–2000 км труб диаметром 500 мм⁹.

Вторым резервом увеличения производства труб для строительства магистральных газопроводов являлось внедрение проверенного практикой зарубежных стран (Чехословакия, Франция, ФРГ) способа расширения труб методом горячего волочения, которое можно было осуществить в короткие сроки при сравнительно небольших затратах (30–40 млн руб. на установку).

Метод горячего волочения дал бы возможность за один нагрев расширить диаметр трубы примерно в полтора раза. Минчермету был давно известен этот способ расширения труб, однако оно «проявляло косность» в деле его внедрения на трубопрокатных заводах. Трубы диаметром 500–720 мм при помощи горячего волочения можно было бы получить без ущерба для производства труб других размеров на Никопольском и Челябинском трубопрокатных заводах (ЧТПЗ), мощности которых полностью не использовались. Так трубопрокатный стан «350» Никопольского завода имел проектную мощность в 300 тыс. т труб в год, но выпускал 230 тыс. т; ЧТПЗ производил в год 235 тыс. т, имея мощности в 270 тыс. т. Внедрение этого способа на обоих заводах позволило бы использовать производственные мощности действующих станков, увеличив производство качественных ТБД примерно на 1000–1200 км в год¹⁰.

В целом предполагалось увеличение производства труб тремя способами: расширением имевшихся производств, переходом на производство труб по другой технологии и путем покупки их за рубежом.

Еще одной проблемой в отрасли было недопустимое отставание с вводом в действие новых мощностей по производству ТБД. Так, Совмин СССР своими постановлениями от 5 и 6 ноября 1952 г. и 13 мая 1954 г. определил сроки ввода в действие в 1 квартале 1954 г. толстолистового стана «2300» мощностью 500 тыс. т листа в год на заводе имени К.Е. Ворошилова в г. Ворошиловск и в первом полугодии 1954 г. трубоэлектросварочного цеха мощностью 150 тыс. т или 100 км в год труб большого диаметра на ЧТПЗ. Однако МЧМ СССР, Министерство строительства, Минтяжмаш, Министерство строительства предприятий металлургической и химической промышленности не выполнили в срок указанные постановления СМ СССР и сорвали ввод в действие этих объектов.

В целях быстрого увеличения производства ТБД для нужд нефтегазовой промышленности Отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС считал необходимым принять по этому вопросу постановление ЦК КПСС. 28 апреля 1955 г. такое решение было принято под названием «О мероприятиях по организации производства бесшовных ТБД на предприятиях Министерства черной металлургии СССР»¹¹. В нем говорилось о том, что СМ СССР решил обязать Минчермет СССР, Министерство

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 204. Л. 92.

¹⁰ Там же. Л. 94.

¹¹ Там же. Оп. 10. Д. 139. Л. 5, 18–20.

строительства СССР построить и ввести в действие в 4 квартале 1955 г. на ЧТПЗ отделение по производству бесшовных ТБД методом раздачи катанных труб горячим волочением мощностью 70–80 тыс. т в год. МЧМ СССР поручалось разработать и утвердить в установленном порядке задание на строительство отделения. Министерству тяжелого машиностроения поручалось выдать техническое задание на проектирование и изготовление оборудования. Министерству строительства СССР – выдать чертежи металлоконструкций, заказанные спецификации и рабочие чертежи конструкций, необходимые для строительства. Также давалось указание МЧМ СССР организовать на стане «400» Закавказского металлургического завода производство труб диаметром 529 мм¹².

Наряду с вышеописанной инициативой директивных органов ряд предложений поступали с мест. В 1950-е гг. вопрос о необходимости развития трубопроводного транспорта и организации его производства был поставлен сибиряками. В докладной записке «О комплексном развитии производительных сил Тюменской области» секретаря Тюменского обкома КПСС В. Косова и председателя Тюменского облисполкома Д. Крюкова на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина от 28 февраля 1956 г. была сформулирована задача развития региона, в т. ч., в плане нефте- и газодобычи¹³. В записке говорилось, что Госплан и министерства часто рассматривают Тюменскую область как придаток к остальной части Сибири или Уралу и не уделяют должного внимания комплексному развитию экономики области на основе максимального использования имеющихся местных сырьевых и энергетических ресурсов¹⁴.

В заключении документа говорилось, что решение поставленных вопросов позволит за два-три пятилетия превратить Тюменскую область в крупный промышленный, энергетический район страны с производством большого количества газа, нефти, топлива, руд и металла, промышленной продукции и электроэнергии на базе местного сырья, при взаимодействии с крупнейшими промышленной базой страны – Уралом¹⁵.

По итогам ознакомления в ЦК КПСС с этой информацией были подготовлены документы по всем вопросам и направлены начальнику отдела размещения производительных сил и комплексного развития экономических районов Госплана СССР С.П. Токареву для детальной проработки¹⁶.

Уже в это время начались работы по строительству крупных газопроводов, например Бухара – Урал и др., и проблема производства труб из теоретической плоскости переросла в практическую. Потребность в ТБД обострилась с началом строительства нефтепровода «Дружба» (решение о строительстве нефтепровода было принято в декабре 1958 г. на X сессии СЭВ в Праге).

Необходимость корректировки усилий по развитию трубной промышленности

Какова же была реакция на эти обращения? Достаточно быстро откликнулись заинтересованные стороны. На имя секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева 16 марта

¹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 139. Л. 20.

¹³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 355. Оп. 1. Д. 161. Л. 30.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 161. Л. 30.

¹⁵ Там же. Л. 40. На первой странице документа стоит надпись: поручение правительства. Председателю Госплана Байбакову. Докладная. Копия 14 страниц.

¹⁶ Там же. Л. 50.

1957 г. были высланы предложения председателя Днепропетровского совнархоза Н.А. Тихонова о развитии трубопрокатной промышленности¹⁷. Это объяснялось наличием предприятий черной металлургии и трубного производства в регионе и заинтересованностью в их развитии. В направленных предложениях на основе анализа трубного производства высказывалось беспокойство по поводу темпов строительства трубопрокатных станков на предприятиях страны. Н.А. Тихонов писал, что за пятилетие (1950–1955) производство труб выросло с 1 900 тыс. т до 3 380 тыс. т, т. е. в 1,78 раза. План 1957 г. предусматривал производство до 4 000 тыс., и за 7 лет производство труб выросло бы на 2 млн т в год. Однако реально темпы прироста, составлявшие в первые годы 14–15 %, стабилизировались затем на уровне 7–8 %. Такой уровень производства привел к дефициту труб к 1960 г. порядка 1 млн т. Наиболее дефицитными видами стали сварные ТБД для магистральных газопроводов, бесшовные трубы нефтяного сортамента, катанные и тянутые трубы¹⁸.

Объем капиталовложений, принятый на 1957 г., обеспечивал ввод только второй очереди трубоэлектросварочного цеха ЧТПЗ и не предусматривал средства на строительство станков «250» и непрерывного стана печной сварки, цеха по производству особо тонкостенных труб и непрерывного стана бесшовных труб Новотрубного завода; на волочильные цехи Синарского и Закавказского заводов; цеха спиральной сварки труб большого диаметра Ждановского завода.

Н.А. Тихонов утверждал, что по плану пуск станков планировался на 1959 и 1960 гг. Столь поздний пуск, по его мнению, приведет к усилению дефицита труб. Тревогу вызывало и то, что объекты запланированы на действующих предприятиях, что не очень хорошо в связи с ограниченностью этих площадок. Не планировалось строительства трубных предприятий и в восточных районах страны. Отставание сроков ввода станков вызывалось главным образом отсутствием документов Министерства тяжелого машиностроения, необходимых для разработки рабочих чертежей фундаментов под оборудование, коммуникаций, зданий цехов и др.

Н.А. Тихонов предлагал обязать Министерство тяжелого машиностроения изготовить трубопрокатные станы, а также выбрать необходимые для проектирования цехов данные в кратчайшие сроки. Предлагалось: поручить Госплану СССР подобрать из числа неиспользуемых площадей на заводах места для установки электросварных станков; Госплану и МЧМ СССР внести предложение о месте строительства нового трубного завода на востоке страны. К документу была приложена записка в адрес ЦК КПСС с пояснением, что в настоящее время Госплан СССР разрабатывает проект постановления Совета Министров СССР о дальнейшем развитии трубопрокатной промышленности, в котором будут учтены предложения Тихонова¹⁹.

На это последовала следующая реакция другого интересанта, члена Президиума ЦК КПСС А. Б. Аристов, который 19 апреля 1958 г. направил в ЦК КПСС предложения об увеличении производства электросварных ТБД на ЧТПЗ в целях развития нефтегазовых сетей в СССР.²⁰

В документе приводились деланные о балансе электросварных ТБД (529–1020 мм) в следующей таблице.

¹⁷ РГАНИ Ф. 5. Оп. 38. Д. 144. Л. 2–5.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 4–5.

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 366. Л. 55.

Баланс электросварных труб большого диаметра (529–1020 мм) в 1959–1965 гг., тыс. т

Годы	Потребность	Факт	Дефицит	
			тыс. т	в %
1959	1376	1125	251	18,2
1960	1569	1160	409	26,1
1961	1750	1175	575	32,9
1962	2112	1180	932	44,1
1963	2525	1180	1345	53,3
1964	2590	1180	1410	54,4
1965	2695	1180	1515	56,2

Источник: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 366. Л. 55.

В документе давался прогноз по производству труб в случае, если ничего не менять в плане его увеличения и перехода к новым технологиям.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР, изучив вопрос об обеспечении трубами строительства дальних газопроводов, представило на рассмотрение ЦК КПСС проект постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об увеличении производства электросварных труб большого диаметра на Челябинском трубопрокатном заводе». Проектом предусматривалось на существующих производственных площадях ЧТПЗ строительство 2-й линии формовки труб и 3-й линии электросварки труб с вводом в действие в 1959 г. цеха электросварных труб диаметром 529–820 мм, что по сравнению со строительством нового цеха дало бы экономию средств около 100 млн руб. Расширение этого цеха позволило бы увеличить производство электросварных труб диаметром 720 и 820 мм на 400 тыс. т. Все это могло бы стать реальным источником покрытия дефицита в указанных трубах в стране уже в 1960–1962 гг.²¹

В связи с этим было принято постановление Президиума ЦК КПСС «О развитии и ускорении строительства Магнитогорского металлургического комбината и Челябинского металлургического завода и о дальнейшем развитии нефтяной и газовой промышленности в Куйбышевской области» от 24 апреля 1958 г.²² В нем говорилось о необходимости отнестись одобрительно к предложению Бюро ЦК КПСС по РСФСР по вопросам развития и ускорения строительства этих заводов и о дальнейшем развитии нефтяной и газовой промышленности в Куйбышевской области. Госплану СССР было поручено дать свое заключение по представленным предложениям и внести их на рассмотрение Совета Министров СССР.

В результате был представлен проект такого решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР, где говорилось, что на ЧТПЗ имеются возможности на существующих производственных площадях с незначительными затратами и в короткий срок увеличить производство электросварных труб большого диаметра до 6000 км в год, т. е. почти вдвое²³. Предполагалось, что это позволит обеспечить трубами строительство газопровода Бухара–Урал и подать природный газ для использования его как технологического топлива в доменных, мартеновских и других металлургических печах предприятий Магнитогорска, Челябинска, Свердловска, Нижнего Тагила, Орска и сократить завоз угля Кузнецкого бассейна на Урал.

Решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР было принято предложение Челябинского совнархоза о реконструкции трубоэлектросварочного цеха ЧТПЗ с до-

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 366. Л. 56.

²² Там же. Оп. 14. Д. 202. Л. 23–25.

²³ Там же. Л. 24.

ведением мощности этого цеха по производству электросварных труб диаметром 529–820 мм с 3300 км до 6 000 км в год за счет установки двух линий формовки и трех линий электросварных труб. Решением Совета Министров СССР № 1143 от 17 июня 1955 г. было дано указание обязать Совет Министров РСФСР, Челябинский совнархоз и Министерство строительства РСФСР произвести указанное расширение цеха ЧТПЗ и ввести его в действие в 1959 г. Также ставилась задача увеличить Челябинскому совнархозу за счет резервного фонда Совета Министров СССР объем капитальных работ по ЧТПЗ на 1958 г. на 20 млн руб., в том числе объем СМР на 10 млн руб.²⁴ Минфину СССР и Совету Министров РСФСР предписывалось увеличить финансирование на капитальное строительство Челябинского совнархоза на 20 млн руб. Главниипроект и Гипромет при Госплане СССР обязывались разработать проектное задание на расширение производства труб на ЧТПЗ до 6000 км в год, произвести корректировку ЧТПЗ проектного задания с учетом новых объектов. Совет Министров РСФСР и Московский совнархоз обязывались во втором квартале 1959 г. обеспечить производство Электростальским заводом тяжелого машиностроения оборудования для ЧТПЗ механизмов для расширяемой части трубоэлектросварочного цеха в составе одной формовочной и одной сварочной линии.

Документом предписывалось также в трехмесячный срок произвести мероприятия по обеспечению строительства и ввода в действие в 1960 г. листовых прокатных станов на ММК И ОХМК по выпуску металла для трубного производства. Были задействованы в этих целях Институт электросварки имени Е.О. Патона и Всесоюзный НИИ трубный институт, обеспечивавшие разработку технологии сварки труб из низколегированной стали ОХМК с целью использования ее для производства ТБД и ТВД. Силами Института электросварки имени Е.О. Патона следовало обеспечить разработку и изготовление конструкции сварочной аппаратуры для автоматической электросварки внутреннего шва труб. Совету Министров РСФСР поручалось представить предложения по производству электросварных труб диаметром 1020 мм. Было продумано и поощрение работников, занятых в проектировании, изготовлении и строительных работах по расширению электросварного цеха ЧТПЗ с целью ускорения процесса²⁵.

Внешний фактор в развитии трубного производства в СССР

Параллельно с государственными решениями принимается закрытый документ Президиума ЦК КПСС от 14 октября 1958 г. «О закупке за границей ТБД и оборудования для производства таких труб», в котором содержалось указание «утвердить прилагаемый проект постановления Совмина СССР по данному вопросу»²⁶.

В целях обеспечения выполнения намеченной программы ускоренного развития газовой промышленности в 1959–1965 гг. Совет Министров СССР постановляет: принять предложение Госплана СССР и Министерства внешней торговли СССР о закупке за границей: а) 360 тыс. т сварных труб диаметром 1020 мм (включая 70 тыс. т труб предусмотренным договором ФРГ на 1959–1960 гг. для строительства магистральных газопроводов; б) оборудования для двух трубоэлектросварочных цехов мощностью по производству труб диаметром 1020 мм в количестве не менее 500 тыс. т в год каждый с поставкой первого комплекта не позднее 1 кв 1960 г. и 2 комплекта не позднее 4 кв 1960 г. Закупку указанных труб и оборудования предполагалось

²⁴ РГАНИ Ф. 3. Оп. 14. Д. 202. Л. 25.

²⁵ Там же. Л. 25.

²⁶ Там же. Оп. 10. Д. 249. Л. 41, 48–49.

произвести на общую сумму до 420 млн валютных руб., т.е. предпринимались дополнительные меры с целью подстраховать ситуацию²⁷.

В документе Госплан СССР и Министерство внешней торговли обязывались предусмотреть в экспортно-импортных планах на 1959–1961 гг. импорт указанных выше сварных труб и оборудования для производства, а также источников оплаты этого вида импорта.

Наряду с направлением закупочной комиссии в капиталистические страны проводилась работа по использованию возможностей стран СЭВ в производстве и поставках труб. В докладной записке председателя Госплана СССР И.И. Кузьмина и руководителя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С.С. Скачкова в ЦК КПСС по вопросу о подготовке проекта директив советской делегации на X сессии СЭВ от 26 ноября 1958 г. с грифом «секретно» указывалось на необходимость включения в директивы вопрос специализации и кооперации производства отдельных видов проката и труб черных металлов до 1965 г. с учетом строительства и ввода в действие новых прокатных станов²⁸.

Действительно, представитель ГДР в СЭВ при подготовке мероприятия внес предложение рассмотреть на X сессии вопрос строительства магистральных нефтепроводов для перекачки нефти, экспортируя его из СССР в Венгрию, ГДР, Польшу, Чехословакию. Это предложение странами в СЭВ было поддержано.

Реализация проектов по строительству трубных производств отставало от потребностей экономики страны, о чем свидетельствовали проведенные проверки положения дел, что требовало соответствующей реакции директивных органов. Обеспокоенность вопросами производства трубной промышленности в СССР проявилось в докладной записке партийных руководителей высокого ранга: Ф.Р. Козлова, А.Б. Аристова, А.Н. Косыгина, Н.С. Патоличева и А.П. Рудакова в ЦК КПСС о дополнительном наращивании производства нержавеющей труб от 10 июня 1959 г. с грифом «секретно»²⁹. В ней говорилось, что в целях удовлетворения потребностей народного хозяйства и прежде всего атомной, авиационной и оборонной промышленности в специальных трубах постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 13 февраля 1958 г. предусмотрены мероприятия по быстрейшему наращиванию мощностей по производству указанных труб на Никопольском, Южном трубном, ПНТЗ, Синарском трубном, ЧТПЗ. Как показала проверка, строительство важнейших объектов велось неудовлетворительно и ввод в действие в установленные сроки был сорван³⁰.

Указывались причины такого положения дел. Они крылись в слабом организационно-техническом руководстве на предприятиях. Строительство цехов сдерживалось из-за несвоевременной выдачи исходных данных для проектирования и проектной документации, а также неудовлетворительной и некомплектной поставки технологического и особенно электротехнического оборудования. Подчеркивалось, что Главниипроект при Госплане СССР (Антипов) и Гипромез (Белянчиков) слабо осуществляли руководство проектируемых цехов по производству специальных труб и не принимали необходимых мер своевременному обеспечению строящихся объектов технической документацией. Указывалось на нарушения государственной дисциплины в выполнении заданий по изготовлению и поставкам оборудования для строящихся цехов по производству специальных труб, которые допустили предприятия Ленинградского совнархоза (завод Электросила), совнархоза Белорусской СССР

²⁷ РГАНИ Ф. 3. Оп. 10. Д. 249. Л. 48.

²⁸ Там же. Оп. 12. Д. 453. Л. 112.

²⁹ Там же. Д. 530. Л. 162–165.

³⁰ Там же. Л. 164.

(Витебский станкостроительный завод), Свердловского областного (Уралмашзавод) и Московского городского совнархозов. Госплан РСФСР и Госплан СССР и главное управление по межреспубликанским поставкам продукции при Госплане СССР слабо осуществляли оперативный контроль за поставкой оборудования для строящихся цехов. Из-за этого срывались выполнение ряда важнейших работ по развитию атомной энергетики и оборонной техники³¹.

Учитывая это, вносилось предложение на рассмотрение ЦК КПСС, согласованное с Советом Министров СССР и министерствами союзных республик и проект постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. К документу прилагалось также представление председателя Госплана СССР в ЦК КПСС о проекте постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии трубной промышленности в СССР в 1959–1965 гг.» 17 ноября 1959 г.³² за подписью председатель Госплана СССР Косыгина. Такое решение позже было принято.

Благодаря усилиям, которые были осуществлены директивными органами в 1950-е гг., уже с 1960-х гг. СССР стал лидером в области трубного производства в мире и сохранял свои позиции вплоть до конца 1980-х гг.³³, когда на предприятиях СССР производилась треть мировой трубной продукции³⁴.

Заключение

Таким образом, исследуя ранее не опубликованные документы директивных органов, затрагивающие развитие трубной отрасли в СССР, можно сделать вывод о том, что именно 1960-е гг. были тем водоразделом, который заложил основу нового этапа развития трубной промышленности страны. Однако без серьезных подготовительных мер, проводимых в 1950-е гг., такого рывка Советский Союз не смог бы осуществить. Важно, что к концу периода у представителей директивных органов сложилось понимание, что паллиативными мерами, путем повышения и увеличения выпуска труб на имевшихся мощностях добиться кардинальных результатов было невозможно.

В исследуемый период планирующие органы СССР (такие как Госплан и его подразделения), региональные партийные и хозяйственные структуры большое внимание уделяли развитию предприятий отрасли на подчиненных им территориях, выдвигали в целом разумные проекты развития этих предприятий, но их планы на местах не всегда реализовывались. Однако модернизация имеющихся мощностей была трудноисполнимой, а закупки за рубежом зависели от целого ряда политических моментов. В свою очередь, реализация планов, принятых директивными органами, часто упиралась в неисполнительность на местах из-за недостатка средств и технических возможностей. Требовалось массированное увеличение мощностей путем строительства новых агрегатов и внедрения новейших технологий, чтобы удовлетворить возрастающие потребности в развитии трубопроводного транспорта и других отраслей экономики.

Именно трубопроводный транспорт в СССР способствовал росту энергооборуженности производства, позволил осуществить химизацию экономики страны, что стало трендами развития научно-технической революции в СССР.

³¹ РГАНИ Ф. 3. Оп. 12. Д. 530. Л. 163–165.

³² Там же. Д. 603. Л. 154.

³³ Еробкин И.Е. Трубная промышленность Урала в 60–80-е гг. XX века. Екатеринбург, 2008. С. 6.

³⁴ Запарий В.В. Черная металлургия Урала в 70–90-е годы XX века. Екатеринбург, 2003. С. 117.
EDN: PWFFHF

Поступила в редакцию / Submitted: 25.02.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 26.03.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 3.04.2025

References

- Bodrova, E.V., Kalinov, V.V., and Filatova, M.N. *Gosudarstvennaia politika v neftegazovoi sfere v kontekste rossiiskoi modernizatsii* [State policy in the oil and gas sector in the context of Russian modernization: Monograph]. Moscow: MAORI Publ., 2014 (in Russian).
- Bodrova, E.V., and Kalinov, V.V. “State policy in the sphere of technical re-equipment of the oil and gas industries in the 1950s.” *Caspian region: politics, economics, culture*, no. 3 (2023): 109–120 (in Russian), https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_109
- Efimova, E.A. “The problem of supplying the oil and gas industry with pipes and ways to solve it in the USSR.” *Scientific Journal of the Russian Gas Society*, no. 2 (2018): 29–34 (in Russian).
- Erobkin, I.E. *Trubnaia promyshlennost' Urala v 60–80-e gg. XX veka* [The Ural Pipe Industry in the 60–80s of the 20th century]. Yekaterinburg: USTU-UPI Publ., 2008 (in Russian).
- Slavkina, M.V. *Triumf i tragediia: razvitie neftegazovogo kompleksa SSSR v 1960–1980-e g. Monografiia* [Triumph and Tragedy: Development of the Oil and Gas Complex of the USSR in the 1960s–1980s. Monograph]. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Slavkina, M.V. *Baibakov* [Baibakov]. Moscow: Molodaia Gvardiia Publ., 2010 (in Russian).
- Zapariy, V.V. *Chernaia metallurgii Urala v 70–90-e gody XX veka* [Ferrous Metallurgy of the Urals in the 70–90s of the twentieth century]. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2003 (in Russian).
- Zapariy, V.V. “A est' li druzhba posle 60 let funktsionirovaniia ‘Druzhby’ [Is There Friendship After 60 Years of ‘Friendship’].” In *Tiimenskaia oblast: istoricheskaia retrospektiva, realii nastoiashchego, kontury budushchego: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu Tiimenskoi oblasti, Tiumen, 20–21 sentiabrya 2024 g.*, 49–55. Tyumen: TIU Publ., 2024 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Васильевич Запарий, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Уральский федеральный университет; Россия, 620002, Екатеринбург; ул. Мира, 19; vvzap@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>; SPIN-код: 6846-5577.

Vladimir Vasilievich Zapariy, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of History of Russia, Ural Federal University; 19 Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia; vvzap@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>; SPIN-code: 6846-5577.

Зайцева Екатерина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет; Россия, 620002, Екатеринбург; ул. Мира, 19; e.v.zaitceva@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2112-3029>; SPIN-код: 8618-6729.

Zaitseva Ekaterina Vasilievna, PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Ural Federal University; 19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia; e.v.zaitceva@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2112-3029>; SPIN-code: 8618-6729.

НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ И АУКСОЛОГИЯ
NATIONAL WELFARE AND AUXOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-427-447>
EDN: PNIWUP

Обзорная статья / Review article

**Эпохальное повышение биологического статуса населения
России в XIX–XX вв. в современной ауксологии**

Борис Николаевич Миронов^{ID}

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉ mironov1942@yandex.ru

Аннотация: В 2010–2024 гг. российские антропологи-ауксологи расширили предмет своих исследований. Рост, вес и индекс массы тела они стали рассматривать в качестве косвенных, или прокси, показателей благосостояния, что позволяет им выявлять эпохальные тренды в динамике уровня жизни. Полученные результаты подтвердили выводы о повышательной секулярной тенденции размеров тела и, соответственно, об эпохальном повышении уровня жизни в России XIX–XX вв. По сути, ауксологи совершили социально-исторический поворот в биологической антропологии и в сфере изучения благосостояния чрезвычайно помогли российским историкам, которые антропометрической историей не занимаются. За рубежом новое направление с 1970-х гг. получило быстрое развитие, превратившись в важную академическую дисциплину с собственными сообществами, журналами и кафедрами в университетах. Важнейшей причиной равнодушия российских историков к антропометрии является их неподготовленность к работе с новым видом источников в междисциплинарном ключе с помощью математико-статистических методов и на больших данных. Опыт и знания российских ауксологов являются весьма ценными для историков. Последние могут не только заимствовать у них нужные данные, но, что более важно, научиться по их работам искусству проведения антропометрических исследований с точки зрения методологии, методики анализа и интерпретации антропометрических показателей.

Ключевые слова: антропометрическая история, секулярные тренды, эффект соседства, социальная история, физическая эволюция человека, ауксология человека

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00249). Название проекта: «Жизненный уровень населения России в XX – начале XXI в. по традиционным и альтернативным показателям: междисциплинарное исследование на Больших Данных». Руководитель Б.Н. Миронов.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Эпохальное повышение уровня жизни в России XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 427–447. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-427-447>

Epochal Enhancing of the Biological Status of Russia's Population in the 19th – 20th Centuries with Modern Auxology

Boris N. Mironov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

✉ mironov1942@yandex.ru

Abstract: In 2010–2024 Russian auxologists have expanded the scope of their research. Recently, they have considered height, weight, and body mass index as indirect or proxy indicators of well-being, a shift which allows them to identify epochal trends in the dynamics of the standard of living. The results obtained by auxologists confirmed existing conclusions about the upward secular trend of body size and, accordingly, about the epochal increase in the standard of living in Russia in the 19th – 20th centuries. In fact, auxologists have made a socio-historical turn in terms of biological anthropology, as well as in the field of studying well-being, and this has greatly helped Russian historians who do not study anthropometric history. Abroad, this new direction of research has rapidly developed since the 1970s and has already turned into an important academic discipline with its own communities, journals, and departments at universities. According to the author, the most important reason for the indifference of Russian historians to anthropometry is their unpreparedness to work with a new type of source in an interdisciplinary manner including using mathematical and statistical method as well as big data. However, the experience and knowledge of Russian auxologists are of great value for historians. The latter can not only borrow the necessary data from them, but, more importantly, learn from their works the art of conducting anthropometric studies in terms of methodology, analysis methods, and the interpretation of anthropometric indicators.

Keywords: anthropometric history, secular trends, community effects on height, social history, human physical evolution, human auxology

Funding: The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project № 23-18-00249). Project title is “Living standards of the population of Russia in the 20th – early 21st centuries according to traditional and alternative indicators: an interdisciplinary study on Big Data.” Supervised by B.N. Mironov.

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Mironov, B.N. “Epochal Enhancing of the Biological Status of Russia's Population in the 19th – 20th Centuries with Modern Auxology.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 427–447. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-427-447>

Введение

Актуальность. Уровень жизни служил главным критерием оценки эффективности той или иной социально-политической системы: при каком строе материальные и духовные потребности людей удовлетворяются лучше – та более эффективна и прогрессивна. Несмотря на большой интерес к проблеме, до сих пор нет единства взглядов относительно того, как изменялось благосостояние в имперской России и в СССР у всего населения и у отдельных социально-профессиональных групп, по стране в целом и по отдельным регионам; когда оно возрастало, снижалось или оставалось стабильным и по каким причинам. Проблема остается дискуссионной, а в последние годы – остро дискуссионной.

Степень проработанности проблемы. Российская и зарубежная историография уровня жизни насчитывает тысячи работ. Все они до конца XX в. основывались на традиционных показателях – зарплате, доходах, питании, смертности и некоторых других. Три причины: 1) идеологические разногласия и политические установки авторов, 2) дефицит необходимых сведений и 3) сомнение в достоверности имеющейся официальной статистики – стимулировали исследователей обратиться к альтернативным антропометрическим данным. Рост, вес и индекс массы тела

стали рассматриваться в качестве косвенных, или прокси, показателей благосостояния, что позволяло выявлять секулярный или вековой, эпохальный тренд¹ в динамике уровня жизни. В зарубежной науке это сделали преимущественно историки экономики, в России – биологические антропологи и ауксологи. В указанном направлении достигнуты заметные успехи, и появился ряд интересных работ, но они остаются неизвестными российским историкам.

Цель – познакомить российских историков с работами ауксологов в области изучения уровня жизни россиян в XIX–XX вв. по антропометрическим данным, с методикой их анализа и полученными выводами, ввести результаты в научный оборот и сформулировать задачи, направленные на развитие исторической антропометрии на ниве отечественной историографии.

Источниковая база – исследования российских физических антропологов во второй половине XX в. и ауксологов в 2010–2024 гг.²

Рождение ауксологии в России и ее достижения

Долгое время физические или биологические антропологи, работающие в области морфологии человека, концентрировали свои усилия на изучении закономерностей в вариации роста, массы и пропорций тела, окружности груди в зависимости от расовых, возрастных, групповых, половых и других особенностей. Цель их работы состояла в том, чтобы понять физическую эволюцию человека, биологическое разнообразие человечества во времени и географии, процессы роста и развития организма человека в онтогенезе и филогенезе. В 1919 г. применительно к исследованиям ростовых процессов у человека был предложен термин «ауксология». Однако в научный оборот он вошел в 1979 г., после основания Международной ассоциации ауксологов человека и проведения Первого Международного ауксологического конгресса. Специфика нового направления состоит в том, что оно, во-первых, больше ориентировано на решение практических задач (здравоохранения, школьной гигиены, педиатрии и др.), хотя не остаются без внимания и фундаментальные проблемы; во-вторых, ростовые процессы человека данное направление изучает в социальном контексте, отдается предпочтение биокультурному подходу, признается приоритет экзогенных факторов, которые оказывают влияние на всех этапах роста и развития человека и даже поддерживается преемственность антропометрических признаков между поколениями. Ауксологические исследования на Западе получили большое развитие и превратились в важное актуальное направление в биологической антропологии.

В последнее десятилетие российские антропологи также обратились к изучению тенденций в динамике антропометрических показателей, прежде всего роста, веса и индекса массы тела (ИМТ) в контексте влияния на них социально-экономических процессов, происходивших в российском социуме. Почин этому, как мне кажется, положила в 2013 г. известный российский ауксолог Е.З. Година, которая обратила внимание на значение исторической антропометрии для понимания социально-экономических процессов в обществе. Во второй половине XIX – XX вв. длина тела

¹ Секулярный тренд – это изменения, происходящие в морфологии человека, указывающие на направление процессов роста и развития популяции в многолетней перспективе и в эпохальном аспекте.

² Среди зарубежных авторов, занимающихся антропометрической историей России, нам известны только Э. Брайнерд: *Brainerd E. Reassessing the Standard of Living in the Soviet Union: An Analysis Using Archival and Anthropometric Data* // *The Journal of Economic History*. 2010. Vol. 70. Issue 1. P. 83–117. <https://doi.org/10.1017/S0022050710000069> EDN: MZPIKT

в большинстве стран повышалась, а темпы акселерации находились в зависимости от уровня социально-экономического развития: где он был выше, там население росло быстрее и наоборот. Опираясь на данные Б.Н. Миронова, Е.З. Година констатировала, что и в России длина тела взрослых мужчин в XIX–XX вв. повышалась, но среди европейских стран по этому показателю страна находилась посередине в соответствии с уровнем своего развития³. В 2019 г. Е. З. Година с коллегами на российских данных проверяла концепцию «влияние сообщества на рост» или «эффект соседства» (“community effects on height”). Согласно этой концепции сообщество, в рамках которого живет человек, оказывает влияние на его рост – люди сознательно или бессознательно стремятся, чтобы он соответствовал среднему росту других людей того же статуса и возраста. Авторы сравнили средний рост крестьян в 105 уездах семи центральных российских губерний в 1853–1863 гг. с расстояниями между уездами. Оказалось, что чем ближе расположены друг к другу уезды, тем меньше различаются проживающие в них люди по росту. Однако воздействие близости проживания, как показали коэффициенты корреляции ($r = 0,25$), оказалось незначительным. Авторы объяснили это слабым развитием транспортной инфраструктуры и сообщения между уездами, низкой плотностью населения и незначительной миграцией⁴.

В 2020 г. Е.З. Година с коллегами проверяла гипотезу о влиянии политических и социально-экономических преобразований на динамику роста российских мужчин в XX в. Авторы пришли к выводу, что неблагоприятные политические и социально-экономические события (такие как революции, Первая и Вторая мировые войны, чистки и голод) влияли на темпы увеличения длины тела, в некоторые десятилетия они понижались. Однако в течение 1900–1980-х гг. все-таки преобладал позитивный тренд, поскольку средний рост во всех регионах увеличился на 9–11 см⁵. В 2022 г. те же авторы проанализировали географическую структуру длины тела в Европейской России в XIX–XX вв. и обнаружили ее преемственность в разные периоды⁶.

Почин Е.З. Годиной поддержала ее ученица Л.С. Лебедева⁷. В 2024 г. она защитила диссертацию⁸, в которой воссоздала пространственную картину изменения средней дефинитивной или окончательной длины тела⁹ мужчин Европейской России по четырем периодам: 1853–1863 гг. (по данным Д. Н. Анучина), 1906–1909 гг. (по данным Статистического справочника 1927 г.), 1952–1956 гг. (по данным А.Л. Пу-

³ Година Е.З. «Историческая антропометрия» и ее уроки // Вестник антропологии. 2013. № 2 (24). С. 88–95.

⁴ Lebedeva L., Groth D., Hermanussen M., Scheffler C., Godina E. The Network Effects on Conscripts' Height in the Central Provinces of Russian Empire in the Middle of XIXth Century – at the Beginning of XXth Century // *Anthropologischer Anzeiger*. 2019. Nov. Vol. 76 (5). P. 371–377. <https://doi.org/10.1127/anthranz/2019/0984> EDN: ZDJJSQ

⁵ Lebedeva L., Kucherova Yu., Godina E. Secular Changes in Male Body Height in the European Part of Russia during the 20th Century // *Collegium Antropologicum*. 2020. №. 44 (2). P. 63–72. <https://doi.org/10.5671/ca.44.2.1> EDN: TNSVQZ

⁶ Lebedeva L., Kucherova Yu., Godina E. Cartographic method for studying secular trend in male stature in Russia and neighboring countries in the 19th – 20th Centuries // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2022. № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2022.1.041-053> EDN: RIWYZY

⁷ Лебедева Л.С.: 1) «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 68–80. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.04> EDN: XZPHML; 2) О факторах географической дифференциации роста (длины тела) населения России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2019. № 4. С. 24–32. EDN: EQNPIW

⁸ Лебедева Л.С. Проблемы пространственно-временной изменчивости дефинитивной длины тела мужчин на протяжении XIX–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2024.

⁹ Дефинитивная длина тела достигается на момент полного физического развития и после этого не увеличивается.

рунджана), 1961–1996 гг. (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ), глубоко и всесторонне ее проанализировала. Продемонстрировав высокую культуру статистического анализа, исследовательница пришла к важным достоверным выводам.

Длина тела мужчин повсеместно увеличивалась, несмотря на социально-экономические и политические трансформации первой половины XX в., которые приводили не к снижению показателя, а лишь к замедлению темпов его роста. В целом по Европейской России мужчины, рожденные в 1961–1996 гг., были выше на 12,7 см рожденных в 1853–1863 гг., на 9,6 см – рожденных в 1909–1909 гг. и на 6,5 см – рожденных в 1952–1956 гг. Вековой тренд – повышательный. Эта оценка основывается на самой большой среди российских ауксологов выборке – 49 230 наблюдений¹⁰.

Анализ пространственной дифференциации длины тела в XIX–XX вв. обнаружил тяготение регионов к самовоспроизведению зон малорослости или высокорослости в Европейской России. Зоны сложились под воздействием различных факторов и, несмотря на произошедшие изменения, сохранились в современных условиях. География длины тела находилась под влиянием образа жизни, санитарно-гигиенических условий в период физического развития человека, уровня образования и рода деятельности родителей, а также была отчасти обусловлена географической связанностью территорий или влиянием окружающих сообществ на длину тела населения, живущего по соседству (о чем шла речь выше).

Вероятно, Е.З. Година «разбудила» также сотрудников кафедры антропологии биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В 2020 г. они опубликовали обзор современной зарубежной литературы, в котором осветили новейшие тенденции в ауксологии¹¹. Затем С.Н. Зимина, А.А. Мовсесян, М.А. Негашева, И.М. Синева, Р.Э. Сиразетдинов, А.А. Хафизова за короткий срок опубликовали более 15 статей, посвященных вековым изменениям размеров тела детей, молодежи и взрослых в России XIX – начала XXI в.

Кратко остановимся на двух обобщающих исследованиях. В первом авторы стремились установить, как изменился рост у 17–18-летних московских студентов с 1920-х гг. до 2018 г., и количественно оценить влияние факторов, обусловивших его динамику. Источником для исследования послужили результаты антропометрического мониторинга, проводившегося ежегодно с 2000 по 2018 гг. в ходе профилактического осмотра московских студентов, преимущественно первокурсников МГУ. Общее число обследованных – 6476 человек (3039 юношей и 3437 девушек) в возрасте 17–18 лет. Для более раннего периода привлечены данные из литературных источников. Поскольку нам приходилось работать с этими данными, предполагаем, что это около 10 тыс. человек. Исследование показало, что в течение последних 80 лет (1920–2000 гг.) у московских студентов наблюдался процесс эпохального повышения роста тела – у юношей – на 14 см, у девушек – на 10 см. С начала 2000-х гг. до 2018 г. длина тела стабилизировалась.

Для оценки влияния экологических (климатических, антропогенных) и социально-экономических факторов авторы привлекли сведения Гидрометцентра, Федеральной службы государственной статистики и Единой межведомственной информационно-статистической системы России и использовали корреляционный анализ. Установлено, что наиболее значимыми факторами, обусловившими секулярный тренд, являлись социально-экономические факторы – валовой внутренний продукт

¹⁰ Лебедева Л.С. Проблемы пространственно-временной изменчивости... С. 65.

¹¹ Зимина С.Н., Хафизова А.А., Негашева М.А. Динамика изменений основных показателей телосложения в конце XX – начале XXI века (на основе зарубежных литературных данных за последние 15 лет) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2020. № 1. С. 25–38. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.1.025-038> EDN: WJEVRB

(ВВП), личные доходы граждан и потребление мяса на душу населения. В развитых странах зафиксированы аналогичные процессы со сдвигом во времени. По мнению авторов, полученные результаты свидетельствуют об интенсивно протекающих процессах трансформации морфофункционального статуса у детей, подростков и молодежи в разных странах мира. Вариации телосложения в эпохальном аспекте служат маркером глобальных изменений в питании, экономическом положении и в здоровье различных популяций. Данные о размерах тела, считают авторы, являются также критерием социального благополучия общества¹².

Второе исследование посвящено долговременным изменениям дефинитивной длины тела с 1880-х гг. до начала XXI в.¹³ М.А. Негашева и А.А. Хафизова мобилизовали практически все опубликованные данные в России, в том числе собранные в ходе многочисленных региональных медицинских обследований.

Для большинства мужских выборок годы рождения приходятся на 1900–2018 гг., для женских – на 1930–2018 гг. Средние значения секулярных приростов дефинитивной длины тела за весь период обследования составили около 8 см у мужчин и свыше 4,5 см у женщин, что сопоставимо с общемировыми значениями. Это входит в некоторое противоречие с результатами секулярных изменений роста 17–18-летней молодежи, выявленных авторами в другой статье, где указано, что только за 80 лет, с 1920 по 2000 гг., московские студенты стали выше на 14 см, а студентки – на 10 см. Как дефинитивный рост мог увеличиться на меньшую величину, чем рост промежуточный (неокончательный)? Возможно, это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, московские студенты на 1,8 см выше студентов из других городов¹⁴. Во-вторых, ради увеличения базы данных лиц с дефинитивной длиной тела авторы включили в нее 17–25-летних молодых людей, многие из которых еще не достигли окончательного роста (в основном это учащиеся старших классов школ, средних специальных и высших учебных заведений). В выборку были включены также призывники 1927 г., главным образом в возрасте 21 года (по причине возрастного ценза, равного 21 году), не достигшие дефинитивного роста. В результате составленная выборка не вполне соответствовала намерению выяснить динамику дефинитивного роста. Кроме того, не все данные удовлетворяли критерию репрезентативности, во многих публикациях не указывались число наблюдений и этнический состав выборок¹⁵.

Ввиду вынужденных допущений, указанных авторами, установленное ими изменение абсолютных значений *дефинитивной* длины тела как для отдельных субъ-

¹² Негашева М.А., Хафизова А.А., Зими́на С.Н., Синева И.М. Влияние социально-экономических и экологических факторов на секулярные изменения размеров тела современной молодежи (пилотное исследование на примере московской популяции) // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2020. № 2. С. 87–107. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.087-107>. EDN: WUOKHM; Негашева М. А., Зими́на С. Н., Хафизова А. А., Сиразетдинов Р. Э., Синева И. М. Эпохальные изменения морфотипа современного человека (по антропометрическим данным ретроспективного исследования московской молодежи) // Вестник Московского университета. Сер. 16: Биология. 2020. Т. 75. № 1. С. 15–22. EDN: PZNWBD; Хафизова А. А. Антропологические аспекты влияния социально-экономических факторов на секулярные изменения размеров тела современной молодежи (начало XX – XXI в.): Дис. ... канд. биол. наук. М., 2022. EDN: GXXBHS

¹³ Хафизова А. А., Негашева М. А. Секулярные изменения дефинитивной длины тела мужчин и женщин разных регионов России (конец XIX – начало XXI в.) // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2020. № 2. С. 55–73. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.055-073>. EDN: PTWKKN

¹⁴ Синева И.М., Негашева М.А., Попов Ю.М. Сравнительный анализ уровня физического развития студентов разных городов России // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2017. № 4. С. 17–27. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2017.4.017-027> EDN: YTXYPE

¹⁵ Хафизова А.А., Негашева М.А. Секулярные изменения... С. 58–61.

ектов Российской Федерации, так и для ее европейской части в целом за 1900–2018 гг. (на 8 см) вряд ли можно считать абсолютно точным. Например, Л.С. Лебедева, Я.А. Кучерова и Е.З. Година оценили его в 12,7 см¹⁶. Тем не менее повышательную вековую тенденцию авторы выявили верно: в 1900–2018 гг. в России повсеместно происходило эпохальное повышение дефинитивной длины тела. Направленность и интенсивность этой тенденции обусловлены преимущественно социально-экономическими условиями жизни, особенностями питания, доступностью и качеством медицинского обслуживания, характерными для той или иной популяции в конкретный период времени.

Можно констатировать, что результаты, полученные ауксологами, полностью подтвердили выводы автора статьи, сделанные им 25 лет назад, относительно повышательной эпохальной тенденции размеров тела и, соответственно, эпохального повышения уровня жизни в России XIX–XX вв.¹⁷ Хотя в свое время выводы, касающиеся XIX – начала XX в., вызвали бурю протеста со стороны многих отечественных историков после публикации в 2010 г. первой российской монографии по исторической антропометрии России¹⁸.

Большое внимание ауксологи уделяют анализу эпохальных изменений размеров тела у российских детей в возрасте от рождения до 17 лет включительно, но преимущественно в морфологическом ракурсе. Однако детская антропометрия также содержит важную информацию об уровне жизни родителей, той социальной группы и всей популяции, к которой они принадлежат. Как и у взрослых, наилучшие показатели физической зрелости наблюдаются у рослых детей. Отставание в росте, включая новорожденных, является важнейшим показателем понижения материального благополучия семьи, так как скорость прироста размеров тела детей пропорциональна количеству потребляемого белка животного происхождения. Если мы сравним рост детей одного возраста в разные годы рождения, то разница в длине тела покажет, как изменился биологический статус детей и, косвенно, уровень жизни социального слоя, к которому принадлежат их родители. Например, если в Н. Новгороде рост у 8-летних детей 1946 года рождения был на 1,2 см ниже, чем у детей 1937 года рождения, это означает, что биостатус 8-летних детей с 1937 г. по 1946 г. понизился¹⁹.

¹⁶ Lebedeva L.S., Kucherova Y.A., Godina E.Z. Cartographic method... P. 48.

¹⁷ Година Е.З. Историческая антропометрия и ее уроки. С. 92–93; Миронов Б.Н.: 1) Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 томах. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 335–356; 2) Рост и вес россиян сталинской эпохи // Демоскоп Weekly. 2003. № 129. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0129/tema01.php> (дата обращения: 27.07.2024); 3) Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 565–588; 4) Кому на Руси жилось хорошо // Родина. 2003. № 7. С. 12–16. EDN: XMYBDF; 5) Антропометрическая история России XVIII–XX веков: теория, методика, источники, первые результаты // Труды Института российской истории. Вып. 5 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 173–205. EDN: RWZALJ; 6) Биологический статус населения Санкт-Петербурга... С. 99–146; 7) Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2. С. 137–154.

¹⁸ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. EDN: QBREIX См. о дискуссии: Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М., 2014; Baten J. Review: Boris Mironov. The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. Abingdon, UK: Routledge, 2012. XXXII + 668 p. // EH. Net. 2013. January. URL: https://eh.net/book_reviews/the-standard-of-living-and-revolutions-in-russia-17001917/ (accessed: 15.08.2018).

¹⁹ Богомолова Е.С., Матвеева Н.А., Кузмичев Ю.Г., Бадеева Т.В. Ашина М.В., Леонов А.В. и др. Региональный мониторинг роста и развития школьников г. Нижнего Новгорода: опыт и перспективы // Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации: сб. материалов. Вып. VI / под ред. А.А. Баранова, В.Р. Кучмы. М., 2013. С. 48–49.

Источниковая база антропометрических данных детей значительно больше, чем взрослых, так как систематическое наблюдение за физическим развитием детей всех возрастов началось в СССР с 1920-х гг. по указанию и при надзоре государственных органов, по единой программе, а полученные данные обрабатывались едиными методами²⁰. Таким образом, собранный обширный материал, обобщенный в семи томах на основе единых требований, обеспечивает полную сравнимость выборок за отдельные годы по разным местностям, а масштабность и периодичность сборников создают фундамент для системного исследования. И что ценно для историков – в сборниках представлена вся исходная информация с аналитическими комментариями²¹.

Особенно интересны данные о росте и весе новорожденных. В настоящее время большинство ауксологов придерживаются мнения, что не наследственность, а условия среды в основном объясняют размеры плода. Поэтому в колебаниях средних размеров новорожденных проявляются прежде всего краткосрочные изменения в условиях жизни женщин в течение последних девяти месяцев²². Вес новорожденного более чувствителен к условиям текущей жизни, а рост – к общему биологическому статусу матери. Именно матери рослых детей имеют наиболее высокий уровень образования и престижные профессии. Средние размеры новорожденных позволяют оценить и краткосрочные, и долгосрочные изменения в уровне жизни матерей, при этом вес и рост могут давать различную картину динамики. Так, данные об изменении размеров тела новорожденных Ленинграда – Петербурга в 1980–2005 гг. говорят о том, что в годы перестройки и до 1993 г. вес новорожденных уменьшался, до 1996 г. рос, в 1997–2002 гг. снижался и в 2002–2005 гг. немного повысился. Изменения длины тела в отдельные годы несколько отличались, но тенденцию оба показателя зафиксировали одинаково. График фактически воспроизводит картину экономического положения в Петербурге и в целом по стране в 1980–2005 гг.²³ (рис.).

Долгосрочная динамика основных показателей физического развития новорожденных и грудных детей России и бывшего СССР за последние 100 лет, с 1920-х годов по настоящее время, проанализирована на основе огромного статистического материала. Согласно полученным результатам рост новорожденных мальчиков и девочек увеличился на 2 см; у годовалых мальчиков – на 4,7 см, у годовалых девочек – на 3,8 см. Вековое увеличение длины тела сочетается со стабильностью массы тела

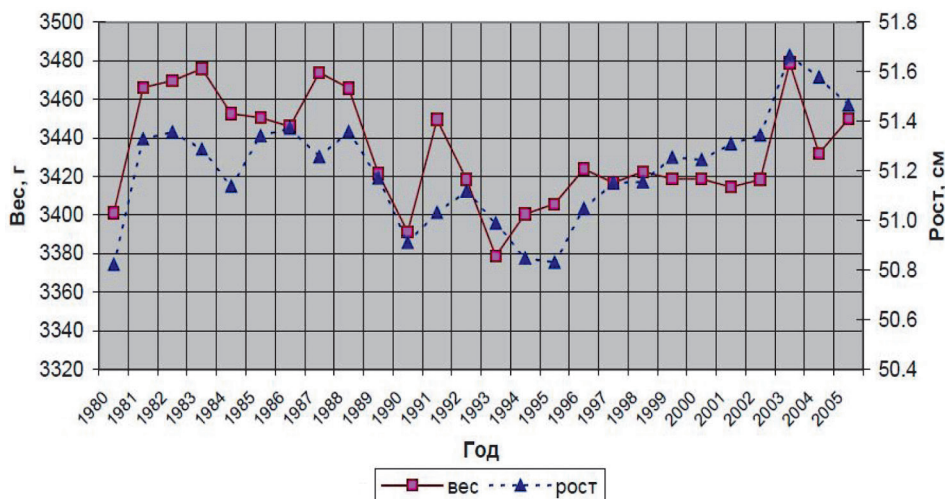
²⁰ Кучма В.Р., Скоблина Н.А., Милушкина О.Ю., Бокарева Н.А. История изучения физического развития детей и подростков в гигиене (к 50-летию выхода первого сборника материалов по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР) // Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации... Вып. VI. С. 9–16.

²¹ Материалы по физическому развитию детей и подростков некоторых городов и сельских местностей СССР. Вып. I / под ред. А.Я. Гольдфельд и др. М., 1962; Вып. II. Л., 1965; Вып. III. М., 1977; Вып. IV. Ч. I–II. М., 1986–1988; Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей Российской Федерации. Вып. V. М., 1998; Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации: сб. материалов. Вып. VI; Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации. Вып. VII / под ред. В.М. Кучмы, Н.А. Скоблиной, О.Ю. Милушкиной. М., 2019. См. также: База данных «Физическое развитие детей, подростков и молодежи Российской Федерации в 2000–2021 годах» (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022620676 от 30.03.2022. URL: https://new.fips.ru/register-doc-view/fips_servlet). База включает 39 5956 наблюдений, обобщает результаты научных исследований 2000–2021 гг., проведенных по стандартизированной антропометрической методике в 49 субъектах России.

²² Суханова Л.П. Перинатальные проблемы воспроизводства населения России в переходный период / Российская акад. наук, Ин-т философии. М., 2006. С. 122.

²³ Миронов Б.Н. Биологический статус населения Санкт-Петербурга в 1946–2005 гг. (по антропометрическим данным о новорожденных и их матерях) // Мир России. 2007. № 1. С. 99–146. EDN: HYVXFT

детей обоего пола, что указывает на длительную тенденцию усиления *лептосомности телосложения*²⁴. Полученные результаты свидетельствуют о положительном вековом тренде биостатуса и уровня жизни детей в последние 100 лет²⁵.

Вес и рост новорожденных в С.-Петербурге в 1980–2005 гг.

Источник: Миронов Б.Н. Биологический статус населения Санкт-Петербурга в 1946–2005 гг. (по антропометрическим данным о новорожденных и их матерях) // Мир России. 2007. № 1. С. 99–146. EDN: HYVXFТ

Вековые тенденции в изменении размеров тела подростков в возрасте от 7 до 17 лет проанализированы с 1930-х гг. до настоящего времени. Во всех возрастно-половых группах с 1930–2024 гг. наблюдалось эпохальное увеличение размеров тела. Можно выделить пять основных этапов по годам измерений: 1) 1937–1946 гг. – понижение роста и веса школьников вследствие резкого ухудшения материальных условий жизни и питания в предвоенные и военные годы; 2) 1946–1960 гг. – превышение показателей размеров тела предвоенных лет во всех возрастно-половых группах в результате улучшения биостатуса и повышения уровня жизни после войны; 3) 1960–1980 гг. – акселерация (ускорение физического развития и функциональных систем организма, интенсивное увеличение роста и веса), обусловленная улучшением питания и социально-гигиенических условий жизни; 4) 1980–2002 гг. – продолжающееся увеличение размеров тела школьников, но значительное снижение темпов прироста; 5) 2002–2024 гг. – стабилизация роста и веса в большинстве возрастно-половых групп²⁶. С конца 1980-х до начала 2000-х гг. исследователи отмечают усиление *лептосомности* и *грацилизации телосложения* (уменьшение массивности скелета, черепа и т. д.), объясняя это увеличением продолжительности сидячей работы, уменьшением ежедневных физических нагрузок и общей распространенностью малоподвижного образа жизни.

²⁴ Лептосомное телосложение характеризуется преобладанием высоты тела над шириной, длинными конечностями, тонкими костями, недостаточным развитием мышц.

²⁵ Федотова Т.К., Горбачева А.К. Многолетняя динамика соматических показателей новорожденных и грудных детей России (метаанализ) // Физическое развитие детей и подростков... Вып. VII. С. 13–22.

²⁶ Кучма В.Р., Скоблина Н.А., Милушкина О.Ю., Бокарева Н. А. История изучения физического развития детей и подростков... С. 9–16; Баранов А.А., Кучма В.Р., Скоблина Н.А., Сухарева Л.М., Милушкина О.Ю., Бокарева Н. А. Лонгитудинальные исследования физического развития школьников г. Москвы (1960-е, 1980-е, 2000-е годы) // Физическое развитие детей и подростков... Вып. VI. С. 32–43; Година Е. З., Хомякова И. А. Особенности ростовых процессов у современных школьников Москвы // Физическое развитие детей и подростков... Вып. VII. С. 22–35.

Данные о физическом развитии школьников подтверждают существование повышательного векового тренда в динамике уровня жизни в СССР/РФ в 1930–2010-е гг. Вместе с тем с конца 1980-х гг. ученые зафиксировали появление негативных последствий акселерации, которые социальные историки и антропологи должны учитывать. Высокая учебная нагрузка, сидячая работа, а также высокая мотивация нездорового образа жизни у школьников обоих полов ведут к *гипокинезии* – снижению двигательной активности организма и способности к физическим нагрузкам, что на фоне нарушений в питании приводит к появлению избыточного веса²⁷ и может провоцировать развитие серьезных заболеваний (сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, органов дыхания и т. д.).

Девочки страдают от акселерации больше мальчиков. Увеличение размеров тела, сопровождаемое усилением лептосомности телосложения в подростковый и пубертатный период (13–17 лет), стало предвестником серьезных изменений в морфологии женского пола. В начале XX в. средний рост русских женщин составлял 153 см, средний возраст менархе (наступления полового созревания) – 16 лет. У современных девочек признаки половой зрелости появляются уже к 13 годам²⁸, в то время как по социальным, психологическим, медицинским и другим критериям это слишком ранний возраст для рождения детей. Увеличение длины тела и усиление лептосомности у девушек имело еще одно морфологическое последствие социально-демографического значения, – уменьшение диаметра тазового кольца, которое для благоприятного протекания родов не должно существенно отличаться от размеров головы новорожденного. Положение усугублялось увеличением размеров тела новорожденных. В результате работа детородной функции затруднялась, что влияло на снижение рождаемости²⁹.

Выполненные московскими антропологами исследования, разумеется, не закрывают тему благосостояния населения СССР по антропометрическим показателям. Определение вековых тенденций очень важно, но недостаточно. Историкам хотелось бы получить эмпирически обоснованные и убедительные ответы на вопросы, как изменялся при советской власти уровень жизни населения по отдельным годам и периодам, в целом по стране и по отдельным областям, регионам и республикам (союзным и автономным), для всего населения и по различным социально-профессиональным группам, для сельских и городских жителей, для мужчин и женщин, а также для различных этносов. Кроме того, хочется не только объективно *оценить*, но и адекватно *объяснить* причудливую динамику уровня жизни россиян по антропометрическим данным, опираясь на социально-экономические факторы. Но для ответа на эти и другие вопросы требуется очень много сведений. И здесь на помощь могут прийти многочисленные исследования физических антропологов, посвященные отдельным местностям, социальным и этническим группам Советской России. Они содержат ценный объективный материал, собранный во время экспедиций квалифицированно и по одной методике. Самые информативные из них, с точки зрения нали-

²⁷ Согласно Росстату доля людей с избыточным весом в России за последние пять лет (2018–2023 гг.) выросла с 61,7 % до 62,5 %. URL: https://news.ru/society/v-rossii-vyroslo-chislo-grazhdan-s-izbytochnym-vesom/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 31.07.2024).

²⁸ *Властовский В.Г.* Акселерация роста и развития детей (эпохальная и внутригрупповая). М., 1976. С. 11–38; *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVII – начало XX века. 2-е изд. испр., доп. М., 2012. С. 218; *Физическое развитие детей и подростков...* Вып. VI. С. 185.

²⁹ *Щуров В. А.* Пограничные вопросы регуляции продольного роста тела человека (обзор исследований) // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 6-1. С. 68–72. EDN: TTJCNH

чия конкретных антропологических сведений, рассмотрены в специальной работе автора³⁰. В настоящей статье отметим только два наиболее значимых исследования.

Первое обобщает результаты Русской антропологической экспедиции Института этнографии АН СССР 1955–1959 гг.³¹ Ее участники измерили более 17 тыс. взрослых мужчин и женщин русской национальности, уроженцев 107 различных районов РСФСР. В анализе использованы также результаты 89 ранее выполненных исследований, которые содержат сведения еще о 13 213 респондентах (приведены в приложении к книге). Это самый объемный труд по русской антропологии на тот период (1965 г.), интегрировавший сведения более чем о 30 тыс. респондентов, представивший полную картину физического состояния русского этноса в 1950-е гг. по восьми антропометрическим зонам. И при сравнении данных за 1927 и 1957 гг. учеными было обнаружено, что за 30 лет средний рост русских увеличился на 3 см, причем антропометрические зоны низкорослого и высокорослого населения сохранились, хотя различия между крайними вариантами уменьшились до 10–15 мм.

Второе крупное обобщающее исследование выполнено учеными Института антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством А.Л. Пурунджана. Были собраны (в 1973 г. и 1981 г.), обработаны и опубликованы данные о среднем росте мужчин, рожденных в 1951–1955 и 1960–1963 гг., титульных этносов 12 союзных республик, а по РСФСР и УССР – автономных республик. Представителями того или иного народа отбирались индивиды, оба родителя которых относились к соответствующей этнической группе и жили на территории своей республики. Выборки насчитывали 2989 респондентов в 1973 г. и 6684 – в 1981 г., всего – 9673 респондента. В результате исследования ученые обнаружили важное явление: в 1960-е гг. средний рост мужчин титульного этноса в отдельных союзных республиках изменился асинхронно – в наибольшей степени он увеличился в Литовской, Молдавской, Грузинской и РСФСР, в меньшей степени – в Казахской, Таджикской, Украинской и Белорусской, практически не изменился – в Армянской и Азербайджанской; уменьшился – в Узбекской и Киргизской союзных республиках³².

Полученные данные в обоих исследованиях были интерпретированы с точки зрения физической антропологии совершенно адекватно. Но содержащаяся в них в скрытом виде важная социально-экономическая информация не получила достаточного внимания. Первое исследование о повсеместном увеличении длины тела (в среднем по стране на 3 см) давало основание для предположения о более высоком жизненном уровне в РСФСР в 1957 г. сравнительно с 1927 г., но ничего не говорило о том, что происходило в 30-летний промежуток, ввиду отсутствия данных за другие годы. Результаты второго исследования позволяли думать, что в 1960-е гг. союзные республики различались по уровню жизни существенно, чем до 1950-х гг., т. е. говорили о дифференциации республик по уровню благосостояния.

Чтобы эти предположения стали достоверными выводами, необходимо их подтвердить на большем числе данных. Дело в том, что первое исследование основывалось на измерениях 17 тыс. человек обоего пола в 107 районах РСФСР – в среднем

³⁰ Миронов Б.Н. Благосостояние населения... С. 123–132.

³¹ Бунак В.В. Происхождение и этническая история русского народа: по антропологическим данным). М., 1965. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР; Т. 88).

³² Пурунджан А.Л. Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР // Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 100–116; Дерябин В.Е., Пурунджан А.Л. Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990. С. 130–132.

на один район приходилось лишь 80 мужчин и 80 женщин. Выводы второго исследования опирались на еще меньшую эмпирическую базу: на каждую область РСФСР приходилось в 1973 г. 60 респондентов, в 1981 г. – 108, а в каждой области остальных 11 союзных республик – 53 и 81 респондент соответственно. Для оценки среднего роста и веса в целом по республикам этих сведений было достаточно, но для достоверных оценок показателей в отдельных областях их желательно иметь больше. Антропологов интересовал не уровень жизни, а морфология человека – изменение антропометрических показателей под влиянием мутаций, а не социально-экономических факторов.

Ауксологические исследования, проводимые с 2010-х гг. по настоящее время, имеют более обширную эмпирическую базу³³. Но даже наиболее фундированные из них располагают, учитывая масштабы страны и длительность исследуемого периода, недостаточным числом данных. Самая большая база данных, мобилизованная Л. С. Лебедевой, включает 26 244 наблюдений по советскому периоду и 22 986 – по постсоветскому (всего 49 230) и охватывает только русских взрослых мужчин-горожан. Чтобы с такой же точностью оценить по пятилетиям динамику среднего роста сельского и всего населения, титульных этносов союзных и автономных республик, в отдельности мужчин и женщин, потребуется по крайней мере в десять раз больше наблюдений, т. е. примерно 500 тыс. Для конца советского периода и для постсоветского периода необходимое число данных можно мобилизовать из мониторингов НИУ ВШЭ и Росстата, базы данных детей разных возрастов, по крайней мере для второй половины XX – начала XXI в., уже созданы³⁴. По советскому периоду задача хоть и сложнее, но и она выполнима³⁵.

Дефицит информации делает полученные выводы недостаточно определенными, что нередко порождает споры. Положение осложняется тем, что собранные сведения часто публикуются без данных о величине выборки и стандартных ошибок средних показателей, без проверки нормальности и однородности состава выборок, без расчета статистической значимости различий в антропометрических показателях между отдельными периодами, социальными и национальными группами респондентов. Все это препятствует возможности оценки достоверности и точности полученных результатов или вообще ее исключает. В постсоветский период, в соответствии с вошедшей на Западе практикой, таблицы часто заменяются диаграммами, антропометрические данные приводятся только в графической форме. Это наглядно демонстрирует общую картину изменений, но лишает читателя реальных (натуральных) сведений о росте, весе и иных индикаторах, не позволяет судить об их корректности, сравнивать с данными, относящимися к другим странам и регионам.

³³ Кроме указанных, см. также: Григорьева М. А. Динамика роста, веса и индекса массы тела реальных поколений россиян 1810–1995 годов в возрасте 18–34 лет // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 198–202. EDN: ULQZED; Перевощикова Н. К., Селиверстов И. А., Дракина С. А., Черных Н. С. Секулярный тренд физического развития в современной врачебной практике // Мать и Дитя в Кузбассе. 2021. № 4. С. 4–11. EDN: AQMOFQ; Brainerd E. Reassessing the Standard of Living in the Soviet Union... P. 83–117.

³⁴ См., например: Максимова Т. М., Белов В. Б., Лушкина Н. П. и др. Состояние здоровья, условия жизни и медицинское обеспечение детей в России. М., 2008. EDN: QLQTMZ; Суханова Л. П. Перинатальные проблемы воспроизводства населения России в переходный период. М., 2006; Федотова Т. К., Горбачева А. К. Вековая динамика роста и веса российских детей в возрасте от 0 до 17 лет // Археология, этнология и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 3. С. 145–157. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.3.145-157> EDN: JBAMEK; БД «Физическое развитие детей, подростков и молодежи Российской Федерации в 2000–2021 годах».

³⁵ К настоящему моменту нам удалось создать по XX в. базу антропометрических данных по СССР и России, включающую 2 028 446 респондентов.

Интерес историков, экономистов и социологов к антропометрическим показателям как альтернативным индикаторам уровня жизни возник в 1960-е гг. ввиду недоверия к официальной советской статистике, недостатка сведений и для преодоления разногласий, возникавших при использовании традиционных показателей. Надежды исследователей основывались на объективных достоинствах антропометрических данных, которые универсальны и элементарны, их легче сопоставлять, если они относятся к разным годам, социальным группам или странам, они не нуждаются в поправках на инфляцию, как, например, зарплата и любые другие доходы. Будучи достаточно точными и простыми для расчетов сравнительно с экономическими показателями, они могут объективно выявить тенденции и вариации в изменении уровня жизни населения в пространстве, во времени, в социальном и гендерном разрезах. Важно, что доступные источники в принципе позволяют построить единый однородный динамический ряд длины тела и веса населения в целом по стране и по основным ее регионам за любой период, обеспеченный антропометрической информацией, и дать объективную картину изменения жизненного уровня населения страны.

Слабые места ауксологических исследований

Обзор ауксологических исследований обнаружил, что антропометрический подход к благосостоянию имеет в настоящий момент ряд слабых мест.

1. Большинство антропометрических сведений по советскому периоду касаются новобранцев. Новобранцы представляют широкие слои населения, но в разной степени (например, среди них нет детей, очень мало женщин и недостаточно лиц семейных, с высшим и средним специальным образованием). Вследствие этого необходимо расширить круг источников, включив в базу данных медицинские обследования учащихся учебных заведений, мониторинги здоровья и экономического положения населения.

2. Серьезным пробелом в антропометрических исследованиях является недостаток данных о женщинах, рост которых на 10–12 см ниже, чем у мужчин. Во многих случаях колебания роста мужчин и женщин происходят синхронно. Однако из-за гендерного неравенства согласованность и степень колебаний нарушается, что служит важным показателем изменения не только биологического, но и социального статуса женщин.

3. Большинство историко-антропометрических исследований ограничивается изучением роста мужчин. Между тем вес в сочетании с ростом (индекс массы тела) существенно расширяет нашу информацию о статусе потребления и уровне жизни. Для людей, достигших полной физической зрелости, когда удлинение тела прекращается, индекс массы тела служит важным и часто единственным антропометрическим показателем для характеристики потребления.

4. Хронологическая глубина изучения антропометрических показателей велика. Но у биологических антропологов нет острой потребности ни в больших выборках, ни в частых измерениях десятков антропологических показателей (цвет волос, развитие надбровья, профиль спинки носа и т. п.), которые закреплены в генах и изменяются очень редко, за исключением роста и веса, под влиянием мутаций. А для историков-антропометристов это является необходимостью, поскольку под воздействием социально-экономических факторов средний рост отдельных популяций и социальных групп изменяется ежегодно, а вес – еще чаще.

5. Ауксологи, главным образом зарубежные, для восстановления отсутствующих антропометрических данных часто используют методы стандартизации и рекон-

струкции, вызывающие у историков возражения. Например, две крупнейшие международные базы антропометрических данных NCD RiskC и ClioInfra при формировании базы данных по росту тотально использовали реконструкцию отсутствующих данных и стандартизацию – приведение собранных данных по разным странам и периодам в сопоставимый вид. Так, все респонденты стандартизированы под 18-летних: если информанту на момент измерения было, скажем, 43 года, то путем сложных математических расчетов вычислялось, каким мог быть его рост в 18 лет³⁶. В *ClioInfra* при отсутствии данных для мужчин использовались данные о длине тела женщин, которые пересчитывались в показатели мужского роста с помощью коэффициента, разработанного по данным о соотношении роста мужчин и женщин в этих странах за другие годы и в других странах за этот и иной периоды. Й. Батен и М. Блюм, обобщавшие и стандартизовавшие сведения о длине тела мужчин в европейских странах в базе данных *Clio Infra*, указывают, что для периода после 1800 г. «ни одна из первоначальных оценок роста (произведенная авторами исследований, которых они интегрировали. – Б. М.) не вошла в опубликованные результаты без изменений», поскольку собранные данные подверглись стандартизации и гармонизации. Например, в основе их оценок роста российского населения по XIX – началу XX в. лежат сведения Б.Н. Миронова, но после стандартизации они стали от них отличаться³⁷. При такой методологии все расчеты и оценки носят гипотетический, вероятностный характер. Но цель создателей международных баз данных NCD RiskC и Clio Infra состояла в построении математической модели изменения размеров тела в глобальном всемирном масштабе, и они эту цель реализовали.

Реконструкция и стандартизация выборок решают одни проблемы, но создают другие. При анализе динамики размеров тела, действительно, устраняется влияние изменений в составе респондентов в отдельные годы и дается ответ на вопрос, как изменялись рост и вес популяций со временем в зависимости исключительно, или в чистом виде, от изменения условий жизни в анализируемый период. А при анализе разницы в размерах тела между регионами устраняется влияние различий в составе респондентов в отдельных регионах и дается ответ на вопрос, насколько различались средние размеры тела в регионах исключительно, или в чистом виде, под воздействием изменения условий жизни в регионах. Полученные результаты не совсем устраивают историков, предпочитающих конкретно-исторические антропометрические данные. Например, литовский историк в своей книге возмущается фактом применения такой методологии:

Й. Батен и М. Блюм предоставили неточные данные о росте эстонских мужчин <...> Средний показатель за десятилетие в 173,4 см для взрослых эстонских мужчин, родившихся между 1890 и 1899 годами, не подтверждается другими источниками. Наиболее надежными... являются обзоры провинций, ежегодно представляемые российскими губернаторами центральному правительству... Они основаны на наибольшем количестве наблюдений. Согласно этому источнику средний рост призванных (N = 1654) в русскую армию в 1913 году из Эстляндской губернии составлял 172,0 см³⁸.

6. Интерпретировать антропометрические показатели очень непросто, поскольку они часто находятся в противоречии с установленными закономерностями –

³⁶ NCD Risk Factor Collaboration. A Century of Trends in Adult Human Height // eLife: [website]. URL: <https://elifesciences.org/articles/13410> (accessed: 03.05.2024).

³⁷ Baten J., Blum M. Height // Clio Infra: website. URL: <http://hdl.handle.net/10622/1AEKLA> (accessed: 01.08.2024).

³⁸ Norkus Z. Saving Anthropometric History: A Solution to the “Estonian Antebellum Paradox” // Norkus Z. Post-Communist Transformations in Baltic Countries: A Restoration Approach in Comparative Sociology. Springer Cham, 2023. P. 231.

такие казусы в специальной литературе называются загадками или парадоксами. Вот несколько характерных примеров.

Американская загадка. В XIX–XX вв. рост взрослых мужчин Северной Европы увеличился на 14–15 см, белых мужчин США остался почти таким же, каким был в период Войны за независимость (1775–1783) – 175–177 см (и тогда он намного превышал рост европейцев), а белых женщин уменьшился на 1 см. При этом ВВП и душевые доходы у американцев выше. Этот феномен объясняется более качественным питанием и медицинским обслуживанием в Европе. Так, во второй половине XX в. основу питания европейских школьников составляли мясо и вареные овощи, способствующие увеличению длины тела, а их американских сверстников – гамбургеры и картофельные чипсы, ведущие к ожирению³⁹.

Африканская загадка. На территории Судана, Уганды, Кении, Танзании, Конго, Эфиопии и Египта проживают нилоты (группа родственных африканских народов ярко выраженной негроидной расы, общей численностью около 10 млн), отличающиеся атлетическим телосложением и самым высоким в мире ростом – средняя длина тела взрослых мужчин около 185 см. Многие из них до настоящего времени придерживаются родоплеменных отношений и занимаются преимущественно разведением крупного рогатого скота, охотой и рыболовством. Их доходы и общее благосостояние намного ниже, чем у белых европейцев. Ауксологи объясняют это тем, что более 5 тыс. лет нилоты существуют как скотоводы-кочевники. Их питание – это чистое мясо, молоко и другие натуральные продукты, а именно такая диета благоприятствует высокому росту. Кроме того, в саваннах Африки, где они проживают, высокий рост помогает охотникам издали видеть добычу, а длинные ноги – много и быстро ходить и бегать⁴⁰.

Есть и другие загадки. Почему в Южной Азии, несмотря на быстрый экономический рост и повышение доходов, наблюдается задержка физического развития детей (*южноазиатская загадка*)? Почему при низком уровне дохода население Ямайки отличается рослостью (*ямайская загадка*)? Почему в Индии снижается потребление калорий при общем росте доходов (*индийская загадка*)? Почему мужчины и женщины, одинаковые по всем признакам (образование, социальный статус, национальность и т. д.), существенно различаются по росту? Почему в европейских странах во время индустриализации быстрый рост доходов сопровождался снижением или стагнацией длины тела и ухудшением здоровья населения?⁴¹

Перечисленные загадки противоречат базисному постулату антропометрии, что размеры тела коррелируют с уровнем дохода, питания и благосостояния в целом. Причины разные. При некоторых обстоятельствах или в силу культурных традиций одни социальные и национальные группы в «тощие годы» предпочитают тратить средства на поддержание биологического статуса, другие в «тучные годы» вкладывают деньги в собственность, акции и депозиты, предметы роскоши в ущерб качеству

³⁹ Komlos J., Lauderdale B. Underperformance in Affluence: The Remarkable Relative Decline in U.S. Heights in the Second Half of the 20th Century // Social Science Quarterly. 2007. Vol. 88. № 2. P. 283–305. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2007.00458.x>

⁴⁰ Moradi A., Hirvonen K. The African Enigma: The Mystery of tall African Adults despite Low National Incomes Revisited // The Oxford Handbook of Economics and Human Biology. Oxford, 2016. P. 669–692.

⁴¹ А. Дитон собрал коллекцию загадочных явлений в экономике, часть которых относится к биологическим аспектам человеческого развития. Известный немецкий антропометрист Дж. Батен дал на них ответ: Baten J. Economics, Human Biology and Inequality: A Review of ‘Puzzles’ and Recent Contributions from A Deatonian Perspective // Economics and Human Biology. 2017. Vol. 25. № 1. P. 3–8. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2016.10.012> EDN: RJMEBY

питания и здоровья⁴². Ауксологические исследования обнаружили, что высокое положение женщин положительно коррелирует со средним ростом населения, а дискриминация и ограниченная автономия женщин – с задержкой физического развития детей, потому что гендерное неравенство влияет на распределение ресурсов между полами.

Когда подобные загадки находят правильное объяснение, они подтверждают твердо установленный в биологии факт: длина тела человека зависит от условий его существования – от рождения до момента достижения полной физической зрелости и в решающей степени зависит от чистой разницы между энергией, полученной от питания, и энергией, израсходованной на все потребности, – другими словами, *рост человека отражает историю его чистого потребления*. Из этого следует, что высокие люди, взрослые и дети, как правило, лучше питались, имели лучший уход, меньше болели, т. е. обладали более высоким биологическим статусом, чем люди с низким ростом. Но есть немало авторов, склонных к поиску неземных причин парадоксов. Например, некоторые объясняют вариацию роста ультрафиолетовой радиацией, изменением температуры и влажности воздуха, увеличением электромагнитных и ионизирующих излучений или нейрогенным фактором⁴³.

7. Ауксология в XX – начале XXI в. развивалась в двух направлениях – увеличение эмпирической базы и изменение интерпретации антропометрических показателей. В 1920–1930-е гг. профессионалы спорили относительно значения генетического и средовых факторов. В 1932 г. В.В. Бунак, проанализировав изменение среднего роста российских новобранцев, призванных в 1874–1883 гг. и 1927 г., пришел к выводу, что за прошедшие 50 лет они подросли на 2 см. Он объяснил это генетическим фактором – увеличением гетерозиготности⁴⁴ вследствие учащения брачных связей между ранее изолированными группами населения из-за повышения его мобильности. Анализ географии роста новобранцев за 50 лет привел его к аналогичному выводу – этнорасовые факторы оказывали преобладающее влияние на пространственную вариацию длины тела⁴⁵. Во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг., когда генетика считалась буржуазной наукой, взгляды В.В. Бунака не нашли поддержки в научном сообществе. Нормативной была признана экзогенная концепция, утверждающая приоритет социально-экономических условий и образа жизни в процессе физического развития детей всех возрастов. Она остается ведущей до настоящего времени также и за рубежом⁴⁶.

В последние двадцать лет в зарубежных исследованиях стало больше внимания уделяться наследственности, значение которой в физическом развитии человека приравнивается к средовым факторам⁴⁷. Психологический поворот может быть весь-

⁴² Комлос Д. Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста // Экономическая история: Ежегодник. 2001 / отв. ред. Л.И. Бородин, Ю.А. Петров. М., 2002. С. 428–440.

⁴³ Бунак В.В. Об увеличении роста и ускорении полового созревания современной молодежи в свете советских соматологических исследований // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 28. С. 53–54.

⁴⁴ Гетерозиготность – неоднородность наследственной основы (генотипа) организма, происходящего от родителей, в той или иной степени различных по какому-нибудь наследственному признаку, в нашем случае – по росту: Бунак В.В. Об увеличении роста... С. 54.

⁴⁵ Бунак В.В. Об изменении роста мужского населения за 50 лет // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 24–53.

⁴⁶ Кучма В.Р., Скоблина Н.А., Милушкина О.Ю., Бокарева Н.А. История изучения физического развития детей и подростков... С. 11–12.

⁴⁷ Grasgruber P., Cacek J., Kalina T., Sebera M. The Role of Nutrition and Genetics as Key Determinants of the Positive Height Trend // Economics and Human Biology. 2014. Vol. 15. P. 81–100. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2014.07.002> EDN: UONBEH; Silventoinen K., Kaprio J., Lahelma E., Koskenvuo M. Relative Effect of Genetic and Environmental Factors on Body Height: Differences across Birth Cohorts among Finnish Men and Women // American Journal of Public Health. 2000. Vol. 90. No. 4. P. 627–630. <https://doi.org/10.2105/AJPH.90.4.627> EDN: DIIBAT

ма полезным для отечественных ученых, поскольку российский социум является мультиэтническим и мультирасовым. Применение множественного регрессионного анализа позволит выявить расово-этнические различия в антропометрических показателях и дать им правильное объяснение.

Заключение

Изучение уровня жизни в исторической перспективе традиционно являлось задачей историков. Однако с 1970-х гг. зарубежные ауксологи, а в последние десять лет и российские расширили предмет своих исследований. Рост, вес и индекс массы тела они стали рассматривать в качестве косвенных или прокси показателей благосостояния, что позволяет им выявлять секулярные тренды в динамике уровня жизни. По сути, они совершили социально-исторический поворот и смогли внести большой вклад в изучение благосостояния российских граждан во второй половине XIX – начале XXI в. и показать, что Россия в последние 300 лет в этом аспекте оставалась в мировом тренде.

Однако недостаточно определить вековые тенденции в изменении благосостояния населения по антропометрическим показателям. Необходимо подтвердить эти выводы на традиционных показателях жизненного уровня – данных о доходах, питании, потреблении, смертности и продолжительности жизни. Желательно получить эмпирически обоснованные и убедительные ответы на вопросы, как изменялся при советской власти уровень жизни населения по отдельным годам и периодам, в целом по стране и по отдельным областям, регионам и республикам (союзным и автономным), для всего населения и по различным социально-профессиональным группам, для сельских и городских жителей, для мужчин и женщин, а также для различных этносов. Кроме того, необходимо объективно объяснить причудливую динамику уровня жизни россиян по антропометрическим данным и ее географическую вариацию. Наличие положительного тренда вовсе не исключает того, что в отдельные периоды, на отдельных территориях и у некоторых социальных и национальных групп уровень жизни понижался. Чтобы ответить на эти вопросы, требуется очень много сведений, вследствие чего на настоящий момент расширение источниковой базы, создание базы больших данных, разработка методического инструментария для ее обработки и анализа представляются первостепенными задачами в изучении уровня жизни народов СССР.

К сожалению, в отечественной историографии историческая антропометрия не прижилась, эту нишу в настоящее время полностью заняли ауксологи, которые успешно выявляют тренды в динамике благосостояния на основе антропометрических показателей, но не дают им надлежащую социально-экономическую интерпретацию. Эта задача логично должна бы заинтересовать историков, и они с нею могли бы справиться, так как ауксологи подготовили хорошую почву – обеспечили исследователей теорией, методологией, методикой анализа антропометрических показателей, могут также научить искусству их интерпретации и просто предоставить готовые данные. При этом историк и ауксолог – не конкуренты и не соперники, они дополняют друг друга. У них один объект, но разные углы зрения. Для антрополога предметом исследования является физическое развитие человека, для историка – условия жизни, предопределяющие физическое развитие. Ауксолог сфокусирован на выявлении трендов в изменениях антропометрических показателей и на объяснении их генетическим и средовыми факторами, историк – на изменениях в антропометрических показателях, извлечении из них информации о том, как изменились условия жизни людей, и социально-экономической интерпретации обнаруженных трендов.

Возникает вопрос: послужат ли исследования ауксологов стимулом для отечественных историков совершить антропометрический поворот и включиться в мировую историческую антропометрию?

В российской исторической науке антропометрия не получила развития не случайно, а закономерно. За рубежом еще в 1960–1970-е гг. ауксологи совершили социально-исторический поворот, а историки (главным образом экономические историки) – антропометрический поворот. Благодаря этому историческая антропометрия стала важной академической дисциплиной, с собственными сообществами, журналами и кафедрами в университетах. В России же новое направление отклика у историков не нашло. Одной из главных причин является неподготовленность к работе с новым видом источников в междисциплинарном ключе, с помощью математико-статистических методов и на больших данных. Ответственность за это лежит главным образом на программах обучения историков и экономистов в университетах. За рубежом исторической антропометрией занимаются в основном экономические историки, обученные на экономических факультетах университетов работе со статистическими данными с помощью математических методов. В России у экономистов ретроспективные исследования широкого распространения в принципе не получили – они сосредоточены на современности, а историки анализу статистических данных с помощью математических методов системно не обучались, лишь эпизодически с ними знакомились. В результате в России историческая антропометрия нашла родной дом не у историков и экономистов, а у ауксологов. Но благосостояние населения – проблема комплексная и междисциплинарная, исследовать ее целесообразно различными методами, всесторонне и системно, опираясь на самые разнообразные источники. Коалиция историков, экономистов, исторических социологов и ауксологов лежит в тренде современной науки, и она, несомненно, может помочь решению проблемы. Было бы недальновидно этим не воспользоваться.

Поступила в редакцию / Submitted: 24.08.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.04.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 4.06.2025

References

- Baranov, A.A., Kuchma, V.R., eds. “Longitudinal’nye issledovaniia fizicheskogo razvitiia shkol’nikov g. Moskvy (1960-e, 1980-e, 2000-e gody) [Longitudinal Studies of Physical Development of Schoolchildren in Moscow (1960s, 1980s, 2000s].” In *Fizicheskoe razvitie detei i podrostkov Rossiiskoi Federatsii: sbornik materialov* [Physical Development of Children and Adolescents of the Russian Federation: Collection of Materials], issue 6, 32–43. Moscow: Pediatr Publ., 2013 (in Russian).
- Baten, J. “Economics, Human Biology and Inequality: A Review of ‘Puzzles’ and Recent Contributions from a Deatonian Perspective.” *Economics and Human Biology* 25, no. 1 (2017): 3–8, <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2016.10.012>
- Baten, J., and Blum M. “Height.” *Clio Infra*, accessed August 1, 2024, <http://hdl.handle.net/10622/IAEKLA>
- Bogomolova, E. S., Matveeva, N. A., et al. “Regional’nyi monitoring rosta i razvitiia shkol’nikov g. Nizhnego Novgoroda: opyt i perspektivy [Regional Monitoring of Growth and Development of Schoolchildren in Nizhny Novgorod: Experience and Prospects].” In *Fizicheskoe razvitie detei i podrostkov Rossiiskoi Federatsii: sbornik materialov* [Physical Development of Children and Adolescents of the Russian Federation: Collection of Materials], issue 6, 48–49. Moscow: Pediatr Publ., 2013 (in Russian).
- Brainerd, E. “Reassessing the Standard of Living in the Soviet Union: An Analysis Using Archival and Anthropometric Data.” *The Journal of Economic History* 70, no. 1 (2010): 83–117, <https://doi.org/10.1017/s0022050710000069>

- Bunak, V.V. “Ob uvelichenii rosta i uskorenii polovogo sozrevaniia sovremennoi molodezhi v svete sovetских somatologicheskikh issledovaniy [On the Increase in Growth and Acceleration of Puberty in Modern Youth in Light of Soviet Somatological Studies].” *Voprosy antropologii*, no. 28 (1968): 53–54 (in Russian).
- Bunak, V.V. “Ob izmenenii rosta muzhskogo naseleniia za 50 let [On the Change in Male Population Growth over 50 Years].” *Antropologicheskii zhurnal*, no. 1 (1932): 24–53 (in Russian).
- Bunak, V.V. *Proiskhozhdenie i etnicheskaia istoriia russkogo naroda: po antropologicheskim dannym* [Origin and Ethnic History of the Russian People: According to Anthropological Data], vol. 88. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Deryabin, V.E., and Purundzhan A.L. *Geograficheskie osobennosti stroeniia tela naseleniia SSSR* [Geographical Features of the Body Structure of the Population of the USSR], 130–132. Moscow: Moscow University Press, 1990 (in Russian).
- Fedotova, T.K., and Gorbacheva, A.K. “Mnogoletniaia dinamika somaticheskikh pokazatelei novorozhdennykh i grudnykh detei Rossii (metaanaliz) [Long-term Dynamics of Somatic Indicators of Newborns and Infants in Russia (Meta-analysis)].” In *Fizicheskoe razvitie detei i podrostkov Rossiiskoi Federatsii: sbornik materialov* [Physical Development of Children and Adolescents of the Russian Federation: Collection of Materials], issue 7, 13–22. Moscow: Litterra, 2019 (in Russian).
- Fedotova, T. K., and Gorbacheva, A.K. “Secular Dynamics of Body Height and Weight in Russian Children Aged 0–17.” *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 47, no. 3 (2019): 145–157, <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.3.145-157> (in Russian).
- Godina, E. Z. “‘Historical Anthropometry’ and its Lessons].” *Herald of Anthropology* 24, no. 2 (2013): 88–94 (in Russian).
- Godina, E.Z., and Khomyakova, I.A. “Osobennosti rostovykh protsessov u sovremennykh shkol’nikov Moskvy [Features of Growth Processes in Modern Schoolchildren of Moscow].” In *Fizicheskoe razvitie detei i podrostkov Rossiiskoi Federatsii: sbornik materialov* [Physical Development of Children and Adolescents of the Russian Federation: Collection of Materials], issue 7, 22–35. Moscow: Litterra, 2019 (in Russian).
- Grasgruber, P., Cacek, J., Kalina, T., and Sebera, M. “The Role of Nutrition and Genetics as Key Determinants of the Positive Height Trend.” *Economics and Human Biology*, 15 (2014): 81–100, <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2014.07.002>
- Grigorieva, M.A. “Dynamics of Height, Weight and Body Mass Index of Real Generations of Russian People Aged 18–34 in 1810–1995.” *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 3 (2015): 198–202 (in Russian).
- Khafizova, A.A. “Antropologicheskie aspekty vliianiia sotsial’no-ekonomicheskikh faktorov na sekuliarnye izmeneniia razмеров tela sovremennoi molodezhi (nachalo XX–XXI v.) [Anthropological Aspects of the Influence of Socio-Economic Factors on Secular Changes in Body Size of Modern Youth (Early 20th – 21st Centuries)].” Doctor diss., Lomonosov Moscow State University, 2022 (in Russian).
- Khafizova, A.A., and Negasheva, M.A. “Secular changes in adult human height of men and women in different regions of Russia since the end of the 19th to the beginning of the 21st century.” *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 2 (2020): 55–73, <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.055-073> (in Russian).
- Komlos, D. “Biologicheskii uroven’ zhizni i sovremennyi tip ekonomicheskogo rosta” Biological Standard of Living and the Modern Type of Economic Growth].” In *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2001* [Economic History: Yearbook. 2001], 428–440. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).
- Komlos, J., and Lauderdale B. “Underperformance in Affluence: The Remarkable Relative Decline in U.S. Heights in the Second Half of the 20th Century.” *Social Science Quarterly* 88, no. 2. (2007): 283–305, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2007.00458.x>
- Kuchma, V.R., Skoblina, N.A., Milushkina, O.Ju., and Bokareva N.A. “Istoriia izuchenii fizicheskogo razvitiia detei i podrostkov v gigiene (k 50-letiiu vykhoda pervogo sbornika materialov po fizicheskomu razvitiu detei i podrostkov gorodov i sel’skikh mestnostei SSSR) [History of the Study of Physical Development of Children and Adolescents in Hygiene (on the 50th Anniversary of the Publication of the First Collection of Materials on the Physical Development of Children and Adolescents in Cities and Rural Areas of the USSR)].” In *Fizicheskoe razvitie detei i podrostkov*

- Rossiiskoi Federatsii: sbornik materialov* [Physical Development of Children and Adolescents of the Russian Federation: Collection of Materials], issue 6, 9–16. Moscow: Pediatr Publ., 2013 (in Russian).
- Lebedeva, L.S. “About the Factors Influencing the Geographical Differentiation of Body Height among Russian Population.” *Lomonosov Geography Journal*, no. 4 (2019): 24–32 (in Russian).
- Lebedeva, L.S. “Problemy prostranstvenno-vremennoi izmenchivosti definitivnoi dliny tela muzhchin na protiazhenii XIX–XX vv. [Problems of Spatiotemporal Variability of Definitive Body Length of Men During the 19th–20th Centuries].” PhD diss., The Institute of Anthropology and Ethnography RAS, 2024 (in Russian).
- Lebedeva, L.S. “Quality of life: main approaches and the notion structure.” *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4 (2018): 68–80, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.04> (in Russian).
- Lebedeva, L., Groth, D., Hermanussen, M., Scheffler, C., and Godina, E. “The Network Effects on Conscripts’ Height in the Central Provinces of Russian Empire in the Middle of XIXth Century – at the Beginning of XXth Centuries.” *Anthropologischer Anzeiger* 76, no. 5 (2019): 371–377, <https://doi.org/10.1127/anthranz/2019/0984>
- Lebedeva, L., Kucheroва, Yu., and Godina, E. “Cartographic method for studying secular trend in male stature in Russia and neighboring countries in the 19–20th Centuries.” *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 1 (2022): 41–53, <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2022.1.041-053>
- Lebedeva, L., Kucheroва, Yu., and Godina, E. “Secular Changes in Male Body Height in the European Part of Russia during the 20th Century.” *Collegium Antropologicum*, 44 no. 2 (2020): 63–72, <https://doi.org/10.5671/ca.44.2.1>
- Maksimova, T.M., Belov, V.B., and Lushkina, N.P. *Sostoianie zdorov’ia, usloviia zhizni i meditsinskoe obespechenie detei v Rossii* [Health Status, Living Conditions and Medical Care of Children in Russia]. Moscow: PER SE Publ., 2008 (in Russian).
- Mironov, B.N. “Komu na Rusi zhilos’ khorosho [Who lived well in Rus’?].” *Rodina*, no. 7 (2003): 12–16 (in Russian).
- Mironov, B.N. “Antropometricheskaia istoriia Rossii XVIII–XX vekov: teoriia, metodika, istochniki, pervye rezul’taty [Anthropometric History of Russia in the 18th through 20th Centuries: Theory, Methodology, Sources and the primary Results].” In *Proceedings of the Institute of Russian history*, issue 5, 173–205. Moscow: Nauka Publ., 2005 (in Russian).
- Mironov, B.N. “Biological Status of Saint Petersburg Women between 1940–2005: Based on Anthropometric Data of Newborns and their Mothers.” *Universe of Russia*, no. 1 (2007): 99–146 (in Russian).
- Mironov, B.N. “Modernizatsiia imperskoi Rossii i blagosostoyanie naseleniia [Modernization of Imperial Russia and the Welfare of the Population].” *Russian history*, no. 2 (2009): 137–154 (in Russian).
- Mironov, B.N. “Rost i ves rossiian stalinskoi epokhi [Height and Weight of Russians of the Stalin Era].” *Demoscope weekly*, no. 129 (2003), accessed July 27, 2024, <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0129/tema01.php> (in Russian).
- Mironov, B.N. *Blagosostoiianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [Welfare of the Population and Revolutions in Imperial Russia: The 18th – Early 20th Centuries], 2nd ed. Moscow: Ves’ mir Publ., 2012 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Sotsial’naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the imperial period (XVIII – early XX centuries)], 3rd ed., vol. 2, 335–356. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Strasti po revoliutsii: Navy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii* [Passions for the Revolution: Morals in Russian Historiography in the Information Age], 2nd ed. Moscow: Ves’ mir Publ., 2014 (in Russian).
- Moradi, A., and Hirvonen, K. “The African Enigma: The Mystery of tall African Adults despite Low National Incomes Revisited.” In *The Oxford Handbook of Economics and Human Biology*, 669–692. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Negasheva, M.A., Khafizova, A.A., Zimina, S.N., and Sineva, I.M. “Influence of socioeconomic and ecological factors on secular changes in body dimensions in modern young generation (a pilot study of Moscow sample).” *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 2 (2020): 87–107, <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.087-107> (in Russian).

- Negasheva, M.A., Zimina, S.N., Khafizova, A.A., Sirazetdinov, R.E., and Sineva, I.M. “Secular changes in morphotype of modern human (based on anthropometric data from retrospective survey of Moscow youth).” *Herald of Moscow University. Series 16. Biology* 75, no. 1 (2020): 15–22 (in Russian).
- Norkus, Z. “Saving Anthropometric History: A Solution to the ‘Estonian Antebellum Paradox’.” In *Norkus Z. Post-Communist Transformations in Baltic Countries: A Restoration Approach in Comparative Sociology*, 231–245. Springer Cham, 2023.
- Perevoshchikova, N.K., Seliverstov, I.A., Drakina, S.A., and Chernykh, N.S. “The secular Trend of physical Development in modern medical Practice.” *Mother and Baby in Kyzbass*, no. 4 (2021): 4–11. (in Russian).
- Purundzhan, A.L. “Geograficheskaya izmenchivost’ antropometricheskikh priznakov na territorii SSSR [Geographic Variability of Anthropometric Characteristics in the Territory of the USSR].” In *Problemy razmernoi antropologicheskoi standartizatsii dlia konstruirovaniia odezhdy* [Problems of Dimensional Anthropological Standardization for Clothing Design], 100–116. Moscow: Legkaia industriya Publ., 1978 (in Russian).
- Schurov, V.A. “Border Issues Regulation Longitudinal Growth Human Body (Review of Studies).” *International Journal of Applied and fundamental research*, no. 6-1 (2015): 68–72 (in Russian).
- Silventoinen, K., Kaprio, J., Lahelma, E., and Koskenvuo, M. “Relative Effect of Genetic and Environmental Factors on Body Height: Differences across Birth Cohorts among Finnish Men and Women.” *American Journal of Public Health* 90, no. 4 (2000): 627–630, <https://doi.org/10.2105/AJPH.90.4.627>
- Sineva, I.M., Negasheva, M.A., and Popov, Yu.M. Comparative analysis of physical development of students from different cities of Russia. *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 4 (2017): 17–27 (in Russian).
- Sukhanova, L.P. *Perinatal’nye problemy vosпроизводства naseleniia Rossii v perekhodnyi period* [Perinatal Problems of Reproduction of the Population of Russia in the Transition Period], 122. Moscow: Kanon+, 2006 (in Russian).
- Vlastovskii, V.G. *Aktsele ratsiia rosta i razvitiia detei (epokhal’naia i vnutrigruppovaia)* [Acceleration of Growth and Development of Children (Epochal and Intra-group)], 11–38. Moscow: Moscow University Press, 1976 (in Russian).
- Zimina, S.N., Khafizova, A.A., and Negasheva, M.A. “Changes of the main body measurements in the late 20th – early 21st century (based on data published in foreign periodicals for the last 15 years).” *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 1 (2020): 25–38, <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.1.025-038> (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Борис Николаевич Миронов, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; mironov1942@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8559-0019>; SPIN-код: 7919-3929.

Boris Nikolaevich Mironov, Dr. Habil. History, Professor of the Department of Source Studies of Russian History, St Petersburg State University; 5, Mendeleevskaya Line Str., St. Petersburg, 199034, Russia; mironov1942@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8559-0019>; SPIN-code: 7919-3929.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-448-463>

EDN: PNQYKD

Научная статья / Research article

Ссудо-сберегательный инструментарий повышения народного благосостояния в Российской империи в 1870–1880-е гг.

Марина Юрьевна Лачаева

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ lachaeva@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются идейный, целевой и практический аспекты предназначения кредитной кооперации, а также деятельность ее организаторов и участников по борьбе с бедностью и повышением народного благосостояния в 1870–1880-е гг. в условиях вовлечения русских крестьян в новые экономические отношения в ходе проведения реформ и в пореформенный период. Раскрыта роль чиновника особых поручений Министерства финансов В.Н. Хитрово в организации и деятельности ссудо-сберегательных товариществ, долгое время возглавлявшего Санкт-Петербургское отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Императорском Московском обществе сельского хозяйства. Анализируется процесс преодоления сословного характера кредитования деревни и основные направления работы в данном направлении В.Н. Хитрово и его соратников по Санкт-Петербургскому отделению Комитета. Приводятся сведения об организующей роли Комитета в период секретарства в нем В.Н. Хитрово с 1871–1890 гг. в формировании и укреплении нового явления в социально-экономической жизни России – кредитной кооперации.

Ключевые слова: личный кредит, кооперативное движение, аграрный капитализм, промышленные товарищества, народный кредит

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований Императорского палестинского православного общества – Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» FSSF-2023-0009. Руководитель Г.В. Аксёнова.

Для цитирования: Лачаева М.Ю. Ссудо-сберегательный инструментарий повышения народного благосостояния в Российской империи в 1870–1880-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 448–463. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-448-463>

Loan-and-Savings Instruments for Increasing National Welfare in the Russian Empire in the 1870–1880s

Marina Yu. Lachaeva

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

RUDN University, Moscow, Russia

✉ lachaeva@mail.ru

Abstract: The author examines the ideological, target and practical aspects of the purpose of credit cooperation, as well as the activities of its organizers and participants in the fight against poverty and increasing national welfare in the 1870–1880s. This study is in the context of the involvement of Russian peasants in new economic relations during the reforms and in the post-reform period. In their text, the author reveals the role of V.N. Khitrovo, the official for special missions of the Ministry of Finance in the organization and activities of loan-and-savings partnerships, when headed the St. Petersburg branch of the Committee on rural loan-and-savings and industrial partnerships under the Imperial Moscow Society of Agriculture across a significant period of time. The author analyzes the process of overcoming the class character of lending to villages, and the main areas of work in this direction by V.N. Khitrovo and his associates in the St. Petersburg branch of the Committee. The author provided information on the organizing role of the Committee during the period of V.N. Khitrovo's secretarial duties in it from 1871 to 1890 and in the formation and strengthening of credit cooperation, a new phenomenon in the socio-economic life of Russia.

Keywords: personal credit, cooperative movement, agrarian capitalism, industrial partnerships, people's credit

Conflicts of interest: The author declare no conflicts of interest.

Funding: The article was written within the framework of the implementation of the Fundamental Scientific Research Program of the Imperial Palestine Orthodox Society – the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the direction of “Russia and the Middle East: historical, political, archaeological and cultural contacts and connections” FSSF-2023-0009. Supervised by G.V. Aksenova.

For citation: Lachaeva, M.Yu. “Loan-and-Savings Instruments for Increasing National Welfare in the Russian Empire in the 1870–1880s.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 448–463 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-448-463>

Введение

Актуальность. Создание кредитной кооперации в Российской империи как всеобщей формы финансирования деревни относится к 1870-м гг., а ее последующее развитие и возможность делать выводы о полученных практических результатах в жизнеобеспечении крестьянства появляется к 1880-м годам. Ссудо-сберегательные товарищества (далее – ССТ) и кассы стали ценной формой предоставления кооперативного кредита и упорядочения, а следовательно, стабилизации хозяйственной жизни в основном сельскохозяйственном секторе экономики в пореформенные годы. Они являлись частью форм кредитной деятельности в стране и показали свою пользу при реализации давно назревших преобразований, к проведению которых, несмотря на все трудности внедрения в хозяйственную жизнь кооперативного кредита, обратились после отмены крепостного права выдающиеся отечественные умы. Особый интерес в контексте биографической истории и в связи с исследованием темы повышения народного благосостояния в дореволюционной России, представляет обращение к личности Василия Николаевича Хитрово (1834–1903), который внес заметный вклад в теоретическое осмысление кредитной кооперации и организации ее практической деятельности. В 1870–1880-е гг. он был одной из ключевых фигур российского кооперативного движения, одним из основоположников отечественной

кредитной кооперации. Будучи в эти годы секретарем Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Императорском Московском обществе сельского хозяйства (далее – КСССиПТ), В.Н. Хитрово в 1888 г. избирается исполняющим обязанности председателя этой организации. На этой должности он находился до апреля 1891 г., после чего передал дела П.А. Соколовскому¹.

Степень изученности проблемы. Интерес к истории создания и функционирования системы доступного, народного, преимущественно личного кредита в годы Великих реформ и в пореформенное время сформировался у исследователей уже в дореволюционный период. В литературе было показано развитие краткосрочного кредита, определены его основные этапы и региональные особенности, их содержание; уделено внимание роли КСССиПТ в развитии краткосрочного кредита. Основные претензии современников высказывались к «волостному начальству» и его злоупотреблениям, раздаче ссуд «часто в ущерб общественных интересов» по их усмотрению, а также запущенности дел и «скудности сведений» о них². О негативном опыте сословных «крестьянских банков при волостных правлениях» писали соратники В.Н. Хитрово – В.Ф. Лугинин и А.В. Яковлев³. В.Ю. Скалон отмечал, что «потребность в кредите» ощущалась в те годы «весьма сильно», поэтому крестьяне вынуждены были прибегать к помощи ростовщиков, «платя неимоверные проценты», «доходя до полного разорения» путем займов⁴. Он писал о тяготении крестьян среднего достатка, которые составляли в основном ссудо-сберегательные товарищества, к долгосрочному кредитованию⁵. Вследствие названных недостатков Министерству государственных имуществ не удалось оградить крестьянские хозяйства от разорения, улучшить их экономическое состояние и поднять доходность, то есть достичь цели, к которой власти стремились, создавая волостные кассы.

Особое место в дореволюционной историографии, подводившей итоги начальному этапу работы кредитной кооперации в России в 1870–1880-х гг., принадлежит обобщающим трудам П.А. Соколовского (1847–1906)⁶.

В начале 1888 г. В.Н. Хитрово и его коллеги по КСССиПТ⁷ предложили П.А. Соколовскому, который служил библиотекарем в Публичной библиотеке (1872–1906), проанализировать процесс внедрения в отечественное крестьянское хозяйство мелкого кредита. Речь шла о составлении им обзора постановлений земских собраний об устройстве ссудо-сберегательных товариществ, а также высказанных по этому предмету «мнений и предположений», «земскими управами и отдельными гласными»⁸. Исследование П.А. Соколовского под названием «Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ» вышло в 1890 г. Оно по существу

¹ Дударев М.И. В.Н. Хитрово – «человек кабинета» // Кооперация. Страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. М., 2001. Т. 1. Кн. 2, Ч. 2. С. 34–35.

² Соколовский П.А. Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ. СПб., 1890. С. 47.

³ Лугинин В.Ф., Яковлев А.В. Сельские ссудные товарищества (их устройство и значение) // Творцы кооперации. Сборник. М., 1991. С. 136–140.

⁴ Скалон В.Ю. Крестьянские кредитные учреждения Московской губернии // Вестник Европы. Апрель 1877. Т. 2. Кн. 4. С. 571.

⁵ Там же. С. 583–586.

⁶ Соколовский П.А. Ссудо-сберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889; Соколовский П.А. Деятельность земства...; Грин Ц.И. Павел Соколовский – историк, библиотечарь, библиограф // Историко-библиографические исследования. Л., 1990. С. 392–393. EDN: YPOPHM

⁷ Помимо В.Н. Хитрово предложение П.А. Соколовскому о написании обзора поддержали А.В. Яковлев, В.Ю. Скалон, Ф.Л. Барыков, И.С. Иващенко и др. члены КСССиПТ. См.: Соколовский П.А. Деятельность земства... С. 2.

⁸ Соколовский П.А. Деятельность земства... С. 2.

подводило итоги деятельности В.Н. Хитрово в качестве секретаря КСССиПТ в российской кредитной кооперации и опиралось на источники, в том числе и предоставленные автору самим В.Н. Хитрово.

Собранная В.Н. Хитрово в 1870-е – 1880-е гг. и затем систематизированная П.А. Соколовским статистика роста численности ссудо-сберегательных товариществ и касс, а также показателей их деятельности характеризуют динамику и тенденции нового дела в России. В конце 1860-х – первой половине 1870-х гг., по мнению П.А. Соколовского, «устройство ссудо-сберегательных товариществ признавалось мерой к улучшению крестьянских хозяйств для воспрепятствования развитию кулачества» и ликвидации ростовщиков и спекулянтов⁹. Он считал, что крестьяне понимали «невыгоды» сложившегося порядка с волостными кассами¹⁰.

Смена поколений членов КСССиПТ в конце XIX – начале XX в. внесла изменения в освещение темы. В работах авторов, родившихся в нач. 1870-х гг., колыбельный период русской кредитной кооперации (1870-х – 1880-х) рассматривался кратко, не анализировалась деятельность В.Н. Хитрово на ниве кооперативного кредита. В поле зрения авторов (С.В. Бородаевского, С.Н. Прокоповича, В.В. Морачевского, М.Л. Хейсина, С.Л. Маслова, А.В. Меркулова, А.Е. Кулыжного, В.Ф. Тотомианца)¹¹ находился, главным образом период начала XX в. Проблемная историография первого десятилетия советского периода представлена работами М.Л. Хейсина¹², Б.Р. Фроммета¹³, А.В. Меркулова¹⁴. В середине 1960-х – 1980-х гг. тему разрабатывали В.А. Вдовин¹⁵ и Д.Е. Файн¹⁶. Состояние народного богатства и народного накопления в предреволюционной России рассматривалось в 1960-е гг. А.Л. Вайнштейном¹⁷.

Особый интерес историки, экономисты и юристы проявили к проблемам кооперативного кредита в конце XX – начале XXI в. Следует выделить фундаментальные публикации Б.И. Подколзина, М.И. Дударева, Н.К. Фигуровской, А.В. Соколовского и др.¹⁸

⁹ Соколовский П.А. Деятельность земства... С. 45–46, 48.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Бородаевский С.В. Ссудо-сберегательные и кредитные товарищества. СПб., 1906; Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. СПб., 1903; Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913; Прокопович С.Н. Кооперативная организация мелкого кредита. М., 1919; Хейсин М.Л. Исторический очерк кредитной кооперации в России. Пг., 1917; Мораческий В.В. Сельскохозяйственный кредит в России. СПб., 1910; Кулыжный А.Е. Где крестьянину достать, за небольшой процент, денег для улучшения и оборота в хозяйстве? (Кредитные товарищества в деревне). М., 1907; Кулыжный А.Е. Деревенская кооперация. М., 1911; Тотомианц В.Ф. Кооперация в русской деревне. М., 1912.

¹² Хейсин М.Л. История кооперации в России: все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Л., 1926.

¹³ Фроммет Б.Р. Социализм и кооперация на Западе. Пг., 1918.

¹⁴ Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918.

¹⁵ Вдовин В.А. Создание сельских ссудно-сберегательных товариществ в России // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1964. № 2. С. 32–49.

¹⁶ Файн Д.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002.

¹⁷ Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960.

¹⁸ Кооперация. Страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. М., 2001; Соколовский А.В. Кооперативный кредит в России в конце XIX – начале XX века. Автореферат дис. ... доктора исторических наук. Иваново, 2007. EDN: NOXRMP; Соколовский А.В. Кооперативный кредит в России в конце XIX – начале XX века. Иваново, 2004; Васильев Я.А. Дореформенные сельские сословные учреждения мелкого кредита Новгородской губернии // Новгородский исторический сборник. 2017. № 17. С. 129–146. EDN: BNZVGP; Кевбрина О.Б., Тарасов А.А. К вопросу о зарождении и становлении кредитной кооперации России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Российского университета кооперации. Научно-теоретический журнал. 2017. № 2. С. 33–38. EDN: ZBVBHT; Коновалов И.Н. Зарождение кооперативного движения в российской

В работах А.П. Корелина исследовалась история развития мелкого крестьянского кредита¹⁹.

Специальное внимание современные авторы уделяют также освещению роли В.Н. Хитрово в развитии российского кооперативного движения²⁰.

Цель исследования – определить понимание предназначения кредитной кооперации ее учредителями в России, прежде всего секретарем КСССиПТ В.Н. Хитрово, и создания действенной модели функционирования ссудо-сберегательных касс в России в 1870-е – 1880-е гг. для повышения благосостояния основного населения тружеников страны – крестьян.

Источниковую базу составили дореволюционная публицистика, делопроизводственные материалы, документы личного происхождения (прежде всего воспоминания В.Н. Хитрово, составленная им отчетная документация, доклады научным обществам).

Создание Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в целях реализации идеи «народного кредита»

Неурожай в Нечерноземье 1867–1868 гг. обусловил необходимость оказания адресной помощи крестьянству и обратил внимание созданных в результате реформы 1864 г. земств на идею организации всесословного кредитного учреждения. Так, в 1868 г. губернское собрание Тверского земства «избрало особую комиссию для исследования положения уездов, пострадавших от неурожая, и изыскания средств помощи населению»²¹. После изучения вопроса был сделан вывод о необходимости предоставления крестьянам «необременительного кредита» в качестве помощи для учреждения ссудных товариществ. В оказании кредита «крестьянскому земледельческому населению» современники видели вопрос большой важности. Об этом говорил председатель Тверского губернского земства кн. Б.В. Мещерский²².

В ссудо-сберегательных товариществах их создателям виделись учреждения мелкого кредита, предназначенные для осуществления краткосрочного кредитования крестьян, ремесленников и мелких торговцев. В качестве основы деятельности ССТ должен был стать паевой капитал, вносимый его членами.

деревне в 60-е–70-е годы XIX века // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 441–444. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-4-441-444> EDN: YRZFAI; Новикова Ю.О. Организационно-правовые основы и результаты деятельности Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в России конца XIX – начала XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1. С. 25–35. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-161-25-35> EDN: CNKVSE

¹⁹ Корелин А.П. Мелкий крестьянский кредит и его роль в развитии аграрного капитализма в России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1989. № 4. С. 53–70; Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. EDN: QBREIN; Корелин А.П. Мелкий кредит // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 311–313.

²⁰ Дударев М.И. В.Н. Хитрово – «человек кабинета». С. 9–35; Лачаева М.Ю. В.Н. Хитрово – деятель российской кооперации // Православный Палестинский сборник. 2023. № 122. С. 121–128. EDN: QTNCJU; Аксенова Г.В. Василий Николаевич Хитрово: особенности службы в Морском министерстве под началом Великого князя Константина Николаевича в 1856–1863 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 83–95. <https://doi.org/10.10.22363/2312-8674-2025-24-1-84-96> EDN: ENZKMM

²¹ Там же. С. 90.

²² Кн. Борис Васильевич Мещерский (1818–1884) был первым председателем Тверской губернской земской управы с 1866 г.

С целью консолидации русских деятелей, заинтересованных в улучшении положения ведущей отрасли хозяйства в России – сельской, в конце 1871 г. при Императорском Московском обществе сельского хозяйства создается Санкт-Петербургское отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в качестве организующего центра, предназначенного для регулярного содействия новой форме доступного сельского кредита.

Эта модель выстраивалась на иной основе, противостоявшей сословной системе дореформенных сельских кредитных учреждений, которая находилась к концу 1860-х гг. в глубоком кризисе и не удовлетворяла потребности в кредите сельского населения.

Начало новому масштабному делу создания в Российской империи системы сельских ссудо-сберегательных товариществ положили четыре человека – кн. А.И. Васильчиков, А.В. Яковлев, В.Н. Хитрово и Н.Ф. Фан-дер-Флит. Двое последних на тот момент были чиновниками Министерства финансов²³.

22 октября 1870 г. в петербургской квартире князя А.И. Васильчикова на Литейном проспекте собрались сам князь, А.В. Яковлев, В.Н. Хитрово и Н.Ф. Фан-дер-Флит, которые приняли решение предложить Всероссийскому съезду сельских хозяев в Москве, намечавшемуся на декабрь 1870 г., обсудить доклад А.В. Яковлева и кн. А.И. Васильчикова о ссудо-сберегательных товариществах²⁴.

30 декабря 1871 г. в первом заседании КСССиПТ, состоявшемся также на квартире кн. А.И. Васильчикова, участвовали уже семь человек. Помимо выше названных пригласили Н.В. Верещагина, З.Н. Мухортова и И.А. Брылкина. Секретарем тогда избрали А.В. Яковлева, однако спустя четыре месяца (11 мая 1872 г.) в связи с его отъездом из Петербурга секретарем КСССиПТ стал В.Н. Хитрово.

Мотивационным целеполаганием, лежавшим в основании тенденции роста численности новых членов КСССиПТ в 1870–1880-е гг., являлась идея создания и развития «народного кредита». В состав КСССиПТ входили люди, размышлявшие о перспективах улучшения социально-экономической жизни страны, обеспечения благосостояния великорусского крестьянства. В этой связи они боролись за устройство народного, то есть общедоступного и преимущественно личного, кредита, осознавая вместе с тем трудности выполнения данной задачи.

В 1870-е гг. члены КСССиПТ разрабатывали механизм создания и совершенствования системы кооперативного мелкого кредита и его предоставления населению ссудо-сберегательными товариществами и кассами. В их числе были представители образованного дворянства и титулованной знати (кн. А.И. Васильчиков, А.В. Яковлев, Н.П. Колупанов, В.Ф. Лугинин, Н.В. Верещагин, граф П.И. Коновницын, барон П.Л. Корф, кн. В.В. Оболенский, кн. П.Н. Туркестанов и др.); чиновничества с опытом государственной службы и решения финансовых задач (В.Н. Хитрово, Н.Ф. Фан-дер-Флит, В.Ю. Скалон, Ф.Г. Тернер, П.Х. Шванебах и др.); ученые, размышлявшие о путях гармонизации социальных отношений в России (И.К. Бабст, А.И. Чупров, А.Г. Небольсин, Э.Р. Вреден, Ю.Э. Янсон) и др.

Согласно «Списку членов КСССиПТ», включенному в «X Отчет», опубликованный в 1885 г., их число составляло на тот момент 84 человека²⁵ (в 1878 г. был

²³ Лачаева М.Ю. В.Н. Хитрово – деятель российской кооперации // Православный Палестинский сборник. 2023. № 122. С. 121–128. EDN: QTNCJU

²⁴ Дударев М.И. В.Н. Хитрово – «человек кабинета». С. 15.

²⁵ Десятый Отчет Комитета о сельских, ссудо-сберегательных и промышленных товариществах издан под редакцией В.Н. Хитрово, Секретаря Санкт-Петербургского Отделения Комитета. СПб., 1885. С. 1–3.

71 чел.²⁶). В состав Комитета входили как обладавшие обширными теоретическими знаниями специалисты, так и знатоки народной жизни – земские деятели, имевшие опыт практической работы в деревне. Вспоминая начальный период деятельности КСССиПТ, преемник В.Н. Хитрово на посту секретаря в этой организации П.А. Соколовский писал, что «ввиду несовершенства научной разработки теории личного кредита, опыт еще долгое время, вероятно, будет главным руководителем при решении этого вопроса». По его мнению, успешность дела зависела «столько же от энергии инициаторов и последовательности проведения этих положений в жизнь, сколько и от степени соответствия как самих начал, так и принятого способа их проведения с уровнем развития данной среды (крестьянской. – *М.Л.*), с ее нравственными понятиями, родом занятий, установившимися отношениями и вообще со всем строем жизни»²⁷. В данном рассуждении проявилось единомыслие секретарей КСССиПТ – В.Н. Хитрово и П.А. Соколовского благодаря тому влиянию, которое оказал на последнего Владимир Николаевич.

У членов КСССиПТ нашла понимание распространенная за рубежом и вводившаяся в России форма реализации идеи «народного кредита» в виде ссудо-сберегательных товариществ. Русские экономисты, государственные и общественные деятели осознавали необходимость обеспечения «потребности народа в кредите». На тот момент апробированная в Германии и Великобритании²⁸ кредитная кооперация и разновидности ее ссудо-сберегательной формы организации были известны в России. Отечественные сторонники ее создания и развития в России внимательно изучали зарубежный опыт, размышляя о путях совершенствования социальных отношений и повышении эффективности механизмов хозяйственного развития.

Одновременно они анализировали первый отечественный опыт создания русской кредитной кооперации братьев Лугининых, открытой в селе Рождественское (Дороватово) Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии 1 августа 1866 г.

Управляющий имением Лугининых Н.П. Колюпанов вместе с братьями-хозяевами имения еще до создания общества побывал в Германии, где они познакомились с устройством ссудных товариществ²⁹. Определялись конкретные финансовые «размеры» удовлетворения хозяйственных потребностей русского крестьянства, шел поиск форм, способов и условий предоставления кредитов с учетом возврата (в перспективе) вложенных средств. В числе очевидных трудностей нового дела были требования к создателям доступного народного кредита: помимо знания местных условий, от них требовались специальные знания и образование, что, по свидетельству современников, «вдали от центров» можно было встретить «в виде редкого исключения»³⁰.

На факты, свидетельствовавшие о готовности земской общественности работать в направлении создания ССТ, в первой половине 1870-х гг. обращалось особое внимание. По данным В.Н. Хитрово и П.А. Соколовского, Вологодское земство «одно из первых в России приступило к устройству кредитных учреждений для народа»³¹.

²⁶ Пятый Отчет Комитета о сельских, ссудо-сберегательных и промышленных товариществах издан под редакцией В.Н. Хитрово, Секретаря Санкт-Петербургского Отделения Комитета. СПб., 1878. С. 1–3.

²⁷ Соколовский П.А. Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ. СПб., 1890. С. 1.

²⁸ Хитрово В.Н. Сберегательные кассы в Великобритании. СПб., 1884.

²⁹ Коновалов И.Н. Зарождение кооперативного движения в российской деревне в 60-е – 70-е годы XIX века // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 442.

³⁰ Соколовский П.А. Деятельность... С. 2.

³¹ Там же. С. 49.

Руководители КСССиПТ оказывали помощь в организации и предоставлении кредита крестьянам в Новгородской губернии, в частности, имевший там имение и являвшийся членом земства кн. А.И. Васильчиков. В Псковской губернии ССТ поддерживал Н.Ф. Фан-дер-Флит, который в 1868 г. приобрел у М.А. Назимова имение Быстрецово³² и был избран в состав псковского земства, где, мнению В.Н. Хитрово, «правильнее всего дело» ССТ было устроено. Сам уезд был разделен на девять участков и в каждом имелось ССТ³³.

К 1 декабря 1871 г. в Новгородской губернии действовало 11 ССТ, а к январю 1872 г. – уже 19, что рассматривалось как тенденция возрастания доверия народа к ссудо-сберегательным товариществам³⁴. В 1877 г. в Новгородской губернии работали уже 42 ССТ³⁵. В Московской губернии первое ССТ открылось 1 июля 1871 г. в селе Бояркине Коломенского уезда. В том же году были учреждены еще три товарищества³⁶.

Вклад В.Н. Хитрово в развитие дела кредитной кооперации в России

Огромную роль в реализации ссудо-сберегательных народных программ сыграл В.Н. Хитрово. В качестве секретаря КСССиПТ он принимал непосредственное участие в устройстве, укоренении и развитии системы ссудо-сберегательных товариществ и касс, налаживании функционирования сельского народного кредита в России. Он руководил ведением делопроизводства КСССиПТ, обеспечением отчетности ссудо-сберегательных товариществ, порядка ее предоставления в КСССиПТ для составления годовых отчетов, осуществлял статистическую аналитику собираемых данных.

После смерти 2 (14) октября 1881 г. кн. А.И. Васильчикова В.Н. Хитрово фактически выполнял обязанности руководителя КСССиПТ. Ввиду важности роли В.Н. Хитрово в создании отечественных ССТ представляется актуальным изучение его взглядов на характер практической деятельности отечественной кредитной кооперации, его сопоставительных оценок развития ССТ в России и Германии. В.Н. Хитрово знал и понимал особенности России, подчеркивая, что ее «строй жизни» «так своеобразен, так мало известен на Западе», что, желая, например, говорить о товариществах за границей, ему поневоле приходилось «читать для слушателей целую лекцию о нашем общественном строе»³⁷. В.Н. Хитрово был открыт к изучению зарубежного опыта с целью выявления в нем «наибольшего числа практических указаний», тогда как его зарубежных собеседников интересовало, «как прививаются ссудо-сберегательные товарищества в России»³⁸.

В ходе личных встреч и обсуждений работы русских ссудо-сберегательных товариществ с деятелями зарубежной кооперации, в их числе Германом Шульце-Деличем (1808–1883), или, как писал сам В.Н. Хитрово, «Шульце-Деличем», им уточнялась и собственная позиция. Василий Николаевич опирался на теоретические

³² Кудрявцева О.А. Страницы из жизни Н.Ф. Фан-дер-Флита // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2000. № 12. С. 177.

³³ Сельские ссудо-сберегательные товарищества. Образцовый Устав с приложениями и объяснениями. СПб., 1889. С. 6.

³⁴ Соколовский П.А. Деятельность... С. 10–11.

³⁵ Там же. С. 17.

³⁶ Скалон В.Ю. Крестьянские кредитные учреждения... С. 572.

³⁷ Хитрово В.Н. Шульце-Делич // Кооперация. Страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. М., 2001. Т. 1. Кн. 2, ч. 2. С. 71.

³⁸ Там же.

представления, выработанные им на основании собственной практики создания российской кредитной кооперации, а также практический западноевропейский опыт, включая такие его области, как бухгалтерия.

Кредитная кооперация мыслилась как основа социально-экономического благополучия русского крестьянства и роста его хозяйственной активности. При создании системы финансовой отчетности ССТ В.Н. Хитрово учитывал генеральный принцип «Общего Устава счетного», согласно которому при составлении отчетности следовало руководствоваться принципом единообразия и «сколько можно удобными формами книг и счетов». Особое значение он придавал ответственности лица, распорядившегося «в правильном употреблении вверенного ему капитала» перед своим доверителем³⁹. В.Н. Хитрово подчеркивал, что «заботу каждого такого лица составляет правильная отчетность, которая может существовать только при точном и ясном ведении Бухгалтерии»⁴⁰.

Он писал слово «Бухгалтерия» с прописной буквы, понимая под ней

руководство к ведению денежных книг в таком систематическом порядке, чтоб из них во всякое время можно было обозреть весь ход всякого денежного или другого оборота, не только в общем его составе, но и во всех отдельных частях⁴¹.

Для этого, по мнению В.Н. Хитрово, предстояло обучить крестьян – членов ССТ науке бухгалтерии. В этом направлении КСССиПТ взаимодействовал с земствами и изучал местный опыт. Так, в 1873–1875 гг. управа Вятского губернского земства «выписала около 4 тыс. экземпляров брошюр о сельских ссудо-сберегательных товариществах и артелях для распространения их среди сельского населения»⁴². В некоторых местных учебных заведениях отдельных губерний, в частности Новгородской, детей приучали к новой форме ссудо-сберегательной организации. Там проводились своего рода «ролевые игры», в которых старшим ученикам предлагалось вступать в определенные должности в «правлении» ССТ (председателя, бухгалтера и т.д.) а младшим – становиться рядовыми членами ССТ и наблюдать за деятельностью старших учеников, участвуя в срежиссированном «собрании».

В «Образцовом Уставе сельских ссудо-сберегательных товариществ с приложениями и объяснениями», составленном В.Н. Хитрово, им была сформулирована цель ССТ, которые должны стать

не только кредитным учреждением, но и школою, в которой народ должен научиться точному исполнению своих обязанностей⁴³.

Эта формула была им дополнена христианским принципом «дело не в деле, дело в любви». В.Н. Хитрово разъяснял историко-психологические аспекты налаживания народного кредита, подчеркивая, что «бедняк бедняку рознь». Он писал:

Один забулдыга, мот, одним словом, пропащий человек, другой бедняк от того, что родители ему ничего не оставили или несчастье его постигло, а сам он не успел еще заработать⁴⁴.

³⁹ Хитрово В.Н. О Бухгалтерии, по двойной системе и о введении ее в Комиссариатском департаменте Морского министерства // Морской сборник. 1858. Январь. С. 119.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Соколовский П.А. Деятельность... С. 68.

⁴³ Сельские ссудо-сберегательные товарищества...

⁴⁴ Там же. С. 7.

Анализируя причины неудач товариществ с большими денежными средствами, которые «промаявшись года два или три, закрывались», и, наоборот, «товарищества с небольшими в начале средствами мало по малу росли и процветали», В.Н. Хитрово на основании имевшихся у него данных о более чем 1000 ССТ рекомендовал отказаться «от широкой задачи» и предоставлять ссуды только сельским домохозяевам среднего достатка, которые нуждались в ссуде 5, 100 и самое большее 150 руб.,

которым эти деньги и помогут, и из нужды выручат и, кроме того, может быть еще дадут нажить десяток-другой лишних рублей⁴⁵.

Он повторял, что ССТ «приурочены» не для богатых. Поэтому образцовый устав ССТ непригоден для города,

где свои потребности, свои нужды и для них есть свои банки – акционерные, городские, общественные, наконец, общества взаимного кредита⁴⁶.

Точно также, как городской банк «непригоден в деревне», нежизнеспособно и перенесенное в город ССТ.

В.Н. Хитрово нередко приходилось побуждать товарищества к предоставлению отчетности настоятельными напоминаниями. Тем не менее, судя по статистике 1870–1880-х гг., ССТ в эти годы получили развитие. Во многом оно продвигалось благодаря информационной, аналитической и организационной работе КСССиПТ и энтузиазму на местах. В числе руководителей ССТ были, в частности, сельские учителя, движению помогали и местные священники. Так, помощником В.Ф. Лугина в с. Рождественском был священнослужитель Федор Лужнин⁴⁷. В ряде случаев труд по организации товариществ на себя принимали земцы.

Ввиду недостатка компетентных кадров объективно возрастала роль координирующего, разъясняющего, просветительского и аналитического центра, которым и стал КСССиПТ. Его целью было содействие распространению в России сельских ссудных и промышленных товариществ и их защита (законодательная и организационная). В.Н. Хитрово предупреждал о существовавшей опасности перерождения нового дела в «приснопамятные волостные кассы». Для Василия Николаевича были концептуально равновеликими две функции ссудо-сберегательных товариществ: обеспечение ими крестьян ссудой и сбережение народных средств. Последней функции придавалось особое, воспитательное значение. Надежды на развитие дела вселил проведенный В.Н. Хитрово анализ затрат на управление ССТ, который он определил как «жертвенный» и «благотворительный». Он также выявил готовность служения народу большого числа членов правлений ССТ, 80 % которых составляли крестьяне – люди «далеко не состоятельные», добросовестно работавшие «за более, чем скудное вознаграждение»⁴⁸.

⁴⁵ Сельские ссудо-сберегательные товарищества... С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 6.

⁴⁷ Коновалов И.Н. Зарождение кооперативного движения в российской деревне в 60-е – 70-е годы XIX века // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 442.

⁴⁸ Доклад В.Н. Хитрово о ссудо-сберегательных товариществах в III Отделении Императорского вольно-экономического общества. 2 Ноября 1874 г. СПб., 1874. С. 16–17.

Задачи развития народного кредита в России и поиск путей их решения

КСССиПТ налаживал механизм работы с регионами через взаимодействие с земствами, которые также вели работу по организации народного кредита и устройству ССТ. В 1870-е гг. сложился определенный порядок отношений КСССиПТ с земствами. КСССиПТ направляло в земства важные, по его мнению, документы для организации и функционирования ССТ. Так, в ноябре 1875 г. в Кинешемское земство были отправлены образцовый устав ССТ, правила счетоводства и его образцы, а также доклад кн. А.И. Васильчикова, сделанный им в Московском обществе сельского хозяйства о положении ССТ. Свои рассылки делали и земства. В частности, с целью познакомить крестьян с идеей организации ССТ Нижегородская губернская земская управа сделала рассылку брошюры В.Ф. Лугинина и А.В. Яковлева «Сельские ссудные товарищества (их устройство и значение)» в уездные земские управы губернии, обратив в сопроводительном письме особое внимание на форму кредита. Земства (в частности, Костромская уездная управа) вступали в информационное общение с КСССиПТ и в тех случаях, когда волости не отзывались на их предложение о сотрудничестве в устройстве ССТ⁴⁹. При необходимости получения дополнительных разъяснений о положении дел с ССТ в конкретной губернии руководство КСССиПТ в лице его секретаря В.Н. Хитрово обращалось к губернским статистическим комитетам, которые имели собственные рычаги влияния на земства. В сотрудничестве по созданию и устройству ССТ более активное участие принимали южные земства, затем шли северо-западные, северо-восточные, малороссийские, северные, центрально-промышленные, центрально-земледельческие и, наконец, восточные земства⁵⁰. Эта группировка последовательности степени участия земств в помощи кредитной кооперации была составлена П.А. Соколовским по результатам статистических данных, предоставленных ему для работы над книгой В.Н. Хитрово. Критерием оценки деятельности земств стала средняя сумма выданных ими ссуд ССТ⁵¹.

Систематические исследования о состоянии товариществ и их влиянии на крестьянский быт проводили Новгородское, Саратовское, Смоленское губернские земства и Московское уездное земство, что также учитывалось в отчетности, составленной В.Н. Хитрово. Эти данные имел в виду и П.А. Соколовский.

Следует отметить, что отношение уездных земств к вопросу о народном кредите даже в рамках одной губернии, например, Московской, варьировалось от сдержанного до активного. Наибольшей активностью был отмечен Московский уезд, хотя и его сельским жителям приходилось при необходимости уплаты податей заключать обременительные займы у частных лиц. В тех случаях, когда ССТ в губернии «не прививались», КСССиПТ проявлял настойчивость и вводил в действие доступные ему механизмы воздействия. Так, в 1874 г. В.Н. Хитрово обратился в губернский статистический комитет Владимирской губернии для разъяснения причин отсутствия в данной губернии ССТ и роста недоверия к ним сельского населения⁵². Настойчивость и систематическая работа приносили результаты. В 1874 г. в Тверском земстве было уже 16 ссудо-сберегательных товариществ, причем почти все они представили отчеты в КСССиПТ.

Побудительной причиной к открытию товариществ в числе прочих была «нужда в деньгах на уплату весною податей и отправление повинностей»⁵³. Было заме-

⁴⁹ Доклад В.Н. Хитрово о ссудо-сберегательных товариществах в III Отделении Императорского вольно-экономического общества. 2 Ноября 1874 г. СПб., 1874. С. 122–123.

⁵⁰ Соколовский П.А. Деятельность... С. 325.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 131.

⁵³ Там же. С. 98.

чено, что после учреждения ССТ процент по займам уменьшился вдвое по сравнению с процентами, ранее уплачиваемыми крестьянами частным лицам. Отдельные селяне даже ссужали свои общества деньгами для уплаты податей без процентов. Такие случаи особо отмечались в качестве позитивного проявления коллективного менталитета, исторически выработанного в русской деревне. Развитие ССТ свидетельствовало об усилении тенденции обретения доверия кооперативной форме кредитной помощи населению, причем в некоторых товариществах крестьянские вклады были равны земской субсидии и даже превышали ее. Рост сбережения народных средств фиксировали отчетные материалы⁵⁴. Состояние кредитной кооперации на местах во многом зависело от личных качеств и компетенций того, кто ею руководил, в чьих руках она находилась. Анализ положения конкретных ССТ, проведенный руководством КССиПТ и представителями земств, давал им основание для наблюдений о зависимости хода дела от профессионализма и личных качеств людей, его осуществлявших, их мотивации деятельности, и как следствия – неутешительного вывода о наблюдавшемся кадровом кризисе. Так, например, пока в Весьегонском уезде Тверской губернии в управлении ССТ «находились люди, сочувствовавшие их успеху и принимавшие на себя труд наблюдения за правильным ходом их дел», все шло хорошо. Но затем ситуация коренным образом изменилась.

В 1880-е – начале 1890-х гг. из жизни ушли видные деятели КССиПТ – А.И. Васильчиков (1881), А.И. Кошелев (1883), А.В. Яковлев (1888), Н.П. Колюпанов (1894), экономисты И.К. Бабст (1881), Э.Р. Вреден (1891), Ю.Э. Янсон (1893).

Особенно остро кадровый вопрос стоял в обеспечении управленческого ядра ССТ. Основную опасность представляло его размывание ввиду естественной смерти и возвращения к управлению волостных старшин и писарей, чьи укоренившиеся привычки к злоупотреблениям не исчезли. Найти достойных людей, способных стать во главе дела, или подготовить к управлению ССТ его членов из крестьян, удавалось не всегда, в том числе и земствам. Так, в 1884 г. в уездных земских собраниях Тверской губернии высказывалось мнение, что товарищества «стоят весьма шатко» «за отсутствием лиц, вполне добросовестно посвящающих себя этому делу, а иногда и просто за отсутствием лиц грамотных»⁵⁵. Звучали опасения, что при отдаленности волостей и отсутствии лиц, способных руководить делом, его может постигнуть участь мирских касс, «в которых все капиталы считаются лишь по книгам, в действительности же их нет и собрать не с кого»⁵⁶.

Наиболее активный интерес земств к организации мелкого кредита и ССТ поддерживался до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и учреждения в мае 1882 г. Крестьянского поземельного банка. На изменение позиции земских управ, которые ко второй половине 1880-х гг. усомнились в прочности и достижимости в полном объеме цели ССТ и КССиПТ, повлияли внешние и внутренние трудности.

Тем не менее, спустя десятилетие после основания КССиПТ его целями и основными направлениями работы продолжали оставаться усилия по: а) составлению и утверждению «в установленном порядке нормального положения»⁵⁷ для ссудных товариществ»; б) содействию учреждения ссудных и промышленных товариществ, помощи в составлении уставов товариществ и ходатайству перед правительством

⁵⁴ Соколовский П.А. Деятельность... С. 100.

⁵⁵ Там же. С. 103.

⁵⁶ Там же. С. 119.

⁵⁷ Термин «нормальный» («образцовый») устав или «нормальное» положение означал рекомендованные правительством уставные и программные документы, согласование и утверждение которых разрешалось правительством упрощенным порядком.

по утверждению уставных документов товариществ; в) сбору и распространению сведений о существовавших на тот момент товариществах; содействию в установлении правильных понятий о ссудных и промышленных товариществах, а также распространению и изданию популярных сочинений по данному предмету и разработке возникавших в процессе текущей деятельности товариществ вопросов.

В.Н. Хитрово был согласен с тем, что ССТ «золотого века не создадут» и универсальным средством не являются. Он подчеркивал, что «для народного кредита» помимо ССТ «нужно сделать еще весьма и весьма многое», но при этом не считал возможным отвергать «ни той роли, какую ССТ должны играть в деле народного кредита, ни той пользы, какую они уже принесли»⁵⁸.

Заключение

Важной задачей, которую решили представители Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Императорском Московском обществе сельского хозяйства и земств в 1870–1880-е гг., было создание в Российской империи сети сельских кредитных учреждений, которым, согласно Образцовому уставу, придавался статус всеобщих, в отличие от ранее существовавших сословных кредитных учреждений. Деятели кредитной кооперации прекрасно сознавали, что главным фактором успеха их дела является доверие народа и старались его завоевать. Ссудо-сберегательные товарищества оказались наиболее подходящей формой кредитной организации для крестьян среднего достатка. Проблемой оставалась недоступность предоставления кредита беднейшей части сельского населения.

Важную роль в работе Комитета и Ссудо-сберегательных товариществ сыграл В.Н. Хитрово, который занимался сбором и анализом данных о деятельности ССТ. Формирующаяся статистика, своды отчетов ССТ, которые готовились под его руководством и им же издавались, личные наблюдения позволяли ученому-практику судить о том, насколько прививалась населению новая форма кредита и как на нее, в свою очередь, влияли бытовые условия жизни русского крестьянства.

Учреждение ССТ было сопряжено с трудностями, прежде всего, преодолением недоверия крестьян к новой форме кооперативного кредитования. Его истоки В.Н. Хитрово видели в практике волостных старшин, долгие годы распоряжавшихся мирскими средствами и имевшими репутацию их растратчиков. Выполняя функции секретаря КСССиПТ, В.Н. Хитрово оставался рыцарем кредитной кооперации в России, преданным идее социальной справедливости и защищавшим ее существование от недоброжелательной критики. 25-летие деятельности КСССиПТ – юбилей, отмечавшийся в 1897 г., стал лучшим подтверждением его правоты. Все эти годы В.Н. Хитрово собирал личную библиотеку по народному кредиту, которую пожертвовал КСССиПТ.

Во второй половине 1870-х гг. на фоне осознания недостатков в работе Ссудо-сберегательных товариществ, основанного на опыте и практике реальной жизни, приходит понимание важности продолжения развития кооперации. Практика показала необходимость налаживания обсуждения возникающих вопросов между руководителями ССТ, обмена опытом между ними, для чего созывались съезды представителей товариществ. В пореформенных условиях обеспечение крестьянства

⁵⁸ Доклад В.Н. Хитрово о ссудо-сберегательных товариществах в III Отделении Императорского вольно-экономического общества. 2 Ноября 1874 г. СПб., 1874. С. 20.

доступным мелким кредитом представлялось важнейшим делом, необходимым для решения неотложных задач русской деревни, создания механизма сбережения народных средств, предохранявшего крестьянское хозяйство от разорения. В данном контексте ССТ и кассы рассматривались в качестве действенного механизма проводимых в стране реформ.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 6.05.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2025

References

- Aksenova, G.V. “Vasily Nikolaevich Khitrovo: Peculiarities of Service in the Naval Ministry in 1856–1863 under the Command of Grand Duke Konstantin Nikolaevich.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (2025): 83–95 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-84-96>
- Borodaevsky, S.V. *Ssudo-sberegatelnyie i kreditnye tovarishchestva* [Savings and Loan and Credit Partnerships]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoie otdeleniie Komiteta o selskokhozyaistvennykh ssudo-sberegatelnykh i promyshlennykh tovarishchestvakh Publ., 1906 (in Russian).
- Doklad V.N. Khitrovo o ssudo-sberegatelnykh tovarishchestvakh v III Otdelenii Imperatorskogo volno-ekonomicheskogo obshchestva. 2 Noiabria 1874 g.* [Report by V.N. Khitrovo on loan and savings partnerships in the III Section of the Imperial Free Economic Society. November 2, 1874]. St. Petersburg: Tipografiia Maikova Publ., 1874 (in Russian).
- Dudarev, M.I. “V.N. Khitrovo – ‘chelovek kabineta’ [V.N. Khitrovo – ‘the man of the office’].” In *Kooperatsiia. Stranitsy istorii. Izbrannye trudy rossiiskikh ekonomistov, obshchestvennykh deiatelei, kooperatorov-praktikov*, 9–35. Moscow: Nauka Publ., 2001 (in Russian).
- Fayn, D.Ye. *Rossiiskaia kooperatsiia: istoriko-teoreticheskii ocherk. 1861–1930* [Russian cooperation: historical and theoretical essay. 1861–1930]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2002 (in Russian).
- Frommet, B.R. *Sotsializm i kooperatsiia na Zapade* [Socialism and Cooperation in the West]. Petrograd: Misl Publ., 1918 (in Russian).
- Grin, Ts.I. “Pavel Sokolovskii – istorik, bibliotekar, bibliograf [Pavel Sokolovsky – historian, librarian, bibliographer].” In *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniia*, 392–393. Leningrad: GPB Publ., 1990 (in Russian).
- Khitrovo, V.N. *O Bukhgalterii, po dvoimoi sisteme i o vvedenii eie v Komissariatskom departamente Morskogo ministerstva* [On Accounting, on the Double System and on its Introduction in the Commissariat Department of the Naval Ministry]. *Morskoi sbornik* (January, 1858): 108–126 (in Russian).
- Khitrovo, V.N. *Sberegatelnye kassy v Velikobritanii* [Savings banks in the UK]. St. Petersburg: tipografiia Gosudarstvennogo banka Publ., 1884 (in Russian).
- Khitrovo, V.N. “Shultse-Delitts [Schulze-Delitz].” In *Kooperatsiia. Stranitsy istorii. Izbrannye trudy rossiiskikh ekonomistov, obshchestvennykh deiatelei, kooperatorov-praktikov*, 56–97. Moscow: Nauka Publ., 2001 (in Russian).
- Kheysin, M.L. *Istoricheskii ocherk kreditnoi kooperatsii v Rossii* [Historical outline of credit cooperation in Russia]. Petrograd: Misl Publ., 1917 (in Russian).
- Kheysin, M.L. *Istoriia kooperatsii v Rossii: vse vidy kooperatsii s nachala eie sushchestvovaniia do nastoiashchego vremeni* [History of cooperation in Russia: all types of cooperation from the beginning of its existence to the present day]. Leningrad: Vremia Publ., 1926 (in Russian).
- Kevbrina, O.B., and Tarasov, A.A. “On the origin and development of credit cooperation in Russia (the second half of XIX – early XX century).” *Bulletin of the Russian University of Cooperation. Scientific and Theoretical Journal*, no. 2 (2017): 33–38 (in Russian).
- Kononov, I.N. “The Origin of the Cooperative Movement in the Russian Village in the 1860–70s.” *Izvestiia of Saratov University. History. International Relations* 17, no. 4 (2017): 441–444 (in Russian), <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-4-441-444>

- Korelin, A.P. “Melkii krestianskii kredit i iego rol v razvitií agrarnogo kapitalizma v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Small peasant credit and its role in the development of agrarian capitalism in Russia in the late 19th – early 20th century].” *Istoriia SSSR*, no. 4 (1989): 53–70 (in Russian).
- Korelin, A.P. *Kooperatsiia i kooperativnoie dvizhenie v Rossii. 1860–1917 gg.* [Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860–1917.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009 (in Russian).
- Korelin, A.P. “Melkii kredit [Small loan].” In *Petr Arkadievich Stolypin. Entsiklopediia*, 311–313. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Kulyzhny, A.E. *Gde krestianinu dostat, za nebolshoi protsent, deneg dlia uluchsheniia i oborota v khoziaistve? (Kreditnye tovarishchestva v derevne)* [Where can a peasant get money for a small percentage to improve and turn over his farm? (Credit partnerships in the village)]. Moscow: tipografiia torgovogo doma A. Pechkovskii Publ.; P. Bulanzhe i K^o Publ., 1907 (in Russian).
- Kulyzhny, A.E. *Derevenskaia kooperatsiia* [Village cooperation]. Moscow: Posrednik Publ., 1911 (in Russian).
- Kudryavtseva, O.A. “Pages from the life of N.F. Van der Fleet.” *Pskov: Scientific and Practical, Historical and Local History Journal*, no. 12 (2000): 160–185 (in Russian).
- Lachaeva, M.Yu. “V.N. Khitrovo – figure of Russian cooperation.” *Orthodox Palestinian Collection*, no. 122 (2023): 121–128 (in Russian).
- Luginin, V.F., and Yakovlev, A.V. “Selskie ssudnyie tovarishchestva (ikh ustroistvo i znachenii) [Rural loan associations (their structure and significance)].” In *Tvortsy kooperatsii. Sbornik*, 136–140. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1991 (in Russian).
- Merkulov, A.V. *Voprosy kooperativnogo dvizheniia v Rossii* [Issues of the cooperative movement in Russia]. Petrograd: Mysl Publ., 1918 (in Russian).
- Morachesky, V.V. *Selskokhoziaistvennyi kredit v Rossii* [Agricultural credit in Russia]. St. Petersburg: tipografiia V.F. Kirshbauma Publ., 1910, 1910 (in Russian).
- Novikova, Yu.O. “The Organizational and Legal Bases and Results of the Activities of the Committee on Savings and Industrial Partnerships in Russia Late XIX – Early XX Century.” *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (2022): 25–35 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-161-25-35>
- Prokopovich, S.N. *Kooperativnoie dvizhenie v Rossii* [Cooperative movement in Russia]. St. Petersburg: E.D. Kuskova Publ., 1903 (in Russian).
- Prokopovich, S.N. *Kooperativnoie dvizhenie v Rossii, I ego teoriia i praktika* [Cooperative movement in Russia, its theory and practice]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy Publ., 1913 (in Russian).
- Prokopovich, S.N. *Kooperativnaia organizatsiia melkogo kredita* [Small Credit Cooperative Organization]. Moscow: tipo-litografiya N. Zheludkovoy Publ., 1919 (in Russian).
- Skalon, V.Yu. “Krestyanskii kreditnye uchrezhdeniia Moskovskoi gubernii [Peasant credit institutions of the Moscow province].” *Vestnik Evropy* 2, Book 4 (April, 1877): 566–606 (in Russian).
- Sokolovsky, P.A. *Ssudo-sberegatelnye tovarishchestva v Rossii po otyzvam literatury* [Savings and loan partnerships in Russia according to literature reviews]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoie otdeleniie Komiteta o selskokhoziaistvennykh ssudo-sberegatelnykh i promyshlennykh tovarishchestvakh Publ., 1889 (in Russian).
- Sokolovsky, P.A. *Deiatelnost zemstva po ustroistvu ssudo-sberegatelnykh tovarishchestv* [Zemstvo activities in establishing savings and loan associations]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoie otdeleniie Komiteta o selskokhoziaistvennykh ssudo-sberegatelnykh i promyshlennykh tovarishchestvakh Publ., 1890 (in Russian).
- Sokolovsky, A.V. “Cooperative credit in Russia in the late 19th – early 20th centuries.” PhD thesis, Ivanovo State University, 2007 (in Russian).
- Totomians, V.F. *Kooperatsiia v russkoi derevne* [Cooperation in the Russian village]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy Publ., 1912 (in Russian).
- Vaynshteyn, A.L. *Narodnoe bogatstvo i narodnokhoziaistvennoie nakoplenie predrevoliutsionnoi Rossii* [National wealth and national economic accumulation in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Gosstatizdat Publ., 1960 (in Russian).
- Vasiliev, Ya.A. “Pre-reform rural class institutions of small credit in Novgorod province.” *Novgorod Historical Collection*, no. 17 (2017): 129–146 (in Russian).
- Vdovin, V.A. “Creation of rural loan and savings partnerships in Russia.” *Moscow University Bulletin*, no. 2 (1964): 32–49 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Юрьевна Лачаева, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Московский педагогический государственный университет; Россия, 115571, Москва, проспект Вернадского, 88; ведущий научный сотрудник кафедры Истории России, Российский университет дружбы народов; Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; lachaeva@mail.ru; [https:// orcid.org/ 0009-0002-0448-9336](https://orcid.org/0009-0002-0448-9336); SPIN-код: 6364-9648.

Marina Yuryevna Lachaeva, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Russian History, Moscow State Pedagogical University; 88, Prospekt Vernadskogo Av., Moscow, 115571, Russia; Leading Researcher of the Department of Russian History, RUDN University; 6, Miklouho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; lachaeva@mail.ru; [https:// orcid.org/ 0009-0002-0448-9336](https://orcid.org/0009-0002-0448-9336); SPIN-code: 6364-9648.

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА
HISTORY OF SOUTHERN FRONTIER

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-464-477>
EDN: PSDVTQ

Научная статья / Research article

Становление системы среднего профессионального образования в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в.

Нажмиддин Нематович Кадыров

Международный университет Нордик, Ташкент, Республика Узбекистан
Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Республика Узбекистан

✉ n.qodirov@nordicuniversity.org

Аннотация: Рассмотрены становление системы среднего профессионального образования в Туркестанском крае в эпоху первой российской модернизации. Выявлены факторы, с одной стороны, стимулировавшие развитие образования на территории, вошедшей в состав Российского государства, а с другой, – тормозившие подготовку местных специалистов. Прежде всего, учитывается заинтересованность российской администрации в модернизации и инкорпорации региона, одним из инструментов которых становилась образовательная политика. Появление различных предприятий и культурных учреждений в крае также порождало потребность в специалистах, во многом определявших направление его развития. Вместе с тем сохранявшиеся национальные традиции, интересы духовенства, деятельность местных религиозных школ стояли на пути подготовки специалистов, особенно набранных из представителей коренного населения. Источниковая база исследования включает в себя документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, отчеты и обзоры училищ, областей и ведомств генерал-губернаторства, справочные и памятные книжки областных правлений, а также материалы из региональной периодической печати. Выделено несколько этапов создания образовательной системы в Туркестанском крае, определен круг учебных заведений, открытых российскими властями, рассматривает результаты их деятельности. Автор пришел к выводу, что профессиональные учебные заведения, будучи совершенно новым опытом для местного населения, не привлекли заметного внимания коренных народов. Это было связано в том числе с языковым барьером и недостаточной адаптивностью учебных программ к местным условиям. Сказалась и нехватка опытных учителей, а также ограниченность финансирования системы образования. Тем не менее, созданные профессиональные школы, особенно в сфере сельского хозяйства, оказали положительное влияние как на развитие экономики края, так и на подготовку кадров, в которых остро нуждались и власти, и коренное население.

Ключевые слова: джадидизм, новометодные школы, К.П. Кауфман, В.Ф. Ошанин, русские образовательные учреждения в Туркестане, окраинная политика России, колониализм

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кадыров Н.Н. Становление системы среднего профессионального образования в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 464–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-464-477>

© Кадыров Н.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Formation of the Secondary Vocational Education System in the Turkestan Region during the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Qodirov Najmiddin Nematovich

International University Nordic, Tashkent, Republic of Uzbekistan
Tashkent State University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan
✉ n.qodirov@nordicuniversity.org

Abstract: The author examines the formation of the secondary vocational education system in the Turkestan region during the period of the first Russian modernization. They identify factors that, on the one hand, stimulated the development of education in new territory that became part of the Russian state, and, that on the other hand, hindered the training of local specialists. First of all, they take also into account the interest of the Russian administration in the modernization and incorporation of the region, one of the tools of which was educational policy. The emergence of various enterprises and cultural institutions in the region also generated a need for specialists who largely determined the direction of its development. At the same time, the preserved national traditions, interests of the clergy, and activities of local religious schools stood in the way of training specialists, especially those recruited from among the indigenous population. The source base of the study includes documents, stored in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, reports and reviews of schools, regions, and departments of the Governorate General, reference and memorandum books of regional boards, as well as materials from the regional periodical press. The author identifies several stages in the creation of the educational system in the Turkestan region, determines the range of educational institutions, opened by the Russian authorities, and examines the results of their activities. The author comes to the conclusion that professional educational institutions, being a completely new experience for the local population, did not attract significant attention from the indigenous peoples. This was due, among other things, to a language barrier and insufficient adaptation of curricula to local conditions. The shortage of experienced teachers and limited funding for the education system also had a negative impact. Nevertheless, the professional schools that were created, especially in the field of agriculture, had a positive impact both on the development of the region's economy and on the training of personnel that both the authorities and the indigenous population urgently needed.

Keywords: Jadidism, new-method schools, K.P. Kaufman, V.F. Oshanin, Russian educational institutions in Turkestan, Russia's border policy, colonialism

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Qodirov, N.N. "The Formation of the Secondary Vocational Education System in the Turkestan Region during the Second Half of the 19th – Early 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 464–477 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-464-477>

Введение

Актуальность. В результате вхождения в состав Российской империи территории Средней Азии во второй половине XIX в. впервые произошла широко-масштабная встреча ее населения с русской культурой. Она проходила в том числе через новую систему образования, привнесенную российскими властями. Параллельно с этим наметился процесс проникновения в местную культуру «джадидизма», несшего с собой просвещение и прогрессивные формы образования. Вместе с тем в регионе сохранялись и традиционные школы – мактабы и медресе.

Изучение истории развития образовательной системы региона, протекавшей в условиях противостояния модернизации и традиции, представляет собой важную научную проблему.

Тема исследования актуальна еще тем, что социально-политические, экономические и духовные изменения, произошедшие в Туркестане в этот период, оставили

глубокий след в жизни народов региона, сохранив противоречивую память о роли России в его развитии.

Степень изученности темы. Истории деятельности русских образовательных учреждений в регионе посвящено достаточно большое количество работ. Авторами публикаций дореволюционного периода были непосредственные участники исторического процесса, происходившего в Туркестане второй половины XIX – начала XX в. Они оставили богатый фактологический материал, раскрывающий основные направления образовательной политики Российской империи в крае. В их исследованиях подчеркивается цивилизаторская роль русского языка и культуры, отмечаются сложности утверждения светского образования в регионе¹.

В советское время сложилось несколько подходов к политике имперского правительства в образовательной сфере Средней Азии. Одни авторы, исходя из концепции проведения царизмом колониальной политики, подчеркивали чрезмерное стремление администрации ассимилировать народы Туркестана².

Другая группа исследователей, признавая прогрессивную направленность обучения местных народов, отмечала необходимость усиления влияния русской и европейской культур³, положительно оценивала роль русского образования, его «цивилизаторскую миссию»⁴.

Следует отметить также работы авторов, защищавших традиционные формы обучения⁵. Вместе с тем сложилось направление, критиковавшее деятельность традиционной школы⁶.

С середины 1980-х гг. в эпоху «перестройки» появился новый подход к проблеме: деятельность местных просветителей стала предметом специального научного анализа. В научный оборот были введены новые сведения о количестве традиционных школ, что способствовало переоценке их роли в культурном развитии народов Туркестана⁷.

¹ Ильминский Н.И. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на родной язык // Православное обозрение. 1863. № 3. С. 136; Остроумов Н.П. Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях Сыр-Дарьинской линии и Туркестанской области до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства с 1860 по 1867 г. Ташкент, 1881; *Его же*. К истории народного образования в Туркестанском крае. Личные воспоминания. Ташкент, 1895; Очерк развития народного образования в Туркестанском крае / сост. Инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий. Ташкент, 1896; Знаменский П.В. Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае. Казань, 1900. С. 4–5; Граменицкий С.М. К вопросу об инородческом образовании в России. Ташкент, 1908.

² Сафаров Г. Колониальная революция: опыт Туркестана. М., 1921.

³ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

⁴ Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1917). М., 1960; Айтмамбетов Д.О. Дореволюционные школы Киргизии. Фрунзе, 1967; Миртурсунов З.Ф. К истории школ Ферганской долины конца XIX – начала XX в. // Ученые записки Наманганского Педагогического Института. Наманган. 1957. Вып. 2; Билялов Г.М. Развитие народного образования в Хорезме. Ташкент, 1969.

⁵ Шукуров А. Мусульманские школы в Туркестане // Наука и просвещение. 1922. №1. С. 31–35; Билик В. Роль конфессиональной школы в жизни Туркестана // Наука и просвещение. 1922. № 1. С. 27.

⁶ Муминов И.М. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв. Ташкент, 1957; Кары-Ниязов Т.Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана // Избранные труды. В 8-и томах. Ташкент, 1967. Т. 5.

⁷ Рахимов Р. Традиционное начальное школьное обучение детей у народов Средней Азии (конец XIX – начало XX вв.) // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. 43. Памятники традиционной-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л., 1989. С. 109–132. EDN: XAGCYW; Ким П.Г. Вымысел и истина // Литература и искусство Узбекистана. – 1989 год, 29 октябрь; Кондратенко З.П. О состоянии народного образования в Туркестане в конце XIX – начале XX веков // Общественные науки в Узбекистане. 1991. № 3. С. 39; Шарифхужаев М. Из истории развития педагогической мысли и образования в Средней Азии // Социальные науки в Узбекистане. 1991. № 8. С. 2023 и др.

В исследованиях постсоветского периода выделяются два основных направления. К первому принадлежат работы авторов из образовавшихся после распада СССР среднеазиатских государств. Их отличительной чертой при рассмотрении российской образовательной политики в Туркестане стало обращение к колониальной парадигме⁸. Представители второго направления, напротив, подчеркивали социальную значимость и прогрессивность проводившейся имперским правительством образовательной политики в Средней Азии⁹.

Цель исследования – определить особенности становления системы среднего профессионального образования в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв., а также вклад российского правительства в ее развитие.

Источниковая база включает в себя документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. В фондах «Управление Сырдарьинской областью» (Ф. И-17) и «Ташкентская низшая сельскохозяйственная гидротехническая школа первого класса» (Ф. И-65) содержатся документы об обустройстве учебного дела в Сырдарьинской области и деятельности сельскохозяйственной гидротехнической школы. В документах фонда «Управление учебными делами Туркестанского края» (Ф. И-47) встречаются важные сведения о составе правления учебного дела, количестве заведений и их классификация по отраслям и др.

Не менее важные сведения встречаются также в отчетах и обзорах училищ, областей и ведомств генерал-губернаторства.

Важным источником являются справочные и памятные книжки областных правлений, а также периодические издания: «Туркестанские ведомости», «Ташкентская правда», «Туркестанский курьер», «Туркестанское сельское хозяйство» и др.

Формирование образовательной политики Российской империи в Туркестанском крае

С включением территории Туркестана в состав Российской империи перед правительством встала задача организации деятельности предприятий и учреждений, созданных с целью экономического освоения региона. Для ее решения российской

⁸ Абдурахимова Н.А. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1994; Садыков Х.Д. Колониальная политика царизма в Туркестане и борьба за национальную независимость в начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1994; Турсунов Й.Й. Из истории борьбы за независимость узбекских просветителей (1917–1930 гг.): дис. докт. ист. наук. Ташкент, 1995; Худайкулов А. Просветительская деятельность джадидов Туркестана (конец XIX – начала XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1995; Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). Т., 1997; Гаффаров Ш.С. Система образования в Туркестане в период царской тирании. Самарканд, 2001.

⁹ Исмаилова Ж. История части Ташкента «Новый город» во второй половине XIX – начале XX веков. Ташкент, 2004; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 67–96. EDN: YUOLYD; Тебиев Б.К. На рубеже веков. Правительственная политика в области образования и общественнопедагогическое движение в России к XIX – началу XX в. М., 1996; Дамешек А.Л. Окраинная политика России во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998; Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001; Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя четверть XVIII – начало XX в.). М., 2004; Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. EDN: QOTZMD; Дубровская Т.А. Формирование и развитие системы профессионального образования в России (XIX – начало XX в.): автор. дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. EDN: NNFSXR; Сумарокова О.Л. История Российского образования в Киргизии и роль в нем русского языка (1860-е – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2009; Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана (Учебное пособие). Алматы, 1998.

администрации требовались квалифицированные специалисты, владевшие русским языком и одновременно лояльные новой власти. Распространение русского языка и культуры среди местного населения становилось первоочередной задачей развития системы образования, одной из основ модернизации края. Вместе с тем, руководствуясь принципом «игнорирования ислама», провозглашенным первым генерал-губернатором Туркестана К.П. Кауфманом и на деле означавшим невмешательство государства в дела веры и образования, власти сохраняли традиционные школы и медресе, в которых видели прежде всего гаранта сохранения стабильности и порядка в регионе.

Важным шагом на пути развития образования стало принятое в 1875 г. решение Государственного совета Российской империи о создании Главного управления учебными делами Туркестанского края¹⁰.

Процесс создания образовательной системы осуществлялся поэтапно. Период с 1867 г. до 1880-х гг. характеризовался реализацией политики «игнорирования»: созданием наряду с местными образовательными учреждениями русских школ, предназначенных для обучения детей как русскоязычного населения, так и коренных народов¹¹.

Второй этап, охватывавший середину 1880-х гг. – начало XX в., был отмечен созданием так называемых русско-туземных школ с целью привлечения к образованию детей местного населения. В данных учебных заведениях методы обучения были адаптированы к образовательным традициям коренных народов. В тот же период началось развитие учреждений среднего и профессионально-технического образования.

Третий этап, охватывающий время с начала XX в. до 1917 г., характеризовался разработкой местными и русскими просветителями различных проектов, направленных на модернизацию системы образования в регионе. Появившиеся «новометодные» школы джадидов стали важным шагом на пути к радикальным преобразованиям в национальной образовательной системе. Они пропагандировали национальную самобытность и реформирование общества. Но эта просветительская инициатива встретила враждебное отношение со стороны традиционной элиты, а потому не получила поддержки краевой администрации. В итоге были приняты правовые акты, ограничивавшие деятельность джадидских школ.

Таким образом, в Русском Туркестане происходило становление системы образования, которая воспринималась властью как основное средство модернизации края, ведущее к улучшению жизни и интеграции местного населения¹².

Формирование основ профессионального образования

Среди российских преобразований важное место заняло создание системы подготовки квалифицированных рабочих и специалистов для производственной и административной сферы. Дело в том, что традиционная система подготовки специалистов, основанная на наставничестве и существовавшая в регионе веками, уже не соответствовала запросам современности и не могла обеспечить нужными

¹⁰ Кадыров Н.Н. История русских образовательных учреждений в Туркестане (1867–1917 гг.). Ташкент, 2014. С. 71.

¹¹ Мухамедов Ш.Б. Учебное дело в русском Туркестане: В.П. Наливкин и «туземные» мактабы и медресе // Метаморфозы истории. Научный альманах. Псков, 2018. Вып. 11. С. 83–132.

¹² Кадыров Н.Н. История русских образовательных учреждений в Туркестане (1867–1917 гг.). Ташкент, 2014. С. 38–39.

кадрами растущую экономику края. Введение среднего специального профессионального образования отвечало требованиям времени.

Вот почему еще при первом генерал-губернаторе края К.П. Кауфмане царская администрация приступила к разработке планов по созданию специализированных образовательных учреждений. В начале 1870-х гг. были открыты ремесленные классы при городских школах, ставшие основой для дальнейшего развития системы профессионального образования. В 1871 г. первая русская школа была преобразована в «народно-ремесленную» школу.

В соответствии с Законом об образовании, утвержденном в ноябре 1881 г., во всей Российской империи, включая Туркестанский край, за счет государственных и частных инвестиций стали создаваться промышленные учебные заведения¹³. При городских школах начали организовываться ремесленные классы и классы ручного труда. Это стало новым направлением в подготовке квалифицированных рабочих, мастеров и технических специалистов.

Для сельских школ были выделены отдельные земли, а заведующим школами поручено заниматься садоводством и огородничеством. На организацию этих работ каждой школе было выделено 50 руб.¹⁴

В крае в деле подготовки рабочих кадров особое внимание уделялось воспитанию технических специалистов. В это время началось создание ряда образовательных учреждений. Уже в 1887 г. в местной печати появилась информация о создании в Ташкенте технического училища¹⁵.

Следует заметить, что местные издания широко освещали деятельность курсов ремесел и ручного труда¹⁶.

В 1896 г. в Ташкенте было открыто ремесленное училище, где для хлопкоочистительных и других предприятий готовили квалифицированных плотников, слесарей, токарей и кузнецов. Однако его деятельность оказалась малоэффективной, о чем свидетельствует тот факт, что в течение 15 лет учебное заведение, рассчитанное на подготовку 100 чел. в год, выпускало в среднем 10 специалистов¹⁷.

Сельскохозяйственная отрасль

Инициаторами мероприятий по подготовке квалифицированных кадров для сельскохозяйственной отрасли и первичной переработки сырья стали местные и русские предприниматели, а также представители интеллигенции.

В 1873 г. в Ташкенте открылась «Туркестанская школа шелководства». Возглавил школу ученый энтомолог В.Ф. Ошанин¹⁸. В эту школу на несколько месяцев были отправлены ученики из разных регионов страны для обмена опытом. За десять лет существования школы было выращено два вида итальянского шелкопряда. Четверо учеников научились печатать шелк на европейском оборудовании. Эффективность деятельности школы ограничивалась тем, что центрами шелководства были не Ташкентский, а Ферганский и Зарафшанский оазисы¹⁹.

¹³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГАРУз). Ф. И-254. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

¹⁴ Там же. Л. 23–24

¹⁵ Туркестанские ведомости. 1887. № 42; № 43.

¹⁶ Там же. № 5; 1888. № 17–18; 1900. № 96, 97, 99; 1902. № 5 и 39; 1904. № 158.

¹⁷ Кадыров Н.Н. История русских образовательных учреждений... С. 143–144.

¹⁸ ЦГАРУз. Ф. И-7, Оп. 1. Д. 3115. Л. 109.

¹⁹ Там же. Л. 109 об.

В 1882 г. генерал-губернатор М.Г. Черняев приказал закрыть школу шелководства под предлогом нехватки учеников. Однако уже в 1885 г. на базе этого школьного хозяйства была создана первая в стране станция по разведению шелкопряда. Ее возглавил помощник В.Ф. Ошанина А.И. Вилькинс. К сожалению, в результате заболевания гусениц-шелкопрядов их количество сократилось – возник недостаток в шелке-сырце и школа не смогла добиться заметных результатов в шелководстве.

В 1897 г. в Ташкенте были открыты «Низшие геодезические курсы» по подготовке арык-аксакалов – ирригационных контролеров. Согласно информации печатных изданий того времени, обучение там проходило в форме школьных занятий с использованием профессионального оборудования²⁰.

В связи с широким распространением земледельческих работ среди русских переселенцев возрос спрос на землемеров. С целью подготовки специалистов в этой области были организованы соответствующие курсы в Ташкенте и Верном. Выпускникам этих курсов присваивалась должность помощника землемера²¹.

Кроме того, в Туркестанском крае были созданы другие низшие сельскохозяйственные учебные заведения. С 1887 г. в Верном и Копале действовало учебное заведение по подготовке садоводов со средним специальным образованием. С 1890 г. в Пишпеке, с 1896 г. в Жаркенте, с 1897 г. в Ашхабаде и с 1898 г. в Пржевальске были открыты начальные сельскохозяйственные школы²².

Однако, до 1906 г. в Туркестане количество образовательных учреждений по подготовке сельскохозяйственных работников по-прежнему оставалось недостаточным для того, чтобы удовлетворить возросший спрос на специалистов в аграрной сфере.

Выпускники соответствующих учебных заведений должны были устраиваться на работу по трудовым направлениям и оперативно организовывать свою деятельность на назначенных местах.

В местной прессе представители интеллигенции, высказывая мнения о необходимости развития ремесел, промышленности и сельского хозяйства, подчеркивали необходимость совершенствования форм хозяйствования, «применяемых» местным населением²³.

Русские земледельцы, поселившиеся в Туркестанском крае, не были знакомы с местным климатом и почвой. Поэтому организация учебных занятий в профессионально-технических школах по подготовке русских ирригаторов в более практической форме должна была способствовать устранению имевшихся недостатков в ведении хозяйств.

По представлению Министерства сельского хозяйства и государственного имущества, 7 мая 1901 г. было утверждено Положение о Ташкентской низшей сельскохозяйственной гидротехнической школы и ее составе для подготовки специалистов²⁴. Документ был нацелен на подготовку специалистов по строительству, содержанию, улучшению и изучению существовавших оросительных сооружений²⁵.

В этой школе были установлены следующие процедуры:

1. Учебный курс в школе был установлен на два года, третий год был посвящен практическим занятиям на ирригационных объектах региона;

²⁰ Туркестанские ведомости. 1897. № 90.

²¹ Туркестанский курьер. 1912. № 226; Туркестанские ведомости. 1912. № 227.

²² ЦГАРУз. Ф. И-65. Оп 1. Д. 47. Л. 103–103 об.

²³ Там же. Д. 6. Л. 2–2 об.

²⁴ Там же. Д. 3. Л. 29–30.

²⁵ Туркестанские ведомости. 1902. № 5.

2. Школа находилась под руководством начальника Управления сельского хозяйства и государственной собственности, который должен был обеспечивать необходимые условия для ее деятельности. Также ему было предоставлено право назначать преподавателей для ведения уроков;

3. На заседаниях школьного совета председательствовал назначенный управляющий, который имел право приглашать на собрания людей, способных оказать помощь в обсуждении учебных и хозяйственных вопросов, исходя из своих знаний и полномочий²⁶.

Создание этой школы имело большое значение и для организации сельскохозяйственного производства. В частности, датское акционерное общество «Букмейстер-Вайн» отослало в школу бесплатно сепаратор «Perfekt» для тестирования. Сопроводительное письмо содержало в себе вопрос: «Можно ли нам надеяться продать его в крупном размере и в вашем районе?»²⁷.

С 1901 г. на содержание школы из государственной казны было выделено 4500 руб., из местных бюджетов – 2500 руб. Эти средства были распределены следующим образом: 1500 руб. – на руководителя школы, 1200 руб. – на двух преподавателей научных дисциплин, 500 руб. – на учебные пособия, оставшиеся средства – на обучение пению, наем садовников, конторщика, мастеров и фельдшера. Также за их счет предусматривалось приобретение медикаментов, охрана, ремонт, отопление, освещение зданий, проведение дополнительных занятий и т.д.²⁸

Основными задачами школы были изучение оросительной техники и способов создания оросительных каналов, а также ознакомление учащихся с ведением отдельных отраслей сельского хозяйства. Создание такой школы было направлено на обеспечение ремонта и содержания существовавших оросительных сооружений, а также изучение ирригационных систем с использованием соответствующей подготовки этих специалистов.

В школу принимали детей всех социальных слоев и представителей всех религий не моложе 14 лет. Выпускники двухклассных городских школ также принимались на основе экзаменов. Вступительные и переводные экзамены проводились два раза в год: в мае и октябре²⁹.

В соответствии с приказом Управления земледелия и государственного имущества Туркестанского края учащиеся Ташкентской нижней сельскохозяйственной гидротехнической школы осуществляли практику при строительстве Мирзачулского магистрального канала³⁰.

Хотя в Ташкентской нижней сельскохозяйственной гидротехнической школе последовательно обучались специалисты в области сельского хозяйства, участие в ней детей местного населения в первые годы ее деятельности было редким явлением. Например, в 1903 г. ни один из 27 учеников не был представителем коренных народов³¹.

Наряду с различными курсами в 1916 г. Туркестанское сельскохозяйственное общество организовало в Ташкенте полугодовые курсы по ведению домашнего хозяйства. На этих курсах проводились занятия по гигиене, кулинарии, рукоделию, садоводству³².

²⁶ ЦГАРУз. Ф. И-65. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

²⁷ Там же. Д. 1. Л. 159.

²⁸ Там же. Д. 19. Л. 4 об., 5.

²⁹ Там же. Л. 15.

³⁰ Там же. Д. 3 Л. 83–83 об.

³¹ ЦГАРУз. Ф. И-65. Оп. 1. Д. 19. Л. 31 об., 32.

³² Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 8. С. 743; № 9–10, С. 853; № 11–12. С. 973; 1917. № 1–2. С. 91; 1918. № 1–2, С. 84–90.

В Туркестане, где сельское хозяйство являлось основной отраслью экономики, на одну сельскохозяйственную школу приходилось 800 тыс. чел. населения. Все существовавшие учреждения были низшими школами. Из 9 подобных школ 4 были низшими 2-го класса, а остальные пять – 1-го класса. 3 – были специальными садоводческими, 1 – сельскохозяйственно-садоводческим, 1 – сельскохозяйственно-гидротехническим и 4 – общеобразовательными школами.

Садоводческие школы располагались в Ашхабаде, Самарканде и Верном, сельскохозяйственная гидротехническая школа – в Ташкенте, сельскохозяйственная садоводческая школа – в Пишпеке, остальные – в Каратальском оазисе Копальского уезда, Жаркенте и Пржевальске³³.

Как видно, в Семиреченской области большое внимание уделялось сельскому образованию. Во многом это вызывалось значительной долей русского населения по сравнению с другими областями края.

К концу XIX в. стали выдвигаться инициативы по развитию среднего образования в сельском хозяйстве. Однако, спустя почти 20 лет обсуждений в министерствах, в 1915 г. в условиях военного времени открытие среднего учебного заведения было отложено на неопределенный срок³⁴.

Инициатива по созданию в 1911 г. среднего промышленного училища, специализировавшегося на подготовке агрономов-хлопкоробов, завершилась аналогичным результатом³⁵.

Однако в целом с начала второго десятилетия XX в. происходило улучшение условий обучения и повышение качества образования во всех профессиональных учебных заведениях. К этому времени положительные результаты были достигнуты в школах Куропаткина, Самарканда и Верного³⁶.

Подготовка педагогов

При формировании системы русского образования в крае имперская администрация столкнулась с проблемой нехватки учителей. Для ее решения еще в 1879 г. была создана первая Туркестанская учительская семинария. Более 30 лет она оставалась единственным образовательным учреждением в Средней Азии, осуществлявшим подготовку педагогов. До 1904 г. директорами семинарии были Н.П. Остроумов, Ю.Ф. Крачковский, М.А. Миропиев, И.М. Софийский³⁷.

Для учащихся Туркестанской учительской семинарии вводились государственные, частные и общественные стипендии. В учреждение принимались представители русской и местных национальностей в возрасте не моложе 15 лет и не старше 18,5 лет.

Преподавалось религиозное законодательство, педагогика, русский язык, арифметика, геометрия, алгебра, физика, естествознание, история Родины (России), география, местные языки (узбекский и персидский)³⁸. Кроме того, велись уроки искусства и живописи, пения, музыки, ручного труда, гимнастики и в свободное от занятий время – «тайны садоводства и огородничества»³⁹.

³³ ЦГАРУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 3115. Л. 112.

³⁴ Туркестанские ведомости. 1915. № 32.

³⁵ ЦГАРУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 3115. Л. 107.

³⁶ Там же. Л. 108.

³⁷ Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30.08.1879 г. – 30.08.1904 г.) / сост. Н.П. Остроумов. Ташкент, 1904. С. 28.

³⁸ Преподавание узбекского и персидского языков в семинарии началось в 1885 году. – Автор.

³⁹ Отчет Туркестанской учительской семинарии... С. 62–68.

В течение 1879–1904 гг. в семинарию было принято 415 учеников, из них: 348 были русскими, 54 – кыргызами, 9 – узбеками, 3 – татарами и один туркмен.

В 1909 г. сенатором К.К. Паленом, проводившим ревизию края, было отмечено, что в течение 30 лет в семинарии воспитывалось 522 ученика. Из них насчитывалось 434 русских и 88 представителей коренных народов. Последние, как свидетельствуют документы, в процессе обучения сталкивались с серьезным коммуникационным барьером, поскольку «не могли усвоить язык». Это было вызвано «недостаточной квалификацией учителей и слабым интересом учеников»⁴⁰.

Согласно уставу семинарии ее выпускники, получившие образование за счет государства, должны были проработать не менее 6 лет в религиозной или начальной школе⁴¹. Однако после окончания обучения многие выпускники служили в административных учреждениях и коммерческих организациях.

Генерал-губернатор А.В. Самсонов, стремясь повысить уровень освоения русского языка представителями коренных народов, выступал за их сближение с русскими учащимися⁴².

С 1911/12 учебного года в Туркестане планировалось открытие еще трех учительских семинарий: в Верном – русско-казахско-киргизской, Ашхабаде – русско-туркменской, Скобелеве – русско-узбекской. Ташкентская семинария должна была готовить учителей для русско-туземных школ, ориентированных на узбекское и таджикское население Сырдарьинской и Самаркандской областей. Однако к 1913 г. была открыта только одна учительская семинария в Верном⁴³.

Подготовка специалистов в сфере финансов и торговли

В целях вывоза хлопка и другого сельскохозяйственного сырья из Туркестана администрация края содействовала различным торгово-посредническим операциям. Обучение работников торговли и бухгалтерии было одним из наиболее развитых направлений профессионального образования в регионе. С этой целью с конца XIX в. в русских и русско-туземных школах для детей узбекских и других местных торговцев была налажена система обучения русскому языку и арифметике.

Позднее в Туркестанском крае стали создаваться коммерческие учебные заведения: в 1906 г. в Коканде и в 1907 г. в Ташкенте. Их общеобразовательные программы были схожи с учебными планами реальных училищ России⁴⁴, где обучались дополнительным специальным коммерческим знаниям⁴⁵.

Создание этих учебных заведений отвечало интересам туркестанских купцов. Кроме того, в Ташкенте были открыты две торговые школы, одна из которых была основана в 1910 г. за счет средств города, а другая – частным лицом на хозрасчетной основе⁴⁶.

⁴⁰ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом (Т. VI). Учебное дело. СПб., 1910. С. 61.

⁴¹ Отчет Туркестанской учительской семинарии... С. 39–41.

⁴² ЦГАРУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1067 Л. 14.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Среднее учебное заведение в Российской империи, где в основном преподавались математика и естественные науки.

⁴⁵ ЦГАРУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 16284/79. Л. 9; Д. 17641. Л. 17 об.

⁴⁶ Обзор деятельности Алексеевского коммерческого училища в Ташкенте за 1914/15 учебный год. Ташкент, 1915. С. 17.

Кроме того, были созданы краткосрочные курсы бухгалтеров при Малиновской женской профессиональной школе⁴⁷, машинистов и стенографистов в Ташкенте⁴⁸, подготовки работников связи при управлении Туркестанского почтово-телеграфного округа. Эти учебные курсы позволили представителям коренного населения приобрести знания и документы, позволявшие им получать различные профессии и работать на низовых должностях. Подобные курсы организовывались и функционировали в установленном имперской администрацией порядке.

В 1914 г. в связи с созданием в Ферганской области малых кредитных товариществ для местного населения были организованы упрощенные краткосрочные курсы учета⁴⁹. Местные власти поддерживали эти инициативы.

В годы Первой мировой войны увеличивался спрос на хлопок, который вывозился во внутренние регионы России. Благодаря небольшим кредитным партнерствам некоторые прогрессивные общественные деятели «оказались в окружении различных посредников» и стремились помочь земледельцам, оказавшихся в трудной ситуации⁵⁰.

Кроме того, с целью подготовки бухгалтеров Ферганская областная инспекция малого кредитного товарищества в 1914 г. организовала курсы в Андижане и Скобелеве, а в 1916 г. – в селе Учкурганского уезда Скобелева⁵¹. На трехнедельные и двухнедельные курсы обучения было зачислено 64 чел. Из них 34 чел. успешно завершили обучение⁵².

С созданием в крае промышленного производства и крупных промышленных предприятий возникла необходимость открытия образовательных учреждений, дающих технические знания.

В местной прессе появились статьи о необходимости технического образования⁵³. Например, опубликованная в 1887 г. в «Туркестанских ведомостях» статья «Новые технические и ремонтные школы»⁵⁴. Кроме того, начали издаваться книги по техническому образованию⁵⁵.

Представителями прогрессивной общественности были предложены проекты по созданию школ и курсов с целью развития местного ремесленного производства. Одним из практических шагов в этом направлении стало открытие курсов ковроткачества при Асхабадском городском женском училище. Занятия на курсах проводила Огул Тожмурадова⁵⁶. Школа ковроткачества оценивается как единственная инициатива в области профессионального образования, касающаяся женщин региона, за исключением системы подготовки акушерок при больницах.

По инициативе местного населения в Ташкенте в 1916 г. была организована демонстрация усовершенствованных методов сушки фруктов. Также известно, что маргиланские мастера по шелкоткачеству выступили с инициативой открытия учебной мастерской⁵⁷.

⁴⁷ Туркестанские ведомости. 1902. № 96; 1909. № 40.

⁴⁸ Там же. 1887. №51.

⁴⁹ ЦГАРУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1008. Л. 43.

⁵⁰ Никулин М. Из кооперативной жизни Ферганы // Ферганские областные ведомости. 1916. № 22, 24, 25, 27,

⁵¹ Туркестанские ведомости. 1914. № 218.

⁵² Ферганские областные ведомости. 1916. № 121; Туркестанские ведомости. 1916. № 255.

⁵³ Туркестанские ведомости. 1887. № 10.

⁵⁴ Туркестанский курьер. 1911. № 67, 91; Ташкентская правда. 1960. № 47.

⁵⁵ Комов А.А. Механика. Руководство для реальных и технических училищ. – Ташкент, 1908; Горский И.Ф. Начало высшего анализа (Курс VII класса кадетских корпусов). Ташкент, 1912.

⁵⁶ Были также предложения организовать школы по производству ковров в Ташкенте, Маргилане и Самарканде. ТВ, 1911, № 16.

⁵⁷ Никулин М. Из кооперативной жизни Ферганы. Ташкент, 1916. С. 36–37.

Заключение

Введение профессионального образования в Туркестанском крае стало результатом его модернизации. Последняя вела к росту капиталистического производства, нуждавшегося в квалифицированной рабочей силе. Администрация надеялась пополнить ее ряды за счет представителей коренного населения.

Создание средних и низших сельскохозяйственных школ, а также учреждений коммерческого, технического и транспортного профиля, способствовало решению задачи подготовки кадров для нужд региона. К тому же интеграция детей коренных народов в систему образования способствовала их социальной и культурной адаптации. Создание же сети профессиональных учебных заведений, отвечавшей потребностям экономического развития региона, вело к внедрению новых методов и средств обучения. Однако основную часть учащихся профессионально-технических учреждений составляло русскоязычное население, тогда как представительство коренных народов оставалось крайне ограниченным. Это было связано с языковым и религиозным барьером, преодоление которого затруднялось нехваткой финансовых средств и образовательных кадров. Следует отметить и недостаточную заинтересованность бюрократии, ее игнорирование специфики социокультурного развития региона.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 3.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2025

References

- Abdurakhimova, N.A. "Colonial system of power in Turkestan in the second half of the XIX – early XX centuries." Diss. thesis, History University, 1994 (in Russian).
- Arapov, D.Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniia islama v Rossiiskoi imperii (poslednyia chetvert' XVIII – nachalo XX v.)* [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (last quarter of the 18th – beginning of the 20th century)]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2004 (in Russian).
- Aitmambetov, D.O. *Dorevolutsionnye shkoly Kirgizii* [Pre-revolutionary schools of Kyrgyzstan]. Frunze: Izdatel'stvo Akademii nauk Kirgizskoi SSR Publ., 1967 (in Russian).
- Bakhturina, A.Yu. *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naiia politika v gody pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [Outskirts of the Russian Empire: State Administration and National Policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Bartold, V.V. *Istoriia kul'turnoi zhizni Turkestana* [History of the cultural life of Turkestan]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1927 (in Russian).
- Bendrikov, K.E. *Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniia v Turkestane (1865–1917)* [Essays on the history of public education in Turkestan (1865–1917)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1960 (in Russian).
- Bilyalov, G.M. *Razvitie narodnogo obrazovaniia v Khorezme* [Development of public education in Khorezm]. Tashkent: [N.s.], 1969 (in Russian).
- Bilik, V. "Rol' konfessional'noi shkoly v zhizni Turkestana [The role of confessional school in the life of Turkestan]." *Nauka i prosveshchenie*, no. 1 (1922): 19–32 (in Russian).
- Dameshek, A.L. "Russia's border policy in the second half of the 19th century." PhD thesis, Institute of History, Archaeology and Ethnography, 1998 (in Russian).
- Dubrovskaya, T.A. "Formation and development of the professional education system in Russia (19th – early 20th century)." PhD thesis, Moscow State Regional University, 2004 (in Russian).
- Dyakin, V.S. "Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The National Question in the Domestic Policy of Tsarism (19th Century)]." *Voprosy istorii*, no. 9 (1995): 67–96 (in Russian).
- Gaffarov, Sh.S. *Sistema obrazovaniia v Turkestane v period tsarskoi tiranii* [The education system in Turkestan during the period of the tsarist tyranny]. Samarkand: Fen Publ., 2001 (in Russian).

- Gramenitsky, S.M. *K voprosu ob inorodcheskom obrazovanii v Rossii* [On the issue of non-Russian education in Russia]. Tashkent: tipo-litografiia torgovogo doma “F. i G. brat’ya Kamenskie” Publ., 1908 (in Russian).
- Gorsky, I.F. *Nachalo vysshego analiza (Kurs VII klassa kadetskikh korpusov)* [Beginning of Higher Analysis (Course of the VII class of cadet corps)]. Tashkent: tipo-litografiia V.M. Il’ina Publ., 1912 (in Russian).
- Ilyinsky, N.I. “Ob obrazovanii inorodtsev posredstvom knig, perevedennykh na rodnoi iazyk [On the education of foreigners through books translated into their native language].” *Pravoslavnoe obozrenie*, no. 3 (1863): 125–139 (in Russian).
- Ilminsky, N.I. *K istorii narodnogo obrazovaniia v Turkestanskom krae. Lichnye vospominaniia* [On the history of public education in the Turkestan region. Personal memories]. Tashkent: [N.s.], 1895 (in Russian).
- Iskhakov, F. *Natsional’naia politika tsarizma v Turkestane (1867–1917)* [National policy of tsarism in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent: [N.s.], 1997 (in Russian).
- Ismailova, J. *Istoriia chasti Tashkenta «Novyi gorod» vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov* [History of the part of Tashkent “New City” in the second half of the XIX – early XX centuries]. Tashkent: [N.s.], 2004 (in Russian).
- Kaspe, S.I. *Imperiia i modernizatsiia. Obshchaia model’ i rossiiskaia spetsifika* [Empire and modernization. General model and Russian specificity]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Kadyrov, N.N. *Istoriia russkikh obrazovatel’nykh uchrezhdenii v Turkestane (1867–1917 gg.)* [History of Russian educational institutions in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent: [N.s.], 2014 (in Russian).
- Kary-Niyazov, T.N. *Ocherki istorii kul’tury Sovetskogo Uzbekistana* [Essays on the cultural history of Soviet Uzbekistan]. Tashkent: Izdatel’sтво Akademii nauk SSSR Publ., 1967 (in Russian).
- Khudaykulov, A. “Educational activities of the Jadids of Turkestan (late 19th – early 20th centuries).” PhD thesis, Institute of History, 1995 (in Russian).
- Khrapchenkov, G.M., and Khrapchenkov, V.G. *Istoriia shkoly i pedagogicheskoi mysli Kazakhstana (Uchebnoe posobie)* [History of the school and pedagogical thought of Kazakhstan (Study manual)]. Almaty: Kainar Publ., 1998 (in Russian).
- Kim, P.G. “Vymysel i istina [Fiction and Truth].” *Literatura i iskusstvo Uzbekistana* (October 29, 1989): 13–23 (in Russian).
- Kondratenko, Z.P. “O sostoianii narodnogo obrazovaniia v Turkestane v kontse XIX – nachale XX vekov [On the state of public education in Turkestan in the late 19th – early 20th centuries].” *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, no. 3 (1991): 19–42 (in Russian).
- Komov, A.A. *Mekhanika. Rukovodstvo dlya real’nykh i tekhnicheskikh uchilishch* [Mechanics. Guide for real and technical schools]. Tashkent: N.N. Komova Publ., 1908 (in Russian).
- Mirtursunov, Z.F. “K istorii shkol Ferganskoii doliny kontsa XIX – nachala XX v. [On the history of schools in the Fergana Valley in the late 19th – early 20th centuries].” *Uchenyye zapiski Namanganskogo Pedagogicheskogo Instituta. Vypusk 2*, 125–132. Namangan: [N.s.], 1957 (in Russian).
- Muminov, I.M. *Iz istorii razvitiia obshchestvenno-filosofskoi mysli v Uzbekistane kontsa XIX i nachala XX vv.* [From the history of the development of social and philosophical thought in Uzbekistan at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. Tashkent: Gosudarstvennoe izdatel’sтво Uzbekskoi SSR Publ., 1957 (in Russian).
- Mukhamedov, Sh.B. “Uchebnoe delo v russkom Turkestane: V.P. Nalivkin i «tuzemnye» maktaby i medrese [Educational affairs in Russian Turkestan: V.P. Nalivkin and “native” maktab and madrassas].” In *Metamorfozy istorii. Nauchnyi al’makh. Vypusk 11*, 83–132. Pskov: [N.s.], 2018 (in Russian).
- Nikulin, M. *Iz kooperativnoi zhizni Fergany* [From the cooperative life of Fergana]. Tashkent: [N.s.], 1916 (in Russian).
- Obzor deiatel’nosti Alekseevskogo kommercheskogo uchilishcha v Tashkente za 1914/15 uchebnyi god* [Review of the activities of the Alekseevsky Commercial School in Tashkent for the 1914/15 academic year]. Tashkent: [N.s.], 1915 (in Russian).
- Ostroumov, N.P. *Istoricheskii ocherk narodnogo obrazovaniia v gorodakh i ukrepleniakh Syr-Dar’inskoi linii i Turkestanskoi oblasti do uchrezhdeniia Turkestanskogo general-gubernatorstva s 1860 g. po 1867 g.* [Historical essay on public education in the cities and fortifications of the Syr Darya

- line and the Turkestan region before the establishment of the Turkestan Governorate General from 1860 to 1867]. Tashkent: tipografiia, arendovannaia F.V. Bazilevskim Publ., 1881 (in Russian).
- Ocherk razvitiia narodnogo obrazovaniia v Turkestanskom krae* [Essay on the development of public education in the Turkestan region]. Tashkent: tipografiia brat'yev Kamenetskikh Publ., 1896 (in Russian).
- Otchet Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii za 25 let eie sushchestvovaniia (30.08.1879 g. – 30.08.1904 g.)* [Report of the Turkestan Teachers' Seminary for 25 years of its existence (30.08.1879 – 30.08.1904)]. Tashkent: tipo-litografiia V.M. Il'ina Publ., 1904 (in Russian).
- Palen, K.K. *Otchet po revizii Turkestanskogo kraia, proizvedennyi senatorom gofmeisterom grafom K.K. Palenom (t. VI). Uchebnoe delo* [Report on the revision of the Turkestan region, produced by the senator chamberlain Count K.K. Palen (vol. VI). Educational file]. St. Petersburg: Senatskaia tipografiia Publ., 1910 (in Russian).
- Rakhimov, R. “Traditsionnoe nachal'noe shkol'noe obuchenie detei u narodov Srednei Azii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Traditional Primary School Education of Children Among the Peoples of Central Asia (late 19th – early 20th centuries)].” In *Sbornik muzeia antropologii i etnografii. Vypusk 43. Pamyatniki traditsionno-bytovoi kul'tury narodov Srednei Azii, Kazakhstana i Kavkaza*, 109–132. Leningrad: Nauka Publ., 1989 (in Russian).
- Safarov, G. *Kolonial'naia revoliutsiia: opyt Turkestana* [Colonial revolution: the experience of Turkestan]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1921 (in Russian).
- Sadykov, Kh.D. “Colonial policy of tsarism in Turkestan and the struggle for national independence at the beginning of the 20th century.” Diss. thesis, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Institute of History, 1994 (in Russian).
- Shukurov, A. “Musul'manskii shkoly v Turkestane [Muslim schools in Turkestan].” *Nauka i prosveshchenie*, no. 1 (1922): 31–35 (in Russian).
- Sharifkhuzhaev, M. “Iz istorii razvitiia pedagogicheskoi mysli i obrazovaniia v Srednei Azii [From the history of the development of pedagogical thought and education in Central Asia].” *Sotsial'nye nauki v Uzbekistane*, no. 8 (1991): 20–23 (in Russian).
- Sumarokova, O.L. “History of Russian education in Kyrgyzstan and the role of the Russian language in it (1860s – 1917).” PhD thesis, Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, 2009 (in Russian).
- Tebiev, B.K. *Na rubezhe vekov. Pravitel'stvennaia politika v oblasti obrazovaniia i obshchestvenno – pedagogicheskoe dvizhenie v Rossii k XIX – nachalu XX v.* [At the turn of the century. Government policy in the field of education and the social and pedagogical movement in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Intellekt Publ., 1996 (in Russian).
- Tursunov, I.Y. “From the history of the struggle for independence of Uzbek educators (1917–1930).” Diss. thesis, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Institute of History, 1995 (in Russian).
- Znamensky, P.V. *Uchastie N.I. Il'minskogo v dele inorodcheskogo obrazovaniia v Turkestanskom krae* [Participation of N.I. Il'minsky in the matter of non-Russian education in the Turkestan region]. Kazan: tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta Publ., 1900 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Нажмиддин Нематович Кадыров, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной науки и журналистики, Международный университет Нордик, Республика Узбекистан, 100043, Ташкент, проспект Бунёдкор, 8/2; доцент кафедры философии Ташкентского государственного экономического университета; Республика Узбекистан, 100066, г. Ташкент, ул. И. Каримова, 49; n.qodirov@nordicuniversity.org; <https://orcid.org/0000-0002-5190-6852>

Najmiddin Nematovich Qodirov, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Social Sciences and Journalism, International University Nordic; 8/2, Bunyodkor Av., Tashkent, 100043, Republic of Uzbekistan; n.qodirov@nordicuniversity.org; Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Tashkent State University of Economics; 49, I. Karimov str., Tashkent, 100066, Republic of Uzbekistan; n.qodirov@nordicuniversity.org; <https://orcid.org/0000-0002-5190-6852>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-478-492>

EDN: PVKVRP

Научная статья / Research article

Туркестанское восстание 1916 г. и его проявления в Бухарском эмирате

Владимир Петрович Литвинов^{a, b} , Рафаэль Амирович Арсланов^c

^a Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Россия

^b Институт стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета, Бишкек, Кыргызстан

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 vladlenli@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены предпосылки Туркестанского восстания 1916 г., ставшего во многом результатом модернизации присоединенных к России территорий Средней Азии с много-миллионным мусульманским населением. Одним из последствий «встречи» двух систем – российской имперской и местной традиционной – стало обострение национального вопроса, во многом вызванное проведением политики инкорпорации региона. Взаимодействие комплекса факторов, включавшего и переселение русских крестьян, привело к восстанию 1916 г. в Русском Туркестане. Несмотря на рост протестных настроений во всей Средней Азии, в ряде регионов их проявление не приняло насильственные формы. Одной из относительно спокойных территорий оставался Бухарский эмират, хотя и входивший в орбиту Российской империи, но, будучи ее протекторатом, сохранявший ряд специфических черт. Постепенно встраиваясь в систему рыночных отношений, он сохранял докапиталистические отношения и родовые пережитки. Проходившая в регионе модернизация вела, с одной стороны, к прогрессивным изменениям в экономике и культуре, а с другой, – к ухудшению жизни большинства населения, обращению его к мусульманской традиции, к росту недовольства центральной и местной властями. Раскрыта политическая и социально-экономическая ситуация в Бухарском эмирате накануне и во время восстания 1916 г. Авторы пришли к выводу, что обстановка в Бухаре и в Туркестанском крае во время восстания 1916 г. во многом имела схожие черты, поскольку сам эмират входил в единое социокультурное и экономическое пространство Средней Азии, испытывая общие со всем регионом последствия его модернизации. Вместе с тем специфика Бухары, например политическая автономность, накладывала отпечаток на проявление протестных настроений.

Ключевые слова: бухарские купцы, восстание в Семиречье, пантюркистская пропаганда, русско-бухарские отношения, социально-политическое положение, первая российская модернизация

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Литвинов В.П., Арсланов Р.А. Туркестанское восстание 1916 г. и его проявления в Бухарском эмирате // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 478–492. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-478-492>

© Литвинов В.П., Арсланов Р.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Turkestan Uprising of 1916 and its Manifestations in the Emirate of Bukhara

Vladimir P. Litvinov^{a, b} , Rafael A. Arslanov^c

^a Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

^b Institute of Strategic Analysis and Forecasting of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

^c RUDN University, Moscow, Russia

✉ vladlenli@yandex.ru

Abstract: The authors examine the prerequisites for the Turkestan Uprising of 1916, which was largely the result of the modernization of the territories of Central Asia, a region where a multi-million Muslim population annexed to Russia. One of the consequences of a “meeting” of two systems – the Russian imperial one and the local traditional one – was the aggravation of the national question, largely caused by the implementation of the policy of incorporation of the region. The interaction of a set of factors, including the resettlement of Russian peasants, led to the uprising of 1916 in Russian Turkestan. Despite the growth of protest sentiments throughout Central Asia, in a number of regions their manifestation did not take violent forms. One of the relatively calm territories was the Bukhara Emirate, although it was part of the orbit of the Russian Empire, but by being its protectorate, it retained a number of specific features. Gradually growing into the system of market relations, Bukhara’s economy retained pre-capitalist relations and tribal vestiges. The modernization taking place in the region led, on the one hand, to progressive changes in the economy and culture, and on the other, to a deterioration in the quality of life of a majority of the population. Therefore, there was a return to Muslim traditionalism due to the growth of discontent with the central and local authorities. The research reveals the political and socio-economic situation in the Bukhara Emirate on the eve of and during the 1916 uprising. The authors come to the conclusion that the situation in Bukhara and in the Turkestan region during the 1916 uprising had many similar features, since the emirate itself was part of a single socio-cultural and economic spaces of Central Asia and thus experiencing the same consequences of its modernization as the entire region. At the same time, the specifics of Bukhara, for example, political autonomy, left an imprint on the manifestation of protest sentiments.

Keywords: Bukharan merchants, uprising in Semirechye, pan-Turkic propaganda, Russian-Bukharan relations, socio-political situation, first Russian modernization

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Litvinov, V.P., Arslanov, R.A. “The Turkestan Uprising of 1916 and its Manifestations in the Bukhara Emirate.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 478–492 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-478-492>

Введение

Актуальность темы статьи определяется необходимостью противопоставить различного рода спекуляциям прошлого Российской империи, представляющим, например, восстание 1916 г. в Туркестане как результат исключительно имперской политики и колониальной эксплуатации Россией народов Средней Азии, объективную картину отношений российского государства и его национальных окраин. Научный взгляд на отзвуки восстания в Бухарском эмирате поможет противодействовать современным политическим манипуляциям, разжигающим антирусские настроения и пытающимися разорвать исторические связи России с современными странами Центральной Азии. Следует учесть, что антирусские выступления в регионе, во многом вызванные действиями имперской бюрократии и усиленные амбициями местной элиты, были результатом не столько ошибок власти, сколько последствий противоречивого процесса модернизации, изучение которых позволяет провести объективный

анализ событий, противостоящий их политизированным трактовкам. Научное значение разработки темы статьи заключается в возможности определить не только предпосылки нарастания национального кризиса в Российской империи, но и специфику распространения недовольства в отдельных ее регионах.

Степень изученности проблемы. На современном этапе накоплено достаточно сведений о восстании 1916 г. в Средней Азии для того, чтобы составить полную картину происходившего и дать ему научную оценку. Само изучение истории Туркестана, Бухарского эмирата и русско-бухарских отношений в частности началось еще в дореволюционный период. Главная ценность появившихся тогда работ состоит в том, что их авторы, как свидетели эпохи, смогли передать дух времени и донести до нас важнейшие детали¹.

В советский период изучение восстания 1916 г. велось в рамках более широкой проблемы – национально-освободительного движения в дореволюционной России. В появившихся общих работах ситуация в Бухарском ханстве эпохи восстания 1916 г. лишь затрагивалась, не получив специального освещения².

Историография постсоветского времени характеризуется разнообразием подходов и мнений. Общую картину сложившейся историографической ситуации темы восстания 1916 г. мы находим в работе А.В. Ганина³. Заслуживает внимания его характеристика доминировавшей в советской историографии и усилившейся в современных исследованиях среднеазиатских авторов тенденции представить народы Туркестана как угнетенные, а правительственную политику в регионе как колониальную. В этом подходе, по мнению ученого, проявилось стремление «скрыть этноконфессиональную основу событий 1916 г.», затушевывая антирусскую направленность выступления⁴. Подобные подходы к восстанию 1916 г., основанные к тому же на выборочном и некритическом прочтении источников, мы встречаем в ряде современных работ⁵.

Вместе с тем в последнее время появились исследования, в которых историки из современных государств Центральной Азии, не отказываясь полностью от старых схем и продолжая возлагать основную вину за трагические события 1916 г. на политику имперской администрации⁶, пытаются шире взглянуть на предпосылки восстания. Например, учесть воздействие внешних враждебных России сил⁷.

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915; Логофет Д.И. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909; Логофет Д.И. Бухарское ханство. Под русским протекторатом. Т. 2. СПб., 1911; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913 и др.

² Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата; М., 1936; Брайнин С., Шапиро Ш. Восстание казахов Семиречья в 1916 году. Алма-Ата; М., 1936; Галузо П. Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими // Революция в Средней Азии: Сборник. Ташкент, 1929. Т. 2. С. 82–117; Кастельская З.Д. Основные предпосылки восстания 1916 г. в Узбекистане. М., 1972; Манджара Д.И. Революционное движение в Средней Азии в 1905–1920 гг. Ташкент, 1934; Турсунов Х.Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962 и др.

³ Ганин А.В. Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1. С. 94–124. EDN: YGCVFV.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ См.: Мухамедов Ш.Б. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Взгляд в прошлое // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 151–181.

⁶ Маджун Д.С. Повод к восстанию 1916 г. в Семиречье и его начало // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2016.404> EDN: XGRTYP.

⁷ Маджун Д.С. Влияние внешних сил на ход восстания в Семиречье в 1916 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3. С. 35–43. <https://doi.org/10.17223/19988613/41/5> EDN: WBKGWX.

В современных работах отечественных авторов содержится комплексный взгляд на истоки, ход и последствия восстания. Заметный вклад в разработку темы внесли такие ученые, как Т.В. Котюкова и П.П. Литвинов⁸. В их трудах само восстание рассматривалось не столько как цепь ошибок центральных и местных властей, сколько как закономерное проявление процесса модернизации, проходившего на территории мусульманской окраины империи и сопряженного с всплеском традиционалистских антирусских настроений, проявившихся даже там, где, как в Бухарском эмирате, практически не было русского населения.

В статье учитывались и современные результаты исследований истории присоединения Средней Азии к России, обобщенные в историографических работах С.Н. Брежневой⁹. Особую ценность представляет проведенный ею анализ положения народов региона в составе Российской империи¹⁰, а также контактов представителей Бухарской и Петербургской элит¹¹.

Таким образом, историографический обзор свидетельствует, что большинство работ, посвященных восстанию 1916 г., касалось только имперских территорий, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а события, происходившие в этот период в Бухарском эмирате, оставались, как правило, за рамками исследований.

Авторы статьи, исходя из предположения о едином социокультурном и экономическом пространстве Средней Азии, об общем историческом контексте ее развития в начале XX в. обращаются к теме в целях не только расширения нашего знания о самом восстании 1916 г., но и определения судеб российских протекторатов.

Цель исследования заключается в выявлении, с одной стороны, предпосылок нарастания протестных настроений населения Бухарского эмирата, сравнимых с другими ареалами Туркестанского края, а с другой, – факторов, не позволивших им принять насильственные формы.

Источниковая база. Работа написана на основе различных видов источников, извлеченных из тематических сборников документов, содержащих материалы из архивов России и бывших среднеазиатских республик¹², а также отдельные материалы из фонда «Среднеазиатский стол» (Ф. 147) Архива внешней политики Российской империи. Кроме того, авторы обращались к источникам личного происхождения¹³.

Методы исследования. В исследовании использовались следующие методы: сравнительный, позволивший рассмотреть общие и особенные черты развития

⁸ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016; *Ее же*. Восстания в Азиатской России в 1916 г.: неизвестное об известном: Коллективная монография. М., 2017; Литвинов П.П. 1916 год: исторический оптимизм трагедии. Бишкек, 2022 и др.

⁹ Брежнева С.Н. Историография присоединения Туркестанского края к России: Вторая половина XIX – начало XXI в. Дис. ... док. ист. наук. М., 2005. EDN: NOGDKD; *Ее же*. Современная историография русско-азиатских отношений в период присоединения Туркестана к России. Тольятти, 2007. EDN: QRINPX

¹⁰ Брежнева С.Н. Народы Туркестана в составе Российской империи // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. Т. 4. № 1. С. 1–24. EDN: XYGVHN

¹¹ Брежнева С.Н. Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 411–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425> EDN: SOLQRG.

¹² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960; Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1952; Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост. и автор предисл. Т. Котюкова. М., 2016.

¹³ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: записки царского дипломата. М., 2006. EDN: QPCQCX.

Бухарского эмирата; историко-генетический, способствовавший установлению предпосылок вызревания социальной напряженности; системный, дающий возможность реконструировать события в Бухаре 1916 г. в контексте развития всего Русского Туркестана.

Политическая обстановка в Бухарском эмирате в начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. население Бухарского эмирата (ханства)¹⁴ по разным оценкам составляло от 2,5 до 3 млн чел. Соотношение этнических групп приблизительно распределялось следующим образом: узбеки – немногим более половины жителей страны; вторым по численности народом были таджики, составлявшие почти треть населения; около 10 % жителей была представлена туркменами; оставшиеся проценты приходились на долю каракалпаков, евреев, персов-шиитов и прибывавших сюда русских, количество которых стало резко увеличиваться только в начале XX в. По хозяйственно-культурному типу население делилось на оседлых земледельцев – 65 %; кочевников – 25 % и полукочевников – 15 %.

Политическая система Бухарского эмирата сохранила практически все традиционные структуры, существовавшие до прихода России. В политическом плане страна представляла собой классическую восточную деспотию, где власть верховного правителя – эмира была фактически абсолютной. Эмир правил, опираясь на исламское законодательство – шариат и традиции, освященные многовековой практикой. Живший в это время в Средней Азии и хорошо знавший порядки при дворе среднеазиатских правителей В.П. Наливкин отмечал:

Многовековая практика столь широкого игнорирования основных тезисов мусульманского регламента постепенно привела к современному искажению первичных форм мусульманского государственного устройства, к водворению ничем почти не обуздывавшегося произвола правителей и власть имущих лиц¹⁵.

Несмотря на отсутствие реальной оппозиции эмир не мог не учитывать мнение местной элиты: многочисленного духовенства и крупных землевладельцев (баев). При этом духовенство являлось для населения руководителем не только в религиозном, но и политическом отношении¹⁶. Следует учесть неоднородность духовенства: с одной стороны, оно было представлено «причтом» местных мечетей, преподавателями медресе и мектебов, а с другой, – представителями различных суфийских братств, которые в большинстве своем были враждебно настроены к официальному духовенству и представителям ханской власти на местах. По мнению Д.Н. Логофета, именно руководители различных суфийских братств – ишаны были главными зачинщиками большинства народных движений и войн в Бухаре¹⁷.

Интересы крупных землевладельцев в эмирате и в начале XX в. представлял совещательный орган – «джамоа», члены которого назначались эмиром. Однако его роль во времена российского протектората заметно уменьшилась¹⁸.

¹⁴ Правящая в стране династия Мангытов не вела свою родословную от потомков Чингисхана, по этой причине глава государства носил титул эмира, а государство называлось эмиратом. Однако в отечественной историографии утвердился термин «ханство», что дает нам основание использовать оба эти термина как синонимы.

¹⁵ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь... С. 17.

¹⁶ См.: Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Тухтаметов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. С. 14.

Отношения Бухарского ханства с Россией определялись комплексом соглашений, в основе которых лежали два международных договора. В июне 1868 г. сразу после завоевания ханства был подписан предварительный договор между эмиром Бухары Музаффаром (1860–1885) и генерал-губернатором Туркестанского края К.П. Кауфманом, определявший территориальные приобретения Российской империи, размер контрибуции и общие принципы взаимоотношений. Надо отметить, что после покорения ханства Россией оно территориально пострадало незначительно, поскольку царские власти помогли эмиру с присоединением к его владениям Кулябского, Шахрисябского, Хисарского и Китабского полунезависимых княжеств и горных областей Дарваза и Каратегина, что в значительной степени компенсировало утрату территорий, отошедших к России.

В октябре 1873 г. в г. Шаар был подписан новый договор между Россией и Бухарой, определявший в общих чертах характер российско-бухарских отношений. Кстати, первая статья этого договора также предполагала территориальные приобретения для Бухары. Россия передавала часть территорий на правом берегу Амударьи, полученных ею в результате похода на Хивинское ханство¹⁹. К началу XX в. границы Бухарского эмирата окончательно стабилизировались, а его территория составила около 200 тыс. кв. км²⁰.

Что касается других пунктов этого договора, то они были прописаны весьма обтекаемо и без видимых выгод и преимуществ для России. В отношении этого договора Логофет писал:

Любопытный договор представлял собой редкий случай, вероятно, еще до тех пор не встречавшийся на практике ни одной из стран, когда завоеватель сам лично связывал себя всякого рода положениями, чтобы лишиться даже возможности впоследствии получить какие бы то ни было результаты от своего завоевания²¹.

Позже отдельные пункты договора 1873 г. были расширены и уточнены. Во многом это стало вынужденной мерой, так как с 1880-х гг. в Бухару начинает активно проникать российский капитал, строиться железная дорога, расширяться ирригационная система. Развивающиеся торгово-экономические отношения требовали новой правовой базы. В связи с этим в 1885 г. по соглашению с эмиром в Бухаре было учреждено Российское императорское политическое агентство, которое стало официальным представительством России в стране²². Надо отметить, что учреждение этого органа было политической уступкой бухарскому эмиру, считавшего себя независимым правителем, имевшим право на непосредственные отношения с русским двором. Кроме того, после смерти К.П. фон Кауфмана, первого туркестанского генерал-губернатора, его преемники не получили так называемой «золотой грамоты», дававшей право прямого сношения с соседними государствами, поэтому в Бухару был направлен политический агент, который представлял российский МИД. Однако он должен был согласовывать свою деятельность с генерал-губернатором Туркестанского края, и это уже была уступка тогдашнему генерал-губернатору Туркестанского края Н.О. Розенбаху. Политический агент, помимо консульских функций и охраны личных, имущественных и торговых интересов русских поддан-

¹⁹ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1952. С. 135.

²⁰ История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. С. 41.

²¹ Логофет Д.Н. Бухарское ханство... С. 22.

²² Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. СПб., 1887. Т. 5. № 3274. С. 453.

ных, занимался надзором за административной и хозяйственной деятельностью в русских поселениях эмирата, тем самым исполняя отчасти функции генерал-губернатора на вверенной территории.

Социально-экономическое положение Бухары в начале XX в.

В развитие положений договора 1873 г. под руководством бухарского эмира Абдул-Ахада (1885–1910) и туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха в июне 1888 г. были разработаны «Протокол дополнительных правил», а также «Правила об управлении, хозяйстве, и благоустройстве поселений близ железнодорожных станций Чарджуй и Бухара»²³. Документы подписали: с российской стороны – Императорский политический агент в Бухаре Н.В. Чарыков, с бухарской – зякетчи-калон Астанакул-бий, инак²⁴. В них были выделены земли под новые города и поселки и оговорены правила, регламентирующие жизнь русских поселений. После этого количество русских переселенцев в Бухарский эмират стало расти. Они основали Новую Бухару, Новый Чарджоу, Керки, Термез, Фараб, Сарай и еще несколько поселений на территории эмирата, в которых в начале XX в. проживало более 60 тыс. русских подданных²⁵.

В 1880-е гг. началось строительство Закаспийской железной дороги, которая прошла через плодородную долину Зеравшана, лежащую в центре ханства, и активизировала приток русского капитала и переселенцев.

В 1895 г. Бухара была включена в таможенную черту России, что превратило ее, по сути, во внутренний российский рынок. Это еще больше расширило торгово-экономические отношения двух стран. Из России в Бухару шли мануфактурные изделия, сахар, керосин, посуда, изделия из металлов, а из Бухары: хлопок, каракуль, шелк и сухофрукты. Крупные бухарские купцы закредитовывались в российских банках и получали продукцию под реализацию. Российское правительство пыталось провести денежную реформу в ханстве, однако из этой затеи ничего не вышло.

Несмотря на развитие торговли с Россией и рост промышленного производства социально-политическая ситуация в начале XX в. в Бухарском эмирате продолжала оставаться сложной. Главным бенефициарами подъема экономики страны стал эмир и его приближенные. Бухарский эмир был одним из самых богатых людей страны, ему принадлежало несколько хлопкоочистительных заводов, на которые поставляли хлопок за бесценнок местные крестьяне. Помимо этого, эмир занимался скупкой и перепродажей в Россию каракуля, что давало ему до 15 млн ежегодно²⁶. Известно, что в начале XX в. эмир Абдул-Ахад держал в государственном банке России около 27 млн руб. и более 7 млн руб. в частных банках²⁷. В начале XX в. заметно выросли доходы и местных торговцев, если во второй половине XIX в. богатым считался человек с 10–15 тыс. дохода, то в начале XX в. тот же статус определялся полумиллионным состоянием. Со временем эмир обзавелся собственностью в России, у него имелся дом Санкт-Петербурге, дачи в Крыму, Кисловодске и Железнодорожском, которые

²³ Протокол дополнительных правил от 23 июня 1888 // *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 219–221; Правила об управлении, хозяйстве, и благоустройстве поселений близ железнодорожных станций Чарджуй и Бухара // Там же. С. 221–224.

²⁴ Зякетчи-калон – верховный сборщик податей (министр финансов); инак – придворный чин, приравненный к российскому тайному советнику.

²⁵ *Тухтаметов Т.Г.* Россия и Бухарский эмират в начале XX века... С. 18.

²⁶ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана... С. 425.

²⁷ *История народов Узбекистана*.... С. 407.

он посещал достаточно часто для поправки здоровья. Кроме того, нередко эмир Абдул-Ахад посещал Россию с официальными визитами «как владетель Бухары», где его неизменно встречали на самом высоком уровне и по высшему разряду. Современный исследователь С.Н. Брежнева отмечает, что подобным встречам предшествовали долгие согласования между министерствами Императорского двора, Кабинетом Его Императорского Величества, военным министерством²⁸.

Сложная социально-политическая обстановка в ханстве в начале XX в. давала почву для народных волнений, чем пользовались разведки разных стран. Наиболее активно в ханстве работали турецкие и британские агенты. Приезжавшие в страну турецкие эмиссары вели среди населения панисламистскую и пантюркистскую пропаганду. В страну тайно в больших количествах ввозились турецкие газеты, брошюры и прокламации, в которых суннитов призывали к свержению Абдул-Ахада как ставленника России²⁹. Кроме антирусской пропаганды, в своей работе турецкая агентура широко использовался шиитский фактор, который был направлен напрямую против эмира и его правительства. В эмирате проживало около 150 тыс. персов-шиитов³⁰. Несмотря на столь незначительное количество, шииты господствовали в администрации ханства, в торговле и армии, что вызывало обоснованное раздражение у суннитской части населения. Действительно, эмир в основном опирался на шиитов, как на более преданных слуг, а сунниты были отодвинуты на второй план. Надо отметить, что среди шиитов было немало тех, кто к началу XX в. принял русское подданство.

Пантюркистская пропаганда особенно напирала на тот факт, что Абдул-Ахад по матери был иранцем, а его сын Сейид-Алим учился в Петербурге и был воспитан в христианском духе. Турецкая агентура, подливая масла в огонь, добилась своего – в январе 1910 г. в Бухаре вспыхнуло антишиитское восстание, переросшее в кровопролитную резню. В событиях, связанных с восстанием, разведки работали с обеих сторон, с одной стороны – пантюркистские силы, подстрекаемые турецкой агентурой, а с другой, – иранцы, чьи настроения подогревали английские агенты, которые находились как в самом ханстве, так и за его пределами. Исследователь Т.Г. Тухтаметов указывает, что, например, английским агентом оказался Мир Хайдар Мирбадалев, который при старом хане был представителем бухарского правительства при Российском политическом агенте, а позже заведовал Русской канцелярией в ханском правительстве.

В декабре 1910 г. умер Абул Ахад и на престол вступил его сын Сейид Мир Алим-хан. Надо отметить, что новый хан не имел выдающихся политических способностей. Сам Абдул Ахад сильно сомневался в них, называя сына за лень и излишнюю тучность «олим гов» («корова Алим»)³¹. Однако кандидатура преемника была согласована еще во время официального визита Абул-Ахада в Санкт-Петербург в 1893 г. После чего Сейид Алим в течение трех лет учился в Николаевском кадетском корпусе, где он не проявлял должной прилежности и тяги к наукам, но зато приобрел полезные знакомства среди русской элиты. В Бухару он вернулся уже с официальным титулом «Наследника Его Высочества Бухарского эмира»³².

²⁸ Брежнева С.Н. Визиты правителей... С. 423.

²⁹ Тухтаметов Т.Г. Россия и Бухарский эмират... С. 45.

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Абдулаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской миграции XX в. Душанбе, 2009. С. 162.

³² Брежнева С.Н. Визиты правителей... С. 416.

События января 1910 г. показали, что эмир был беспомощен в военном и полицейском отношении. В ходе восстания пострадали более 500 чел. убитыми и ранеными³³. Россия в начале событий мало чем смогла помочь эмиру, поскольку не имела реальных военно-полицейских сил в ханстве. Здесь находилась лишь одна стрелковая рота, которая в разгар народных волнений взяла под контроль русские учреждения – отделения банков, почтово-телеграфную контору, таможенную и склады русских купцов. Полицейские возможности России в ханстве ограничивались лишь одним полицейским чиновником, который находился в Бухаре с 1908 г. Однако уже в марте 1911 г. по договору с новым эмиром в ханстве было создано полицейское управление со штатом в 12 чел., деятельность которого, однако, осуществлялась за счет ханской казны. Управление напрямую подчинялось Российскому политическому агенту и начальнику Туркестанского районного охранного отделения – учреждения Департамента полиции МВД России. Для упреждения деятельности иностранной агентуры в ханстве, Политическому агенту было придано несколько опытных разведчиков из Туркестанского края.

Узбекский историк А.Х. Хамраев характеризовал шиитскую резню 1910 г. в Бухаре следующим образом:

События в январе 1910 г. в Бухаре являлись, по существу, продолжением и обострением борьбы двух феодальных группировок в правящих кругах Бухарского эмирата за власть, за господство в правлении, в эксплуатации трудящихся масс³⁴.

Положение местного крестьянства действительно было тяжелым, по данным, которые приводит К.Н. Абдулаев, в Бухаре взыскивалось свыше 50 видов различных налогов и сборов³⁵. Значительная часть податей оседала в бездонных карманах ханской администрации и местных беков. Как правило, вновь назначенный бек привозил с собой своих родственников, которые занимали все ключевые посты в местной администрации, что только усугубляло произвол и безудержную алчность чиновников, основанных на круговой родственной поруке. В Бухаре существовала практика – за службу в администрации жаловали землями и населением в крепостную зависимость, с возможностью взыскивать до 1/3 доходов. Логофет подсчитал количество чиновников в Бухарском эмирате, оно составляло внушительную цифру в 50 тыс.³⁶ Содержание этой армии бездельников ложилось на плечи местного населения, и это не считая местного духовенства, которое было тоже весьма многочисленным. Рассматривая положение местного крестьянства, Логофет пишет:

Покорное и веками забитое население безропотно несет эту страшную непосильную тягу, уплачивая в то же время массу пошлин: духовных и судебных, а также и огромное количество штрафов за каждый даже самый незначительный поступок. Все подати, сборы и штрафы взыскивались с беспощадной строгостью, до правеха включительно³⁷.

В первые десятилетия XX в. налоговый гнет только усиливался. Ряд исследователей отмечают, что если в прежние времена были нередки мятежи, вызванные несправедливостью при сборе налогов, то при российском присутствии они отошли

³³ Логофет Д.И. Бухарское ханство... С. 280.

³⁴ Хамраев А.Х. К вопросу о январских событиях в 1910 г. в Бухаре // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Ташкент, 1955. Вып. 57. С. 70.

³⁵ Абдулаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана... С. 66.

³⁶ Логофет Д.И. Страна бесправия... С. 36.

³⁷ Там же. С. 3.

в область преданий. Эмир и его правительство, опираясь на силу и авторитет русской власти, выжимало из населения последнее. Нередко в ханстве циркулировали слухи, которые, видимо, распускались специально, что сбор налогов ведется в интересах русских, обложивших Бухару огромными податями. Все это принималось на веру местным доверчивым населением. Хорошо знавший положение бухарского населения Наливкин эмоционально написал о населении Бухары: «Народ был стадом, которое пасли, т.е. нещадно били и непрестанно стригли»³⁸.

Восстание 1916 г. и события в Бухаре

С началом Первой мировой войны социально-экономическая ситуация в Бухарском эмирате резко ухудшилась. Россия, обеспечивая возросшие собственные потребности, сократила поставки зерна в регион. Ввоз промышленных товаров также резко сократился, при этом вывоз сырья и продуктов питания, производящихся в ханстве, резко вырос. В связи с этим положение местного населения, и без того тяжелое, еще более ухудшилось. Например, рыночная цена хлеба, составлявшая в первое десятилетие XX в. 2 руб. 50 коп. в 1916 г. поднялась до 81 руб.³⁹ Поскольку цену на хлопок Россия потребовала зафиксировать, то она выросла к 1916 г. лишь на 50 %. Несмотря на тяжелейшее положение основной части населения Бухары во время войны ситуация в целом была спокойная. Дипломатический чиновник при турецком генерал-губернаторе С.В. Чиркин отмечал:

Так или иначе, во время войны Туркестан жил довольно мирной жизнью. Особенно спокойно было в Бухаре, где влияния эмира и близость к Ташкенту могли поддержать спокойствие⁴⁰.

Ситуация в Средней Азии резко изменилась после начала восстания летом 1916 г. в Семиречье, поводом к которому стал царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений, и военных сообщений в тыловых районах действующей армии. Следует отметить, что сама война воспринималась местными мусульманами, как освободительная борьба Турции против порабощения восточных народов европейцами. Кроме того, они не понимали целей и причин этой войны и не видели выгоды для себя от участия в ней, не идентифицировали себя с Российской империей. Безусловно, в первую очередь это касалось мусульман, проживавших в Туркестанском крае. Вместе с тем, многие из них, особенно кочевники, были настроены антитурецки и помогали фронту.

Таджикский исследователь Х. Пирумшоев отмечает, что бухарские власти старались не допускать в ханство сведения о восстании 1916 г. в Туркестанском крае, однако они просачивались через торговцев, а также евреев, бежавших из края в Афганистан⁴¹. Мы полагаем, что все было гораздо проще – еще в дороссийский период в Средней Азии сложилось единое информационное пространство, отличавшееся «цепной реакцией» на все происходившие там события. Поэтому слухи о восстании в Туркестане появились в ханствах буквально вслед за его началом – 4 июля 1916 г. И уже 5 июля драгоман Российского императорского политического агентства в Буха-

³⁸ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь... С. 31.

³⁹ Усмонов Н.Н. События 1916 г.: не назревшая революция и национально-освободительная борьба // Вестник Таджикского педагогического университета им. С. Айни. С. 244.

⁴⁰ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 222.

⁴¹ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. статей. Бишкек, 2017. С. 79.

ре Н.А. Шульга телеграфировал в Ташкент о том, что бухарские муллы «мутят воду», призывая помочь повстанцам в Туркестанском крае⁴². В тот же день он сообщил исправляющему должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву о том, что в Бухаре распространяется мнение, что призыв мусульман Туркестанского края на тыловые работы – это начало их привлечения к воинской повинности⁴³. Одновременно сам Политический агент в Бухаре телеграфировал в 3-й Политический отдел Министерства иностранных дел о том, что в Бухарском эмирате весьма живо обсуждали указ русского царя о призыве «туземцев» Туркестанского края на тыловые работы, говорили о слабости русских военных сил и желании пополнить их за счет мусульман Туркестанского края. Муллабачи (студенты медресе) Бухары говорят о том, что возможен призыв на войну и бухарских подданных⁴⁴. Вышеупомянутый Н.А. Шульга телеграфировал 12 июля 1916 г. управляющему 3-м Политическим отделом МИД В.О. фон Клемму о том, что 2 июля 1916 г. исправляющий должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев собрал совещание по вопросу о призыве «туземцев» края на тыловые работы. В частности, военный губернатор Самаркандской области, генерал-майор Н.С. Лыкошин предложил повлиять на бухарского эмира с тем, чтобы тот послал своей отряд рабочих на тыловые работы. Но Шульга заявил о том, что такой шаг нежелателен, так как идет сбор нужного для военного времени хлопка, а это требует многих рабочих рук⁴⁵. Шульга сообщал Клемму о том, что в целом положение в Бухарском ханстве спокойное⁴⁶. Вместе с тем 15 июля 1916 г. он информировал туркестанского генерал-губернатора и 3-й Политический (Среднеазиатский) отдел Министерства иностранных дел о том, что отзвуки восстания «туземцев» Туркестанского края усиливаются и в Бухарском ханстве, где они подогреваются враждебными силами извне. Шульга отмечал, что повстанцы в Самаркандской области подают дурной пример бухарцам и если они побегут на территорию эмирата, то «нынешнее благоприятное положение <...> может измениться»⁴⁷.

Согласно статье 7-й соглашения от 23 июня 1888 г. надзор за приобретением земель и устройством российских подданных в поселках эмирата был делом полиции. Но статус полиции Соглашение 1888 г. не определяло. Юрисконсультская часть Министерства иностранных дел России писала 15 сентября 1915 г. в 3-й Политический отдел своего ведомства о том, что надо установить твердую военно-полицейскую власть в русских поселках Бухарского ханства, то есть сохранить тот порядок работы полиции, который сложился после подписания Соглашения 1888 года и вне его содержания. Он должен основываться на российских законах о полиции⁴⁸. Российский императорский политический агент в Бухаре А.К. Беляев телеграфировал 12 июля 1916 г. под грифом «совершенно секретно» управляющему 3-м Политическим отделом Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму о том, что в Старой Бухаре установлено наблюдение русской и «туземной» полиции за прибывающими

⁴² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. С. 59.

⁴³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сборник документов и материалов. М., 2016. С. 162.

⁴⁴ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи. Бишкек, 2015. Т. 1. С. 86.

⁴⁵ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии... С. 164.

⁴⁶ Там же. С. 165.

⁴⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 147. Оп. 486. Д. 343 «б». Л. 174.

⁴⁸ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи. Бишкек, 2015. Т. 1. С. 120.

людьми из Русского Туркестана. В Бухаре ходит много разных слухов о необходимости помощи туркестанским мусульманам⁴⁹. Н.А. Шульга телеграфировал 15 июля 1916 г. управляющему 3-м Политическим отделом Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму о том, что «установлено в Старой Бухаре наблюдение русской и туземной полиции за приезжающими русско-подданными мусульманами»⁵⁰. Полиция охраняет водопровод и патрулирует по городу. Положение будоражат слухи о беспорядках в Туркестанском крае. Шульга сообщал, что он попросил полицию не предпринимать лишних мер, а ограничиться одним лишь надзором. Просил прислать одну роту для обеспечения безопасности на случай, если из Самаркандской области в Бухару хлынут бунтующие массы⁵¹. Исправляющий должность дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарев телеграфировал 18 июля 1916 г. в 3-й Политический отдел МИД России о том, что для охраны железнодорожной станции «Новая Бухара» в распоряжение Политического агентства в Бухаре отправлена одна рота солдат из Катта-Кургана. Кроме того, туда были направлены 2 офицера и 62 нижних чинов⁵².

В Старой Бухаре полицию возглавлял немец Вельман. В связи с тем, что с началом войны в Туркестанском крае росли антигерманские настроения, он стал объектом интереса региональной «охранки». Осведомитель Туркестанского районного охранного отделения «Шахрисябский» писал 30 октября 1916 г. в Ташкентский розыскной пункт о том, что

Начальник полиции города Старой Бухары Вельман, человек еще молодой и любитель вина и женщин. Весною сего года он действительно устраивал совместно с банковскими заправилами пикники с дамами, кажется, легкого поведения, но сведений о том, чтобы на этих пикниках проносились тосты за здоровье германского императора не поступало. Чины полиции недовольны Вельманом и в конце сентября подавали на него жалобу, но кто именно и по какому случаю — неизвестно⁵³.

Безусловно, большинство простого населения Бухарского эмирата сочувствовали туркестанским повстанцам. Их поддерживали некоторые видные представители бухарской администрации, духовенства и делового мира. Особое по воинской повинности присутствие при Самаркандском уездном правлении докладывало военному губернатору Самаркандской области, генерал-майору Н.С. Лыкошину о том, что предводители восстания в Джизакском уезде поддерживали связи с соседними беками Бухарского ханства и отдельными влиятельными бухарцами⁵⁴. Однако большинство предпринимателей эмирата были связаны с торгово-экономическим миром России и восстание против выгодной им власти в Империи противоречило их интересам. Политическое агентство в Бухаре телеграфировало 22 июля 1916 г. в 3-й Политический отдел МИД России о том, что 20 крупнейших бухарских купцов заявили Агенту о том, что население Бухары негодует по поводу мятежных действий самаркандцев и готовы всемерно поддержать русские власти в Туркестанском крае. Политический агент поблагодарил бухарское купечество⁵⁵. Против восстания в Туркестанском крае

⁴⁹ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи. Бишкек, 2015. Т. 1. С. 95–96.

⁵⁰ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии... С. 167.

⁵¹ Там же. С. 168.

⁵² Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи... С. 99.

⁵³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии... С. 248.

⁵⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 139–140.

⁵⁵ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи... С. 101.

выступала и бухарская интеллигенция, в том числе многие джадиды – сторонники реформ в эмирате и противники ханской власти.

Учитывая, что царская власть понесла серьезные расходы на подавление восстания «туземного» населения Туркестанского края, бухарские власти усилили работу по привлечению средств для их погашения. Политический агент в Бухаре Миллер писал 3 декабря 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину и в 3-й Политический отдел Министерства иностранных дел о том, что сановники эмирата, купцы, интеллигенты и бухарские евреи подписались в 1916 г. на военный заем на сумму в 2.021.800 руб.⁵⁶

Заключение

При рассмотрении событий 1916 г. авторы исходили из того, что Туркестанский край, Бухарский эмират и Хивинское ханство составляли в целом единое пространство Средней Азии, народы которой имели общие исторические судьбы, сложившиеся задолго до появления России в регионе. В период трагических событий 1916 г. они не могли не взаимодействовать между собой в общем процессе исторического развития.

Выявленные факты свидетельствуют о том, что ситуация в среднеазиатских ханствах до и во время восстания коренного населения Туркестанского края во многом имела схожие черты. Во-первых, сказывались последствия процесса модернизации, осложненные тяготами Первой мировой войны; во-вторых, росло недовольство местного населения своими властями; наконец, в-третьих, назревал общий для Средней Азии национальный кризис, сопряженный с нарастанием религиозного фундаментализма и традиционализма, усиленными внешней пропагандой. Само восстание 1916 г. в Туркестане вело к обострению противоречий в среднеазиатских ханствах и в итоге так «наэлектризовало» их население, что оно отвернулось от правящих там режимов, поддержав в будущем действия оппозиционных сил, которые и привели к их падению.

Однако назревающий кризис, несмотря на наличие ряда общих со всем регионом черт, не вылился в массовые волнения. Представляется, что стабилизирующую роль здесь сыграли особенности эмирата. Прежде всего следует учесть специфику его политического положения: автономия эмирата становилась буфером, смягчающим неприязнь к царской администрации, вуалирующим ее промахи и обращающим нарастающее недовольство против местной власти. Свою роль сыграла и позиция бухарской элиты, заинтересованной в сохранении стабильности и укреплении экономических связей с центром. В итоге это лишало потенциальных бунтовщиков руководителей и поджигателей, подобных тем, которые действовали в Семиречье. Кроме того, эмират не знал переселения, и отношение к малочисленному русскому населению здесь было менее враждебным или, скорее, более нейтральным, чем в Русском Туркестане. Превентивные действия русской администрации, усиление полицейского присутствия в определенной мере смягчили воздействие внешней пропаганды, блокировали проявление насильственных форм недовольства.

Поступила в редакцию / Submitted: 9.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.07.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 24.07.2025

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 343 «б». Л. 241.

References

- Abdulaev, K.N. *Ot Sin' tsziana do Khorasana. Istoriia sredneaziatskoi migratsii XX v.* [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the twentieth century]. Dushanbe: Ifron Publ., 2009 (in Russian).
- Asfendiarov, S.D. *Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1916 g. v Kazakhstane* [The National Liberation Uprising of 1916 in Kazakhstan]. Alma Ata; Moscow: Kazhastanskoe kraevoe izdatelstvo Publ., 1936 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. *Istoriia kul'turnoi zhizni Turkestana* [The history of the cultural life of Turkestan]. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 1963 (in Russian).
- Brainin S., and Shapiro, Sh. *Vosstanie kazakhov Semirech'ia v 1916 godu* [The uprising of the Kazakhs of Semirechye in 1916]. Alma-Ata; Moscow: Kazhastanskoe kraevoe izdatelstvo Publ., 1936 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. *Istoriografiia prisoedineniia Turkestanskogo kraia k Rossii: Vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.* [Historiography of the annexation of the Turkestan region to Russia: Second half of the 19th – beginning of the 21st century]. PhD thesis, Lomonosov Moscow State University, 2005 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. *Sovremennaia istoriografiia russko-aziatskikh otnoshenii v period prisoedineniia Turkestana k Rossii* [Modern historiography of Russian-Asian relations during the period of Turkestan's accession to Russia]. Tolyatti: TGUS Publ., 2007 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. "Narody Turkestana v sostave Rossiyskoi imperii [The peoples of Turkestan as part of the Russian Empire]." *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee* 4, no. 1 (2017): 1–24 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. "Visits of the Rulers of the Central Asian Protectorates of Russia to St. Petersburg at the turn of the 19th – 20th Centuries: Communicative Practice." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (2021): 411–425 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>
- Chirkin, S.V. *Dvadsat' let sluzhby na Vostoke: zapiski tsarskogo diplomata* [Twenty years of service in the East: notes of a tsarist diplomat]. Moscow: Russkii put' Publ., 2006 (in Russian).
- Galuzo, P. "Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Srednei Azii v epokhu zavoevaniia russkimi [The national liberation movement in Central Asia in the era of the Russian conquest]." In *Revolutsiia v Srednei Azii*, 82–117. Tashkent: XV let Kirgizskoi SSR Publ., 1929 (in Russian).
- Kastel'skaia, Z.D. *Osnovnye predposylki vosstaniia 1916 g. v Uzbekistane* [The main prerequisites of the 1916 uprising in Uzbekistan]. Moscow: Nauka Publ., 1972 (in Russian).
- Khamraev, A.Kh. "K voprosu o ianvarskikh sobytiakh v 1910 g. v Bukhare [On the issue of the January events in 1910 in Bukhara]." *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaia seriia* 57 (1955): 54–89.
- Logofet, D.I. *Strana bespraviia. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoianie* [A country of lawlessness. The Bukhara Khanate and its current state]. St. Petersburg: Berezovskii Publ., 1909 (in Russian).
- Logofet, D.I. *Bukharskoe khanstvo. Pod russkim protektoratom* [The Bukhara Khanate. Under Russian protectorate]. St. Petersburg: Berezovskii Publ., 1911 (in Russian).
- Litvinov, P.P. *1916 god: istoricheskii optimist tragedii* [1916: The historical optimism of tragedy]. Bishkek: Kyrgyzsko-Rossiiskii Slavyanskii universitet imeni B.N. El'tsina Publ., 2022 (in Russian).
- Mandzhara, D.I. *Revolutsionnoe dvizhenie v Srednei Azii v 1905–1920 gg.* [Revolutionary movement in Central Asia in 1905–1920]. Tashkent: Sredazpartizdat Publ., 1934 (in Russian).
- Nalivkin, V.P. *Tuzemtsy ran'she i teper'* [Natives before and now]. Tashkent: Turkestanskii tovarishchestva Pechatnogo Dela Publ., 1913 (in Russian).
- Tukhtametov, T.G. *Rossii i Bukharskii emirat v nachale XX veka* [Russia and the Emirate of Bukhara in the early twentieth century]. Dushanbe: Irfon Publ., 1977 (in Russian).
- Usmonov, N.N. "Events of 1916: this is not a growing revolution or national-liberatory fight." *Herald of the Pedagogical University*, no. 4 (2018): 242–249 (in Russian).
- Zhukovskii, S.V. *Snosheniia Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie* [Russia's relations with Bukhara and Khiva over the last three hundred years]. Petrograd: tipo-litografiia N.I. Evstifeeva Publ., 1915 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Литвинов, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина; Россия, 399770, Елец, ул. Коммунаров, 28; старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза, Кыргызско-российский славянский университет имени Б.Н. Ельцина; Кыргызская Республика, 724330, Бишкек, проспект Чуй, 42; vladlenli@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7082-9805>; SPIN-код: 3537-7503.

Рафаэль Амирович Арсланов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; arslanov-ra@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3488-7917>; SPIN-код: 1337-2481.

Vladimir Petrovich Litvinov, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Associate Professor of the Chair of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University; 28 Kommunarov Str., Yelets, 399770, Russia; Senior Researcher at the Institute of Strategic Analysis and Forecasting, Kyrgyz-Russian Slavic University; 42 Chui Av., Bishkek, 724330, Republic of Kyrgyzstan; vladlenli@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7082-9805>; SPIN-code: 3537-7503.

Rafael Amirovich Arslanov, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; arslanov-ra@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3488-7917>; SPIN-code: 1337-2481.